

Eve Aurton

ТЕРЯЯ СЕБЯ

Annotation

Только лишившись свободы, осознаешь насколько глупо раскидываться ею. Не отдавайте ее. Никому...

Преимущество снов в том, что они лишают нас реальности, спасая от нее и пряча в других измерениях, позволяя нам прожить иную жизнь, которую мы никогда не увидим, никогда не почувствуем, никогда не коснемся. Наверное, именно этот факт заставляет меня все чаще и чаще смотреть на часы, висящие на противоположной стене, и отсчитывать минуты до конца смены, после которой меня ждет дорога домой, обычно пролегающая по спящим в такое время кварталам, тихим и относительно безопасным. Но иногда, когда мне становится особенно тоскливо, я выбираю иной путь и иду вдоль искусственного пруда, образовавшегося на месте огромной воронки, когда-то являвшейся песчаным карьером. Кажется, это было еще до строительства стены, задолго до моего рождения, когда все миры были равны, когда люди не подразделялись на жесткие касты и когда у нас был выбор и шанс выползти из нищеты.

Теперь же строгое разделение между "сбродом" и "избранными", охраняемое законом и правительством, дарит нам тяжелую, на грани банального выживания жизнь, настолько серую и убогую, что встретить на улице улыбающегося человека сродни настоящему чуду. Так что сны — это действительно выход для меня, впрочем, как и для всех остальных, живущих здесь, за бетонной стеной, которая ограждает нас от другого мира — чужого и пугающего, где живут "иные".

О них ходят устрашающие легенды, о них шепчутся за закрытыми дверями, но никто не знает точно, кто они, и почему выбравшиеся из этого болота и ушедшие, добровольно или принудительно, за территорию Изоляции люди, уже никогда не возвращаются, оставляя после себя брошенные семьи, которых ожидает та же участь, что и всех остальных, — нужда и безнадежность.

Я же предпочитаю думать, что эти счастливики нашли свое место в чужом мире и теперь живут куда более благополучно, даже если для этого им приходится работать на "избранных". И если честно, мысль о том, чтобы свалить отсюда, все сильнее обосновывается в моих мечтах, еще не потухших, еще светлых, еще живых.

Пока живых, ведь пара-тройка лет тяжелой работы убьют во мне последнюю надежду на перемены, и я превращусь в одного из сотен тысяч безликих призраков, заселяющих этот город.

Хриплый и прокуренный кашель хозяина прерывает мои раздумья, и я вытираю мыльные руки о висящее за поясом полотенце, чтобы в следующую секунду с вымученной улыбкой сжать в кулаке горячие от его ладони монеты — плата за смену. Немного, но это лучше, чем ничего, да и с работой мне все же повезло, если не считать плотоядного взгляда босса, все чаще зависающего на моей груди. Толстое и отвратительное животное. Вечно одетый в засаленную рубашку с расстегивающимися на животе пуговицами, почти всегда подвыпивший и наглый, он ощупывает работниц не только взглядом, но и при возможности потными и липкими руками.

Сегодня он особенно пьян, и я как можно быстрее покидаю кухню, избавляясь от его общества и надеясь поскорее добраться до дома. Его шаркающие шаги слышны за спиной, и я учащенно дышу, стараясь справиться с нахлынувшей паникой и уже наверняка зная, что он от меня хочет.

— Знаешь, Джил, ты работаешь у меня уже третий месяц, но мы так и не познакомились

поближе, — он закрывает за собой дверь и совершенно бесстыдно остается со мной в раздевалке, приближаясь вплотную и вставая за моей спиной. Я чувствую едкий запах его тела и едва сдерживаю рвотные позывы, когда он склоняется над моим ухом и шепчет: — Ты же знаешь правила... — на этих словах он ненавязчиво подталкивает меня вперед, заставляя впечататься грудью в прохладную дверцу шкафчика и прижаться к нему горячей от стыда щекой. А в это время его горячие руки задирают узкую юбку и сминают бедра, отчего я беспомощно прикусываю губу и молю бога, чтобы сюда кто-нибудь зашел.

— Я не могу, мистер Брейтон.

— Почему же? Тебе не нравится здесь работать?

— Нет-нет, что вы, — я лишь крепче сжимаю зубы, когда он, наплевав на мою зажатость, утыкается носом в собранные на макушке волосы и шумно вдыхает. Под давлением его колена мне приходится расставить ноги и чуть прогнуться в пояснице, чтобы ему было удобнее пробраться в трусики. Меня почти тошнит от его близости, и я стараюсь дышать реже, судорожно придумывая какой-нибудь отмаз. — Просто сегодня я очень устала.

— Тебе ничего не придется делать. Просто расслабься.

Слетевший с онемевших губ всхлип оседает в воздухе горькой безнадежностью, и я крепко-крепко зажмуриваю глаза, слыша звук расстегиваемой ширинки. Мелкая дрожь пробегает вдоль по позвоночнику, и ощущение подступающей тошноты, поднимающейся к горлу и вызывающей неприятные спазмы, не дает мне здраво мыслить.

— Мне плохо, мистер Брейтон, — на этих словах дверь с шумом распахивается, и в комнате разносится звонкий голосок Элисон, при виде такого зрелища сразу прикусившей язык. Я даже представляю, как губы подруги принимает форму буквы "О", а после, зеленые, как у ведьмы, глаза, подозрительно прищуриваются.

— Черт, кажется, я вам помешала. Простите, босс.

Его только зародившаяся эрекция падает — я ощущаю это своими ягодицами, и Брейтон разочарованно выдыхает, наверняка мысленно обещая себе содрать с не вовремя появившейся Элисон штраф. Ну или использовать ее внезапное появление себе в угоду. Слишком бесчеловечен наш хозяин, чтобы так просто оставить это.

— Не помешала. Джил уже уходит, а ты остаешься.

Повернув голову, я замечаю, как она недовольно закатывает глаза и, перегоня жвачку на другую сторону зубов, смело проходит внутрь. Одним разом меньше, одним больше, ей уже все равно. Элисон опирается о стол локтями и, игриво подмигивая мне, сама задирает юбку. А я, неловко схватив свою толстовку дрожащими от волнения руками, выхожу из раздевалки и только после этого облегченно выдыхаю, торопясь выйти на улицу, через служебный выход, используемый персоналом и vip-клиентами, желающими остаться инкогнито.

Устало прислоняюсь к стене и задираю голову кверху, прикрывая глаза и наконец справляясь со своим страхом. Вокруг слышен шум вечернего города, неясные крики, гудки машин и вой сирен; чувствуется тяжелый отвратный запах мусорных контейнеров, заполненных под завязку; ощущается осенняя прохлада и маленький морозящий дождь, хоть как-то остужающий раскрасневшиеся щеки.

Мне до ужаса хочется спать, спрятаться в одном из ярких снов, где нет ни мистера Брейтона, ни удушливого запаха помоек, ни режущих по ушам сигналов полицейских машин, до комендантского часа патрулирующих улицы города.

— Твою мать, этот козел сегодня долго, — Элисон почти вываливается из двери и на

ходу закуривает сигарету, наверняка стянутую у одного из клиентов бара. — Ты как?

— Прости меня, — я виновато опускаю голову, рассматривая свои заношенные до дыр кеды, и неопределенно пожимаю плечами, совершенно не зная, что ответить. Наверное, больше бы подошло выражение "никак", совсем "никак".

— Да ладно, мне, в отличие от тебя, терять уже нечего. Ты домой? — Элисон дожидается утвердительного кивка и берет меня под руку, мечтая поскорее отмыться от грязных прикосновений хозяина, бессовестно пользующегося своим положением. — Чертов ублюдок когда-нибудь до тебя доберется, я не могу прикрывать тебя вечно. Так что советую подарить свою чистоту кому-нибудь более достойному. По крайней мере, будет не так обидно.

— Ты права.

Звук наших шагов теряются в полумраке неуютных улиц, и мрачные дома с желтыми окнами дополняют и без того удручающую картину угрюмого и неприветливого города, запертого в бетонную коробку. Коробку, которую мы ненавидим всем сердцем, но которую, к сожалению, не можем разломать, просто потому, что у нас не хватает смелости.

— Послушай, Элисон, ты никогда не думала выбраться отсюда?

— Что ты имеешь в виду? — Элисон чуть сбавляет шаг и с зарождающимся опасением заглядывает в мои блестящие от энтузиазма глаза. — Джил, почему ты об этом спрашиваешь?

— Я знаю, что многие уезжают из города и находят работу за стеной.

— Да ладно. И тебя не пугает тот факт, что оттуда не возвращаются?

— Может потому, что не хотят возвращаться?

— Нет, не потому...

— Да откуда ты знаешь? — я хватаю ее за локоть и вынуждаю остановиться, только сейчас замечая идущих по противоположной стороне дороги прохожих, которые заставляют меня снизить голос до шепота, дабы никто не услышал наш разговор.

— Потому что мой отец не бросил бы нас.

— Прости, но ведь с ним могло случиться что угодно. Я хочу попытаться, Элисон. Что ждет меня здесь? Работа по двенадцать часов и потные руки хозяина под юбкой? Разве это можно назвать жизнью?

— По крайней мере, здесь ты свободна, Джил. Так что выбрось из головы эти идиотские мысли, — Элисон раздраженно избавляется от хватки моих холодных пальцев и быстрым шагом идет вперед, больше не желая продолжать разговор, кажущийся ей совершенно бессмысленным. Усиливающийся ветер взъерошивает ее короткие светлые волосы, и первые по-настоящему крупные капли дождя оседают на острых скулах, скатываясь вниз по бледной коже и оставляя после себя мокрые дорожки.

— Моя сестра больна, а у нас нет денег на лечение.

— Твою ж мать... Почему ты не сказала раньше? — Элисон резко замирает, как-то сокрушенно опуская плечи и наконец понимая, что это действительно тупик. У моей младшей сестры не будет шанса, ни единого, если я не достану денег. Вряд ли те крохи, что я зарабатываю в баре, смогут потянуть пребывание в больнице. — Моя милая малышка, ты хотя бы понимаешь, на что ты идешь? — она прижимается холодным лбом к моему лбу и улыбается настолько грустно, что я уже не могу сдержать слез, тут же смешивающихся с осенним дождем.

— Понимаю. Я не знаю, что ждет меня там, но зато точно знаю, что если я не

попытаюсь спасти сестру, то никогда не смогу простить себя за это. Я должна попытаться.

— Я хочу, чтобы ты хорошо подумала, прежде чем сделаешь это. И если ты все же созреешь, я знаю, кто сможет тебе помочь, — Элисон берет себя в руки и прячет грусть, мелькнувшую в любящем взгляде, за подбадривающей улыбкой. Она заботливо нежно проводит кончиками пальцев по моему виску, убирая выбившуюся из прически прядь волос, уже совершенно намокших, и, сбрасывая с себя тихое отчаяние от предстоящей, она это точно знает, как и я впрочем, разлуки, возвращает себе былой нахально равнодушный вид. — Чтобы ты не решила, это твой выбор, и я его уважаю. В этом и есть смысл свободы, Джиллиан. Запомни это.

— Я запомню, обязательно запомню...

Глава 1

Сейчас события последних суток я воспринимаю как некую ирреальность, несуществующую историю, удушающий кошмар, который не дает мне покоя, вновь и вновь возвращая на двадцать четыре часа назад, когда я сидела на нашей маленькой кухне и пила отвратительный заменитель кофе, который на самом деле пить невозможно. Уставшая, вымученная улыбка мамы и яркие сапфировые глаза сестры, смотрящие мне вслед с самой искренней детской любовью. Сейчас я понимаю, что это было наше последнее совместное утро, а тогда я представляла себе, как через месяц или два вернусь к ним, живым и здоровым, чтобы вновь выпить чашечку кофе и рассказать о том, как хорошо я устроилась за стеной.

Если бы я знала, что это не так, я бы обязательно попрощалась, нет, для начала я бы обязательно прислушалась к словам Элисон и с радостью принялась бы за привычную работу. Я даже стерпела бы приставания хозяина и его потные руки на моих бедрах, чем сейчас задыхалась от отчаяния и страха, сидя в холодной, темной комнате и прислушиваясь к звукам извне, потому что только они помогают мне понять, что я до сих пор жива.

Иногда, когда мне становится особенно тяжело, я позволяю себе закрыть глаза и на несколько секунд окунуться в тревожный сон, который заканчивается в тот момент, когда я начинаю соскальзывать со стула и, испуганно вздрогнув, возвращаюсь на место. Ничего не меняется, я остаюсь все в том же одиночестве, все в той же тишине, все в том же неведении, пока за дверью не раздастся шорох и она не открывается, пропуская внутрь широкую фигуру мужчины, судя по всему отлично ориентирующегося в темноте.

Не успеваю рассмотреть его, как он закрывает дверь и уверенно проходит вперед, что-то несвязно бормочет и, наконец, включает лампу, направляя ее в мою сторону и ослепляя меня ярким светом. Становится еще холодней, и я откровенно дрожу, пытаюсь привыкнуть к свету и осмотреть помещение, в котором нахожусь. Все, что я вижу, так это большую, богато обставленную комнату, с массивной мебелью и множеством высоких, от потолка до пола, шкафов, где ровными рядами мелькают переплеты книг.

— Прошу прощения за ожидание, — он говорит это низким грудным голосом, а я безрезультатно пытаюсь сдержать слезы, которые предательски скапливаются в уголках глаз. Только после нескольких глубоких вдохов мне удается взять себя в руки и я, чуть приподняв подбородок, наигранно смело встречаюсь с равнодушным блеклым взглядом незнакомца. Пожилой и грузный, он хрипло дышит, чуть ослабляя узелок галстука и перебирая толстыми короткими пальцами лежащие перед ним бумаги. — Джиллиан Холл, если я не ошибаюсь?

— Да, это я, — мой голос на фоне его выглядит затравленным шепотом, но все же я не опускаю взгляда, продолжая изучать сидящего передо мной мужчину, который удовлетворенно кивает и вновь переводит внимание на бумаги. В это время дверь за моей спиной открывается, и мимо меня проходит высокий мужчина, так, что я успеваю увидеть лишь его спину, широкие плечи, облаченные в отлично сидящий на нем серый костюм, чувствую его горький парфюм, запах которого окутывает меня с ног до головы и, кажется, заменяет собой весь воздух.

Также стремительно он пересекает комнату и, достигая самого дальнего угла, скрывается в тени. Я вижу только его силуэт, вижу, как он устраивается в глубоком кресле и,

не произнося ни слова, ни звука, вынуждает меня еще больше сжаться от страха.

— Мисс Холл, меня зовут Аруш Болман, и, перед тем, как вы обретете хозяина, нам необходимо закончить некоторые формальности.

Я истерично всхлипываю, непонимающе уставившись на его блестящие мясистые губы, с такой легкостью произнесшие эту фразу, и мотаю головой, отказываясь верить в действительность. Ведь сейчас, в эту самую секунду, я должна проснуться в своей кровати, в своем доме, затем спуститься вниз, подставить лоб для маминого поцелуя и пожелать ей доброго утра, обнять свою сестренку и сказать ей на ушко, что у нас все будет хорошо. А потом меня ждет работа и шутки Элисон, два доллара в ладони и дорога домой. В этот раз обязательно через пруд, потому что сегодня мне особенно тоскливо.

— Эти формальности включают в себя подписание контракта. Хотите ознакомиться? — он протягивает мне бумаги, но я не могу даже пошевелиться от нахлынувшего на меня отчаяния, поэтому он пожимает плечами и, перебирая листы, задает вопрос: — Как вы хотите, чтобы ваши близкие получали деньги? Мы можем выслать фиксированную ставку, взятую от средней продолжительности жизни человека в этих условиях, либо же они могут получать выплаты раз в месяц. В таком случае вы, прожив меньше средней продолжительности, можете потерять значительную сумму. И наоборот, если вы переживете рубеж, то ваша семья получит куда больше, чем установленная ставка.

— Я... я не понимаю, — этого ведь не может быть, не может, не может, не может.

— Есть еще один нюанс, мисс Холл, поставив подпись под этими условиями, вы юридически освобождаете себя от ответственности за вашу жизнь, поэтому вся ответственность переходит к человеку, который станет вашим хозяином. В вашем случае, к мистеру Рэми, и только лишь когда контракт будет расторгнут, вы вернете себе права на жизнь.

Смысл его слов с трудом доходит до моего измученного усталостью сознания, и я неверяще рассматриваю красную метку на своей ладони, которую мне поставили в проходном пункте, после которого меня, как и многих других, желающих покинуть изоляцию, загнали в вагоны и привезли сюда, в этот богатый лощеный город, оказавшийся обычной площадкой работоторговли. Мне кажется, я до сих пор чувствую на себе жадные взгляды тех, кто стоял за зеркальным стеклом и выбирал нас, построившихся в шеренгу и пронумерованных как какой-то скот.

— То есть, я в любой момент могу расторгнуть договор?

— Нет, не вы, ведь вы лишаетесь всяких прав. Контракт может быть расторгнут лишь с одной стороны — со стороны вашего хозяина.

— Значит, у меня все-таки есть шанс? — я издаю горький смешок и представляю улыбающееся лицо нашей Айрин, у которой тоже появится шанс, стоит мне только поставить подпись. На самом деле это несложно, всего четыре буквы фамилии и завершающая их буква "D", но когда я пододвигаюсь ближе к столу и беру дрожащими пальцами ручку, то зависаю над бумагой, вновь взвешивая все "за" и "против". Кажется, лишь недавно Элисон говорила мне о смысле свободы, и я обещала запомнить ее слова, но сейчас, когда мой разум перегружен полученной информацией, я не могу воссоздать их в памяти, напрасно мучая уставшее сознание.

Хочется спать, так сильно, что я против воли закрываю глаза и вновь резко дергаюсь, теряя равновесие.

— Мисс Холл, у меня еще много дел. И раз вы не можете определиться с оплатой, то,

если вы не против, мы вышлатим всю сумму сразу.

Я прикусываю губу, до боли, и, кивнув, все же ставлю короткий росчерк, оставляя на бумаге не только свою подпись, но и свободу, всю прелесть которой я осознаю только сейчас, под бездушным взглядом Аруша, вытирающего свое вспотевшее лицо белоснежным платком, выуженным из нагрудного кармана пиджака. Его миссия закончена, и только сейчас я вспоминаю еще об одном человеке, который присутствует в этой комнате. Все это время он сидел в углу, не вмешиваясь, не двигаясь, наверняка изучая меня и чувствуя свою власть надо мной. Ведь именно он и есть мой хозяин, не так ли?

— Вот и хорошо, рад был с вами познакомиться, — Болман с удовлетворением смотрит на контракт, в последний раз пробегаясь по нему взглядом, и один из экземпляров кладет в свой кейс. Его тяжелые, частые шаги исчезают за дверью, а я до сих пор не могу прийти в себя, с опаской всматриваясь в темноту, туда, где до сих пор сидит этот мужчина, будто специально нагнетающий обстановку. Если бы я могла повернуть назад, то не задумываясь бы убежала отсюда, но перед глазами стоит посеревшее от переживаний лицо матери, которое может осветиться надеждой.

В конце концов, холод становится почти нетерпимым, и я обнимаю себя за плечи, испуганным взглядом наблюдая за тем, как высокая фигура медленно поднимается с кресла и также тягуче медленно приближается ко мне. Его движения ленивые и грациозные, его руки с длинными аристократическими пальцами расслаблены, в то время как я напротив, сжимаю кулаки так, что чувствую боль от впившихся в ладони ногтей. Я до сих пор боюсь поднять глаза, упрямо смотря куда-то в район его колен, и, только лишь когда он пересекает границу света, осмеливаюсь взглянуть выше, на его запертую в дорогой пиджак грудь, затем на гладко выбритый подбородок, бледно-малиновые губы, правильный нос с небольшой горбинкой, острые скулы, и, наконец, глаза, в падающем на него освещении почти черные, пугающие своей пронизательностью. Темные волосы, до плеч, уложенные досконально аккуратно и завершающие весь его идеально изысканный образ.

Он привлекателен, настолько, что мне становится не по себе. Может потому, что он скрывает в себе нечто темное, демоническое, вызывающее инстинктивный страх, особенно когда подходит совершенно бесшумно, все еще сохраняя молчание и не спуская с меня пристально гипнотизирующего взгляда, от которого я не могу пошевелиться. Даже когда он прикасается к моему подбородку холодным пальцем, вынуждая приподнять голову и заглянуть ему в лицо. И пока я изучаю его, он рассматривает меня не менее цепко, впиваясь ледяным взглядом в детали и наверняка замечая каждый изъян: маленькую родинку на скуле, пару веснушек на носу и небольшой шрам над верхней губой, едва заметный, но при таком близком расстоянии вполне различимый. Наверное, единственное, что может зацепить в моей внешности — это глаза — яркие, сапфировые, как и у Айрин, доставшиеся нам от отца, погибшего под завалами шахты года три назад.

— У тебя красивые волосы, Джиллиан, распусти их, — он шепчет это совсем тихо, при этом поглаживая мою нижнюю губу подушечкой большого пальца, и я послушно поднимаю руки, небрежно дергая за резинку и позволяя своим волосам рассыпаться по плечам. В этот момент он делает глубокий вдох — я даже вижу как трепещут его ноздри — и прикрывает глаза, скрывая мелькнувший в них блеск за длинными ресницами. — Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Ложь, — он обрывает меня резко, жестко, одним лишь словом заставляя замолчать. — У современных девушек в девятнадцать нет такого чистого и открытого

взгляда. Они прячут в себе хитрость и фальшь, либо ты — исключение, очень редкое исключение, даже не представляешь, насколько редкое... — он отпускает меня так неожиданно, что я чуть склоняюсь вперед, лишаясь опоры в виде его ласки. Нижнюю губу еще покалывает, и я задыхаюсь от волнения, смешанного со страхом, когда он заходит за мою спину и медленно пропускает распущенные волосы сквозь пальцы. — Как теплый мед. Твое сердце... ты так напугана. Ты не должна меня бояться, Джиллиан, я не сделаю тебе ничего плохого, при условии, что ты будешь выполнять несколько несложных правил.

Все также неторопливо он обходит стол и садится на место Аруша, пока я, не зная, как справиться с произвольной дрожью, прячу ее за судорожными попытками стереть метку на ладони.

— Я хочу, чтобы ты поняла всю серьезность подписанного тобою контракта. Это не шутка, и теперь ты действительно не принадлежишь себе. В это сложно поверить, но ты привыкнешь.

— Для чего все это? Контракт? Подпись? Разве одних денег не достаточно, чтобы купить человека?

— Фактически ты права, но лишь добровольное согласие дает мне абсолютную власть над ним, — его голос совершенно ровный, спокойный, как и весь его вид, начиная от изящных длинных пальцев и заканчивая расслабленной позой, говорящей о полном контроле над ситуацией. Я до сих пор не знаю, для чего я тут, и отчаянно отмахиваюсь от смутных догадок, которых так боюсь озвучить, задав ему всего лишь один вопрос: кем я стану для него? Любовницей? Игрушкой? Развлечением для его гостей? Видимо, он читает это по моему лицу, потому что, провернув изысканный, сверкнувший черным блеском перстень на безымянном пальце, лениво произносит: — Знаешь, в чем состоит вся прелесть такой власти? — он вопросительно изгибает брови, но не дает мне времени подумать, сразу продолжая: — Такая власть не порождает раскаяния, потому что человек отдал свою свободу не под страхом смерти, не под жестокими муками, а по собственной воле, таким образом взвалив на себя все последствия. Так что, все что с тобой произошло или же произойдет — ты на все это согласилась. Сама. Я хочу, чтобы ты всегда помнила об этом, Джиллиан, прежде чем считать меня чудовищем.

— Я... я так не считаю, — я неловко пожимаю плечами, чувствуя себя сбитой с толку, и опускаю голову, низко, так, чтобы он не смог увидеть моей потерянности.

— Хорошо. Ты вправе называть меня Господином, но ни в коем случае не по имени. Ты не должна проявлять неуважения и упрямства, показывать свой характер и пытаться увидеть то, что тебе не дано увидеть. Проще говоря, оставайся в моей тени, и тогда ты избежишь неприятностей. Я лояльно отношусь к проявлению любознательности, но терпеть не могу любопытства и пустой болтовни. Все остальное ты узнаешь позже.

Он выдерживает паузу, наверняка прожигая меня колючим взглядом, а я все же нахожу в себе смелость задать свой главный вопрос:

— Для чего я здесь?

— Посмотрим, — он дает скользкий ответ, совершенно ничего не разъясняя и порождая во мне еще больше вопросов. — И не думай, что имея привлекательную внешность, тебе уготована одна участь. Твое тело уже принадлежит мне, а в этом мире есть куда более ценные вещи. Например то, что скрыто за этим взглядом, — он многозначительно смотрит мне в глаза, застыв и словно что-то обдумывая, а потом скидывает с себя оцепенение и встает, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Лишь после того, как за ним закрывается дверь, я позволяю себе расслабиться и, прикрыв лицо ладонями, расплакаться. Мне просто нужно немного времени, немного тишины, немного одиночества, чтобы до конца осмыслить свое положение. Мне просто нужно открыть глаза и проснуться, избавиться от этого кошмара и не опоздать на работу, к Элисон, которая уважала мой выбор.

Проснись.

Проснись.

Проснись, Джил...

Глава 2

Мне снится сон — беспокойный, тревожный, пугающий, где я вновь и вновь натываюсь на стены в поисках выхода из лабиринта, в который попала надеясь спастись от кого-то. Этот кто-то дышит мне в спину, прикасается к волосам, ласкает ветром, но, когда я оборачиваюсь, скрывается в темноте и, наслаждаясь моим страхом, прожигает меня хищным взглядом. Я даже различаю его силуэт, скрытый за туманной завесой, разделяющей нас. Все это так реально, что, кажется, я ощущаю запах его одеколona; чувствую его легкие прикосновения, когда он, играя со мной, дотрагивается до моих скул, губ, подбородка, а потом вновь ускользает, оставляя после себя лишь горький аромат и приятное покалывание. Мне страшно, настолько, что я срываюсь на крик и падаю в темноту, которая заставляет меня проснуться.

Я открываю глаза — резко, до сих пор тяжело дыша и ощущая, как в груди гулко бухает сердце. Под пальцами холод гладкого шелка, и одеяло, которое я наспех накинула на себя, когда меня привели в мою комнату и позволили, наконец, отдохнуть, сваялось в ногах, совершенно не грея. Мне настолько неуютно и тревожно, что я с трудом возвращаюсь в действительность — уж слишком красочен и осязаем был сон. Я даже прикасаюсь к своей щеке, словно пытаюсь уловить, поймать, прочувствовать ощущения, оставшиеся после пробуждения. Я даже начинаю верить, что здесь кто-то был, есть, но, оглядевшись вокруг, лишь грустно улыбаюсь — моя паранойя переходит все границы, и с тех пор, как один из слуг проводил меня до спальни, здесь совершенно ничего не изменилось. Разве только за окном, которое я попросила не зашторивать, разлились агатово-черные сумерки, означающие то, что я проспала весь день.

Наверное, сейчас моя мама места себе не находит от переживаний, наверное, она злится и ругается, но вместе с тем чувствуя и некое облегчение, потому что наша маленькая Айрин получила шанс выкарабкаться. Наверное, я больше никогда ее не увижу, судя по тому, что Аруш говорил о средней продолжительности жизни.

При мысли об этом горло скручивает спазмом, и, чтобы хоть как-то отвлечься, я начинаю рассматривать совершенно чужую и незнакомую комнату, которая заменит мне старую, по сравнению с этой маленькую и блеклую, но зато уютную и теплую. Да, в ней не было дорогой отделки, продуманного дизайна и новой мебели, но, по крайней мере, в ней я не чувствовала себя настолько маленькой и жалкой. Здесь же, среди сдержанной роскоши, высоких окон, красивых предметов интерьера я словно теряюсь, вмерзая в утонченное шелковое белье и не зная, что делать дальше.

Хочется горячего кофе, бутерброда и определенности, потому что я до сих пор не знаю, что такого нашел во мне мистер Рэми. И, если честно, больше всего боюсь узнать правду, ведь было бы намного проще, если бы он заинтересовался моим телом — так делали многие мужчины до него: хозяин кафе, посетители, щупавшие меня жадными взглядами, даже Элон, живший в соседней квартире и как-то раз предлагавший переспать. В глазах же Хозяина я увидела несколько другой интерес, который настораживает и вызывает множество вопросов.

Урчание в животе напоминает о чувстве голода, и я решаю спуститься вниз, чтобы поживиться чем-нибудь съестным. Судя по густоте сумерек за окном, сейчас около двух ночи — наверняка все спят, и я смогу найти кухню, никому не помешав.

Как можно более осторожно подхожу к двери и, прежде чем открыть ее, внимательно

прислушиваюсь к звукам в коридоре.

Абсолютная тишина, и вот уже мягкая ковровая дорожка под ногами проглатывает каждый шорох. Коридор, как и моя комната, освещен приглушенным светом расположенных через одинаковое расстояние ночников. Картины на стенах и стоящие на высоких круглых стульях вазы с цветами; преобладание красного и золотого оттенков; роскошь, куда более тяжелая, чем в моей спальне: кричащая, почти помпезная, оставшаяся далеко в прошлом — уж слишком она дорога для нашей изоляции и практически нереальна на фотографиях журналов, изредка оставляемых платежеспособными клиентами в кафе.

Наверное, я без труда бы добралась до лестницы, спустилась вниз и наконец выпила горячего кофе, если бы не странные приглушенные звуки, доносящиеся в одной из комнат. И я должна была пройти дальше, просто встать на носочки и бесшумно прокрасться мимо, через приоткрытую дверь, которая манила меня своей тайной, но вместо этого, не прислушавшись к голосу разума, я останавливаюсь и, задерживая дыхание, заглядываю в образовавшуюся щель. Проем всего лишь на ширину ладони, но и этого хватает, чтобы смогла разглядеть то, что происходит внутри — это даже не секс — что-то большее, в корне отличающееся оттого, что я случайно видела на работе, когда некстати натыкалась на хозяина, имеющего очередную жертву.

Это совсем не имеет грязи, не замазано похотью, это нечто другое, содержащее красоту и заставляющее меня стоять на месте, вглядываясь в каждое движение и не дыша. В свете свечей, мерцающих в комнате, я прекрасно вижу Господина, склоненного над стонущей от наслаждения женщиной. Ее длинные ноги обхватили его бедра, ее тонкие руки оплели его плечи, ее белоснежное нагое тело так выгодно смотрится на ярко-алых простынях, что напоминают мне кляксу крови, брошенную на кровать.

Я знаю, что мне нужно уйти, но не могу оторваться от столь чарующего зрелища, чувствуя, как внутри меня разливается предательское тепло, как оно постепенно перерастает в тупую пульсацию внизу живота, как скапливается влагой между ног, выдавая меня с головой — я не просто очарована красотой их соития — я возбуждена. Я слышу стук собственного сердца, отдающего в ушах, и делаю неровный вздох, пытаюсь совладать с эмоциями, что готовы поглотить меня с головой.

А в это время Хозяин ускоряет темп, и могу поклясться, я различаю, как напрягаются мышцы его спины, плеч; как сжимается его широкая ладонь, сминая под собой нежную грудь женщины; как эта самая женщина на секунду застывает, а потом, на громком выдохе, стонет, и тут же расслабляется, откидываясь на подушки и блаженно улыбаясь.

И только когда Рэми содрогается от полученного удовольствия, я словно отмираю и, боясь быть застуканной, делаю шаг назад, настолько осторожный, что, кажется, будто я участвую в замедленной съемке. А внутри меня до сих пор пульсирует, я ощущаю это даже вернувшись назад, даже спрятавшись под одеяло, даже сжавшись в калачик и ругая себя за излишнее любопытство. И мне уже не хочется горячего кофе и бутерброда — только вытравить из памяти увиденную сцену, просто забыть эротичные образы, которые, к собственному стыду, не вызвали во мне отвращение, нет, скорее наоборот — привлекли. Мне нужно забыть их.

Моя кожа еще влажная от принятия душа, а волосы неприятно липнут к шее и вискам, совершенно не успев высохнуть, потому что Господин пожелал видеть меня за завтраком немедленно, и, едва я только вышла из ванной, как приказал спуститься вниз, в столовую,

которая выгодно отличается от комнат, что я видела. Просторная и светлая, без кричащей роскоши, с белыми стенами и кремовым орнаментом, нанесенным на них; с высоким потолком, еще более расширяющим пространство; с множеством окон, спрятанных за тонкой воздушной вуалью; пол из мрамора и мебель, подобранная под фактуру стен. Приятные глазу мелочи, расположенные на белоснежных полках — все это выглядит так гармонично, что я не могу не восхититься столь удачно подобранным интерьером. И именно здесь я замечаю любопытную закономерность — каждая комната, что я видела, выполнена в своем индивидуальном стиле, не имеющем ничего общего с остальными, словно они и не расположены в одном доме.

Чувствую, как тонкий лаймовый аромат шампуня смешивается с вкусными запахами только что поджаренных тостов и настоящего кофе, о котором я всегда мечтала, и делаю глубокие вдохи, прожигая голодным взглядом предложенное угощение. До ужаса хочется есть, но у меня кусок в горло не лезет под изучающе пристальным взглядом Хозяина, сидящего за другим концом длинного стола.

Сегодня он выглядит куда менее официально — вместо тугого пиджака и жилетки — тонкая темно-синяя рубашка, расстегнутая на три пуговицы и открывающая вид на участок его шеи с впадинкой между ключицами. Он не сказал еще ни слова, с тех пор как я вошла в столовую и, поприветствовав его, заняла свое место. И сейчас я ощущаю себя ужом на сковородке от страха перед неизвестностью, что таится в его ленивой позе, в черных глазах, прожигающих меня, в чуть поджатых бледно-малиновых губах.

— Ты не голодна?

Я даже вздрагиваю от неожиданности, когда в абсолютной тишине раздается его негромкий спокойный голос, и, наконец, позволяю себе посмотреть на него более открыто, а не мимолетно, как делала до этого.

— Эмм, наоборот, я... — слова теряются в смущении, что накатывает внезапно, вынуждая меня опустить голову и дрожащими от волнения руками обхватить маленькую чашку, что еще сохранила тепло напитка. Молю бога, чтобы он отвернулся, занялся чем-нибудь другим, но вместо этого он делает еще хуже, пододвинувшись ближе к столу и оперевшись о него локтями. Его тонкие пальцы сцепляются под подбородком, и все его внимание вновь концентрируется на мне.

— Твоя семья уже получила деньги, если тебе это интересно.

— Спасибо, — все же умудряюсь сделать один маленький глоток, медленно облизнув губы и даже прикрыв глаза от удовольствия, что приносит с собой терпкий вкус великолепного кофе. Отчего-то пальцы, вцепившиеся в кружку, не могут согреться, все больше леденя и вызывая мелкую-мелкую дрожь по всему телу. Здесь всегда так холодно.

— Ты замерзла, я прикажу затопить камин, — он говорит это мне, но за спиной уже открывается дверь, и я удивленно оборачиваюсь, наблюдая за слугой, который торопится исполнить волю Рэми. Всего несколько минут, и в камине начинает полыхать огонь, хоть как-то оживляя атмосферу вокруг нас. — Скажи мне, Джил, что заставило тебя принять такое решение?

— То есть, что подтолкнуло меня на мысль покинуть изоляцию? — Мы остаемся одни, и, слыша веселое потрескивание пламени, я наконец-то справляюсь с оцепенением и страхом, которые сковывали меня до этого.

— Я бы назвал это колонией, но пусть будет изоляцией, если тебе так удобно. Именно так: что подтолкнуло тебя продать свою свободу?

— Я не знала, что я лишусь свободы.

— А если бы знала? — Он вновь перебивает меня, как тогда, при первом знакомстве, но в его глазах нет раздражения, скорее любопытство, смешанное со скукой.

— Наверное, даже тогда я не изменила бы решения, потому что Айрин имеет право на шанс, пусть даже если этот шанс будет оплачен такой ценой.

Я позволяю себе перехватить его проникновенный взгляд и даже несколько секунд выдержать сверкнувшую в нем насмешку, пока эта самая насмешка не переключалась на губы, изогнувшиеся в легкой ухмылке.

— Твой альтруизм граничит с безумием и я нахожу его забавным.

— Что же смешного в моем желании спасти жизнь сестры? — не могу сдержать подкатывающий гнев и ощущаю, как шея, а затем и лицо покрываются алыми пятнами злости, вызванной его откровенной издевкой. Сердце ускоряет ритм, потому что я вдруг понимаю, что зашла намного дальше, чем должна была заходить, позволив себе такой тон в разговоре с ним.

— В том, что любая жизнь теряет смысл, если ради нее пожертвовали другой.

— По крайней мере, она сможет прожить ее иначе, чем я. Быть может, более достойно, — Господи, не знаю, почему он так говорит, ведь я еще жива, дышу, мыслю. Я лишь пожертвовала свободой и до сих пор надеюсь, что вернусь домой невредимой. Только вот от его слов становится совсем тошно, и в груди разливается едкая обреченность, словно у меня уже нет выхода.

— Ты вкладываешь в сестру свои нереализованные амбиции? Расскажи мне, Джил, что для тебя значит "более достойно"?

В то время как он остается все таким же невозмутимым и уверенным, я совершенно теряюсь, глубоко дыша и растерянно рассматривая свои руки: побелевшие от напряжения костяшки пальцев, коротко постриженные ногти с белыми полукружиями у основания, вены, просвечивающие на тыльной стороне ладони. Я бы хотела уйти, убежать, спрятаться от его ядовитых слов, но вместо этого словно прирастаю к стулу и остаюсь перед ним совершенно обнаженной, с вывернутым на изнанку сердцем, с выпотрошенной душой.

— Знаете, Господин, любая жертва имеет смысл, если она позволяет спасти по-настоящему любимого и близкого человека. И дело здесь не в амбициях, а в любви, которая и толкнула меня на этот шаг. Мне жаль, если вы не можете понять этого, — на последней фразе я поднимаю взгляд, ожидая самого худшего: от наказания до смерти, о которой он так тонко намекает, но вместо этого, лишь на секунду, его скулы напрягаются, глаза приобретают опасный блеск, а потом все возвращается на место — его ухмылка, его уверенность, его равнодушие. Он даже улыбается, медленно вставая и приближаясь ко мне.

Тот самый аромат, что снился мне сегодня, вновь окутывает меня в плотный кокон, и я с замирающим сердцем смотрю за его указательным пальцем, скользящим по скатерти по мере движения Хозяина, идущего параллельно столу.

Рэми встает за моей спиной нерушимой глыбой — высокий, неприступный, чужой, и нарочито медленно убирает волосы с моей шеи, перекидывая их на одно плечо. Ощущаю его дыхание на своей коже и наклоняю голову вбок, когда он замирает над моим ухом и, сделав глубокий вдох, шепчет:

— Скажи мне, что ты почувствовала, увидев нас этой ночью? Только не лги мне, Джил, я слышал стук твоего сердца, — он делает частые хлопки в ладони, копируя мой бешеный ритм сердца, а затем обхватывает ладонью мою шею, попутно лаская ее подушечками

пальцев. При упоминании об этой ночи я заливаюсь алой краской стыда, словно вновь ощущая то возбуждение, которое ощутила увидев столь откровенную сцену.

От нежных ласк Господина, смешанных с определенной жесткостью, по спине пробегают мурашки, и я не сразу понимаю, что он усилил захват, намного крепче сдавив мое горло и будто предупреждая, что любая ложь будет наказана.

— Я почувствовала возбуждение...

— Моя самоотверженная девочка, — он проводит кончиком носа по моей пылающей от стыда щеке, а потом прикасается к ней нежным, непорочным поцелуем, и я интуитивно чувствую, как он улыбается, удовлетворившись моим ответом. Не знаю, как долго мы находимся в такой позе, потому что полностью растворяюсь в его прикосновениях и уже не чувствую как моя грудь замирает на выдохе, застрявшем во все еще сдавленном горле. — Будь готова к семи, у нас насыщенный вечер.

Господин исчезает внезапно, так, что когда я нахожу в себе силы обернуться, от него не остается и следа, только уходящая слабая боль в шее и тяжесть внизу живота, вызванная его странными ласками, смешавшими в себе нежность и грубость одновременно. Только его последняя фраза, сказанная таким таинственно томным голосом, до сих пор висит в воздухе, вынуждая меня крепко-крепко зажмуриться и сжать кулаки.

Я не боюсь, не боюсь, не боюсь, мне просто нечего бояться, ведь он не сделал ничего плохого, совсем ничего. Ведь он не причинил мне боли, не подавил своей силой, не поднял голоса, но именно эта его невозмутимая холодность вызывает куда более сильное беспокойство, чем если бы он проявил свои права на меня в агрессивной форме. Почему-то мне кажется, что такие люди намного опасны, они скрывают в себе то, что мы можем ощутить инстинктивно, на подсознательном уровне, имея в арсенале лишь интуитивные ощущения и смутные догадки о их жестокости.

Я просто надеюсь, что ошибаюсь, что все его намеки и сдержанное поведение — это лишь попытка вызвать уважение, это лишь желание подчинить посредством страха.

Я просто надеюсь, что этот вечер не принесет с собой ничего из того, чего я так отчаянно боюсь.

Я просто надеюсь.

Глава 3

Это странно — видеть себя со стороны и не узнавать, с восхищением разглядывая созданный молчаливой служанкой образ. Мадлен помогла мне не только с макияжем, но и с прической, и даже с процессом облачения в вечерний наряд, выбранный самим Хозяином. У Рэми определенно есть вкус, и, если честно, я начинаю сомневаться, что жизнь здесь, пусть и не свободная жизнь, так уж плоха, как я себе навывдумывала. По крайней мере, дома я бы никогда не смогла позволить себе такое платье, боюсь, я бы даже никогда не увидела его в витринах тех магазинов, которые были в нашей изоляции. Так что стоит отметить определенные плюсы моего положения.

Платье-бюстье жемчужно-серого благородного оттенка, великолепно сидящее на моей худощавой фигуре и, я бы сказала, слишком откровенно ее обтянувшее. Струющаяся ткань подола, при каждом моем шаге очерчивающим ноги, жесткий корсет, по линии бюста обшитый серым жемчугом. Ничего лишнего, сдержанная элегантность, аристократическая изысканность. Никаких украшений, минимум косметики, которой я к своему стыду даже не умею пользоваться, если только самыми азами.

Так что Мадлен настоящая волшебница, она смогла легко и просто соорудить мне прическу, закрепив волосы тяжелой заколкой, а также подкорректировать лицо, не делая из него перекрашенную маску. Вот только за все время она ни сказала ни слова, будто боясь послушаться приказа Господина, запретившего ей говорить со мной. И это не добавляет мне уверенности, потому что я ничего, совсем ничего о нем не узнала.

Мне приказано не опаздывать, поэтому я, не мешкая, спускаюсь вниз, чуть морщась от неудобной обуви — я никогда не носила каблуков, но почему-то именно сейчас меньше всего хочется показывать свою убогость перед Господином, которого, впрочем, не оказывается в гостиной. И лишь от идущей за мной Мадлен я узнаю, что он уже ожидает в машине. Значит, она не немая, и у меня будет возможность разговорить ее.

Мне даже никто не помогает спуститься с широкого мраморного крыльца, и я, заметив уже включенный свет фар, тороплюсь занять свое место на заднем сидении роскошного автомобиля. Рэми действительно оказывается в салоне, но не удостаивает меня взглядом, полностью посвятив себя телефону, в неясном свете которого я могу заметить, как на обычно расслабленном лице пролегает хмурая складка.

Он не обращает на меня никакого внимания даже тогда, когда я отодвигаюсь как можно дальше от него и прижимаюсь лбом к стеклу, рассматривая ползущую за окном дорогу, которая постепенно выводит нас с территории дома Хозяина. И только сейчас я в полной мере могу изумиться масштабом особняка, освещенного многочисленной подсветкой и выполненного в классическом стиле. Позволяю себе развернуться всем корпусом в сторону дверцы и проглатывать пробегающие мимо детали: аккуратно подстриженные кустарники, по-осеннему жухлая трава лужайки, желтые листья, укрывшие почву там, где их еще не успели убрать, нависающие над дорогой деревья, которые образуют что-то вроде тоннеля, ведущего нас к большим кованым воротам, по команде шофера медленно открывающим нам свои створки.

Мой рот непроизвольно открывается — я будто вижу это впервые, потому что мой самый первый день, тот самый, когда меня везли сюда, я помню слишком смутно, и не потому что у меня плохая память, а потому что я была слишком уставшей, чтобы обращать

внимание на такие вещи. Сейчас же все новое восхищает меня и вызывает что-то наподобие волнения, ведь я даже предположить не могла, что попаду в такую роскошь.

— Я хочу предупредить тебя, Джил, — его тихий голос вырывает меня из сказки, и я разочарованно морщусь, вспоминая, кто я на самом деле. Его тень — я помню, и наверняка сейчас он напомнит именно об этом. — Это чужой для тебя мир, так что советую спрятать восхищение и пустые иллюзии за скромностью и осторожностью. Не советую тебе заводить с кем-либо разговоры, тем более, с такими, как ты.

— Вы имеете в виду рабами?

— Называй их как хочешь, — он безразлично пожимает плечами, когда я поворачиваюсь к нему и смотрю на него вопросительно, даже несколько нагло, учитывая то, что я вообще здесь никто. Успокаивает одно — он до сих пор не обращает на меня внимания, продолжая копаться в телефоне и действительно относясь ко мне как к пустому месту. Настроение праздника падает, и меня уже не восхищает вид за окном, как и надетое на мне платье, атлас которого так приятен телу. Слишком глупо с моей стороны вообразить себя чем-то большим, чем красивое дополнение к вечернему туалету Господина, но ведь это вполне логично, потому что на этот важный вечер он взял именно меня, а не ту женщину, что была в его постели сегодня ночью. Из чего возникает закономерный вопрос: почему именно меня? Простую наложницу, рабыню, пустое место? Для чего такие, как я, на этом приеме? — Ты все узнаешь, — будто читая мои мысли, говорит Рэми, — Просто смотри за теми, кто уже знаком с правилами, ты поняла меня?

Наконец, он поднимает свой взгляд, который лениво скользит по моему лицу, спускается ниже, на зону декольте, где явственно видны полукружия груди, затем на нервно сцепленные руки, сложенные на коленях. Хозяин вдруг задумчиво застывает, разглядывая мои руки, а потом совершенно неожиданно берет мою ладонь и проводит большим пальцем по тонкому запястью, следуя по дорожке из переплетения вен.

В этот момент что-то в его образе меняется, приобретает нечто демоническое, и я испуганно дергаю руку, пытаюсь освободиться от усиливающейся хватки. Мне даже кажется, что его зрачки расширяются, когда он вновь поднимает на меня глаза и, будто просыпаясь от наваждения, отпускает мою ладонь, с былой невозмутимостью возвращаясь к своему занятию.

Бог мой, а ведь я его совсем не знаю и мне не стоит забываться, ни в коем случае.

— Я все поняла, мой Господин, — произношу это тихим-тихим шепотом, но сквозь мерный шум двигателя он все равно меня слышит и кивает головой, давая понять, что разговор окончен.

Мы едем уже около получаса, и яркие улицы начинают сливаться в сплошную светящуюся линию, которая перестает меня интересовать. Непонятное напряжение витает в воздухе, и мне становится все более неудобно, словно впереди меня ждет что-то страшное и неприятное, то, о чем не хочет говорить Рэми, и то, с чем я должна справиться самостоятельно. Если честно, я даже не уверена, вернусь ли с этого вечера живой.

Тревога нарастает по мере того, как машина снижает скорость и сворачивает направо, к не менее внушительным воротам, которые тут же открываются и пропускают нас на территорию настоящего замка, построенного из серого камня в готическо-мрачном стиле. Лишь ярко-освещенные окна, да многочисленные фонари сглаживают грубую угрюмость здания.

— Бог мой.

— Это один из немногих замков, доживших до наших дней, — Господин говорит это между делом, поправляя манжеты рубашки со сверкнувшими в них запонками и проводя ладонью по волосам. — Помни, что я тебе говорил, Джиллиан, от этого зависит как долго ты проживешь в этом мире.

От его тона мурашки по коже, и я растерянно наблюдаю за тем, как он изящно выходит из машины, огибает ее и смело идет вперед, даже не оглядываясь и тем самым заставляя меня покинуть салон и послушно последовать за ним. Я едва успеваю, придерживая длинный подол платья и стараясь не свалиться с высоких каблуков, и только когда до входа остается несколько шагов, он снижает скорость и дожидается, когда я встану чуть позади его.

— Не отставай.

Мы вместе входим в ослепительно-освещенную залу, и я непроизвольно ахаю от той роскоши, что поглощает нас, от шума голосов, нахлынувших отовсюду, от сладких запахов духов, щекочущих ноздри, от пестроты нарядов женщин и мужчин, которые, как только замечают Хозяина, почтительно склоняют головы и уступают ему дорогу, позволяя нам пройти в другой зал, где народа еще больше, и все они напоминают мне разворошенный пчелиный улей, гудящий и возбужденный. Я даже не сразу слышу Рэми, когда он приказывает мне опустить взгляд и встать ровно за его левым плечом.

— Дамиан, да неужели, я думала не дождусь тебя. — Сначала я вижу подол ее черного кружевного платья, столь искусной работы, что не могу удержаться, чтобы не посмотреть на его верх, а, тем более, на обладательницу такого плавного неторопливого голоса. Она говорит будто нараспев, протягивая каждый гласный, и своими столь же плавными движениями рук напоминает мне ленивую кошку. Ярко-алые ногти; бледная, пугающе бледная кожа, напомнившая мне об обнаженном теле, распростертом на алых простынях; хищная улыбка и прищуренные зеленые глаза, словно она всегда всех в чем-то подозревает. Черные блестящие волосы и идеально красивое лицо — мои догадки не могут быть неверными — эта та самая девушка, что была с Рэми.

Наверное, именно поэтому она позволяет себе обнять его и на мгновение повиснуть на его плечах.

— Mmm, c'est ton nouveau jouet, Damien? (Ммм, это и есть твоя новая игрушка, Дамьен?) — Она томно тянет его имя и выпускает из своих объятий, подходя ближе ко мне и придиричиво рассматривая, в то время как я не могу оторваться от изучения ее красивого лица.

Она действительно красива, красива настолько, что я не обращаю внимания на стоящего за ее спиной Господина, пристально следящего за моей реакцией.

— Mon Dieu, as-tu jamais vu ses yeux, quels yeux! (Мой Бог, ты только посмотри какие у нее глаза!) — на этих словах она прикасается к моему подбородку указательным пальцем и, проникновенно глядя в мои глаза, склоняется чуть ниже, отчего я чувствую фруктовый аромат ее губ, ярко-алых, как и ее ногти, как и те чертовы простыни, ввевшиеся в мою память. Она так долго изучает меня, что я ощущаю постепенно нарастающее смущение, от которого начинают гореть щеки. — Tu as raison, il y a quelque chose dans son regard. Tres bien, parfaitement... Pauvre enfant, est-ce qu'elle ne sait pas qui es-tu? (Ты прав, в ее взгляде что-то есть. Прекрасно, великолепно... Бедное дитя, она хотя бы знает, кто ты?)

Не понимаю ни слова из того, что она говорит, но отчего-то точно уверена, что речь идет именно обо мне. Наконец, она отпускает мой подбородок и оборачивается к Рэми,

скорее всего ожидая от него ответа.

— Нет еще. Этот вечер откроет карты.

— J'espere qu'elle est plus forte qu'on ne croit. (Надеюсь, она сильнее, чем кажется.) Ужин сегодня поздно, мы успеем поболтать.

Они обмениваются понимающими улыбками, и Хозяин берет ее под руку, уводя вглубь залы и не проверяя, следую ли я за ними. Но мне не нужно напоминать, стараясь держать их в поле зрения, я иду за ними. Иногда сбиваюсь из-за снующих туда-сюда людей, которые бросают на меня не менее жадные взгляды, как когда-то посетители кафе, вот только в них нет животной похоти или желания, скорее что-то иное, что-то необъяснимое, куда более пугающее. В такие моменты я опускаю голову и смотрю на свои туфли, всем сердцем желая уйти отсюда. Здесь все чужое, непонятное, враждебное.

— Простите, — виновато улыбаюсь, поднимая голову и извиняюще смотря на мужчину, с которым только что столкнулась. Наверное, если бы я ничего не сказала, он бы даже не обратил на меня внимания, просто прошел мимо, минуя очередную неприметную помеху в виде обыкновенной рабыни, но, сделав всего один шаг, он останавливается и уже с интересом рассматривает посмевшую заговорить с ним.

— Нужно быть осторожнее, — он не улыбается, нет, только наклоняет голову чуть набок, с каким-то странным интересом прощупывая меня взглядом. У него тонкие губы и острые скулы, светлые волосы, уложенные гелем, тонкий нос. Худощавый и высокий, чуть сутулый, он напоминает мне хищную птицу, нашедшую очередную жертву. Незнакомец медленно оглядывает меня с ног до головы серыми, как сталь, глазами, а потом вновь замирает на лице, а я не знаю, что делать: либо уйти, чтобы найти Хозяина, либо дождаться, когда он прекратит глазеть на меня.

— Вацлав, ты позволишь? — прохладная ладонь ложится на мое предплечье, и Рэми появляется будто из ниоткуда, наконец заканчивая нашу зрительную баталию. Его челюсти едва заметно сжимаются, когда незнакомец слишком наигранно кланяется и делает шаг назад, уступая нам дорогу.

— Конечно, Дамиан. Она твоя... — он делает галантный жест рукой, делая ударение на слове "твоя", а Господин сильнее сжимает пальцы, уводя меня прочь от него.

— Я просил тебе не отставать.

— Простите, я не успевала, — впрочем, и сейчас это у меня плохо получается, поэтому Хозяин до сих пор не отпускает моей руки и с грациозной легкостью пересекает залу, чтобы подтолкнуть меня к стене, в относительно тихий угол, где стоит столик с напитками и кое-какой закуской.

Он не говорит больше ни слова, просто останавливает мои извинения одним лишь предостерегающим взглядом, и, наконец, отпускает руку, на которой наверняка останутся синяки. Единственное, что я могу сделать, так это виновато замолчать и нервно сцепить пальцы, ожидая чего угодно.

— Жди меня здесь, ты понадобишься во время ужина, и постарайся ни во что не вляпаться, — в его голосе слышится раздражение, он нетерпелив и даже чуточку взбешен — я замечаю это по потемневшему взгляду и напряженным скулам- и прихожу к выводу, что он торопится к ожидающей его любовнице. Лишь дождавшись моего кивка, Рэми уходит, оставляя меня одну в незнакомом обществе. Впрочем, стоя в неприметном углу, в стороне от всех, я мало кого интересую и, наконец, могу как следует осмотреться.

Люди здесь совершенно разномастные — от утонченных дам до безобразных мужчин с

огромными животами, от юных девушек до пожилых женщин.

И самое печальное из всего этого, что мне даже не нужно приглядываться, чтобы различить таких, как я. В основном это красивые девушки, одетые вполне прилично, хоть и не с тем шиком, что их хозяева. Но дело даже не в одежде, а в манере поведения, ведь они не могут себе позволить так достойно держать голову, так открыто смотреть вперед, так раскрепощенно общаться. Их взгляды затравлены и бездушны, их улыбки стерты унижительным обращением, от их гордости не осталось и следа. Радует одно: нас здесь не так уж и много, большинство гостей не посчитали нужным притащить с собой балласт в виде рабов, а это значит одно из двух: либо на таких вечерах они обходятся без них, либо попросту не имеют средств для их приобретения.

Слишком много вопросов и ни одного ответа, единственное, что я могу сделать, так это попытаться разговорить Мадлен, и я обязательно это сделаю, как только приеду домой. И домой ли?

— Ты здесь свеженькая?

— Что? — я недоуменно поворачиваюсь на голос, натыкаясь на склоненную над столиком девушку, которая опасливо оглядывается по сторонам, а потом берет один из бокалов и выпивает его залпом, после чего прижимает ладонь к губам и жмурится, проглатывая шипучее шампанское.

— Какая гадость, и как они это пьют.

Я открываю рот от удивления, наблюдая за тем, как, поставив один бокал, она уже тянется за другим и проделывает с ним то же самое. В этот раз обращаю внимание на ее запястье, исполосованное белесыми линиями-рубцами, довольно частыми и аккуратными. Они расположены параллельно друг другу, почти до середины руки.

— Советую тебе тоже выпить бокальчик, знаешь, неплохо расслабляет перед ужином.

— Думаю, не стоит.

— Так, значит, я права. Ты новоприбывшая... — на этих словах она поворачивается ко мне и, ловко закидывая в рот оливку, смотрит на меня блестящими от выпитого глазами. Успеваю заметить в них некую грусть прежде чем там зарождается ядовитый сарказм: — Тогда прислушайся к советам старших и выпей, пока никто не видит, — она горько улыбается и вновь тянется за бокалом, наверняка желая не просто расслабиться перед ужином, а вообще его пропустить.

— Послушай, может, хватит?

— Может и да, — ее пальцы замирают на полпути к бокалу, и вся она словно меняется, так резко сникая, что я растерянно подхожу ближе и касаюсь ее руки в желании поддержать. — Знаешь, я здесь уже почти полгода и все никак не могу привыкнуть к этой чертовой боли. Мне кажется, к ней вообще нельзя привыкнуть, и каждого следующего раза ты ожидаешь с еще большим страхом, чем прежде. Смотри, у меня даже руки трясутся, — она смеется сквозь выступившие слезы, протягивая мне ладони и показывая, как они мелко-мелко дрожат.

А я не могу произнести ни слова, переваривая информацию и не зная с какого вопроса начать.

Наверное потому, что я попросту боюсь услышать ответы.

— Что ты имеешь в виду, эмм...?

— Катрина, меня зовут Катрина, если тебе интересно, и я ненавижу этого ублюдка, — она шмыгает носом и поспешно вытирает слезы, оставившие на ее припудренных щеках

видимые дорожки. — Было ошибкой приехать сюда. Они заманивают нас красивыми иллюзиями и превращают в ничто. Мы все время на грани: вчера, сегодня и завтра — каждый день мы ходим по краю. Никогда не знаешь, когда это произойдет, — ее речь хаотична, а глаза лихорадочно блестят, пока она до боли сжимает мои руки и жарко шепчет, напоминая мне умалишенную. — Хочешь мой искренний совет? Живи сегодняшним днем. Наслаждайся, завтрашнего дня может не быть.

На последнем слове она замолкает и резко выпрямляется, отпуская меня и принимая былой развязный вид. Берет еще один бокал и также быстро его выпивает, неожиданно замирая и испуганными глазами смотря куда-то мне за спину. И только когда я оборачиваюсь, понимаю, что так сильно могло ее напугать, — тот самый незнакомец, с которым мы недавно столкнулись, подает ей короткий знак, приказывая следовать за ним.

— Мне пора, — она улыбается слишком грустно, с каким-то тихим отчаянием, и, сжав мои пальцы, уходит за своим хозяином, оставляя меня в полной растерянности. Я провожаю их взглядом до последнего, вытягиваю шею, чтобы как можно дольше не потерять из виду, и вижу, как они скрываются в одной из дверей, ведущих в боковые комнаты. Наверное, там также шумно и многолюдно, поэтому, несмотря на свое любопытство, я предпочитаю остаться на месте, дабы дожидаться прихода Господина.

Но он не приходит не через десять минут, ни через двадцать, и я все больше начинаю нервничать, особенно на фоне слов Катрины, которая исчезла за проклятой дверью. При воспоминании об этом я в новь перевожу взгляд в ту сторону и, вставая на носочки, замечаю, как из нее выходит Вацлав. Один. Вытирая рот белоснежным платком и поправляя рукава пиджака.

Мысленно радуюсь, что вот сейчас за ним выйдет Катрина, и я смогу поговорить с ней еще, расспросить о жизни здесь и найти в ее лице подругу. Но в томительном ожидании проходят минуты, а она до сих пор не появляется, наверняка встретив куда более интересного собеседника.

На решение найти ее уходят ровно две минуты — я отсчитываю их глядя на большие старинные часы, которые вот-вот подберутся к девяти. И по мере движения стрелки, мое сердце ускоряет ритм, ладони потеют, а дыхание сбивается. Но это не останавливает меня, я срываюсь с места и как можно быстрее дохожу до двери, которые тут же открываю, попадая в полутемную комнату.

Я так внезапно оказываюсь в тишине и спокойствии, что ошарашенно застываю и, блаженно выдыхая, на миг прикрываю глаза. Толстые двери, к которым я прижимаюсь спиной, пропускают лишь глухое гудение, и я, наконец, от них отлипаю, проходя вперед и рассматривая небольшую комнату, больше похожую на кабинет. Блестящий черный стол и диван, парочка книжных шкафов и столик поменьше, возле которого стоит кресло, повернутое ко мне спинкой. Здесь больше нет ни одной двери, и я недоуменно хмурюсь, не понимая, куда могла деться Катрина, ведь они точно заходили вдвоем.

Не утруждаю себя пройти дальше, совершенно расстроившись, и только лишь когда слышу странные булькающие звуки, доносимые из глубины комнаты, медленно подхожу к креслу.

Истошный крик вырывается из горла, когда я вижу Катрину, полулежащую в кресле. Ее голова откинута на плечо, и мне хорошо видна ее изогнутая шея с отвратительно кровавой раной, из которой еще сочится кровь. Рука, покоящаяся на подлокотнике, дергается, и Катрина делает вдох, при котором и слышится это противное бульканье.

Я хочу ей помочь, зажимая уродливую рану ладонью, но, кажется, делаю еще хуже, потому что она вдруг закашливается, и скопившаяся в ее рту кровь яркими брызгами ложится на мои оголенные плечи, грудь, лицо. Но даже не это самое страшное, а то, что она, горячая и липкая, все продолжает просачиваться сквозь мои пальцы, и я уже точно знаю, что мне не успеть, не спасти, не справиться.

— Кто-нибудь, помогите, помогите, помогите, — сначала я просто шепчу, будто читаю молитву, а потом кричу, громко, сквозь всхлипы и истерику, отчаянно мотая головой и отказываясь верить в увиденное.

Ведь этого не может быть, ведь только полчаса назад Катрина разговаривала со мной и залпом пила шампанское, собираясь на ужин.

Ведь этот день не должен был стать для нее последним, но будто назло стал им.

Продолжаю кричать "помогите" даже когда открывается двери, и в комнату входят люди, которые не торопятся подбежать ко мне. Сквозь пелену слез, до сих пор отчаянно прижимая рану, я с трудом различаю их пугающе равнодушные лица-бездушные маски. Некоторые из них даже смеются, указывая на меня пальцем и перешептываясь. И в этот момент я ненавижу их, ненавижу так сильно, что вместо просьб о помощи кричу проклятия.

Лишь когда в комнате появляется Господин, я выдыхаю "слава Богу", надеюсь, что он не такой, что он пришел сюда помочь, но вместо этого он с силой хватает меня за предплечье, вынуждая оторваться от Катрины, и тащит за собой, пока я пытаюсь объяснить ситуацию:

— Он убил ее, они ушли вместе, но она так и не вернулась, не вышла, — я говорю это сквозь всхлипы, задыхаясь от слез и не успевая переставлять ноги, отчего то и дело спотыкаюсь, но, удерживаемая сильной рукой, вновь нахожу равновесие. — Она была жива — Катрина. Зачем он сделал это?

— Замолчи, Джил.

Замолчать? Господи, Катрина мертва-мертва-мертва. Ее убили, а он просит меня замолчать? Есть ли в нем хоть капля сострадания?

Его хватка на моей руке становится жестче, и он заставляет меня зашипеть от боли, не обращая внимания на то, что я почти царапаю его в желании разжать пальцы. Бесполезно, и я, как тряпичная кукла, следуя за ним, пока он не заходит в пустую комнату, толкая меня с такой силой, что я путаюсь в подоле платья и униженно падаю, едва успеваю вытянуть перед собой руки.

Хозяин проходит мимо меня, спокойно и неторопливо, и я, до сих пор не поднимая головы, слежу за его начищенными ботинками, когда он останавливается у стола и наливает себе выпить. Если честно, сейчас, я отдала бы многое всего лишь за один глоток алкоголя.

— Так что ты говорила насчет Катрины? Это та девушка, да? — его голос мягкий, успокаивающий, и я изумленно затихаю, поднимая голову и наблюдая за тем, как он устало усаживается в кресло и, закидывая ногу на ногу, начинает сверлить меня пристальным взглядом. Различаю в нем всполохи ярости, что никак не вяжется со слишком бесстрастным видом, который не предвещает ничего хорошего.

— Он убил ее. Вацлав.

— И что? — он до сих пор наигранно невозмутим, но я все равно вижу, как напряжена его рука, сжимающая стакан с напитком, как меняется его дыхание, становясь частым и поверхностным, как раздуваются его ноздри, вдыхающие металлический запах крови, пропитавшей меня насквозь. И от его невинного вопроса становится не по себе, потому что он в этой смерти не видит ничего особенного.

— Он убил человека.

— Может, потому, что имел на это право? — Рэми иронично изгибает брови, ожидая моего ответа, а я не нахожу слов, потому что не могу понять, что это за право, когда ты можешь безнаказанно убивать людей.

— Я не понимаю, — беспомощно пожимаю плечами, поджимая губы и вновь всхлипывая. Фигура сидящего передо мной Господина расплывается в сплошное бесформенно пятно, и я безрезультатно пытаюсь стереть слезы, все больше содрогаясь в рыданиях и действительно ничего не понимая. Я так хочу домой, к маме, где нет этого жестокого мира и Хозяина моего нет тоже. — Я хочу домой, хочу домой, хочу домой... Прощу вас, я так хочу домой.

— Хватит, твои желания не волнуют меня, — он говорит это тихо, наклоня стакан туда-обратно и как бы между прочим разглядывая напиток в нем. — Помни, ты подписала договор и теперь принадлежишь мне, так же, как Катрина принадлежала Вацлаву. Теперь твой дом рядом со мной — там, где я захочу. Тебе все ясно?

— Значит, вы тоже имеет право убить меня? Просто так?

— Значит.

Я плачу навзрыд, сотрясаясь всем телом и пряча лицо в ладони. Мне так стыдно за свою слабость, но именно сейчас, когда я столкнулась со смертью, понимаю насколько серьезна затеянная мною игра.

— Тогда к чему медлить?

Ему хватает секунды, чтобы одним стремительным рывком оказаться возле меня и, схватив за волосы на затылке, с легкостью поднять меня с пола. И в этот момент мне становится воистину страшно, потому что ярость, притаившаяся в его глазах, находит выход во вкрадчивой и медленной речи:

— Маленькая наивная девочка, ты говоришь о смерти с такой легкостью, а сама дрожишь от страха как затравленный зверек. Не тебе решать, когда и где ты умрешь, это лишь мое право, — он шепчет это прямо в мои губы, лаская их дыханием и почти касаясь своими. Его глаза черные, зрачки сливаются с радужкой, и я, смотря в них, покорно замолкаю, ощущая постепенно накатывающую усталость. Я даже не чувствую боли в затылке, лишь его близость, его дыхание, его аромат.

Он словно оплетает меня в паутину, даря фальшивое успокоение и с легкостью справляясь с моей истерикой.

— Вот так, моя хорошая. Тшшш, — он гладит меня по волосам, изредка очерчивая кончиками пальцев овал лица, губы, пульсирующую венку на шее. — Это всего лишь смерть, поверь, есть вещи гораздо страшнее. Например, бесконечная жизнь, обрекающая тебя на одиночество, — последние его слова я уже не различаю, не слышу, будто проваливаясь в трясины и утопая все глубже и глубже. — Спокойной ночи.

Запутаться в депрессии легко, просто останьтесь в полном одиночестве, наедине со своими мыслями, удушающими воспоминаниями, отравляющей тоской, просто спрячьтесь под одеялом и закройте глаза, чтобы раз за разом проигрывать в памяти произошедшие события, которые вы бы хотели забыть.

Хотели бы... но не можете. словно до сих пор чувствуя запахи, ощущения, прикосновения того дня, события которого смогли обнажить вашу слабость.

Моя слабость таится в страхе и непонимании; мыслях, что кружатся вокруг меня и бьют сильнее кнута, потому что каждая их них приводит к одному выводу: я по собственной глупости стала частью ужасающих легенд, которыми пугают детей в изоляции. В детстве мы их боимся, в юности рассказываем друг другу и смеемся, стараясь спрятать суеверный страх за весельем, во взрослой жизни мы перестаем верить, потому что не находим доказательств.

А я вот нашла, так просто, оказавшись не в том месте и не в то время. Теперь не убежать, не спрятаться и не повернуть назад, и черная безысходность все сильнее въедается в сердце, отчего я замыкаюсь в себе и уже не стараюсь вынырнуть, попросту не понимая, для чего это нужно. Ведь не сегодня так завтра меня не будет, быть может, он убьет меня быстро — от гнева, быть может, будет пытаться — от скуки, быть может, я сделаю это сама, все-таки не выдержав хаоса, поселившегося в моей голове с того вечера.

Слишком много мыслей, воспоминаний и догадок. Слишком много всего, чтобы я могла справиться. И теперь я не хочу домой, не хочу спастись, я не жалуясь и не умоляю — просто таю, закутываясь в длинный теплый свитер и наблюдая за сменяющимся за окном видом. Мое любимое время суток — ночь, когда от дневного света не остается и следа, а на улице воскресают черничные сумерки, сжимающие дом со всех сторон. Обычно, к часам двенадцати, когда отключают уличную подсветку и заглушают фонари, я напротив, включаю в комнате яркий свет и открываю большое окно, отодвигая занавески в сторону. Потом сажусь напротив него на пол, прижимаюсь спиной к стене и обхватываю колени руками, дрожа от прохладного ветра, беспрепятственно врывающегося в мой маленький безумный мир.

Но холод осенних ночей меня мало волнует, потому что спустя несколько минут начинается самое интересное: на яркий свет прилетают еще не уснувшие от холода мотыльки. Они кружатся по комнате, старательно хлопая крыльшками, и всегда подлетают к люстре, чтобы с удивительным упорством биться о лампочки, при этом повреждая свои крылья. Многие из них беспомощно падают на пол и с еще большим упорством пытаются подняться, словно этот свет и есть их спасение и как только они его достигнут, то обретут свое счастье и найдут покой.

Покоя они не находят и уже на вторые сутки умирают, скапливаясь в плафонах темным ворохом высушенных тел, а на их место прилетают другие, и все начинается по новой: ночь, открытое окно и я, безэмоциональным взглядом следящая за попытками мотыльков достигнуть своей мечты, которая, несмотря на их преданность ей, все равно их губит.

Наверное, именно этот факт так сильно привлекает мое внимание, и в наблюдении за их самоубийством я нахожу какое-то странное извращенное удовольствие, хоть как-то отвлекающее меня от саморазрушения. Это саморазрушение проявляется в полной апатии, и я уже не слежу за временем, не думаю о будущем, не обращаю внимания на приходящую ко

мне три раза в день Мадлен, которая смотрит на меня с видимой жалостью и укоризной — как смотрят матери на своих никудышных детей, задыхающихся от собственной слабости.

Она приносит мне завтрак, обед и ужин, к концу дня забирает их нетронутыми и вновь возвращается утром, уже со свежей порцией завтрака. Ничего не говорит и ничто не рушит, позволяя мне и дальше гореть в своем молчаливом безумии. Я так яро оберегаю его, что даже не пытаюсь узнать ее получше, не отвечаю на ее вопросы про самочувствие и, уж тем более, не спрашиваю про Господина, совершенно про меня забывшего. Мне становится как-то плевать: на всё и всех, и на себя в том числе.

Наверное, точно так же чувствуют себя люди, знающие о неизлечимой болезни и опустившие руки, потому что борьба кажется им бессмысленной.

Сегодняшний вечер ничем не отличается от остальных, только тишина в комнате становится до безобразия гнетущей, и я открываю окно, надеясь выловить хоть какие-нибудь звуки. Поправляю сползший с плеча бесформенный свитер крупной вязки — единственной теплой вещи в моем гардеробе — и стягиваю его пониже, потому что ноги совершенно замерзли, и даже ступни, облаченные в махровые носки, никак не могут согреться. Все же ночи стали намного холоднее, и совсем скоро мое развлечение в виде гибели мотыльков прекратится.

Какая жалость.

Продолжаю стоять на месте, вглядываясь в замирающий закат и вдыхая свежий, наполненный влажностью начинающегося дождя ветер, когда за моей спиной открывается дверь, и в комнату тихо входит Мадлен, на этот раз без подноса. И это верное решение, потому что портить столько продуктов — настоящее расточительство.

— Господин ждет тебя к ужину.

Я безразлично пожимаю плечами, словно зная о его желании задолго до прихода Мадлен, и покорно следую за ней, даже не соизволив переодеться или привести себя в порядок. Какая разница, в каком виде я встречу смерть, думаю, в свитере с разодранным горлом я буду смотреться не менее эффектно, чем в платье.

Спокойная и мелодичная музыка встречает меня еще на лестнице, и под минорные звуки фортепиано я захожу в столовую, освещенную мерцанием множества свечей, придающих помещению таинственно мистический вид. Растерянно останавливаясь у порога и тут же наталкиваясь на тяжелый взгляд Господина, сидящего, как и всегда, на своем месте, и недоуменно насмешливый — его любовницы, которая, едва взглянув на меня, опускает голову и выдавливает из себя что-то наподобие улыбки.

И пока я мнусь у двери, Рэми прощупывает каждый дюйм моего тела, начиная от забранных на макушке волос и заканчивая облаченными в теплые носки ногами. Мне даже становится не по себе, когда его черные пронизывающие глаза зависают на уровне моих коленей, которые я тут же инстинктивно свожу, словно не позволяя ему зайти дальше. Галантный жест рукой, и я покорно усаживаюсь на указанное место, тут же вытягивая рукава и пряча леденеющие ладони в тепло свитера.

— Прошу прощения, Адель, Джил, утонув в своих переживаниях, совершенно забыла об этикете.

— Добрый вечер, — поняв намек, произношу я и опускаю взгляд на стол, заставленный различными яствами, не вызывающими никакого желания попробовать их. Видимо, за неделю голодовки, мой желудок успел привыкнуть к пустоте и теперь не требовал ее заполнить.

— Добрый, — она говорит все также нараспев, и я чувствую, как она смотрит на меня, наверняка находя мой вид забавным. В отличии от меня Адель облачена в бежевый атлас платья на тонких бретельках, открывающих вид на ее выпирающие ключицы и худощавые плечи; перекинутые на одну сторону волосы, закрепленные длинной заколкой и зафиксированные лаком; подведенные черной подводкой глаза с удлиняющими их стрелками, придающими ей еще большую схожесть с кошкой; алые губы, покрашенные матовой помадой, оставляющей следы на кромке бокала, когда она делает из него маленькие глотки.

По молчаливому приказу Господина, моя тарелка наполняется едой, и дворецкий, выполнив свою работу, будто сливается со стеной, прячась в тени и пристально следя за каждым жестом своего Хозяина.

Проходят минуты, прежде чем я, наконец, поднимаю голову и нахожу в себе смелость отодвинуть тарелку подальше.

— Спасибо, я не голодна, — наверное, сейчас я подписываю себе приговор, потому что Господин слишком резко откидывается на спинку стула, и, оперевшись о подлокотник локтем, начинает поглаживать свой подбородок пальцем. И все это время он не спускает с меня обжигающего взгляда, не произносит ни звука, не позволяет мне расслабиться, окутывая исходящим от него напряжением.

Адель, сидящая сбоку стола, тоже молчит; знаю, что наблюдает за нами, но предпочитает не вмешиваться, поступая очень даже мудро — не каждый решится рассеять ту неуютную натянутость, что возникла между нами.

— Не голодна сегодня, вчера и позавчера. Чего ты добиваешься, Джил?

— Экономлю ваши деньги, Господин. Зачем вкладывать их в то, чего завтра может не быть.

— Ах, вот оно что. Значит, бедная девочка переживает не из-за смерти случайной подружки, а из-за того, что с ней может случиться то же самое. А я уже было подумал, что дело в излишней чувствительности и сострадании, коим ты обладаешь в избытке, — он театрально всплескивает руками и демонически улыбается, все продолжая смотреть только на меня — словно в этой комнате только мы и никого больше, словно за одним столом с нами и не сидит его лощеная любовница. — Я могу помочь тебе, Джиллиан. Раз уж ты хочешь умереть от голодной смерти, то позволь мне проявить свое великодушие и предложить тебе менее болезненную альтернативу. Скажем так, я могу облегчить твои страдания, — на этом слове он прижимает ладонь к груди, словно делает это от чистого сердца, и коротко кивает, после чего отлипший от стены дворецкий берет со столика поднос с единственно стоящим на нем бокалом и ставит его передо мной.

А в это время я задыхаюсь от бешеного стука сердца и от догадок, которые заставляют меня подозрительно посмотреть на содержимое бокала, а затем на Господина, совершенно невозмутимого, холодного и уверенного в своем решении.

— Пей.

— Что это?

— Не все ли тебе равно? Пей, — в его голосе начинает звучать металл, а меня бросает в жар, от которого шумит в ушах, и в глазах появляются черные точки. С ужасом всматриваюсь в рубиновую жидкость, от которой исходит терпкий аромат вина, и не могу пошевелиться от понимания того, насколько я сейчас близка от смерти, которой, оказывается, отчаянно боюсь. Боюсь так сильно, что постепенно оттаиваю, скидывая с себя когти терзавших меня

все эти дни уныния и апатии. — Ну же, только представь свои мучения от голодной смерти, а здесь... всего один глоток, и яд начнет действовать. Считай это моим прощальным подарком, Джиллиан. П-е-е-й.

Он тянет, а я бросаю затравленный взгляд на Адель, будто ища у нее поддержки и защиты, которые она может подарить мне своим вмешательством, но она остается все такой же нейтральной, только по напряженным пальцам, сжимающим бокал, я понимаю, что она вовсе не бесчувственный наблюдатель.

— Ну же, — при этих словах Хозяин с силой ударяет ладонью по столу, отчего я истерично вздрагиваю и мотаю головой, пряча руки между сжатых бедер и так отчаянно пытаюсь на заплакать.

Я хочу жить, жить, жить. Пожалуйста.

— Пожалуйста, — я шепчу это так тихо, так унижительно, дрожа от страха и беспомощности перед ним, что ему приходится склониться чуть вперед, чтобы расслышать.

— Что ты сказала?

— Я не хочу умирать, прошу вас, не заставляйте меня пить это.

При этих словах, огонь, мелькавший в его глазах, угасает, и Рэми расслабляется, вновь откидываясь на спинку стула и принимая привычно бесстрастный вид.

— Что ж, тогда приступим к ужину, иначе все остынет.

— *Magnifique manipulateur*, (Великолепный манипулятор,) — как бы между прочим произносит Адель и, сдержанно улыбаясь, поводит пальцем по воздуху, подстраиваясь под успокаивающие звуки музыки, которую, оказывается, я перестала замечать.

С облегчением провожаю взглядом дворецкого, уносящего поднос со смертоносным вином, и, до сих пор зажато, поддвигаю к себе тарелку, едва не роняя из дрожащей руки вилку. Мне все еще не хочется есть, но я заставляю себя подцепить маленький кусочек мяса и отправить его в рот, чтобы затем медленно переживать и через силу проглотить. Спокойная музыка, доносящаяся из динамиков, меняется на более чувственную, а я сосредотачиваюсь на еде, чтобы не сталкиваться с глазами Господина, наблюдающего за каждым моим движением.

— У тебя есть вопросы, я знаю. Ты можешь задать их.

Нервно сглатываю, не зная как озвучить свои догадки и стесняясь Адель, при словах Рэми обратившей на меня внимание, и под ее испытующим взглядом чувствую себя лишней, будто подглядывающей, ненужной третьей, не по своей воле испортившей ей ужин.

— Вацлав, он... — бог мой, это так трудно сказать, словно как только я произнесу это вслух, страшные сказки оживут. — Знаете, в изоляции рассказывают легенды.

— Легенды никогда не возникают на пустом месте, так что да, Вацлав часть их, как и я, как и Адель, как и многие живущие в Венсене, — Рэми несколько невежливо перебивает меня, будто желая покончить с этим побыстрее, а я растерянно смотрю на Адель, которая принимает скучающий вид, рассматривая свои наманикюренные ногти.

— А в Изоляции есть такие, как вы?

— Называй вещи своими именами, и нет, в колонии нет вампиров. Она создана для людей.

— Почему вы называете ее колонией?

При этом вопросе Адель издает смешок, а я краснею от неловкости, чувствуя себя совершенной глупышкой.

— Потому что это и есть колония. Мы заинтересованы в существовании человечества

как вида, поэтому такие города построены по всему миру. Они окружены стенами — так легче контролировать вас. Мы создаем вам условия для относительно комфортной жизни, а взамен вы предоставляете нам кровь.

— То есть вы выращиваете нас как скот? — мне становится так противно и тошно, что я не могу сдержать обиды и со злостью смотрю на Рэми, который иронично пожимает плечами.

— Можно сказать и так. Что в этом удивительного, Джиллиан? Вы тоже выращиваете скот для того, чтобы прокормиться.

— Мы не животные.

— Наверное, животные, которых вы убиваете, думают точно также.

— Значит, вы считаете нас животными?

— Донорами, если быть точнее.

Адель закатывает глаза, откровенно скучая, а потом встает и, взяв бокал с вином, отходит в сторону, начиная пританцовывать в такт музыке. Против своей воли наблюдаю за ней: за ее плавными движениями, аристократической осанкой, за тонкой рукой и длинными пальцами, очерчивающими воздух. В тайне я даже завидую ее грациозности и статности; ее красоте, что не может не привлекать к себе внимания; но ненавижу за положение, которое ставит ее на одну ступень выше в пищевой цепочке.

Наконец, отвлекаясь от созерцания ее красоты и перевожу взгляд на Хозяина, который не переставал смотреть на меня. Он сидит в пяти ярдах от меня и в свете свечей его глаза кажутся слишком черными, слишком таинственными, я бы даже сказала гипнотизирующими, потому что, как только я тону в них, то перестаю замечать не только Адель, но и все вокруг.

— Если вы заинтересованы в существовании нашего рода, то почему так легко убиваете нас? — имея в виду Катрину, спрашиваю я.

— Ваша численность позволяет нам иногда, скажем так, развлечься, — он вновь пожимает плечами, а мне хочется стереть с его лица это безразличие, и неважно как: брошенной в него тарелкой или своим молчаливым уходом, ведь мое своеволие наверняка разозлит его. — Я хочу, чтобы ты относилась к этому проще, Джиллиан, мы хищники, это наша природа, тем более, прожив на земле сотни лет, начинаешь по-иному смотреть на смерть.

— Сколько же вам лет?

— О-о-о, малышка, он очень и очень старый, — Адель возникает за моими плечами внезапно, разрывая нашу зрительную связь и склоняясь к моему уху: — Даже не представляешь, насколько старый, правда, Дамиан? — Она так близко, что я чувствую аромат ее духов, смешавшихся с запахом вина, только что выпитого ею. Ее тонкие руки оплетают меня за плечи, и она прижимается своей холодной щекой к моей, горячей от смущения. Затянутый нами разговор отходит на задний план, и остается только ее щекочущее дыхание, только ее нежные руки, только ее тягуче медленная речь с мурлыкающими интонациями: — Мне скучно, Дамиан, поедem и развлечемcя. Думаю, la petite (моя малышка) составит нам компанию. Пора показать ей все прелести нашей жизни.

Я хочу задать еще несколько вопросов, но она упрямо уводит от темы, будто оставляя все самое интересное на потом. И только я открываю рот, как она угрожающе шепчет:

— Тсс, ни слова больше. Хватит разговоров, — она прижимает палец к моим губам и, выпрямляясь, поправляет и без того идеально сидящее на ней платье. — Давай же, мистер

Рэми, иначе я найду себе другую компанию, — в ее тоне появляются капризные нотки, и Господин сдержанно улыбается, откладывая лежащую на коленях салфетку и тоже вставая.

— У тебя есть десять минут на сборы, *la petite*.

Вряд ли я могу чувствовать себя комфортно в этом месте, поэтому прячусь как можно дальше от посторонних глаз, вжимаясь в спинку кожаного диванчика и обнимая себя за плечи. Мне настолько неуютно и неприятно здесь находится, что я предпочла бы вернуться в свое занюханное кафе с омерзительным хозяином, чем смотреть на открывшуюся передо мной картину. Потому что столько порока и откровения я не видела за всю свою жизнь и даже предположить не могла, что есть места, подобные этому.

Высокие потолки, под которыми вмонтированы зеркальные шары и светотехника; полотно ткани, на которых совершенно бесстрашно раскачивается полуобнаженная танцовщица — ее движения отточены до совершенства, и каждый последующий трюк еще больше раскрывает пластику тела, притягивая к себе опасностью исполнения; высокие круглые подиумы, на которых, откровенно изгибаясь, танцуют девушки. Их тела блестят от мерцающей пудры, их глаза прикрыты, их ладони очерчивают каждый изгиб, их движения настолько провокационны, что мне становится до ужаса стыдно, и щеки начинают гореть пламенем от вида всей этой полуобнаженной публики. Чувственная музыка и господствующий полумрак удручает и без того порочную атмосферу, от которой, в конце концов, я отвлекаюсь, опуская смущенный взгляд на свои плотно сжатые колени.

Мы сидим на удобном диванчике, расположенном полукругом; между нами низкий стеклянный столик со стоящими на нем стаканами, в которых поблескивает янтарная жидкость. Откуда-то сверху падает мягкий приглушенный свет, позволяющий мне видеть Господина, сидящего напротив, в отдельном кресле, и закинувшего руки на его спинку. Он с привычной ему невозмутимостью рассматривает весь этот содом, в то время как Адель, сидящая намного ближе, почти рядом, не спускает с меня пристального взгляда. Ощущаю его каждой клеточкой тела и не знаю, куда деться от смущения, все больше сковывающего мой разум.

— Давай же, *la petite*, расслабься.

Рефлекторно дергаюсь, когда она касается меня плечом, и непонимающе смотрю на протянутый мне стакан, в котором, судя по цвету, плещется какой-то крепкий напиток. Раньше я пила два раза: первый, когда закончила школу, и второй, когда познакомилась с Элисон, в принципе, это и стало причиной нашего знакомства, ведь если бы не она, я бы вообще вряд ли узнала, что такое коньяк. Но я появилась ровно в тот момент, когда Элисон прятала украденную бутылку в рукав надетой на нее джинсовки, и, чтобы я не разболтала о краже, она не нашла ничего лучше, чем разделить со мной украденный трофей.

— Это тебе поможет, смелее, — Адель пододвигается еще ближе, безобразно врываясь в мое личное пространство, и даже закидывает одну руку на мои плечи, ненавязчиво начиная ласкать шею. В это время Рэми поворачивается к нам и уже не возвращается обратно, с интересом наблюдая за тем, как я несмело беру предложенный ею стакан и, сначала подозрительно понюхав, делаю маленький осторожный глоток.

Горло обжигает крепость алкоголя, и я, закашливаясь, под издевательский смех Адель пытаюсь стереть выступившие слезы.

За спиной Господина танцующая на полотнах девушка делает резкий обрыв, а Адель настойчиво обхватывает стакан холодными пальцами и уже сама подносит его к моим губам.

— Еще.

— Не переусердствуй, Адель, — он говорит это твердо, но в его глазах я вижу заинтересованный блеск, доказывающий, что развлечение в виде моего спаивания его вполне устраивает. Что он ожидает от этого? Быть может, выпив несколько порций, я стану более сговорчивой и смелой, и тогда он сможет воспользоваться тем, для чего и нужны доноры? Или он отдаст меня своей любовнице? Не знаю ответов на эти вопросы и, тем не менее, не отказываюсь от напитка, с каждым глотком чувствуя приятное тепло, разливающееся по венам.

— *L'alcool laissait decouvert des vices. Voyons, ta petite est-elle vicieuse, Damien.* (Алкоголь обнажает пороки. Посмотрим, насколько порочна твоя малышка, Дамиан.)

После первой порции уже более смело смотрю в зал, не стесняясь полуобнаженных тел, продолжающих танцевать откровенные танцы. Я даже позволяю себе остановиться на деталях: на обнаженной груди, бедрах, ягодицах; я даже постепенно расслабляюсь, чувствуя непонятное для меня первобытное волнение, смешанное с зарождающимся интересом и возбуждением. Мои щеки горят, но теперь не от стыда, а от приятного томления, которое рождается под воздействием нежных ласк Адель, продолжающей скользить по моей шее кончиками пальцев.

Совершенно спокойно реагирую на щелчок пальцев Господина, по воле которого словно из ниоткуда появляется красивая девушка. Она плавно подходит к нему, уважительно опуская взгляд и голову, и я не могу не отметить, насколько совершенно ее тело: упругая грудь, тонкая талия, длинные ноги и округлые бедра. На ней надеты только трусики-полоски и украшение на шее, напоминающее бархатный ошейник. Распущенные волосы и ярко-красные губы.

— Вечер начинается... — томно шепчет Адель, а я с изумлением наблюдаю за тем, как девушка медленно опускается на колени, кладя свои ладони на бедра Господина. В этот момент он прекращает смотреть на нас и, приспускаясь чуть ниже, разводит ноги, чтобы танцовщица имела доступ к ширинке. Я хочу отвернуться от такого зрелища, но, как замороженная, смотрю на то, как тонкие ладони скользят верх-вниз по ногам Хозяина, как девушка изгибается, покачивая бедрами и грудью, как проводит языком по ткани брюк, постепенно приближаясь к паху.

Допиваю остатки залпом, отворачиваясь от них и удивляясь собственной безнравственности, ведь только полчаса назад я не знала, куда деться от столь греховной атмосферы, сейчас же я будто становлюсь частью огромного механизма, построенного на похоти и желании. Всего на миг мне становится противно, но нежные пальцы Адель вновь подталкивают меня обратить внимание на Господина.

В голове предательски шумит, и перед глазами начинает плыть, когда я ставлю стакан на столик и, возвращаясь назад, сквозь полуопущенные веки наблюдаю за тем, как девушка справляется с ширинкой и склоняется к паху. В этот момент Хозяин прикрывает глаза от удовольствия и откидывает голову назад, показывая мне шею с острым кадыком, участок груди, видимый в вороте расстегнутой рубашки.

Могу поспорить, его кожа гладкая на ощупь.

— Это так возбуждающе, признайся, — сексуальный шепот Адель разносится над самым ухом, и она удерживает мой подбородок ладонью, вынуждая повернуться к ней. Успеваю лишь заглянуть в ее глаза, перед тем как она склоняется к моим губам и обхватывает своими, мягкими и прохладными. Они так нежно сминают мои, что я не пытаюсь отстраниться, хотя поцелуи с женщиной никогда не привлекали меня, даже не

рассматривались мною. Потом я спишу это на слишком быстрое опьянение и атмосферу этого места, а пока с наслаждением принимаю ласки, позволяя ей углубить поцелуй.

Закрываю глаза от наслаждения, в которое окунаюсь с головой, и совершенно бесстыдно подчиняюсь, воспринимая все как туманную ирреальность. Словно это происходит не со мной, не в моей жизни, не в моем мире. Словно настоящая я до сих пор живет в Изоляции и работает официанткой в кафе, словно я до сих пор слушаю предупреждения Элисон, идущей рядом со мной и рассказывающей о свободе выбора, словно я до сих пор не покинула стен и не столкнулась с совершенно чужим для меня миром.

Но я столкнулась и с удовольствием принимаю то, что он мне дает. Именно сейчас, в эту секунду, когда Адель заходит намного дальше, кладя свою ладонь на мое колено и продвигаясь выше. Наверное, я сошла с ума и потеряла последние капли стыда, но мне так нравится это — нравится ее возбуждающе нежные прикосновения, довольно настойчивые; нравится ее поцелуй и язык, властвующий в мое рту; нравится ее сладкий аромат, смешавшийся с моим, фруктовым.

Блаженно стону прямо в ее губы, когда она достигает моей промежности и начинает ласкать меня через ткань трусиков, уже влажных. В этот момент она отвлекается от моих губ, и я открываю глаза, наталкиваясь на Рэми, прожигающего нас блестящим от возбуждения взглядом. Девушка в его ногах ускоряет темп, и он поводит бедрами навстречу, слегка скалясь, и, положив ладонь на ее затылок, вгоняет член глубже. Напрягается, мелко-мелко дрожа, а потом с громким выдохом расслабляется и, отпуская голову танцовщицы, помогает ей пересесть на свои колени.

Дрожу тоже, так ярко ощущая каждое прикосновение Адель, и наблюдаю, как девушка сжимает и разжимает пальцы, предоставляя Хозяину свое запястье.

Не хочу это видеть, не хочу знать, что сейчас его зубы разорвут вену, и он использует ее не только для физического удовольствия, но и для насыщения. Лучше закрыть глаза, лучше отдаться на волю сладкой неги, лучше очутиться в опьяняющем дурмане, которым окутала меня Адель.

И я уже с трудом сдерживаю стоны, плюю на все правила приличия, разводя ноги шире, и изгибаю шею, чувствуя холодные губы, осыпающие ее поцелуями. Мне так хорошо, что я дрожу, не обращая внимания на то, как мягкие губы заменяются на что-то острое, царапающее кожу. Лишь ошарашенно распахиваю глаза и вскрикиваю, когда резкая боль оглушает, и тут же сильная рука дергает меня с такой силой, что я безвольно впечатываюсь в грудь Господина, успевшего выдернуть меня из-под зубов Адель. Он прижимает меня к себе, пока она разочарованно шипит и, пригибаясь к дивану, отползает назад, напоминая мне побитую змею. Ее глаза горят хищным огнем, и губы изгибаются в ужасающем оскале, пока я вишу в его объятиях, стараясь самостоятельно встать на ноги.

Меня так мутит, что я предпочитаю забросить это дело и довериться Рэми, по каким-то причинам спасшим меня от укуса.

— Что ты делаешь? — в его голосе просачивается ярость, грудь ходит ходуном, и объятия становятся крепче — он почти душит меня, сжимая сильными руками.

Ее лицо до сих пор напряжено, она поводит носом, чувствуя запах крови, а потом вытирает губу подушечкой большого пальца и тут же облизывает его языком. Мне кажется, я до сих пор не полностью осознаю, что же на самом деле случилось, так силен дурман, в котором я нахожусь.

— Tu as permis moi de faire jôjou tes jôjets, (Ты разрешал мне играть с твоими игрушками,) — наконец, она приходит в себя, и хищные черты заменяются на человеческие. Взгляд теплеет, и сама она будто сникает, понимая, как далеко зашла.

Я не принадлежу ей.

— Только после того, как наиграюсь сам. Запомни это, — он говорит это не требующим возражения тоном, а Адель скулит, словно провинившаяся собачонка подползая к Хозяину.

— Прости-прости-прости меня, мой Господин. Я виновата, этого больше не повторится. Я обещаю, — она протягивает к нему руки, ее тонкие запястья мелькают у меня перед глазами, пока я пытаюсь отстраниться от него, чтобы сделать глубокий вдох. Мне душно, я шепчу это, утыкаясь в его шею, прикасаясь к ней губами и беспомощно всхлипывая. Не понимаю, что со мной, не помню, как так получилось, не хочу ничего видеть, никого слышать.

Хочу тишины, покоя, надежности. Хочу спрятаться от этого места как можно дальше. Мне стыдно, мне больно, мне нечем дышать.

— Я задыхаюсь, мне плохо, плохо, — я произношу это с мольбой, сквозь морок опьянения, укачивающего меня, сквозь гул в ушах, становящийся громче. Лишь когда я оказываюсь в абсолютной тишине, открываю глаза и непонимающе оглядываюсь вокруг. Голова еще мутная, и я едва концентрируюсь на потолке, который оказывается мне знакомым. Мои ладони касаются чего-то мягкого и ворсистого, и я не сразу понимаю, что лежу на полу, наверняка брошенная своим Хозяином. В горле совершенно пересохло, так, что я едва сглатываю, испытывая дикую жажду.

Когда откуда-то сбоку разносится звон стакана, поставленного на стол, я с трудом поворачиваю голову в сторону, замечая сидящего в кресле Рэми. Его рубашка расстегнута полностью, босые ноги закинута одна на другую, волосы лишены обычного порядка, а сам он безотрывно смотрит на меня, при этом поглаживая подбородок пальцами. Я узнаю этот жест — скрытое предупреждение перед началом чего-то страшного — так было в столовой, прежде чем мне принесли отравленное вино. Не удивлюсь, если сейчас он накажет меня за столь позорное поведение, но вместо этого он опускает ноги и хлопает по ним ладонями, подзывая к себе.

— Иди ко мне, Джиллиан.

Мое сердце бухается куда-то вниз, на миг замирает, а потом пускается в галоп, разрывая голову от громкого стука. Превозмогая головокружение, я поднимаюсь на ноги и, поймав равновесие, подхожу к Господину. Он смотрит на меня снизу вверх, но даже в таком положении давит своим могуществом и силой, исходящих от него, поэтому я покорно становлюсь на колени и опускаю голову, готовясь к самому худшему.

— Ты настолько доверчива, что стоит приласкать тебя, как ты тут же теряешь голову, — он приподнимает мой подбородок, заставляя посмотреть в свои глаза, и поглаживает нижнюю губу большим пальцем, пока я бесполезно пытаюсь справиться с нервной дрожью. — Помни, с кем ты имеешь дело, прежде чем подставлять шею. Это самое уязвимое место, *ma fille****. Впрочем, в этом есть моя вина, я слишком много ей позволяю, — он великодушно протягивает мне стакан с водой, разбавленной лимонным соком, который я тут же опустошаю и благодарно целую тыльную сторону его ладони, приблизившейся ко мне.

Он так приторно нежен, когда проводит костяшками пальцев по моей скуле, что мне кажется, будто сейчас он достанет удавку и накинет на мою шею, чтобы проучить, но вместо этого его ладонь опускается на мое плечо и тянет на себя, вынуждая меня сесть на его

колени и положить голову на его грудь.

Его сердце молчит, в то время как мое задыхается в бешеном ритме.

Не могу удержаться, чтобы не проверить свои догадки, и провожу кончиками пальцев по его коже, которая действительно оказывается гладкой на ощупь. Он делает глубокий вдох, и его гладко выбритый подбородок, мелькающий перед моими глазами, вибрирует оттого, как он сжимает челюсти, чуть ли не скрипя зубами. Алкоголь, до сих пор гуляющий в моем организме, толкает меня дальше, и вот уже я прижимаюсь губами к его щеке, быть может, просто пытаюсь заглядить свою вину и избежать возможного наказания.

До этого расслабленный, он напрягается и стягивает резинку с моих волос, пропуская их между пальцев и сжимая. Оттягивает чуть назад, вынуждая меня оторваться от него, и смотрит, смотрит с таким откровенным желанием, что я начинаю задыхаться от предвкушения.

Эта ночь воистину безумна, эта ночь срывает с меня страхи и обнажает первобытные желания.

Я хочу его, но стыжусь в этом признаться. То, что начиналось в ночном клубе, продолжается сейчас, витая вокруг нас острым напряжением.

— Ты пахнешь чистотой, Джиллиан, — одна его рука продолжает меня удерживать, а другая берет за запястье, и Рэми подносит его к носу, вдыхая запах жизни, скользящей по моим венам. — Действительно сложно удержаться... — его влажный язык очерчивает дорожку из вен, и я уже точно знаю — Адель ошиблась — мой вечер только начинается. Как в подтверждение этого Господин обнажает зубы и одним резким движением прокусывает мое запястье, отчего я вскрикиваю, но, удерживаемая сильной рукой, тут же затихаю, наблюдая за тем, как он прикрывает глаза, слизывая кровь и начиная дрожать, словно в экстазе.

Он так внезапно отрывается от руки и поворачивается ко мне, что я едва успеваю разглядеть его окровавленные губы, властно прижавшиеся к моим. Этот поцелуй в корне отличается от поцелуев Адель, он твердый, покоряющий, деспотический. Он отдает металлическим привкусом крови, он пугает и возбуждает меня одновременно, отчего я глухо стону, чувствуя, как кровь с запястья капает на мои оголенные бедра, едва прикрытые коротким платьем. Это платье бесстыдно задралось, и Хозяин пользуется этим, кладя прохладную ладонь на мое бедро и продвигаясь выше, на ягодицу, которую тут же крепко сжимает.

Ожидание важного события в моей жизни кружит голову, и я не произношу ни звука, пока Господин с легкостью встает на ноги, заставляя меня ухватиться за его плечи и обхватить его бедра ногами. Голова кружится еще сильнее, по мере того, как кровь с прокушенного запястья орошает его рубашку, прилипающую к телу. И я уже плохо соображаю в какой момент оказываюсь в его постели, той самой, на которой я застала их с Аделью.

Он скидывает с себя рубашку, пока я сжимаю в кулаках атлас простыней и сквозь полуопущенные ресницы наблюдаю за ним. Вновь окунаюсь в дурман, какой-то полусон, но теперь не связанный с алкоголем, скорее вызванный подступающей слабостью от потери крови. Я не боюсь, потому что чувствую, что Хозяин не позволит мне умереть и прекрасно знает ту тонкую грань, когда стоит остановиться.

— *Ma petite*, — обжигающе шепчет он, виртуозно справляясь с моим платьем и приступая к белью. Вряд ли я могу здраво оценивать обстановку, потому что все чаще

прикрываю глаза, все больше вырываюсь из реальности, полностью полагаясь на чувства и ощущения, что он дарит мне своими умелыми ласками. Моя кожа липкая от крови, простыни подо мной постепенно намокают, и сам Господин запачкан ею. Мне даже кажется, что эта кровавая картина доставляет ему истинное удовольствие, потому что он не брезгует ею, наоборот, слизывает кровь с моей обнаженной груди, попутно прикусывая соски и заставляя меня изгибаться.

Сейчас я не принадлежу себе, сейчас я другая: порочная, откровенная, смелая. Сейчас я сама тянусь к нему и развожу ноги, желая ощутить его в себе. Умоляю прекратить эту пытку, но тут же шепчу "простите", вжимаясь затылком в подушку и закатывая глаза от безумия, что творится со мной.

Это не я, не Джиллиан, не девочка с Изоляции.

Это я — его игрушка, любовница, его малышка — он шепчет это, наконец прекращая мои мучения и постепенно входя в меня плавным и, о боже, осторожным движением. И в тот момент, как я впервые чувствую в себе мужчину, я напрягаюсь, сжимая его член плотным кольцом мышц и не давая войти глубже.

— Посмотри на меня, Джил, — он говорит это, тяжело дыша и заботливо замирая, и я открываю глаза, наталкиваясь на его горящий желанием взгляд. — Позволь мне.

Господи, видимо, я в бреду, в лихорадке, потому что сейчас я забываю, кто он, и что он далек от идеального мужчины, с которым я могла бы насладиться первым разом. Но отчего-то именно ему я доверю, поэтому коротко киваю и вновь расслабляюсь, позволяя ему завершить начатое.

Резкая боль разрывает низ живота, и я болезненно морщусь, но не останавливаю его, не умоляю, просто закрываю глаза и сосредотачиваюсь на его плавных движениях внутри меня.

Рэми повсюду: он во мне, поцелуями на моей коже, жарким шепотом на губах, весом своего тела на моем. Он заполняет собой все пространство, не оставляя ничего, кроме себя. Только он, он, он... только постепенно нарастающая нега где-то внутри, там, где его член упирается в меня, вызывая приятно-болезненный дискомфорт.

Я схожу с ума, очевидно, но я теряю себя, совершенно забывая свою роль в его мире. Плевать, на все плевать, не хочу думать об этом сейчас.

Хочу упасть вместе с ним.

— Со мной, *ma petite*.

С вами...

Из всех комнат, в которых я побывала, почему-то именно библиотека Хозяина дарит мне чувство комфорта и защищенности, и, как только я заканчиваю с завтраком, сразу спускаюсь вниз, чтобы спрятаться за массивной дверью тихой обители. Я беру какую-нибудь книгу и, кутаясь в теплый плед, устраиваюсь в кресло, чтобы с головой окунуться в вымышленный мир, а заодно забыть события той ночи, когда я так бесстыдно отдалась Рэми. Мне до сих пор сложно поверить в это, словно это было лишь сном, но забинтованное запястье, а также общая слабость, которая все не желает отпускать меня, каждый раз напоминают мне и вызывают смущение.

Наверное, мне было бы легче, если бы я увидела Господина, его реакцию и его поведение, но, как ни странно, после той ночи мы ни разу не виделись — утром я проснулась одна, и только на следующий день узнала, что он покинул поместье. Поэтому, находясь в подвешенном состоянии и не зная, кто и что я теперь, я совершенно теряюсь и предпочитаю полное одиночество, чем общество той же Мадлен. Впрочем, на то, чтобы избегать ее, у меня есть свои причины, ведь именно она стала первой, кто пришел ко мне утром, кто увидел меня в таком состоянии и помог прийти в себя. Она не говорила ни слова, просто помогла мне подняться и подставила свое плечо, чтобы я смогла добраться до ванной и смыть с себя кровавое безумие ночи, застывшее на коже тонкой бордовой пленкой. И в то время как я лежала в ванной, то и дело проваливаясь в полудрему, она как преданный пес стояла у двери с полотенцем в руках.

Мадлен все эти дни выхаживала меня, приносила горячее вино и гранатовый сок, еду, которую я с удовольствием съедала в перерывах между сном и мыслями о произошедшем. И это стало моим проклятием, потому что я не могла, не могла не думать, не вспоминать, не цепляться за приятные моменты.

Сейчас я делаю то же самое, волей-неволей возвращаясь к той ночи и совершенно забывая про книгу в своих руках, которую открыла на полном автомате. Лишь когда за спиной открывается дверь, возвращаюсь в реальность и поворачиваю голову, надеясь, что это Мадлен, а не Рэми, вернувшийся с поездки.

Но ни одна из моих догадок не оправдывается, и я рефлекторно напрягаюсь, глядя на приближающуюся ко мне Адель.

— *Bonsoir, petite**, - она бросает на меня быстрый, но цепкий взгляд, и проходит напрямик к окну, вставая ко мне спиной. Сегодня Адель одета не менее элегантно — в строгое черное платье с глубоким вырезом на спине, который позволяет проследить за ее чуть выпирающими позвонками. Красные туфли и в тон им шарфик, небрежно обернутый вокруг шеи. — Как твои дела?

— Уже лучше, — не могу ничего поделать и выпускаю обиду, тонко намекая о вечере, когда она хотела меня укусить. На этих словах она резко разворачивается и еще больше прищуривает глаза, рассматривая меня так пристально, что я неосознанно вжимаюсь в кресло, словно пытаюсь спрятаться от нее.

— Ты не должна бояться меня, этого больше не повторится. Мне жаль, что я проявила слабость.

— Я не боюсь тебя, — конечно нет, если не считать того, что сейчас я чувствую себя совершенно беспомощной перед ней. В конце концов, Господина нет дома, и вряд ли кто-то

решился встать между нами.

— Тогда забудем об этом? — она натянуто улыбается, садясь в кресло напротив и поправляя подол платья. Только сейчас замечаю сигареты в ее руках, которыми она тут же пользуется, поджигая одну из них и делая глубокую затяжку. Дым тонкой струйкой вырывается из ярко-алых губ, и всего на секунду красивое лицо Адель скрывается за сизым туманом. — Ты изменилась, Джил, это невозможно не заметить. Он сделал тебя своей?

При этих словах я опускаю голову и впервые радуюсь тому факту, что до сих пор не пришла в норму, иначе яркий румянец не заставил бы себя ждать. Слишком щекотливая тема, чтобы я могла обсуждать это с кем-либо.

— Можешь не отвечать, это написано на твоем лице. Знаешь, Джиллиан, ты можешь мне не верить, но как только я увидела тебя на том приеме, я поняла, что ты станешь особенной для него, — в ее голосе появляется легкая грусть, и сама она становится задумчиво-серьезной. Она выдерживает паузу, словно пытаюсь подобрать нужные слова, а я задыхаюсь от предстоящего разговора, потому что, оказывается, до ужаса боюсь надежды, что он может принести с собой. Ведь если я особенная для него, вполне возможно он не убьет меня. И будто читая мои мысли, Адель возвращает меня на землю: — Только не стоит себя обманывать — ты не станешь исключением, потому что слишком чиста, в тебе нет хитрости, которая могла бы спасти тебя.

— Где-то я уже это слышала, слишком альтруистична, сострадательна, доверчива, а теперь еще и бесхитростна. Если я так безнадежна, почему он не убьет меня?

— Не знаю, — Адель пожимает плечами, при этом чуть поджимая губы, но продолжая проникновенно смотреть в мои глаза. — Быть может, потому, что, сами того не осознавая, мы ищем то, что нет в нас. То, что мы не смогли уберечь за столетия жизни, но каким-то удивительным образом сохранили в себе люди. То, что делает вас людьми — ваши чувства.

— Но разве вы не подвержены чувствам?

— Все больше безразличие и скука, — Адель окидывает библиотеку безэмоциональным взглядом. — Обрати внимание на его дом, ты не найдешь ни одной одинаковой комнаты — все они выполнены в разных стилях, потому что, когда живешь сотни лет, становится невыносимо скучно. На помощь приходит разнообразие и... игрушки.

— То есть мы, — чувствую подкатывающую злость и раздраженно захопываю книгу, только сейчас замечая, что держала ее верх тормашками. Лощеные богачи и богачки, покупающие людей для собственного развлечения.

— То есть вы, — Адель кивает головой, а потом совершенно неожиданно подается вперед, окутывая табачным дымом и меня. Ее сигарета почти дотлевет, и серый пепел неаккуратно слетает вниз, образуя на ковре маленькую проплешину, которую она тут же топчет ногой. — Но знаешь, что самое страшное, *petite*, что потом вы привыкаете к нашему миру и становитесь такими, как мы. Забываете про свою человечность и теряете себя, — она бросает сигарету в стоящий на столике пустой стакан и, в то время как я смотрю на нее большими от понимания глазами, поддвигается еще ближе, почти насильно заключая мои ладони в свои. Ее шепот становится жарче, откровеннее, быстрее: — И именно в тот момент, когда вы становитесь нашим отражением, вы подписываете себе приговор, потому что, как бы мы не презирали вашу человечность, в тайне мы хотим, чтобы вы ее сохранили. Помни об этом, когда потеряешь голову от любви к нему, — последнюю фразу она выдыхает мне в губы, а потом стремительно отшатывается назад, с тревогой смотря в сторону двери. — Дамиан... — тянет она, скидывая с себя серьезность и широко улыбаясь. Встает, чтобы

поприветствовать его, но остается на месте, замечая его недовольный взгляд, скользнувший сначала по ней, а потом и по мне.

Он подходит к столику с напитками, берет чистый стакан и, смотря только на Адель, наливает себе выпить. Не могу не заметить усталость на его лице, и чувствую едкое разочарование, потому что больше там ничего не нахожу. Мои иллюзии остаются иллюзиями, надежды гаснут, а мне хочется провалиться сквозь землю, чтобы не видеть въевшегося в Господина равнодушия. И, пока я пытаюсь совладать с эмоциями, Рэми делает маленький глоток, а потом, закатав рукава рубашки, устало усаживается в кресло, в котором только что сидела Адель.

— Ты устал?

— Всего лишь голоден, — на этой фразе оба они, как по команде, переводят внимание на меня, и я обхватываю забинтованное запястье ладонью, нервно сглатывая и ожидая его приказа. Но, видимо, я выгляжу слишком изможденной, потому что уже в следующую секунду он обращается к Адель:

— Принесешь что-нибудь?

— Конечно, — вижу ее недовольство, вижу, как темнеет ее взгляд, когда она склоняется к нему, чтобы оставить поцелуй на его скуле. Вижу, как он почти не реагирует, продолжая изучать меня и тем самым показывая, что хочет остаться со мной наедине. Хотя я напротив, предпочла бы сходить за кровью, чем сидеть в одной комнате с ним и ощущать на себе тяжесть встречи.

— Что она делает здесь? — Как только за ней закрывается дверь, тихо произносит он. Я же теряюсь, не желая говорить о нашем разговоре, и делаю вид, что рассматриваю обложку книги. Мне становится так тревожно, будто меня застали за чем-то секретным, неправильным, запрещенным. Словно я предала его, доверившись кому-то еще.

— Она хотела увидеть вас.

— Ложь. Ты совершенно не умеешь лгать, Джил. Адель знала, что я в отъезде, но не знала, что я вернусь сегодня, — будто предугадывая мою последующую реплику, поясняет он, а я начинаю нервно перебирать страницы книги, пытаюсь придумать какое-нибудь оправдание. Да что в этом такого? Разве ей запрещено приходить в этот дом?

— Она сказала, что сожалеет о том вечере.

— Вот как? — он иронично изгибает брови, кажется, не собираясь верить, пока в комнате не разносится голос Адель, вернувшей себе манеру говорить нараспев.

— Это правда, Дамиан. Мне жутко неудобно перед Джил, а главное, перед тобой, — она откровенно фальшиво улыбается, сбрасывая с себя ту искренность, что была в ней минуты назад, и нагло садится на колени Хозяину, протягивая ему бокал с кровью. — Еще теплая, — она царапает его плечо длинными ухоженными ногтями, а я отворачиваюсь в сторону, морщась от отвращения и рассматривая бесконечные полки книг. Даже интересно, кто стал случайным донором в этот раз? Мадлен? Или тот молчаливый дворецкий? Ведь оба они, как выяснилось, люди.

Поворачиваюсь лишь после того, как слышу звук поставленного на стол стакана, и не могу удержаться, чтобы не взглянуть на него. Передергиваю плечами и поджимаю губы, рассматривая стекло, окрашенное в темно-алый. На его дне осталось еще немного крови, и я живо представляю, как через несколько минут она загустеет и превратится в отвратительно-бурую кляксу, напоминающую желе.

Мне просто нужно привыкнуть к этому, если я успею.

— Как обстановка в Совете Девяти? — Вопрос Адель заставляет меня бросить быстрый взгляд на них, но тут же опустить его, потому что ее довольно интимные ласки вызывают чувство неловкости и смущения. А она, как ни в чем не бывало, продолжает ласкать его ушную раковину языком, прикусывать мочку, гладить ладонью грудь, ерзать на его коленях. Рэми же, я это точно знаю, наблюдает за мной, пока я сконфуженно выдергиваю ворсинки из окутавшего меня пледа.

Господи, пусть он перестанет смотреть на меня, иначе я спрячусь в одеяло с головой.

— Совете Восьми, если быть точным.

— О чем ты говоришь? — ее голос резко меняет тональность и теперь в нем нет игривых ноток или эротичного подтекста, потому что они заменяются на искреннюю тревогу и даже растерянность. Я поднимаю голову, впервые видя Адель такой обеспокоенной, и перестаю дышать в ожидании подробностей и разъяснений, ведь мне так хочется узнать об их мире чуть больше, чем стены этого дома.

— Бьёрна убили.

— Этого не может быть, Дамиан. Не может, — она отрицательно мотает головой, не желая верить в случившиеся и послушно слезая с его колен, когда он жестом просит ее подняться.

— Может, как видишь. Поговорим позже, мне необходимо завершить некоторые дела. Не засиживайтесь допоздна, — он говорит это нам, но почему-то смотрит именно на меня. Проходит совсем близко, так, что я ощущаю его аромат, и оставляет нас одних, по-видимому, полностью доверяя Адель и веря, что она не причинит мне зла. И, если честно, я тоже верю в это. Даже не знаю, почему вдруг, но сегодняшний разговор определенно сделал нас ближе, либо я опять проявляю маниакальную доверчивость.

После его ухода мы молчим несколько секунд: она, переваривая полученную информацию, а я — боясь задать один из множества вопросов. Лишь когда она хочет пройти к выходу, наверняка надеясь догнать его и узнать подробности, я перехватываю ее ладонь и с мольбой заглядываю в прищуренные зеленые глаза, взглянувшие на меня с неким нетерпением.

— Прощу тебя, Адель, что такого в убийстве Бьёрна и что такое Совет Девяти?

— Это не твое дело, малышка, — она говорит это несколько раздраженно, но не пытается вырвать руку из моей хватки, все продолжая нависать надо мной. — Черт, я не должна говорить с тобой об этом, — она морщится словно от удара, передергивая плечами и закатывая глаза. Сейчас я захожу слишком далеко, пытаюсь раскрутить ее на подробности, но Адель мой последний шанс, ведь Господин вряд ли станет обсуждать со мной эту тему.

— Наш сегодняшний разговор, знаешь, ты тоже не должна была говорить мне это, но сказала, почему?

— Совет Девяти состоит, вернее состоял, из девяти старейших вампиров, во главе которого, конечно, стоит Дамиан. Они создали наш мир и следят за порядком в нем. Благодаря им мы перестали бояться угроз со стороны людей, мы вообще перестали бояться, вступив на новую ступень эволюции. Только посмотри, Джил, где мы и где вы — те, кто устраивал за нами охоту, кто считал себя сильнее нас, — она говорит это с ощутимым превосходством, в ответ сжимая мои пальцы, почти до хруста, и показывая свое преимущество в силе. — Совет Девяти — это самая верхняя ступень в иерархии вампиров, они неприкосновенны, их общество священно для нас, они наши прародители и родоначальники. Именно поэтому убийство одного из них так неожиданно.

— Почему?

— Потому что это означает одно: абсолютной власти не бывает, глупышка, — она говорит это с родительской снисходительностью, словно перед ней сидит несмышленный ребенок, которым, по сути, я и являюсь на фоне их бесконечной жизни. — И это значит, что кто-то бросил вызов закону.

Адель уходит, а я закутываюсь в плед по самое горло и, глядя на заходящий закат, вспоминаю дом, где не было никаких вампиров, где жизнь текла по налаженному сценарию: работа, дом, работа. Мы радовались малому и дорожили мелочами, мы прозябали в болоте, но были точно уверены, что завтра будет так же, как вчера, а сегодня, как завтра. Здесь же я не могу чувствовать себя уверенной в завтрашнем дне, и не только потому, что мой Хозяин древний вампир, но и потому, что его власть, как оказалось, может рухнуть, как и созданный им мир.

Не жалко, если честно. Быть может, тогда не будет колоний, бетонных стен, загнанных людей, убийств ради развлечения. Быть может, тогда у нас появится возможность стать кем-то большим, чем обыкновенные игрушки. Быть может, тогда мы узнаем, что такое справедливость. Впрочем, если бы я не столкнулась с миром Рэми, то вряд ли когда-нибудь задумалась об этом, ведь Изоляция создавала иллюзию свободной жизни, когда на самом деле все мы были рабами.

Но, как сказала, Адель: абсолютной власти не бывает, так что посмотрим, насколько прочна власть Господина. Посмотрим.

Наверное, я начинаю понимать слова Адель про скуку на третий день моего вынужденного одиночества, когда так любимая мною библиотека оказывается занята Господином, решающим какие-то важные вопросы. Мне же остается собственная комната и страх сунуть свой нос в другие, расположенные по обе стороны от длинного коридора, заканчивающегося опять же дверью. Она так притягивает меня, что иногда я нахожу в себе смелость дойти до нее, чтобы просто встать рядом и, прикусив нижнюю губу от нерешительности, потоптаться на месте.

Любой шорох сгоняет меня обратно, и я опять прячусь в своей спальне, совершенно не понимая, зачем я здесь, если за все это время обо мне ни разу не вспомнили. И нет, мне не обидно, разве только чуть-чуть, потому что до ужаса хочется знать причину такого стойкого равнодушия Рэми. Быть может, как только он сделал меня "своей", как выразилась Адель, он потерял ко мне всякий интерес и теперь уже рассматривает только как донора, но даже для этих целей меня ни разу не вызывали.

Одна Мадлен продолжает приходить ко мне три раза в день, и я даже интересовалась у нее про Адель, с которой за все это время так и не виделась. И, стоит признать, я начинаю скучать по ее обществу, по ее аристократической уверенности и размеренной речи, а еще шансу узнать что-нибудь еще. Так или иначе я продолжаю тонуть в одиночестве и от нечего делать, наконец, решаюсь заглянуть в дальнюю комнату, которая не дает мне покоя, будто за дверью скрывается еще одна тайна, которая поможет мне понять загадочный мир Господина.

Я вхожу в нее несмело, стараясь не шуметь и сразу же закрывая за собой дверь. Сейчас вечер, и через зашторенную полупрозрачной вуалью стеклянную дверь, ведущую, скорее всего, на балкон, я вижу силуэты туч, нависших над землей и готовящихся разразиться осенними слезами. Они клубятся над домом, из-за чего в комнате властвует таинственный полумрак, но даже в нем я могу рассмотреть, насколько сильно эта комната отличается от остальных. Здесь нет кричащей роскоши, и повседневная сдержанность застывает на современной мебели из белого материала. Может, поэтому спальня кажется легкой, воздушной, свежей, даже на фоне темнеющего вечера, который набирает обороты по мере того, как небо густеет серостью, а в окна начинают стучаться первые капли дождя.

Широкая кровать, застеленная белоснежным бельем; приоткрытый шкаф-купе с огромными зеркалами; туалетный столик с наставленными на нем баночками и пуф возле него с брошенным на нем женским пеньюаром; торшеры по углам комнаты, прикроватная тумбочка с лежащей на ней открытой книгой и белоснежный диван мягких форм, наверняка удобный и комфортный. Проявляю любопытство и, пододвинув одежду, сажусь на пуф, опираясь локтями о столик и всматриваясь в свое отражение в пыльном зеркале. Кажется, за последние дни я похудела еще больше, отчего мои скулы стали острее, а глаза на фоне бледного лица кажутся просто огромными. Если ресниц чуть-чуть коснуться тушью, а губы накрасить помадой, то я вполне сойду за куклу, ту самую игрушку, о которой говорила Адель.

В мыслях об этом провожу ладонью по глади зеркала и стираю осевшую на нем пыль. Судя по ее толщине, здесь жили не так давно, а по брошенным вещам создается ощущение, что ее хозяйка просто ушла, вышла, но так и не вернулась. Потерялась, сбежала, не смогла

найти дорогу обратно, оставив после себя все, как было в последний момент ее нахождения здесь. Открытая книга, которую так и не дочитают, скинутый с плеч пеньюар, который никто уже не наденет, скомканное на спинке дивана одеяло, которым она укутывалась в особенно холодные ночи. Кто она и где сейчас я не знаю, но все же догадываюсь, с отчаянием понимая, что она была такой же, как я, игрушкой.

Все же тянусь за тубиком туши и с надеждой открываю футляр. Так и есть, тушь чуть засохла, но еще вполне сгодится. Пару взмахов, и мои глаза приобретают выразительность, еще раз провожу кисточкой по ресничкам во внешних уголках глаз и остаюсь довольна результатом. Очередь помады, которая, на удивление, в единственном экземпляре. Она оказывается светло-розовой, едва заметной, но все равно придает живой блеск моим бледным губам.

Напоследок распускаю волосы и провожу по ним щетинистой расческой. Они чуть выются от влажности в комнате, поэтому красивыми волнами ложатся на плечи. Не знаю, для чего я это делаю, но отчего-то именно сейчас мне хочется быть красивее, чем она, пусть даже если ее уже нет в живых, пусть даже если меня никто не увидит, пусть даже если на самом деле это не так.

Шум дождя за окнами становится сильнее, и я отвлекаюсь от зеркала, вставая и подходя к стеклянной двери. В моей комнате нет балкона, хотя я бы очень хотела его, потому что меня все чаще тянет на улицу, которая по неясным причинам остается для меня запретной территорией. Видимо, Господин рассматривает вариант того, что я попытаюсь бежать, таким образом нарушив контракт. Но ведь мне некуда бежать, совершенно.

Так что, Рэми, ты можешь быть спокоен.

Всего одно нажатие на ручку требуется для того, чтобы дверь поддалась, и я смогла вдохнуть свежий прохладный воздух, наполненный запахами прелой листвы. Ветер, почувствовав свободный проем, врывается в комнату, раздувая занавески куполами, а я смело прохожу вперед, вставая под крупные капли дождя и задирая голову кверху, чтобы поймать несколько из них языком. Не обращаю внимания на то, как постепенно намокают волосы и платье, прилипающее к телу, и встаю около каменных перил, всматриваясь в густоту вечера. Наверное, мой макияж безвозвратно испорчен, и теперь я похожа на заплаканную куклу, но мне совершенно плевать, потому что, несмотря на холод, не могу не насладиться открывшимся передо мной видом.

Оказывается, эта сторона дома смотрит на сад, сейчас сбросивший листву и превратившийся в уродливое сплетение веток. Деревья раскачиваются в такт ветру, а я подаюсь чуть вперед, все сильнее сжимая перила и наслаждаясь этим единением с природой. Мне холодно и мокро, но я продолжаю стоять, убирая прилипшие к щекам волосы и вновь подставляя лицо дождю.

— Что ты здесь делаешь? — угрожающе мягкий голос Хозяина заставляет меня вздрогнуть и резко развернуться. Он стоит, предусмотрительно не выходя на балкон и оперевшись плечом о косяк. Занавески за его спиной продолжают взмывать к потолку, на секунду опускаются на его плечи, а потом вновь исчезают, как только их подхватывает сильный ветер.

Дождь, стекающий по моему лбу, скапливается на ресницах, заставляя меня часто-часто моргать и слизывать попадающие на губы капли.

— Подойди ко мне, Джил, — Рэми протягивает мне руку, говоря это тихим вкрадчивым голосом, и я как замороженная смотрю на его ладонь, которая призывает меня своей

надежностью. Как только я касаюсь ее пальцами, лицо Хозяина искажается от злости, и он, не рассчитывая силу, сжимает мою руку, дергая резко на себя и чуть ли не закидывая меня в комнату. Дверь за нами с грохотом захлопывается, и я начинаю дрожать от страха, молча наблюдая за подкрадывающимся ко мне Дамианом.

Наверное, мне не стоило приходить сюда, потому что он зол, недоволен, разгневан.

— Ты не ответила на вопрос. Что. Ты. Тут. Делаешь? — Каждый его неторопливый шаг вызывает во мне еще большую дрожь, и я рефлекторно отхожу назад, боясь его тихого гнева.

— Не знаю, мне было скучно, — беспомощно пожимаю плечами, говоря это таким затравленным голосом, что всего на миг мне становится стыдно. А потом я вспоминаю, кто передо мной, и тут же оправдываю свой страх. В конце концов, это не милый пушистый зайчик. В конце концов, я зашла в комнату, которую не должна была заходить — я это вижу по его горящему злостью взгляду. Быть может, здесь жила та, которой он дорожил, которую, вполне возможно, любил. Потому что комнаты оставляют в неубранном виде только те, кто ревностно хранит воспоминания о покинувших их жильцах.

— Скучно... Я говорил тебе, как отношусь к любопытству, *ma fille* (моя девочка)?

— Простите, мой Господин.

— Маленькая, упрямая, безрассудная. Ты дрожишь, — он так стремительно сокращает расстояние между нами, что я успеваю сделать лишь судорожный вдох, прежде чем оказаться в его сильных объятиях. Он проводит кончиком носа по моему виску и, несмотря на мой жалкий мокрый вид, прижимает к себе, попутно зарываясь пальцами в волосы и лаская мой затылок. Чувствую крепость его груди, скрытой под рубашкой; чувствую его горький аромат, который впоследствии останется на моей коже; чувствую его напряжение, наверняка связанное с моим поступком. — Зачем ты вышла на балкон? — он шепчет, лаская своим дыханием ухо, прикасаясь губами к коже, засасывая ее, оставляя на ней красные метки.

А я не знаю, что ответить, потому что мне слишком хорошо в его руках, чтобы я могла здраво объяснить свой поступок. Страх перед ним смешивается с просыпающимся желанием, волнением, которое нарастает по мере того, как он сильнее сжимает пальцы, оттягивая мою голову назад и заставляя меня изогнуть шею. Вспоминаю его слова про уязвимое место, но не сопротивляюсь, зная, что это бесполезно.

Он сильнее меня и может с легкостью сломать куклу.

Мой взгляд упирается в потолок, пока Рэми склоняется к моей шее и приторно медленно проводит языком по бьющейся венке. Зажмуриваю глаза, ожидая укуса, но вместо этого слышу его глухое рычание, когда он утыкается носом в основание моей шеи и глубоко дышит. Его хватка слабеет, и, наконец, он отпускает мои волосы, позволяя мне выпрямиться и положить голову на его плечо.

— Чтобы я больше не видел тебя в этой комнате. Сейчас же прикажу закрыть ее.

А это значит, что я права — он хранит в ней свои воспоминания, которые не должны запачкать своим присутствием другие. Мое желание падает, сдаваясь под натиском горького разочарования, и я спокойно смотрю вслед Рэми, который уходит, оставляя меня одну и точно зная, что я не посмею его послушаться.

Единственное, что я беру из этой комнаты — это ту самую розовую помаду, которая еще сохранилась на моих губах воспоминанием о жившей здесь незнакомке.

Сегодняшняя ночь по-особенному тревожная для меня: мне снятся облака из прозрачной вуали, за которыми прячется маленькая хрупкая фигура, лишь один силуэт,

просвечивающий через завесу. Такое ощущение, что я вновь нахожусь в той комнате, где застучал меня Господин, и, стоя напротив двери, интуитивно чувствую чье-то присутствие. Оно не опасно для меня, но не может не вызывать беспокойства, потому что на улице сильный ветер и створки двери то и дело хлопают, вызывая громкий лязг стекла. Я слышу шепот, доносимый с балкона, и, движимая любопытством, крадусь ближе. Мне мешают занавески, и я отчаянно отмахиваюсь от них, пытаюсь не потерять из вида фигуру. Внезапно ветер прекращается, и вокруг становится до дрожи тихо и тяжело, словно сейчас должно случиться что-то страшное, неминуемое, то, на что я уже не смогу повлиять.

Потому что я не успею, не успею взять ее за руку, вытащить на эту сторону, спасти.

— Остановись! — я кричу, но она лишь слегка поворачивает голову в мою сторону и улыбается, без страха разжимая руки и падая вниз, на черную-черную землю, тут же ее поглотившую. — Остановись, остановись, остановись.

Я просыпаюсь с громким криком и, вскакивая на кровати, обвожу комнату обезумевшим взглядом. Сон был настолько реалистичным, что перед глазами до сих пор стоит ее обреченно грустная улыбка. Открытое настежь окно щелкает стеклянной пастью, играя с ветром, и пол под ним давно намок от дождя, превратившегося в лужу. В комнате до ужаса жарко и душно, и мне тяжело дышать. Я хватаю ртом воздух, скидывая с себя одеяло и оставаясь в одной короткой ночнушке, которая давит на грудь, отчего я без жалости скидываю ее, едва поднимаясь на ноги и пробираясь к открытому окну.

Только здесь я чувствую облегчение, шлепая по мокрому полу босыми ногами, и, закрыв окно, прижимаясь к нему лбом. Прохлада стекла остужает разгоряченное лицо, и мое дыхание выравнивается, страшный сон меркнет, а девушка наконец перестает улыбаться.

— Что произошло? — Адель открывает дверь настежь, сразу включая свет и шурясь от него. На ней небрежно накинутый халатик, который она завязывает по дороге до меня. Волосы лишены идеального порядка, и сама она домашне-уютная, не такая, какой я привыкла видеть ее. — Джил, что с тобой? — она подходит ко мне, точно так же шлепая ногами по образовавшейся луже, и я обнимаю себя за плечи, пытаюсь спрятать свою наготу от ее обеспокоенного прощупывающего взгляда. Холодные ладони обхватывают мое лицо, и она чуть склоняется, чтобы заглянуть мне в глаза и выяснить, что же на самом деле произошло.

— Всего лишь кошмар.

— Ты напугала меня, *la petite*, — она ласкает мои щеки кончиками пальцев и улыбается, слишком тепло, слишком человечно, слишком понимающе. И я улыбаюсь тоже, радуясь этой ночной встрече, потому что с ней я не ощущаю себя брошенной и ненужной.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду, когда Дамиан закончит с делами. Он позволил остаться с ним, — Адель целует меня в лоб, растирая мои озябшие плечи, а я не замечаю, что мы до сих пор стоим в луже холодной воды.

— Знаешь, что мне приснилось, Адель?

— Понятия не имею, — она мотает головой, обнимая меня за плечи и подводя к кровати, а я не могу понять, как, почему она так добра ко мне? Что движет ею в тот момент, когда она заботливо убирает мои волосы, прилипшие к влажным от испарины вискам? Для чего она делает вид, что друг мне? — ведь я всего лишь наложница в этом доме, никто и ничто по сравнению с ее статусом.

— Мне приснилась девушка, прыгнувшая с балкона. В той самой комнате, в которой я

сегодня была.

— В какой комнате? — она подозрительно прищуривает глаза, садясь со мной рядом, плечом к плечу.

Мне приятна ее близость.

— В конце коридора.

— Ах эта, — кивает она, как бы между прочим разворачиваясь ко мне в пол-оборота, и теперь она еще ближе, я чувствую шелк ее халатика нагой грудью и едва уловимый аромат медового лосьона для кожи. Наверное, я сошла с ума, потому что больше не испытываю страха перед ней, совершенно забыв про ее сущность; не ощущаю того уважительного волнения, что испытываю рядом с Рэми; не вижу в ней кровожадного вампира, которым на самом деле она является. Скорее мне уютно с ней, даже спокойно, так обыденно легко, что я готова рассказать ей о своих страхах.

— Сон был таким реалистичным.

— Бывает, — ее зрачки расширяются, когда она склоняется к моим губам и целует, как тогда, в ночном клубе, нежно и мягко, попутно кладя ладонь на мое плечо и постепенно спускаясь ниже, на грудь, которая тут же реагирует приятным томлением. Такое ощущение, что она хочет отвлечь меня от неприятного для нее разговора, который позволит мне узнать ее глубже.

— Аде-е-ель. В то время, как я надеюсь увидеть тебя в своей постели, ты совращаешь мою наложницу. Не совсем честно, не находишь? — наигранно насмешливый тон Рэми вынуждает нас резко отпрянуть друг от друга, и я вновь обнимаю себя за плечи, пока Адель на секунду закрывает глаза и виновато поджимает губы.

— Тебя не было слишком долго, — говорит она, принимая бесстрастный вид, словно и не она минуту назад так беспокоилась обо мне.

— И ты решила найти мне замену? — Господин до сих пор стоит в дверях, и я поворачиваю голову к нему, настороженно прислушиваясь к его тону и прекрасно различая что-то чуждое ему, непривычное, не равнодушное. Что-то, что притаилось в уголках его губ, во взгляде черных глаз, прожигающих не меня — Адель. Его поза совершенно расслаблена, он стоит небрежно прислонившись к косяку и скрестив на груди руки, голова склонена чуть вбок, и весь его вид показывает полное безразличие... если бы не глаза. Они пылают от едва сдерживаемой ярости.

Он ревнует ее, ко мне, Боже, какая ирония. К той, которая никогда не сравнится с ним и действительно не сможет заменить.

— Что ты, Дамиан, твоей девочке приснился страшный сон, она кричала.

— Думаю, Джиллиан способна сама совладать со своими страхами, правда, *la petite*?

— Да, конечно, — я виновато опускаю голову, сцепляя пальцы и рассматривая побелевшие костяшки. Матрац распрямляется, когда Адель встает, и идет к выходу. Прислушиваюсь к ее тихим шагам, которые угасают где-то в коридоре, но не могу расслышать удаляющиеся шаги Господина, потому что он продолжает стоять на месте, наверняка решая, что делать со мной, так некстати обратившей внимание его любовницы на себя.

— Какое маниакальное желание к кому-нибудь привязаться. Ты напоминаешь мне собачонку, Джил. Доверчивую, глупую собачонку, — он шепчет это так язвительно и гадко, что в этот момент я действительно чувствую себя собачонкой, которая провинилась перед своим хозяином. Осталось упасть в его ноги и выкулить прощение за то, что приняла ласку

от чужого человека. Но, по крайней мере, этот человек проявляет ко мне что-то большее, чем просто безразличие, и он ни лишил меня семьи и свободы. — Только смею тебя предупредить: Адель не оценит твою жертву, поверь мне.

И, пока я рассматриваю свои пальцы, Хозяин закрывает двери и совершенно неслышно подходит ко мне. Он грубо обхватывает мой подбородок, вынуждая меня поднять голову, и замолкает, прекращая источать яд. Его глаза по-прежнему пылают яростью, мне кажется, скажи я хоть одно непродуманное слово, как эта ярость выльется на меня оглушающей болью. Поэтому я молчу, гипнотизируемая его взглядом и не знающая, что ожидать от него.

Секунды проходят, превращаясь в колючее напряжение.

— Не ищи в ней друга, Джиллиан. *Je ne livrerai pas toi lui. Tout le monde sauf toi.* (Я не отдам тебя ей. Только не ты.)

— Тогда в ком?

— Думаю, здесь с этим будет проблема. Так что оставь свои наивные человеческие привычки и привыкни к тому, что ты здесь в роли игрушки, — на его последних словах я прикусываю губу, чувствуя предательские слезы и не желая показать ему, как меня это задело. Наверное, жившая в той комнате девушка никогда не слышала таких слов, наверное, она была больше, чем игрушка.

— Да, мой Господин.

— Спокойной ночи, *la petite*, — он говорит это уже мягче, но мне от этого не легче. Нисколько.

— Спокойной.

Глава 8

Утро встречает меня дикой головной болью и ознобом, от которого я спасаюсь в своем любимом свитере, натягивая его рукава по самые костяшки и с трудом удерживая вилку в руке. И дело не в том, что мои пальцы дрожат, когда приступ озноба проходит вдоль по позвоночнику, а в том, что завтрак проходит в слишком ощутимом напряжении, и я предпочла бы провести его в полном одиночестве, чем находиться в обществе молчаливого Хозяина и не менее молчаливой Адель, которая не пытается разрядить обстановку.

В голове безбожно шумит, и в горле пересохло так сильно, что я залпом опустошаю бокал с водой, допивая до последней капли и облизывая губы. Единственным моим развлечением является наблюдение за солнечным зайчиком, проскальзывающим сквозь припущенные рулонные шторы и отражающимся на мраморном полу — от ночной непогоды не осталось и следа, и на улице установилась на удивление ясная и солнечная погода. Надолго ли, ведь ее настроение меняется с той же регулярностью как настроение Рэми, только сегодня ночью источавшего тихую ярость и желчь, а сейчас вернувшего былую невозмутимость и равнодушие. И раз уж на то пошло, надолго ли хватит его хваленого равнодушия, потому что я никак не могу отделаться от мысли, что он сталкивает нас специально, преследуя какую-то личную цель.

Быть может, он хочет убедиться в том, что я усвоила урок и больше не буду искать в лице Адель друга. Или же наоборот, она перестанет проявлять ко мне участие. Так или иначе, все идет по его плану, потому что мы едва ли взглянули друг на друга и даже не обмолвились ни одним словом. В конце концов, привыкнуть к своей ненужности и одиночеству не так уж сложно, нужно просто вообразить себя игрушкой, как посоветовал мне Господин.

Поджимаю губы, вспоминая его слова, и дергаю плечом, пытаюсь удержать на месте сползающий с него свитер. Не удастся, и я прекращаю с ним бороться, позволяя рукаву сползти почти до половины предплечья.

— Сегодня теплый день, ты замерзла? — Рэми по-варварски нарушает тишину, а я прекращаю следить за зайчиком и перевожу внимание на свою тарелку с почти не тронутым завтраком. Не хочу встречаться с проникновенным взглядом Хозяина, который наверняка прощупает душу и уловит каждую мою мысль.

— Немного.

—..Мой Господин, — поправляет он меня, заставляя вспомнить правила и лишний раз указывая на мое положение.

— Мой Господин, — послушно повторяю и слышу тяжелый вздох Адель, которой, кажется, весь этот цирк порядком надоел. И если честно, мне тоже, поэтому я кладу вилку и произношу тихое "спасибо", тем самым заканчивая завтрак. Спросить разрешения удалиться не хватает смелости и я продолжаю сидеть, прислушиваясь к нарастающему гулу в ушах. Могу поспорить, Хозяин смотрит на меня, безотрывно, в свойственной ему манере превосходства и снисходительности, мне нужно просто поднять голову и убедиться в этом, но вся я словно проваливаюсь в этот проклятый шум, от которого начинает стучать в висках и лоб покрывается испариной.

Грудь сдавливает от нехватки воздуха.

— La petite? — обеспокоенный голос Адель отвлекает от ощущений удушья, и я

перевожу на нее тревожный взгляд, чувствуя непонятное головокружение. Она по-грациозному медленно поднимается с места и столь же медленно, под гнетущую тишину, поглотившую нас, подходит ко мне. — Ты вся горишь, — приятная прохлада ее ладони остужает мой разгоряченный лоб, и я прикрываю глаза от мимолетного удовольствия, пока ее рука не нагревается до моей температуры. — Дамьен, твоя девочка... — она не успевает договорить, как он резко перебивает ее, чуть ли не шипя сквозь сжатые зубы:

— Вот именно, моя. Кажется, ты так ничего и не поняла, Адель, — в его голосе столько гнева, что она ошарашенно отстраняется, лишая меня своей заботы, а я не могу отвести глаз от Господина, по-видимому, едва сдерживающегося. Его челюсти сжимаются, и желваки проступают на скулах, пока он смотрит на нас неистово-безумным взглядом, таким, что меня бросает сначала в жар, а потом в дикий холод.

Я не понимаю, не вижу в жесте Адель ничего такого, что могло бы его разозлить.

Я так хочу убежать отсюда, потому что предчувствие чего-то неминуемо страшного давит на плечи, каждую секунду, каждое мгновение, пока Рэми продолжает ненавистно смотреть на нас.

— Я сказал тебе не приручать ее! — он кричит это громко, попутно ударяя ладонью по столу, отчего стоящая на нем посуда подпрыгивает и, глухо звякая, возвращается на место, кроме бокалов, которые беспомощно падают, проливая свое содержимое на белоснежную скатерть. Его крик застывает в моем сердце, обволакивая его липким ужасом, и я вжимаюсь в спинку стула, начиная учащенно дышать.

Рэми хватает одного небрежного движения, чтобы с легкостью перевернуть стол и отбросить его в сторону, тем самым убрав между нами единственную преграду. Фарфоровые тарелки бьются от соприкосновения с мраморным полом, вся сервировка превращается в бесполезную груды покореженного стекла, а я не могу пошевелиться, парализованная первобытным страхом.

— Дамьен, ты не так понял. У нее жар, — испуганно шепчет Адель, стоя где-то за моей спиной.

— Я предупреждал тебя, — он пропускает оправдания мимо ушей и, молниеносно поднимаясь на ноги, столь же быстро достигает вскрикнувшей от неожиданности Адель. "Пожалуйста, не надо, не надо", — я произношу это тихо, чуть ли не съезжая со стула и не зная, как встать на подгибающиеся от страха ноги. Меня трясет, вся моя слабость выливается в униженные всхлипы и мольбы, когда я опускаюсь на колени, безумными глазами наблюдая за тем, как Господин, сжав горло задыхающейся от его грубости любовницы, приподнимает ее над полом и медленно подходит к окну. Ее глаза широко распахнуты от паники, рот искажается в немом крике, и сама она отчаянно борется с его хваткой, пытаюсь разжать руку и беспомощно дергая ногами в воздухе. Эта картина так ужасна, Господи, так отвратительно ужасна, что я зажмуриваю глаза, захлебываясь в рыданиях и не желая видеть, как Рэми сдергивает штору и, оставаясь в тени, вытягивает руку с брыкающейся в ней Адель вперед. — Этого ты добивалась, Адель? Этого?

И именно в тот момент, когда на ее обнаженную кожу попадает луч солнца, я открываю глаза и сквозь размытую реальность вижу, как она перекашивается от невыносимой боли, запрокидывая голову назад и начиная еще отчаянней вырываться из хватки. Рука Рэми, по самое запястье, начинает краснеть, кожа покрывается волдырями, и удушающий запах горелой плоти наполняет комнату вязким горьким туманом.

Мне становится дурно от вида обожженного мяса, в которое начинает превращаться

Адель, и я закрываю рот ладонью, рыдая отчаянно громко и протягивая руку в ее сторону. Я хочу помочь ей, но не знаю как, не могу найти в себе сил, чтобы даже подняться с пола.

— Прошу вас, не надо, не надо. Не надо! — последнюю фразу я кричу иступленно, срывая связки и ломая ногти об пол. Спина Рэми напрягается, но он продолжает удерживать Адель, почти затихшую, изуродованную до неузнаваемости, вот-вот готовую обратиться в пепел. — Мой Господин, — сумасшедшая, я верно потеряла рассудок, раз позволяю себе доползти до него и вцепиться в его ноги, наивно думая, что могу остановить эту чудовищную расправу.

Он поворачивается ко мне, и сейчас его вид воистину страшен — вот он — не человек, но монстр, вампир, чудовище с перекошенным от ярости лицом и хищным оскалом. Он не видит меня, не понимает, кто перед ним, просто разжимает обгоревшие пальцы, и всю свою ярость бросает на меня, точно так же, как на Адель секунды назад — сжимая мою шею и поднимая над полом. Не могу сделать ни вдоха, брыкаясь в его руках и почему-то вспоминая разорванное горло Катрины. Теперь я понимаю, сколько страха она пережила, прежде чем навсегда освободиться от него.

— Как долго ты собиралась испытывать мое терпение, Джил? — Его глаза черные, совсем, белков почти не видно, только густая тьма, поселившаяся в нем. Его душа — уголь, его сердце мертвое, он ничего не чувствует, кроме злости, кроме ненависти за то, что купленная им игрушка ослушалась, привязавшись к другому. Знаю, что ему достаточно одного движения, и меня не станет, совсем, я перестану чувствовать боль, страх, обиду. Перестану сожалеть о том, что сделала, или наоборот, что не успела сделать.

Всего одно движение, ну же.

Но вместо этого Рэми яростно рычит и, словно тряпичную куклу, отбрасывает меня в сторону перевернутого стола с изувеченной посудой. Эти секунды обжигающей боли вкупе с возможностью сделать вдох я не забуду никогда, никогда, потому что они врежутся в память некрасивыми шрамами, там, где в мое тело вошли осколки разбитого стекла. И если бы я могла кричать, то кричала бы, но вместо этого лишь беспомощно открываю рот, чувствуя, как ноги режет об острые края, а плечо, чуть повыше лопатки, разрывает от адской боли. Кажется, осколок входит глубоко в меня, он рассекает мышцы, царапает кости и заставляет меня повернуться на бок, чтобы избавить плечо от тяжести тела.

И именно в этот момент я вижу изуродованную солнцем Адель. Она лежит на спине, в тени, тяжело дыша, ее голова повернута в мою сторону, но сквозь слезы я не могу рассмотреть ее глаз, направленных на меня. Мне тяжело дышать от всхлипов и боли, и я стараюсь смотреть только на нее — ни на ноги приближающегося ко мне Хозяина, ни, тем более, на него самого. Только Адель, ее обезображенное лицо и судорожно дергающиеся пальцы протянутой вдоль тела руки.

Мне больно, мне страшно, я не хочу чувствовать, не хочу.

— Неудачное падение, — Рэми останавливается около меня и садится на корточки, рассматривая мои раны. Теперь в его голосе не остается и капли злости, что властвовала в нем секунды назад. Его тлевшая ярость вылилась в расправу, и теперь он тот самый Дамиан, с которым я столкнулась впервые: холодный и невозмутимый. Маска бывшего равнодушия вновь занимает свое место, и Господин, как ни в чем не бывало, убирает волосы с моей шеи, словно это и не его рук дело, а я просто споткнулась, по неосторожности упав в обломки нашего завтрака. — Вот к чему приводят твои наивные иллюзии, *ma stupide petite fille*, (моя глупая маленькая девочка,) — он гладит меня по скуле указательным пальцем, в то время

как я продолжаю смотреть на Адель, все же живую, помилованную, только вряд ли прощенную. — Ты можешь ненавидеть меня, Джиллиан, это твое право, но прежде позволь мне открыть тебе маленькую тайну, — Рэми достигает моего плеча, и я сжимаю кулаки, предчувствуя новую порцию боли. Он не торопится достать из меня осколок, с каким-то ненормальным удовольствием разглядывая порез, а потом ощутимо нажимает на вонзившееся в плечо стекло, вынуждая меня вытянуться от агонии и глухо застонать.

В глазах темнеет, и Господин превращается в бесформенное серое пятно, нависшее надо мною.

— Тебе наверняка интересно, что случилось с жившей в той комнате девушкой, так вот, спроси у Адель — она последняя, кто видел ее в живых, — он шепчет это ядовито-приторным голосом, а я вся сосредотачиваюсь на чертовой боли, вьющейся в меня. Резкий жест рукой, и окровавленный осколок бокала падает на пол, рядом с моим лицом, и я ощущаю, как от теплой крови намокает свитер, как он липнет к спине, впитывая в себя мои силы.

Рэми выпрямляется, окидывая меня безразличным взглядом, и, помедлив несколько секунд, покидает столовую, оставляя нас одних: меня, лежащую на разбитых иллюзиях, и Адель, поверженную яростью Господина. Не могу сосредоточиться на ее лице, и закрываю глаза, избавляясь от ужаса реальности, в которой слишком страшно, слишком больно, слишком одиноко.

Я устала.

Не понимаю, в какой момент утро перерастает в хмурый вечер, и небо вновь завлакивает тяжелыми тучами, превратившими воздух в гнетущую серость. Все это время я отхожу от боли, терплю ненавязчивую заботу молчаливой Мадлен, и едва переношу манипуляции хмурого врача, позванного, по-видимому, специально для меня, ведь Адель его помощь вряд ли понадобится. Он обрабатывает мои раны, пока я безучастно смотрю в окно, а потом накладывает швы на плечо, мучая меня еще больше. Иногда боль доходит до такой крайней точки, что я начинаю тонуть в густом мраке, но ощутимые похлопывания по щеке приводят в чувство и я, сжав в кулаках полотенце, прикрывающее грудь, стискиваю зубы, справляясь с очередным приступом боли.

За весь день я не произношу ни звука, ни о чем не спрашиваю и не пытаюсь завести разговор: ни с этим хмурым доктором, ни с Мадлен, как всегда первой пришедшей ко мне на помощь. Складывается ощущение, что она является моим незримым ангелом хранителем и в любой ситуации готова вытащить из пропасти, в которую с таким удовольствием сталкивает Хозяин. Не знаю, где он сейчас и чем занят, но всем сердцем желаю ему той же участи, что и Адель, ведь он не должен был так поступать с ней, со мной, со всеми теми, кто был до нас, а в том, что с его яростью столкнулись не только мы, я нисколько не сомневаюсь.

Быть может, потому что сегодня я увидела истинное лицо монстра.

И его слова о том, что я сама подписала контракт, таким образом отдав свою свободу по собственной воле, лишь желание перевалить вину за свою жестокость на чужие плечи. Так что да, мистер Рэми, я все же считаю вас чудовищем, как вы говорили при нашем первом знакомстве.

— Готово, рану не мочить, необходимые лекарства у Мадлен, — голос врача сух и безэмоционален, он собирает свои инструменты с педантичной четкостью, складывает окровавленные салфетки и тампоны в специально предназначенный пакет, который забивается подвязку. Удивительно, сколько еще во мне крови, потому что испорченный

напрочь свитер превратился в мокрую алую тряпку, пропитанную ею.

Доктор уходит, и мы с Мадлен остаемся одни. Я сижу на кровати, почти голая, и смотрю на свои ноги, изуродованные порезами разных размеров. Некоторые из них, покрупнее, прикрыты пластырем, другие же просто обработаны зеленкой, делающей мои ноги пестрыми, как разукрашенный холст. Я так хочу отвлечься от событий сегодняшнего дня, что начинаю считать порезы, вслух выговаривая каждое число.

— Один, два, три, четыре, пять...

— Выпей это, — Мадлен садится рядом, протягивая мне ладонь с лежащими на ней таблетками, круглыми и выпуклыми с обеих сторон, глянцево-блестящими, которые облегчат мои страдания. Облегчат ведь, да? А может, заодно сотрут память и излечат душу?

— Знаешь, Мадлен, мы же ничего не сделали. За что он так? — Чувствуя присутствие равнодушного человека, я оттаиваю и поджимаю губы, чтобы не расплакаться — слез достаточно все же.

— Не впутывай меня в это, Джиллиан, я просто хочу отработать контракт и вернуться домой.

— Ты еще надеешься на это, — издаю ироничный смешок, смешанный с истеричным всхлипом, и глотаю таблетки, даже не запивая. — Если бы такой шанс существовал, тогда люди в Изоляции знали бы про вампиров и вряд ли решались бы покинуть стены. В конце концов, те, кто покидал город, уже не возвращались. Так было с отцом Элисон.

— Но он существует. Шанс.

— Что? — с моих губ не сходит язвительная усмешка, и я впервые позволяю себе посмотреть на кого-то с неким превосходством — превосходством над их наивностью — моей отличительной чертой, которую так не любит во мне Хозяин. — Что ты несешь, Мадлен? Слышала бы ты себя, — я мотаю головой, пытаюсь встать, но тут же оседая обратно, я слишком устала, чтобы убежать от этого разговора. Разговора, что начинает пробуждать во мне маленький луч надежды, веру, про которую я совершенно забыла в этом мрачном и чужом мире.

— Вот увидишь, Джиллиан, я вернусь, — она говорит это с такой уверенностью, что я прекращаю источать желчь и серьезно вглядываюсь в ее лицо. Тихая и неприметная, преданная своей работе, но тем не менее сильная и упрямая — она возрождает во мне то, что с таким упоением убивает Хозяин — любовь к свободе, которую я так опрометчиво отдала. — Спокойной ночи.

Мадлен уходит, а я еще долго сижу на кровати, обдумывая ее слова, пока глаза не начинают слипаться, и я не проваливаюсь в беспокойный сон. Мне снятся нежные прикосновения прохладных пальцев, скользящих по моим скулам, губам, шее. Мне снятся сильные руки, сжимающие меня в объятиях. Мне снится голос Хозяина, шепчущего что-то на французском, из которого я понимаю лишь привычное *ma petite*, но среди этой паутины, оплетающей меня, я различаю чистое небо свободы.

Я смотрю на себя будто со стороны, словно в отражении зеркала стоит другая я — разочарованная и уставшая, уставшая настолько, что это не может не отразиться на моем внешнем виде. Наверное, будь я дома, Элисон давно бы учинила мне взбучку, хотя бы за то, что сегодня я и не подумала привести себя в порядок. Распушенные, спутанные после сна волосы, потухший взгляд, опущенные плечи, одно из которых болит при каждом моем движении, напоминая о случившемся несколько дней назад. Сначала эта боль доставляла неудобства — я не могла спать и старалась не шевелить рукой, а сейчас словно привыкла и уже проще отношусь к болезненным ощущениям. В конце концов, эта боль стала частью меня, как и безвкусное бесцветное одиночество, которое поселилось в моем вынужденном затворничестве — Хозяин не звал меня, а я не интересовалась, дома ли он. Быть может потому, что, как не стараюсь это скрыть, внутренне боюсь его, а может потому, что он лишил меня единственно близкого здесь человека.

Близкого... звучит смешно, ведь Адель вряд ли можно назвать подругой, а теперь она вообще стала никем и ничем, вернее ее вообще не стало: в этом доме, в моей жизни. Это я знаю точно, потому что Мадлен на мой вопрос о ней лишь сочувствующе улыбнулась, тонко дав понять, что Адель больше не желанный гость в этом доме.

Что ж, нужно двигаться дальше.

Сбрасываю с себя уныние, делая глубокий вдох и наконец решаясь взяться за свою внешность. Пара минут, и вопрос с прической решен — волосы заплетены в свободную косу, дополняющую образ меланхоличного подростка; несколько хлопков по щекам для придания румянца и слой помады, той самой розовой, что была украдена мною из запретной комнаты.

Если бы не грусть в глазах я выглядела куда более живой и здоровой, но именно она выдает меня с потрохами — мне плохо, не столько физически, сколько душевно, но ведь до этого никому нет дела, правда, Господин?

Правда, иначе бы он пришел ко мне, не во снах, в которых он присутствует каждую ночь, а в реальности, где о нем нет и намека. Только однажды мне показалось, что Рэми был в моей комнате, когда, проснувшись утром, я уловила его аромат, зависший в воздухе. Впрочем, мне легче поверить в его безразличие, чем в то, что у него есть хоть капля человечности. Нужно отвлечься, чтобы не думать, даже не вспоминать о нем, о том, кто он есть и что он сделал, потому что от этих мыслей можно сойти с ума, а я не хочу быть слабой. Только не сейчас, когда осталась совершенно одна.

Единственное, что может помочь мне в этом — чтение, которое я забросила в связи с последними событиями. Нужно просто спуститься вниз, чтобы выбрать несколько книг, и вернуться назад. На улице начинающийся вечер, а это значит, что Хозяина может не быть дома, так что если мне повезет, я прокрадусь до библиотеки незамеченной. И действительно, в доме царит мертвая тишина, а на моем пути не встречается ни одной живой души. Я крадусь осторожно, изредка останавливаясь и прислушиваясь, и с легкостью преодолеваю расстояние от своей комнаты до библиотеки Господина, расположенной на первом этаже. В ней так же тихо, как и везде, но слишком мрачно, потому что большое окно зашторено тяжелыми портьерами, через которые пробивается лишь линия тусклого осеннего света, падающего на ряды книг с разномастными переплетами. Именно они привлекают меня, и я тороплюсь к шкафу, чтобы поскорее выбрать книги и вновь спрятаться в своей

комнате.

Жалею, что не надела что-нибудь потеплее, чем легкое шифоновое платье с короткими рукавами. Впрочем, у меня нет теплых вещей, последняя из них была безвозвратно испорчена осколком бокала и моей кровью, пятна от которой я так и не смогла вывести. Скольжу пальцем по переплетам книг, прочитывая их названия и теряясь в выборе. Слишком много всего, чтобы так легко определиться. Признаться, библиотеке Хозяина можно позавидовать, и, если бы моя мама добралась до нее, то точно бы здесь поселилась.

— Божественная комедия, Данте Алигьери, — шепчу я, рассматривая корешок книги и с трудом доставая ее из ряда прижатых друг к другу изданий. Темно-красная потрескавшаяся обложка с красивыми витиеватыми буквами, по которым я провожу кончиками пальцев, впитывая в себя ощущения от соприкосновения с принявшими облик мыслями.

— Интересный выбор, — тягучий голос Рэми заставляет меня вздрогнуть и от неожиданности выпустить книгу из рук. Тяжелым хлопком она приземляется на пол, а я со страхом поворачиваюсь к Хозяину, наконец замечая его сидящим в кресле в углу комнаты. Признаться, если бы он не дал о себе знать, я вряд ли увидела бы его в царящем здесь полумраке. Сейчас же я пристально вглядываюсь в Рэми, в свою очередь изучающим меня.

Он сидит в свойственной ему манере аристократической лени, правда, в этот раз разбавленной некой небрежностью, сквозящей в его полу-расстегнутой рубашке с закатанными по локоть рукавами, волосах, просто зачесанных назад, но не уложенных как обычно, босых ногах, закинутых одна на другую. Одна его рука лежит на подлокотнике, а другой он держит стакан с напитком, наверняка алкогольным и крепким.

— Я испугал тебя?

— Д-да, немного, — неловко переминаюсь с ноги на ногу, сцепляя пальцы и не зная куда деться от Рэми, продолжающего смотреть на меня странно пристальным взглядом.

— Мне был интересен твой выбор. Так почему именно "Комедия"? — он говорит это, ставя стакан на стол и медленно поднимаясь на ноги. И с каждым его шагом мое сердце все быстрее бьется о ребра, потому что даже спустя столько времени я не могу забыть его истинного лица.

— Н-не знаю. Если честно, я не читала ее, — пожимаю плечами, наконец нагибаясь и поднимая уроненную книгу. Не знаю, что делать дальше, поэтому тупо стою на месте, пока Рэми подходит совсем близко и, будто случайно касаясь моих пальцев, забирает ее. И в момент, когда он опускает глаза, чтобы посмотреть на обложку, я могу тайком рассмотреть его и заметить некие перемены. Быть может, это связано с отросшей щетиной на обычно гладко выбритом подбородке, быть может, в непонятной усталости, заметной во всем его облике.

Боюсь, в этом мы похожи.

Я наблюдаю за тем, как как трепещут его ресницы, отбрасывая тени на скулы, и не успеваю отвести взгляд, когда он поднимает глаза и сталкивается с моим любопытством, смешанным с настороженностью.

— Довольно интересное видение загробного мира, построенное на аллегории. Не был знаком с ним лично, но, судя по написанному, у Данте была неплохая фантазия. Разложить Ад и Рай по полочкам, вернее по кругам. Например, Ад — от первого до девятого, в зависимости от тяжести греха. И если все же ты захочешь прочесть ее, то обрати внимание на девятый круг Ада.

— И что там? — я представляю себе безжалостных убийц и насильников,

истребляющих целые народы. Они терпят невыносимые муки и молят о прощении, пытаются стереть со своих рук кровь, но Рэми с легкостью разбивает мои представления, поясняя:

— Обманувшие доверившихся — самые страшные грешники, Джил. Предатели, лицемеры... — он снижает голос до шепота, будто пытаюсь донести до меня скрытый смысл, и незаметно делает шаг ближе, отдавая книгу и склоняя голову чуть вбок. И в то время как я разворачиваюсь, желая поставить книгу на место, а на самом деле просто прячась от него в иллюзии занятости, он продолжает: — Таким образом, Джиллиан, чем материальнее грех, тем он прощительнее, потому что причиняющий боль не скрывает своих тайных умыслов — он реализует их в насилии, не пряча свои мотивы за маской добродетели.

Я поднимаю руки, чтобы втолкнуть книгу в ряд, и испуганно затихаю, чувствуя дыхание Господина, коснувшееся моих волос. Он подходит так близко, что мне приходится вжаться в шкаф, дабы избежать близости. Напрасно, его рука ложится поверх моей, и Рэми слегка нажимает на нее, помогая вернуть все на место.

Делаю судорожный вдох, когда его ладонь ласкающе двигается вниз, по запястью, затем предплечью.

Мурашки по коже.

— Если бы я попал в его Ад, то девятый круг стал бы моим пристанищем, *ma petite*, — он выдыхает эти слова мне на ухо, и я закрываю глаза, силясь не застонать, когда его язык очерчивает ушную раковину, и прохладные губы обхватывают мочку уха. Одной рукой он обнимает меня за талию и прижимает к себе, заставляя пошатнуться, но тут же найти опору в его сильном теле.

— Почему?.. — с трудом произношу это, постепенно теряясь в его ласках и тут же презирая себя за это, ведь он сделал мне больно, очень больно, и эта боль до сих пор отдается в плече, которое сейчас он осыпает поцелуями.

— Потому что я предал доверившегося мне, не защитил, не уберег. Я виноват.

Его признание так неожиданно, что я резко напрягаюсь, проводя параллель с его словами об Адель и о том, что она последняя, кто видел ту девушку. Но его пальцы, Боже, его пальцы с такой легкостью отвлекают меня от серьезного разговора, что я не могу здраво мыслить и уж тем более собрать детали пазла. Они скользят по внешней стороне бедра, постепенно задирая платье и поднимаясь к тазовой косточке, прикрытой полоской трусиков. Рэми цепляет ткань указательным пальцем и пробирается ниже, по пути лаская низ живота и не торопясь прикоснуться ко мне там.

Мучает, зная, что я томлюсь от нарастающего возбуждения.

— Повернись ко мне, Джиллиан, — он шепчет это в мой затылок и ненавязчиво разворачивает, вдруг становясь серьезным и слишком пристально рассматривая меня. Его взгляд останавливается на моих приоткрытых от тяжелого дыхания губах, и Господин подозрительно прищуривает глаза. — Что это? — наверняка имея в виду губную помаду, спрашивает он.

— Помада.

— Я вижу. Чтобы больше я ее не видел, если тебе нужна косметика, скажи, — он произносит это твердым поучающим голосом, захватывая край своей рубашки и обхватывая мой подбородок ладонью. Его прикосновения лишены нежности, когда он тщательно стирает помаду и водит тканью туда-сюда до тех пор, пока мои губы не начинают жечь от такой откровенной грубости. Лишь когда он прекращает свои манипуляции я позволяю себе поднять до этого опущенный взгляд и облизнуть истерзанные его недовольством губы.

— Она убила ее? Адель? — сумасшедшая! Зачем я спрашиваю это? Ведь, вполне возможно, мое любопытство может его разозлить. Но на удивление Хозяин не проявляет раздражения, скорее становится задумчивым и отрешенным, словно возвращаясь в прошлое и переживая неприятные ему моменты вновь. Впервые вижу его таким и, если честно, привычное равнодушие идет ему куда больше.

— Моя маленькая девочка, ты такая доверчивая, что тебе трудно поверить в это, не так ли? — он резко скидывает с себя меланхолию и подается вперед, почти впечатывая меня в стеллаж за спиной. Прижимается своим лбом к моему, и я отчетливо чувствую запах алкоголя, смешавшегося с ароматом горького парфюма. — Но если я попаду в девятый круг Ада, то поверь, Адель ждет то же самое.

Он не дает мне задать наводящий вопрос, с тихим рычанием целуя меня. Так неистово напористо, что я не успеваю ответить, как его язык проникает внутрь, и сам Рэми еще сильнее сжимает меня, по неосторожности вдавливая в полки и вызывая у меня внезапный приступ боли, когда раненое плечо впечатывается в деревянную грань

Не могу скрыть напряжение и, упираясь в его грудь ладонями, рефлекторно сопротивляюсь, желая избавиться себя от этой агонии.

Видимо, он понимает свою ошибку, потому что тут же отстраняется и, тяжело дыша, смотрит в мое побледневшее лицо. Его грудь ходит ходуном, глаза чернеют еще больше, пока он смотрит на меня, вызывая двойные чувства, потому что я не знаю, признак ли это наступающей ярости или же свидетельство сильного возбуждения.

— Плечо, — я словно оправдываюсь, поводя больным плечом и с замирающим сердцем наблюдая за Рэми, который понимающе кивает и, проводя ладонью по лицу, громко выдыхает.

— Дай мне руку, Джил, — он протягивает мне ладонь и, как только я доверчиво вкладываю в нее пальцы, крепко обхватывает их, пятясь назад и постепенно подводя меня к столу. Не понимаю ход его мыслей, когда он одним движением смахивает со стола лежащие на нем бумаги и выпрямляется, разворачивая меня к себе спиной. — Нагнись, — он касается моей спины, мягко надавливая и заставляя лечь корпусом на стол. Ощущаю предательское возбуждение от новизны позы и места, ведь мой первый раз был в постели, в классической позе. Сейчас же, только представив, что он будет входить меня сзади, я начинаю учащенно дышать и сама чуть развожу ноги, когда он поднимает подол платья и, пристраиваясь сзади, гладит мои ягодицы.

Мне приятно ощущать его возбуждение и знать, что его причиной стала я. Не Адель, не та девушка, не кто-то другой, а именно я — безумная в каком-то смысле, потому что Хозяин прав, стоит проявить ко мне хоть каплю участия и одарить лаской, как я тут же теряю голову.

Но сейчас я не хочу об этом думать, чувствовать стыд за свое поведение, сейчас я хочу использовать этот момент по полной и насладиться тем, что дает мне Рэми.

Цепляюсь за край стола, сжимая его сильно-сильно, и прогибаюсь в пояснице, когда он запускает ладонь под трусики и прикасается к моей влажной плоти, поглаживая ее и лаская. Обводит вход во влагалище и соскальзывает на клитор.

Раз за разом, вновь и вновь.

Господи, я готова сама снять с себя белье, расстегнуть его ширинку и спустить его брюки, чтобы наконец ощутить в себе.

Не могу молчать, поэтому, прижимаясь щекой к прохладной поверхности, стону,

двигаясь в такт пальцам и разводя ноги шире. Наверное, я напоминаю сейчас последнюю развратницу, скулящую от ласк, но не могу иначе, и если закрыть глаза, может, не будет так стыдно?

— Tu est charmante dans ta perversité, ma fille, (Ты очаровательная в своей порочности, моя девочка,) — он говорит это, склоняясь над моим ухом и прижимая весом своего тела, а его пальцы продолжают ласкать, вызывая дрожь в ногах и пульсацию внутри. Еще немного, и эта пытка выльется в оргазм. Наверное, Господин чувствует это, потому что прекращает касаться меня там, чем вызывает недовольный стон. — Тшш, моя маленькая.

Прикрываю глаза от разочарования и ощущаю на губах его пальцы, которые только что ласкали меня. Они чуть солоноватые от смазки, они скользят по моим губам и проникают в рот, в то время как Рэми справляется с ширинкой и, наконец, входит в меня как и в первый раз осторожно-плавным толчком. Хочется думать, что он заботится о моих ощущениях, а не наслаждается моментом победы, хочется верить, что ему важно мое удовольствие, которое я не могу скрыть. Да и есть ли смысл, если собственное тело предает меня, буквально плавясь в его руках.

Он двигается сначала медленно и аккуратно, обхватывая меня за ягодицы и насаживая на свой член, а потом наращивает темп, становясь все более нетерпеливым. Мне нравится некая грубость в нем, когда он, внезапно остановившись, наваливается сверху и, переведя дыхание, шепчет:

— Внутри ты такая горячая, Джил, — проводит языком по моей покрасневшей скуле и, намотав волосы на кулак, дергает на себя, заставляя меня выгнуться и опереться о локти. Сейчас он глубоко во мне, не двигается, наполняет, дает время прочувствовать его размеры и насладиться его близостью.

Я дрожу от напряжения.

Резкий толчок, кажущийся грубым на фоне плавных движений до этого. Еще один, сорвавший с моих губ томный стон.

Еще... еще... еще... Задыхаюсь от ярких ощущений и сжимаю кулаки, подаваясь навстречу и удивляясь многогранности Господина. Он может быть приторно нежным, но уже через секунду показывает свою силу через возбуждающую грубость, которая толкает меня к краю и выливается в сильный оргазм. Не могу сдержать протяжного стога и, дрожа, закрываю глаза, чтобы прийти в себя. Господин до сих пор держит меня за волосы, продолжая вколачиваться. Я слышу удары от соприкосновения моих ягодиц с его пахом, слышу его тяжелое дыхание и знаю, что осталось совсем немного.

— Ma fille... — выдыхает он, проникая в меня заключительным толчком и застывая. Наконец отпускает, позволяя лечь на стол грудью, и, прежде чем выскользнуть, оставляет влажный поцелуй на скуле. — Мне нравится искренность твоих эмоций, Джил. Ты не скрываешь, что тебе хорошо со мной, хоть и стыдишься этого. Я научу тебя не стыдиться своих желаний. Я научу тебя многому, если ты будешь прислушиваться ко мне.

Его голос уже спокойный, дыхание в норме, а я едва стою на дрожащих ногах, возвращая белье на место и поправляя платье. Оборачиваюсь лишь тогда, когда слышу звук застегиваемой ширинки и щелкнувшей пряжки ремня, и натываюсь на проникновенный взгляд Господина, словно ожидающего моего согласия. Поджимаю губы и покорно киваю, после чего Рэми лениво подходит к столу с выпивкой и наливает выпить.

— Зная твой не совсем удачный опыт с алкоголем, выпить не предлагаю, — его тон иронично насмешливый, и сам он словно стал другим, более мягким со мной, не

отчужденным и недоступным Хозяином, а понимающим и близким любовником. Все чушь, конечно, ведь каким бы не был его настрой после секса, он остается моим Господином, о чем я всегда должна помнить.

— Вы правы, несомненно.

— Почему чтение?

— Что? — не понимаю его вопроса и хмурюсь, все не находя смелости сделать хоть шаг от стола. Рэми же наоборот, расслаблен, мне даже кажется, что бывшая меланхолия и усталость заменились на что-то более живое, похожее на довольство и сытость, словно секс со мной помог ему отвлечься.

— Я редко встречаю девушек из колонии, так сильно любящих чтение. Скорее, ты первая, кто по-настоящему заинтересовался моей библиотекой, — он встает ко мне в пол-оборота и выжидающе смотрит, а я не могу не зацепиться за его слова про девушек из колонии. Все же любопытно, сколько их было до меня. Любопытно и страшно, потому что сейчас-то их нет, быть может, даже в живых.

— Здесь нечем заняться, и моя мама — она учитель литературы, поэтому любовь к чтению у меня в крови, — неловко пожимаю плечами, надеюсь, что он перестанет меня расспрашивать, но вместо этого он показывает пальцем на кресло, молча приказывая сесть. Я послушно усаживаюсь, натягивая на колени подол платья и от волнения начиная мерзнуть.

— А отец?

— Разве этой информации не было в деле?

— Я хочу услышать это от тебя, Джиллиан, а не от сухих букв.

— Отец погиб на шахте три года назад. Он... я до сих пор помню взгляд матери, когда пришло известие о его гибели. Знаете, будто она не могла поверить, будто все осталось прежнему, а это лишь нелепая ошибка, чья-то злая шутка. И в то время как я плакала, спрятавшись у себя в комнате, она продолжала заниматься домашними делами и торопилась приготовить ужин. К семи — ко времени, когда по обыкновению приходил папа. Я так боялась, до ужаса боялась, что она сошла с ума, ведь когда я вышла к ужину, на столе стояло четыре тарелки. Мама продолжала ждать, и мы вместе с ней, хотя часы перевалили за девять, и Айрин пора было ложиться в постель. А мама все ждала и ждала, виновато улыбалась и все время смотрела на часы. Ужин остыл, и Айрин уснула прямо в детском стульчике, и вот тогда к ней пришло осознание, осознание того, что он не вернется, никогда. Наверное, именно в тот момент в ее взгляде поселилась грусть, как и в ее улыбке, как и в ее сердце. Наверное, именно тогда она наполовину умерла, — я опускаю голову, рассматривая свои руки и ругая себя за излишнюю откровенность. Зачем я вообще начала это рассказывать и загружать Господина подробностями своей жизни?

— А ты? — Рэми задает вопрос и сам встает напротив, чуть присаживаясь на стол и ожидая ответа.

— А я, я возненавидела его, была так зла, что порвала его фотографию, вставленную в раму зеркала. А потом со слезами на глазах клеила все кусочки, понимая, что это неправильно — злиться на него, ведь он бы нас никогда не бросил, не оставил, и он не виноват, что оказался слабее смерти.

— Потери в жизни неизбежны, Джил, к этому можно привыкнуть.

— А вы привыкли? — я поднимаю на него грустный от разбуженных воспоминаний взгляд, и Хозяин безразлично кривит губы, не проявляя ни капли эмоций.

— Вполне.

— Именно поэтому вы запретили мне пользоваться этой помадой?

— А ты настойчива в желании докопаться до истины, — он ухмыляется, ставя стакан на стол и направляясь ко мне. Нависает, опираясь обеими руками о подлокотники кресла и вынуждая меня откинуться на спинку. Довольно нагло смотрю в его глаза, а сама задыхаюсь от страха, понимая, что опять задела запретную тему. — Дело не в том, что Элия умерла, хотя стоит признать, она устраивала меня во всем, особенно в своей маниакальной преданности мне, а в том, что она полностью доверялась мне, даже не подозревая, что я не оправдаю ее ожиданий. И я не оправдал, позволив Адель убить ее, правда, в свое оправдание скажу: я не думал, что Адель зайдет так далеко. Она любит играть, но не убивать. Как видишь, я ошибся, — Рэми равнодушно пожимает плечами, но я все равно замечаю тень затаенной злости на его лице. Злости не на меня, не на Адель — на себя. — Это тоже самое, что приручить щенка, который привязан к тебе всем сердцем и впоследствии готов отдать за тебя жизнь, а потом самолично отдать его на растерзание. И если ты помнишь взгляд матери, когда она узнала о смерти отца, то я помню взгляд Элии перед тем как Адель разорвала ей горло. Она тоже не могла поверить, что это происходит с ней, с нами.

Не жалость, не привязанность — вина — вот, что гложет его.

— Вы простили Адель? После того, что она сделала?

— Нашу природу не изменить, Джиллиан. В конце концов, смерть Элии это не причина разрывать многовековую связь, — Рэми резко замолкает, будто понимая, что сказал лишнее, и стремительно выпрямляется, смотря на меня сверху вниз. — Вечер откровений окончен, ты можешь идти.

Отворачивается, вновь подходя к столу, а я не испытываю его терпение и почти бегом покидаю библиотеку, совершенно забыв то, зачем приходила. Только в голове оживает предательская мысль, что причиной разрыва многовековой связи стала я. Почему?..

Глава 10

Сегодня закат кроваво-алый, насыщенный пугающими красками и предвещающий сильный ветер. Сегодня мне особенно тоскливо, хотя теперь для этого, наверное, нет причин, потому что мой Господин стал куда более внимательным, если так можно выразиться. По крайней мере, каждый вечер я ужинаю в его обществе и узнаю все больше о его мире. Мире — не о нем, ведь с того вечера он старательно избегает любую тему, касающуюся его, тем самым еще больше разжигая мое любопытство. Он для меня словно неизведанная книга, которую до ужаса хочется прочесть, но до нее не добраться, не открыть, потому что она спрятана за крепким замком, прямо как те издания, которые стоят в его библиотеке в отдельном шкафу, за стеклом, защищенные от чужого внимания. Я могу прочесть только их названия, но они совершенно ничего не дают, также и Рэми — я знаю лишь поверхностные факты, а копнуть глубже не могу по той простой причине, что не знаю как подобраться.

Обычно наш разговор все больше касается меня, потому что Хозяин с удивительным упорством интересуется моей прошлой жизнью, о которой мне неловко говорить, ведь на самом деле она была не столь насыщена и ярка, чтобы быть темой для разговора. Но, несмотря на это, мне приходится рассказывать даже о незначительных мелочах, одновременно смущаясь от пронзительного взгляда Рэми, прислушивающегося к каждому моему слову и тут же задающему наводящий вопрос.

В такие моменты я ощущаю, как он касается моей обнаженной души, и, чтобы спрятаться от его внимания, опускаю голову и снижаю голос, наивно надеясь, что он прекратит пытаться меня. Напрасно, и мне приходится рассказывать о школе, доме, работе, знакомых, да о чем угодно, даже о том чертовом пруде, через который я любила ходить с работы в моменты крайней меланхолии. Зачем ему это? Что в этом интересного?

Не знаю.

Мотаю головой, касаясь кончиками пальцев холодного стекла, единственной преграды, разделяющей меня и мнимую свободу. Иногда желание вырваться на улицу столь остро, что я репетирую перед зеркалом давно продуманный в голове разговор, но, как только вижу Господина, теряю всю смелость и вновь откладываю на потом, таким образом накопив много таких "потом". А ведь так хочется окунуться в холодный воздух ноября, пройти по жухлой листве и заглянуть в сад, который не видно с этой стороны дома.

Мне же остается своя комната и прогулки до столовой, когда мне приказывают спуститься к ужину. Если бы не этот факт, то, можно сказать, здесь не так уж и плохо, главное не думать о том, что жизнь может оборваться в любой момент, а опасность подстерегает после каждого неосторожного слова, могущего вызвать гнев Господина, как оказалось, слишком непредсказуемого.

Видимо, сегодня мое терпение подходит к концу, потому что я все-таки решаюсь спросить разрешения покинуть особняк. Хотя бы на пять минут, пройти по подъездной дороге и вернуться назад, пусть даже под пристальным вниманием Мадлен, или Саймона, или самого Хозяина, раз он так сильно не доверяет мне.

Делаю пару глубоких вдохов прежде чем постучаться в его комнату, правда, так и не дожидаясь ответа, что указывает на то, что Рэми в библиотеке, либо же вообще отсутствует. Что ж, второе тоже неплохо, ведь сейчас я настолько жажду выбраться, что хочу попытаться

выйти на улицу незамеченной. Да они даже не узнают, не увидят, не поймут. Я буду крайне осторожна.

Мои надежды не оправдываются как только я вижу Господина в холле. Довольно странный выбор места, учитывая то, что он предпочитает тишину библиотеки или же надежность своей спальни. Сейчас же он сидит на диване и перелистывает газету, изредка отвлекаясь на то, чтобы сделать глоток его излюбленного коньяка. Растерянно останавливаюсь на лестнице, всматриваясь в его затылок и широкие плечи, против воли вспоминая о нашей последней близости, и предательски краснею, понимая, что совершенно не против повторить то же самое.

Бог мой, я становлюсь зависимой от его ласк

— Так и будешь там стоять?

Прикусываю нижнюю губу, крепче обхватывая лакированные перила и действительно боясь предстоящего разговора. Нужно-нужно-нужно. Нужно, Джиллиан Холл.

— Что-то случилось? — он не отрывается от чтения, даже не смотрит на меня, когда я подхожу ближе и встаю буквально в нескольких шагах, по привычке сцепляя пальцы и опуская голову. — Джи-и-и-л, ты отнимаешь мое время, помни об этом, когда вновь решишь просто помолчать.

Слава Богу, в его голосе не слышится раздражения, что придает мне смелости, и я даже открываю рот, чтобы озвучить просьбу, как тут же закрываю, когда он отвлекается от газеты и переводит на меня взгляд, смотря вопросительно выжидающе. Черт, не думала, что будет НАСТОЛЬКО сложно. Нога предательски подгибается, когда от волнения я начинаю переминаясь и ставлю стопу на внешнюю сторону.

— Простите. Я... дело в том... я хочу...

— Вот как? И что же ты хочешь? — он не дает закончить фразу, двусмысленно ухмыляясь и заставляя меня покраснеть. Изгибает брови, откладывая газету в сторону и с видимой заинтересованностью ожидая ответа. А я не могу не взглянуть на его руки, на длинные изящные пальцы, которые доводили меня до исступления тогда, в библиотеке. Бог мой, я не должна об этом думать. — Джиллиан, складывается ощущение, что ты пришла просить что-то из ряда вон выходящее. У тебя есть ровно десять секунд, чтобы озвучить просьбу. Раз, два, три.

— Я хотела попросить вашего разрешения выходить на улицу, — под таким прессом выпаливаю я и сразу затихаю, настороженно наблюдая за его вмиг сменившимися эмоциями. Теперь в его взгляде нет и намека на игривость, а Рэми становится серьезно строгим, почти каменным, неприступным.

— Нет, — коротко отвечает он и как ни в чем не бывало вновь тянется за газетой.

— Почему? Я прошу лишь о нескольких минутах, не более, — мне даже хочется расплакаться от безнадежности, что приносит его реакция. Да что в этом такого, в конце концов? Я же не собираюсь сбежать.

— Разговор окончен, — газета все-таки переключивается в его руки, а я поджимаю губы, силясь сдержать слезы обиды и разочарования. Дыхание срывается, и в наступившей тишине ясно слышится тихий всхлип, вынудивший Рэми взглянуть на меня исподлобья, а меня закусить внутреннюю сторону щеки. Сейчас я напоминаю избалованную капризную девочку, пришедшую выпрашивать конфету у строгого родителя, спрятавшего ее от сладкоежки. — Посмотри на меня, Джиллиан, — в его тоне слышится сталь, и я послушно отрываюсь от созерцания своих ботинок, вскидывая наверняка блестящие от еле сдерживаемых слез

глаза. — Ты ведь не собираешься манипулировать мною посредством слез? Даже не думай, что это подействует.

— Что?.. Нет-нет, я просто не понимаю, правда не понимаю, что в этом такого, ведь я не собираюсь бежать.

— Почему? В чем причина твоего старательного послушания? Страх или понимание того, что тебе некуда бежать? А может, причина в другом? — Господин вновь откладывает газету, безотрывно смотря в мои глаза и наверняка зная, что я не совру. Не потому что боюсь, а потому что попросту не умею, не научилась, предпочитая искренность лжи.

— Потому что я подписала контракт, потому что вы выполнили свои условия, благодаря чему у Айрин появился шанс, и потому что мне действительно некуда бежать, — я говорю это искренне, не пытаюсь увильнуть или усыпить его бдительность. Каждое мое слово — чистая правда, это и есть причины, по которым я не желаю бежать.

— Похвальная порядочность. Даже удивительно, сколько в тебе добродетели, *la petite*, — он говорит это с некой иронией, будто все мои положительные качества, включая в себя наивность, доверчивость и честность, не восхищают его, а наоборот, раздражают. Словно в его мире нет места тому светлому, что еще сохранилось во мне и чего уже давным давно нет в нем. Небрежный жест рукой, привлечший мое внимание блеском перстня, и я неверяще распахиваю глаза, улыбаясь от радости. Оказывается, нужно совсем немного, чтобы почувствовать себя счастливой.

— Спасибо, мой Господин.

— У тебя есть десять минут. Отсчет пошел, — я срываюсь с места, бегом достигая двери, но разочарованно останавливаюсь, слыша его слова: — Ты пойдешь в этом?

Закатываю глаза, вспоминая, что на мне лишь легкое трикотажное платье и ботинки на босу ногу, но не собираюсь отступаться. Он думает, что холод напугает меня? Только не в этом случае, ведь впервые за все это время я выйду на улицу.

— Я не успею замерзнуть, — произношу и, чтобы не терять драгоценное время, открываю дверь, с восторгом выбегая на широкое крыльцо с мраморными ступенями. Кое-где на них еще не сметенные увядшие листья, которые я подцепляю носками ботинок и подбрасываю в воздух. Колючий холод касается моих нагих ног и рук, забирается под подол платья и мигом вызывает мурашки, покрывшие каждый дюйм кожи. Свежий воздух, пропитанный осенними запахами, врывается в легкие, рождая приятное головокружение и чувство эйфории. Мне так хорошо, что я не обращаю внимания на ветер, из-за которого опавшие иссохшие листья перелетают через дорогу, вставая на моем пути и попадая под ноги. Шелест их смешивается с шорохом гравия и стонами ветра, почти оглушая меня после привычной тишины дома.

Мне мало, мало десяти минут, я хочу прогуляться до сада, но для того, чтобы обойти дом требуется куда больше времени, поэтому я просто иду по дороге, вглядываясь в горящий алым горизонт и шурясь от засыпающего солнца, коснувшегося меня своими холодными лучами. В его свете все вокруг кажется ирреально кровавым, даже жутким, отчего я передергиваю плечами, сбрасывая неуютные ощущения и с тревогой оглядываясь по сторонам. Приятное воодушевление заменяется на нечто липкое и пугающее, и я настороженно останавливаюсь, обнимая себя за плечи и растирая их ладонями. Тихий шорох раздается за спиной, принося с собой запах знакомых духов и инстинктивный страх.

Адель.

— Добрый вечер, *la petite*.

Резко оборачиваюсь, выдыхая в морозный воздух облако пара и натываясь на Адель, с ног до головы облаченную в длинный плащ с глубоким капюшоном, скрывающим ее лицо от лучей солнца. Она улыбается, растягивая накрашенные темно-бордовой помадой губы в приветственной улыбке, а я не могу произнести ни звука, с надеждой кидая взгляд в сторону дома. Интересно, Рэми пойдет за мной, если я не вернусь вовремя?

— Он рассказал тебе, не так ли? Ты боишься меня, Джил, — Адель издает глухой смешок и щурит глаза, разглядывая меня с неким пренебрежением. — Интересно, а он упомянул, как эта глупышка была влюблена в него? Как была смешна в этой своей преданности к тому, кто рассматривал ее лишь как забавного ручного зверька? Как радовалась малейшему вниманию с его стороны, даже если это был банальный голод? — она произносит это саркастическим тоном, медленно обходя вокруг и вынуждая меня поворачиваться за ней, потому что, как бы я не пыталась показаться смелой, я боюсь ее. Боюсь удара в спину, разорванного горла, смерти, что несут ее острые клыки. — Знаешь, Элия была намного старше тебя, но отличалась такой же наивностью — чертой, что так привлекает Дамиана. Он может сколько угодно ненавидеть вашу чистоту, но никогда не прекратит тянуться к ней. Поверь, я успела его изучить.

— Не сомневаюсь, — мне становится откровенно холодно, и я не могу скрыть дрожь, еще крепче обнимая себя за плечи и продолжая пристально следить за каждым движением Адель. Бог мой, ведь десять минут давно прошло, тогда почему меня никто не хватился? — Мне нужно возвращаться домой.

— Иди, я не держу тебя, — она безразлично пожимает плечами, показывая взглядом в сторону дома, и я делаю осторожный шаг назад, затем еще один. Немного расслабляюсь, натянуто улыбаясь и благодарно кивая, а потом разворачиваюсь, ускоряя шаг и смотря только вперед. Главное не оборачиваться, не показать ей как мне страшно, как замирает сердце при каждом шорохе за спиной: будь то шепот листьев или завывание ветра в вышине. Успеваю лишь сдавленно вскрикнуть, как оказываюсь сбита с ног, и падаю на землю, вовремя вытягивая ладони, в которые тут же впиваются мелкие камушки. Они сдирают колени, отчего я шиплю, испуганно оглядываясь по сторонам и замечая стремительное темное пятно, пронесшееся рядом.

Она играет со мной.

— Адель, не надо.

— Глупая, — она усмехается, внезапно появляясь прямо передо мной, и склоняется ближе к лицу, обхватывая подбородок ладонью и заставляя посмотреть на себя. — Я не трону тебя, лучше дождусь, когда ты сама себя уничтожишь. Сгоришь в любви к нему, как сгорали многие до тебя. Могу поспорить, ты уже забыла тот случай в столовой? Так же, как забудешь многое из того, что он еще сделает. Потеряешь свою гордость, начнешь бояться свободы, будешь дышать им и задыхаться без него, — речь Адель имеет оттенок грусти, и, кажется, я понимаю почему. Потому что она это чувствует сейчас. Каждое слово, что она произносит — это ее боль, которую он посеял в ней, выгнав из своего дома. — Я подожду, Джиллиан.

Ее дыхание касается моих губ, и Адель исчезает, оставляя меня одну. Я судорожно выдыхаю, несдержанно всхлипывая и едва поднимаясь с земли — так сильны пережитые мною эмоции. Сердце до сих пор безумно стучит в груди, пока я отряхиваю колени, убирая мелкие камушки с них, и медленно бреду домой, прихрамывая на левую ногу. Только перед самой дверью делаю пару глубоких вдохов и провожу по глазам тыльной стороной ладони,

смахивая слезы с ресниц.

— Ты не оправдала моего доверия, Джиллиан, — как только я закрываю за собой дверь, говорит Рэми, продолжая сидеть на диване все в той же позе, с газетой в руках. Опускаю голову низко-низко и, наконец, поворачиваюсь к нему, показывая содранные в кровь колени. Могу поспорить сейчас он поглаживает подбородок пальцем, рассматривая меня с колючей подозрительностью. Так и есть, бросаю на него быстрый взгляд, убеждаясь в своих догадках. Не знаю, стоит ли упоминать Адель, либо попытаться уйти от разговора, рассказав, к примеру, что споткнулась о собственную ногу. Не смешно. — Тебя не было семнадцать минут, и ты уже успела навредить себе? — Господин поводит носом по воздуху, принюхиваясь к запахам и сжимая кулаки. Я замечаю это, списывая на борьбу с жаждой, а его взгляд резко темнеет, выдавая kloкочущий в нем гнев. — Что случилось, Джил? — сквозь стиснутые зубы шипит он.

— Ничего, — для пущей убедительности мотаю головой, смотря куда угодно, только не в его глаза. Объектом моего внимания становится дверь, ведущая в столовую, как раз за спиной Рэми, который начинает медленно подниматься, вновь попадая в поле зрения.

— Ты не умеешь врать, девочка, — он доходит до меня за несколько шагов и, возвышаясь каменной глыбой, опирается о дверь руками по обе стороны от моих плеч. Не ускользнуть и не уйти от разговора. Мне приходится повернуть голову в сторону, так близко он склонился, в этот раз задевая кончиком носа мой подбородок и делая глубокий вдох. — Можешь не говорить, Адель была здесь, — Господин вновь шипит, опуская голову и обдумывая решение. Мышцы его плеч напрягаются и сам он становится похож на натянутую тетиву, готовую сорваться от одного движения. Не говорю ни слова, боясь его реакции, лишь часто дышу, пытаюсь справиться с паникой, нарастающей по мере того, как тишина накапливается в комнате и начинает сдавливать грудь. — Это она сделала? — имея в виду колени, спрашивает он, а я не хочу выдавать ее, отчетливо вспоминая расправу в столовой. В конце концов, она не угрожала мне и не причинила существенного вреда.

— Нет, я упала. Сама, — говорю это как можно более твердо и на удивление выдерживаю тяжелый взгляд Хозяина, прощупывающего мои эмоции. Сейчас он похож на собаку-ищейку с разницей лишь в том, что собака ищет улики, а он истину.

— Что ж, хорошо, Джил. Je vais m'en occuper, (Я разберусь с этим,) — его зрачки расширены, и сам он будто не может надышаться, все вгоняя и вгоняя в себя воздух, окутавший нас. Мне даже становится неловко, пока я не понимаю, в чем причина.

Мои окровавленные колени, сейчас почти касающиеся его ног. И, подтверждая мои догадки, он шепчет:

— Запах твоей крови возбуждает голод, будь аккуратней, — вижу, как под действием инстинкта искажается его лицо, и Рэми глухо рычит, почти наваливаясь на меня и утыкаясь носом в изгиб шеи. Не могу пошевелиться, ощущая его влажные губы, целующие кожу; язык, ведущий дорожку вверх, к линии челюсти; прохладные ладони, задирающие подол платья и по-свойски сжимающие бедра. Мне остается лишь прикрыть глаза от удовольствия, смешанного, впрочем как и всегда, с толикой страха, ведь передо мной не обычный мужчина, а древний вампир, имеющий власть над моей жизнью. Именно этот факт вызывает щекочущее чувство внутри, возбуждающее еще сильнее — знать, что ты в его власти, что он сильнее тебя, сильнее многих в этом мире. Знать, что в сравнении с его бесконечной жизнью моя жизнь выглядит хрупким хрусталем, который может рассыпаться от одного небрежного движения, и верить в то, что он этого движения не сделает.

Не сделает ведь, да?

Я так хочу в это верить и, наверное, это ошибка каждой, кто был в его доме.

— *Ma chere petite, moi seul ai le droit de faire du mal toi*, (Моя милая девочка, только я имею право причинять тебе боль.) — выдыхает он, все продолжая ласкать меня и незаметно стягивая короткий рукав платья вниз. Не придаю этому значения, принимая его поцелуи на обнаженном плече как одну из прелюдий, и судорожно вдыхаю, ощущая его руку, спускающую с меня трусики. Получается не очень, и Рэми издает гортанный рык, отрываясь от плеча и разрывая кружево обеими руками. — Больше никакого белья, Джиллиан, я запрещаю носить его в моем доме.

Ахаю от неожиданности, когда он напирает на меня всем телом, вжимая в дверь и давая прочувствовать свое возбуждение, и тянусь к его губам. Сама. Сгорая от нетерпения и мысленно умоляя его войти в меня, заполнить собой и унять пожар внутри. Меня не волнует, что мы занимаемся этим прямо в холле, что в любой момент нас могут заметить, Мадлен, к примеру, что мои колени до сих пор в крови, и я выгляжу распутной девкой, готовой раздвинуть ноги в любом месте, потерявшей всякий стыд и желающей лишь одного: его ласк, пусть даже смешанных с болью.

Болью, что причиняет мне Господин, прокусывая плечо и одновременно входя в меня одним глубоким толчком. Он подхватывает мою ногу под коленом, предоставляя себе лучший доступ, и начинает двигаться, слизывая струйки крови, скользнувшие вниз, на ключицу.

— Только я, никто больше, — не понимаю, о чем он, и запрокидываю голову вверх, наслаждаясь движениями внутри меня. Голова идет кругом, и, когда Хозяин перестает терзать плечо, кровь беспрепятственно стекает вниз, впитываясь в ткань платья на груди. Опять это кровавое безумие, как в самый первый раз, только сейчас намного ярче, потому что я не одурманена алкоголем, не нахожусь в полу-гипнотическом состоянии. Чувствую каждое его прикосновение, поцелуй, толчок. Чувствую, как ему тяжело сдерживаться, и улыбаюсь тому, что он это делает ради меня, только для того, чтобы я смогла кончить.

Он такой сильный, что с легкостью поднимает меня за ягодицы и, держа на весу, входит максимально глубоко, заставляя меня выгнуться и прикусить губу от внезапности ощущений. Цепляюсь за его плечи и позволяю управлять моим телом, таким послушным в его руках.

Его подбородок в моей крови, как и губы, как и белая рубашка, испорченная безвозвратно, наверное.

Предчувствую наступление оргазма и напрягаюсь, проклиная телефон, так не вовремя зазвонивший. Настойчивая трель раздается по холлу, перекрывая его шумное дыхание и мои глухие стоны.

Только не останавливайтесь, Господин, я так близко.

Наверное, он читает это на моем лице, потому что подается чуть вперед и, прижимая меня к двери, высвобождает одну руку, продолжая удерживать на весу другой. Пробирается ею между нами и, чтобы закончить начатое, ласкает клитор, вызывая волну сильного оргазма и мой благодарный стон. Он кончает сразу за мной, под трель проклятого телефона, и отпускает меня на дрожащие ноги, стремительно поправляя брюки и проводя ладонью по волосам.

В несколько шагов достигает телефона и, перед тем как взять трубку, делает глубокий вдох, чтобы хоть как-то выровнять дыхание.

— Слушаю, — он говорит это официально строгим голосом, пока я поднимаю остатки

кружева и прижимаю их к ране, которая уже почти перестала кровоточить. Перед глазами немного плывет, но я ясно вижу, как напрягается спина Рэми, и сам он выпрямляется, смотря куда-то в стену. Кладет трубку, все продолжая стоять в той же позе и смотреть в ту же сторону, а потом поворачивается ко мне в пол-оборота, и я понимаю, что случилось что-то серьезное, что-то, что стерло с его лица остатки удовольствия, испытанного лишь секунды назад. Непроницаемо холодный, вернувший былую статность, он безразлично смотрит на меня, при этом думая совершенно о другом. — У тебя есть полчаса на сборы.

— Что-что-то случилось? — мямлю, боясь попасть под его пугающе властное спокойствие, ввевшееся в него.

— Мое присутствие необходимо в Митрополе. Совет девяти лишился еще одного члена, — он произносит это сухим безэмоциональным голосом, но я-то знаю, что это значит — кто-то поставил под сомнение власть Рэми, бросил вызов закону и решил уничтожить его мир, к которому, к собственному стыду, я начинаю привыкать.

Дом в Митрополе кажется мне простым и сдержанным на фоне внушительных размеров особняка в Венсене, но от этого более уютным и теплым, полюбившимся мне с первого взгляда. Обнесенный кованым забором с прутьями-пиками, он отлично вписывается в общую архитектуру улицы с точно такими же двухэтажными домами, с красными крышами и высокими, от потолка до пола, окнами, скрывающими за собой чужие тайны. Небольшой сад, под напором осени сбросивший краски; запущенная, построенная из белого камня беседка, вся обвитая плющом и потерявшаяся в нем; неухоженная дорожка из булыжника, ведущая к крыльцу и в стыках камней поросшая травой — все это говорит о том, что Господин здесь бывает крайне редко, либо же предпочитает уют и ностальгию запущенности, чем громкие крики роскоши, в которой погряз его особняк в Венсене.

Здесь нет совершенной тишины, как и громких звуков оживленного мегаполиса — баланс, благодаря которому я чувствую себя вполне комфортно — не задыхаюсь в вакууме, но и не теряюсь в энергии. Покой и умиротворенность старого города позволяет мне расслабиться и принять вынужденное одиночество с достоинством, потому что Рэми практически не бывает дома, а я не пытаюсь сблизиться с единственным здесь человеком — пожилой женщиной, присматривающей за домом и относящейся ко мне со сдержанным вниманием. Она не навязывает свое общество, но тем не менее успевает заботиться обо мне, быть может, по приказу Господина, возложившего на нее обязанности не только кормить меня завтраком, обедом и ужином, но также выполнять мои скромные просьбы, которые обычно ограничиваются различными мелочами, начиная от зубной пасты и заканчивая чистой тетрадью, ставшей для меня своеобразным полотном. В нее, сидя у окна и закутавшись в плед, я вкладываю свои воспоминания в виде карандашных рисунков, совсем не профессиональных, этаких неумелых набросках, которые, чаще всего, отражают образы, засевшие в памяти.

На первой странице — моя комната, не та, что осталась в Венсене, а та, что была в Изоляции. Узкая деревянная кровать на низких ножках; двустворчатый шкаф, когда-то имевший зеркала, но доставшийся мне уже без них; стол-тумба, лампа на нем и кипа книг. Простой карандаш не может отобразить цветов, но, глядя на рисунок, я живо представляю себе блекло-лимонные обои, местами изрисованные маркерами, истыканные кнопками и поврежденные скотчем; желтые ситцевые занавески и абажур, тоже желтый. Все это было частью моей жизни, когда-то давно, так давно, что кажется вымыслом, может поэтому с маниакальным упорством я пытаюсь удержать ускользающие образы, пока они еще дышат во мне.

Мама, Айрин, Элисон и даже проклятое кафе, в котором я работала за гроши — останется здесь, в темно-зеленой тетради в мелкую клеточку, которую я прячу под подушкой, отчего-то боясь показывать ее Рэми. Словно, забрав мою свободу, он может с легкостью забрать все остальное, лишив меня любых воспоминаний.

Сегодня дождь, сумрачно-серый, барабанивший в окна и искажающий действительность. Сегодня я хочу чьего-то присутствия, поэтому спускаюсь вниз и прохожу напрямик на кухню, где хозяйничает Хелен. Ее руки в муке и стол вокруг весь покрыт мучной пылью, вылетающей из миски, в которой она мнет тесто. Она не слышит моих осторожных шагов и продолжает напевать песню, иногда отвлекаясь на то, чтобы попробовать тесто на соль.

— Добрый вечер, — смущенно комкаю в ладонях подол платья и не решаюсь пройти дальше, словно боясь помешать ей, но Хелен напротив, улыбается и всем своим видом показывает, что рада видеть меня.

— Садись, Джиллиан, — она указывает на высокий стул напротив стола и отряхивает руки о фартук, напоминая мне маму, мою маму. Она далеко. — Ужасная погода, не люблю осень в Митрополе, здесь всегда дождливо и пасмурно, а солнце довольно редкий гость.

— И почему же не переедете? В Венсен, к примеру? Кажется, я видела там солнце. Пару раз, — шучу я, попутно отщипывая кусочек теста и начиная скручивать его в шарик.

— Мы не выбираем, где нам жить. Ты еще не поняла этого?

Опускаю взгляд, и шуточное настроение как рукой снимает. Действительно, не выбираем, и с моей стороны кощунственно задевать эту тему. Почему вдруг я решила, что Хелен имеет больше прав?

— Как вы здесь оказались?

— Была продана.

— И как давно?

— Даже не вспомнить, — она вновь ухмыляется, по-доброму глядя на меня и продолжая заниматься своими делами. С одной стороны я рада ее разговорчивости, а с другой до ужаса боюсь того, что может принести наш диалог. Например, что надежды Мадлен — чушь, и она никогда не выберется отсюда, даже если отработает контракт. Ведь Хелен же не выбралась, осталась, запуталась, утонула... как сейчас тону я, постепенно забывая прежнюю себя — девчонку в потрепанных джинсах и кедах, бредущую по улицам Изоляции и мечтающую о лучшей жизни. Вот она — в мире вампиров, и далеко не лучшая, потому что может в любой момент оборваться.

— Разве вы не мечтали вернуться домой? — я смотрю на ее полные руки с потемневшей кожей на тыльной стороне ладони, на ее запястья с браслетами-нитками, на ее смуглое лицо, сохранившее былую привлекательность, и черные брови в разлет. Могу поспорить, в молодости она была очень красивой, потому что время, каким бы оно ни было всемогущим, не смогло стереть приятные взору черты.

— Иногда бывает так, что уже некуда возвращаться, Джиллиан. Приедешь домой, а дома уже нет — одни обломки, как и дорогих тебе людей. Моя семья погибла в сопротивлении... — Хелен не успевает договорить, как я перебиваю ее, резко дергаясь вперед и цепляясь за ее руку. Я слышу что-то новое и что-то чуждое для меня, потому что даже предположить не могла, что ЭТО возможно. Борьба возможна.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Сопротивление? Что это, Хелен? Где? — шепчу так жарко и нетерпеливо, что она теряет, с опаской оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к звукам. Молю Бога, чтобы Рэми не пришел домой именно сейчас, только не сегодня, не в вечер, когда у меня есть возможность узнать другую историю. — О чем ты говоришь? Ведь мы даже не знали о существовании колоний, предназначенных для вампиров. Всю свою жизнь я думала, что стена изолирует нас от более удачливых, более счастливых, более смелых. Я не верила в сказки, но верила в то, что за стеной у нас есть шанс выбраться из этого болота.

— Маленькая, тебе лучше не знать этого, зря я начала. Не тешь себя пустыми надеждами, Джил, ведь тех, кто боролся во имя свободы, уже нет. Мы слишком слабы против них, и это было так давно. Так давно, что я уже и не помню.

Чувствую, знаю, что она уходит от разговора, прячется в притворстве, понимая, что

взболтнула лишнего, но я... я уже не могу остановиться. Поэтому слетаю со стула и, огибая стол, подхожу к ней близко, вновь настойчиво цепляясь за руку и не давая отвернуться. Ладонь Хелен теплая и мягкая, и я мараюсь в муке, крепко сжимая ее и ожидая ответа.

— Хелен, я умоляю тебя, прошу, расскажи. Я должна знать.

— Зачем?

— Чтобы верить, верить, что у людей есть шанс. У Мадлен, у тебя, у меня, у тысяч таких, как мы.

— В том-то и дело, что у нас его нет, — она произносит это с такой горечью, Господи, с такой пугающей обреченностью, что я растерянно затихаю, разглядывая ее лицо и ища в нем хоть какой-нибудь намек. Ну же, хоть один, что это неправда, и мы не безнадежны, но молчаливая грусть, окутавшая Хелен, обнимает и меня, заставляет сникнуть, опустить руки и застыть. Я обдумываю ее слова, всего несколько секунд, а потом резко вскидываю подбородок и выдавливаю из себя улыбку. Плевать, если она не верит, но я не позволю ей погубить веру во мне.

— Нет, ты не права, — мотаю головой, делая шаг назад и позволяя себе взглянуть на нее с вызовом, ведь теперь, узнав, что сопротивление БЫЛО, я ни за что не оставлю надежду. — Шанс есть, иначе бы Господин не приехал в Митрополь. Второй член Совета убит, а это значит, что теперь все может измениться.

— С чего ты взяла, что к этому причастны люди? Ведь это может быть банальный передел власти.

В глубине дома хлопает дверь, и я вздрагиваю, не от громкого на фоне наступившей тишины звука, а от слов Хелен, версия которой тоже имеет право существовать. Действительно, с чего я взяла, что к этому причастны мы? Слабые, затравленные людишки, выращиваемые для поддержания жизни вампиров.

Как же наивно с моей стороны. Не говорю больше ни слова, ошарашенно осматриваясь по сторонам и будто не узнавая, где я. Мне становится так мерзко и так противно, словно кто-то прошелся по мне грязными сапогами. Покидаю кухню, медленно шагая по лестнице и обдумывая ее слова. На улице все тот же дождь, и, чем ближе я ко второму этажу, тем отчетливее слышу шум барабанищих по черепице капель. Может, поэтому не сразу обращаю внимание на тихий зов Рэми. Дверь в его спальню открыта, и я останавливаюсь в шаге от нее, вовремя вспоминая о его приказе. Мне хватает нескольких секунд, чтобы наклониться и снять с себя белье, которое он запретил мне носить, но без которого, как оказалось, я чувствую себя неуютно.

Быть может, когда-нибудь я привыкну.

Как можно более незаметно вешу трусики на ручку двери, со стороны коридора, надеясь забрать их при уходе.

— Зайди ко мне, Джиллиан.

Несмело заглядываю внутрь и только после этого прохожу в его спальню, окидывая ее быстрым взглядом. Я здесь ни разу не была, с самого нашего приезда, поэтому с интересом отмечаю каждую деталь, в том числе заложенный множеством книг стол. Некоторые из них совсем старые, с кожаными обложками, истертыми, потрескавшимися; желтые страницы и чернильная вязь на них.

Рэми сидит у окна, в глубоком гобеленовом кресле. Белая классическая рубашка, как всегда с закатанными рукавами; жилетка из серой плотной ткани и в тон ее брюки; пиджак, небрежно скинутый на подлокотник кресла и почти свисающий на пол. Осторожно

прощупываю его настроение и удивляюсь видимым переменам — в Венсене он был другим, не таким уставшим, не таким измотанным. Сейчас же передо мной сидит обыкновенный мужчина, столкнувшийся с серьезными проблемами, правда, точно уверенный, что они решаемы. Ведь иначе и быть не может, не так ли?

— Тебе здесь нравится?

— Очень, — под его испытующим взглядом переминаюсь с ноги на ногу, не зная, для чего именно он меня позвал: поговорить? заняться сексом? насытиться? Или все вместе?

— Мне тоже. Правда, лет двести назад это было куда более тихое место, а затем Митрополь разросся, всосал в себя тысячи жизней. Радует одно: старые кварталы почти сохранили свою индивидуальность, — в его голосе тоже сквозит усталость, и против воли я даже сочувствую ему. Наверное, ответственность за целый мир — тяжелая ноша даже для бессмертного вампира. — Ты сдружилась с Хелен?

— Да, — киваю головой, упуская нюансы и наш последний разговор, конечно.

— Иди ко мне, *ma petite**, — он слегка хлопает по колену ладонью, и я послушно подхожу ближе, натываясь на его пронизательно щупывающий взгляд. Он оглядывает меня с ног до головы, словно выискивая перемены, и касается кончиками пальцев бедра, как раз у линии подола платья. Проводит ими выше, задирая ткань, и мимолетным прикосновением проверяет отсутствие на мне белья. Оказывается, я вовремя его сняла и, главное, не забыть его на чертовой ручке. — На колени...

Непонимающе хмурюсь, опускаясь перед ним на колени и вопросительно заглядывая в его глаза. Они черные, чернее ночи, с демоническим блеском, сейчас не так ярко выраженным, как обычно. Словно заботы о сохранении мира смогли затуманить и его.

— Доставь мне удовольствие, Джил, — краснею от внезапности просьбы и судорожно вдыхаю, облизывая вмиг пересохшие губы. Этот жест привлекает внимание Господина, и он переводит взгляд на мои губы, которые уже в следующую секунду обводит подушечкой большого пальца. Медленно и аккуратно, едва касаясь, но вызывая приятное покалывание в них. Шум дождя усиливается как и мое сердцебиение, вконец сбитое от волнения. Его просьба так интимна, так эротична и доверительна, что я совершенно смущаюсь, догадываясь, что он имеет в виду. Мои щеки пылают румянцем, и я кладу ладони на его колени, слегка сжимая их. Бог мой, а ведь я даже не знаю, как это делать, и почему-то в памяти всплывает тот вечер в клубе, когда танцовщица ублажала его такими ласками. — Что-то не так? — замечая мою нерешительность, спрашивает он, все продолжая касаться моих губ, обводя подбородок, лаская скулы.

— Я... эмм... не совсем. То есть... совсем не умею.

— Разве ты не удовлетворяла мужчин таким образом?

— Нет, хотя хозяйин кафе, в котором я работала, — замолкаю, чувствуя как пальцы Рэми висят в воздухе, и сам он будто напрягается, вдруг становясь серьезным и настороженным.

— Он приставал к тебе?

— Он приставал ко всем, кто работал на него. Меня выручала Элисон, принимая основной удар на себя. Я многим обязана ей.

— Например, своей чистотой?

— В том числе, — киваю, сама подаваясь навстречу его пальцам и вновь натываясь на ласку. В этот раз Рэми касается нижней губы и чуть оттопыривает ее, проводя большим пальцем по зубам, проталкивая внутрь и глубоко вдыхая, когда я обхватываю его губами.

Плотно, выпуская и вновь заглатывая. Туда-обратно, желая стать прилежной ученицей. Он так пристально смотрит на мои манипуляции, что я затихаю, думая, что делаю что-то не так.

— Расскажи мне о нем, о вас. Что ты чувствовала, когда он приставал к тебе?

Странное желание узнать все подробности.

— Я чувствовала отвращение, потому что он был мерзким, настолько мерзким, что когда он подходил ко мне, мне становилось тошно. Неопрятный и толстый, он вынуждал официанток отдаваться ему, потому что все мы дорожили работой, которую в Изоляции довольно сложно найти. Я помню его горячие потные руки на моих бедрах и отвратительное дыхание перегара; его губы, оставляющие мокрые поцелуи на скулах, когда я отворачивалась от него, едва сдерживая подступающую рвоту. От него всегда пахло потом, — я шепчу это, не поднимая взгляда и упрямо смотря на пуговицы жилетки Рэми, вновь и вновь пересчитывая их и перебирая в памяти неприятные моменты. Только теперь, озвучив свои ощущения, я могу увидеть разницу между бывшим хозяином и нынешним — полной его противоположностью. Господин пахнет дорогим парфюмом, красив и статен. Мне повезло, наверное.

— Замолчи, Джил, — в его голосе столько злости, что я удивленно вскидываю глаза, натыкаясь на плотно сжатые челюсти и опасный блеск, вернувшийся к своему обладателю. Мурашки по коже от волн гнева, исходящих от него. Но ведь он сам просил рассказать, чем я могла так разозлить его? — Больше ни слова, лучше займись делом, — Рэми откидывается назад, кладя руки на подлокотники и ожидая моих действий. А я не знаю, как подступить, поэтому робко провожу руками по его бедрам, от колен до самого паха. Затем обратно, будто невзначай задевая скрытый под тканью брюк член, напрягшийся от моих прикосновений. Пряжка ремня, пуговица и ширинка, с которой мне помогает справиться Хозяин. Он чуть привстает, позволяя спустить с себя одежду, и прикрывает глаза, когда я впервые так откровенно касаюсь его ТАМ. Сначала осторожно и несмело, боясь сделать что-то неправильно, а потом более раскрепощенно, обхватывая ладонью и делая поступательные движения.

Его кожа нежная, словно бархатистая, я вижу каждую венку под ней, чувствую его напряжение и склоняюсь ближе, тайком бросая на него настороженный взгляд. А что если ему не понравится? Ведь я не сравнима с Адель, опыт которой вырабатывался столетиями. Я даже ощущаю укол зависти, потому что на ее фоне я выгляжу полной неумехой.

— Смелее, *ma petite*, — Рэми кладет ладонь поверх моей руки и сжимает пальцы, вынуждая меня плотнее обхватить его член. Он открывает глаза и смотрит на меня возбужденно горящим взором, пока я деликатно провожу языком по головке члена, слизывая выступившую смазку, а затем открываю рот и, постепенно склоняясь, смыкаю губы. — Дж-и-ил... — его томный стон подстегивает меня к более смелым действиям, и я забываю о неловкости, смущении, мыслях об Адель, отдаваясь навстречу желанию доставить Хозяину удовольствие, пусть даже если оно не будет таким ярким, как с другими. — Моя маленькая девочка, — шепчет, запрокидывая голову и зарываясь пальцами в мои волосы. Он ненавязчиво помогает мне поймать ритм, стараясь не входить глубоко и тем самым не вызывая рвотных позывов. Иногда ускоряет темп, но тут же притормаживает, вдыхая сквозь сжатые зубы и двигая бедрами навстречу.

Мне приятно ощущать эту маленькую власть над ним, над его желаниями, над его эмоциями, и пусть она основана на банальных человеческих инстинктах, но я тешу себя надеждой, что ему нравится заниматься этим именно со мной, сейчас, в эту самую секунду,

когда он весь напрягается и не позволяет мне закончить начатое, с тихим рыком вынуждая меня поднять голову.

— Иди ко мне, — несдержанно тянет на себя, помогая подняться и сесть на его колени в позу наездницы, и входит резко, неожиданно, одним сильным толчком, своим напором выбивая весь воздух из легких. Мне так привычно чувствовать его в себе, что я не обращаю внимания на небольшой дискомфорт внутри оттого, что его член упирается в меня. — *Tu deviens ma faiblesse, ma chérie.* (Ты становишься моей слабостью, малышка.)

Не понимаю ни слова, что он шепчет, двигаясь во мне и целуя шею, которую я доверительно ему подставляю, точно зная, что он не сделает мне больно. По крайней мере не сейчас, быть может, потом, когда наиграется, насытится, когда я надоем ему или разочарую, когда перестану быть той самой Джил, что заинтересовала его своей чистотой, искренностью, альтруистичностью, которая, как только оказывается в его руках, начинает забывать о том, что когда-то была свободна, что весь этот мир вообще неправилен. Так неправилен, бог мой.

Что я делаю?

Тону... позволяя ему стать ближе.

Я стою напротив зеркала, размером почти в мой рост, оно старое, в позолоченной винтажной раме, с кое-где потемневшим и облупившимся покрытием. Кажется, ему столько же лет, как этому дому; полированной лестнице, давно не обновлявшейся, с исшарканными ступеньками; люстре, висящей под потолком в гостиной и потерявшей свой блеск; окнам, снаружи с отходящей крупными хлопьями краской; различным мелочам, что не бросаются в глаза, но дополняют образ старого особняка: фарфоровый сервиз, картины на стенах, даже обои, оставшиеся с прежних времен. Я оказалась права, и Рэми бережно оберегает атмосферу прошлого, не позволяя Хелен заняться ремонтом. Наверное, тут я его понимаю, потому что мне тоже до ужаса хочется иметь тихую гавань, где не будет резких скачков и перемен, где властвует размеренный порядок и неспешность, отсутствие надоедливо лоска и шума.

Этот дом — место, где Господин отдыхает и, возвращаясь в уютные стены, скидывает с себя заботы, оставляя их за порогом. За две недели, что мы здесь находимся, я успеваю привыкнуть к его тихой мягкости, безмятежности, спокойствию, может, поэтому до ужаса боюсь предстоящего приема, где будет совсем другой Рэми — жесткий и бескомпромиссный, холодно равнодушный, снисходительно высокомерный. И пусть по отношению ко мне ничего не изменилось, но я вижу, вижу, что здесь он словно сгладился, позволил себе расслабиться и стать более откровенным со мной.

Митрополь творит чудеса.

— Если ты готова, можешь спускаться, — Хелен входит без стука, раздражая меня все больше, потому что после того разговора на кухне я не могу себя заставить вернуть былое уважение к ней, будто ее пессимистическое настроение есть предательство по отношению к вере, которая так упорно восстает во мне. Я засыпаю с мыслями о сопротивлении и долго ворочаюсь, думая о том, что если оно существовало, значит, люди все-таки не смирились с несправедливостью. И это не может не радовать, ведь именно борьба отличает рабов от свободных людей.

— Сейчас, — последний раз окидываю себя придирчивым взглядом и не могу не отметить, что цвет выбранного Хозяином платья действительно идет к мои глазам. Насыщенно-синее, с более темной кружевной вставкой на спине, прикрывающей глубокий вырез, вплоть до поясицы, оно чуть ниже колен и полностью следует изгибам фигуры, вполне женственной: тонкая талия и округлые бедра, которые, по моему мнению, стали такими именно здесь.

Пора ограничить себя в сладком и мучном, но я так полюбила шарлотку Хелен, что теперь с трудом могу отказаться от нее.

Высокие каблуки замедляют шаг, узкая юбка платья-футляр, облегающего бедра, не дает сделать его шире, поэтому я задерживаюсь, к недовольству Рэми появляясь в холле позднее его. Оно написано на его лице, когда он поворачивается в мою сторону и медленно, тягуче медленно, оглядывает меня с ног до головы, задерживаясь именно на бедрах. Прищуривает глаза, всего на секунду, а потом раздраженно поводит плечом, будто смахивая с себя чью-то руку.

— Неудачный выбор. Впрочем, у нас нет времени, чтобы все исправить, — он говорит это уже открывая дверь и, слава богу, не видит, как я густо краснею, мысленно проклиная

Хелен и ее вкусняшки. Следую за ним, выходя на морозный воздух и вдыхая его полной грудью, и обнимаю себя за плечи, удивляясь тому, что Хозяина вовсе не заботит отсутствие на мне не только нижнего белья, но и верхней одежды, которая защитила бы меня уже от зимнего холода. Может, это лишняя подстраховка — вряд ли я решусь сбежать в одном из легких платьиц, коими пестрит мой гардероб.

Сажусь в машину после него, устраиваясь на широком сидении и стыдливо сводя колени. Мои руки дрожат от волнения, и, чтобы хоть как-то успокоиться, я отворачиваюсь к окну, разглядывая противоположную сторону улицы и припаркованные там машины. Они отличаются от нашей, длинной и вытянутой, напоминая мне два черных волкодава, готовых наброситься на проезжающие мимо автомобили. Одна из них трогается вместе с нами и, обгоняя, пристраивается спереди. Вторая же следует сзади, великодушно сохраняя дистанцию и прикрывая наш тыл. Я хмурюсь, ерзая на месте и разглядывая ее, а Рэми, сидящий напротив, на столь же широком сидении, отрывается от бумаг и бросает на меня усталый взгляд.

— Джил.

— Что им надо? — не понимаю, зачем они ведут нас, впервые сталкиваясь с таким кортежем, ведь в Митрополь мы ехали одни.

— Им? Ничего. Банальная мера предосторожности, принятая Советом в связи с убийством двоих из нас, — Рэми произносит это безэмоциональным голосом, как бы между делом, после чего вновь утыкается в бумаги, а я ошарашенно застываю, разглядывая его и чувствуя едкий страх, от которого становится дико холодно. "Убийством двоих из нас"... Убийством... То есть... То есть Господина тоже могут убить? И, если честно, после двух недель, проведенных здесь, я уже не знаю, хочу ли этого.

— Разве это возможно? Убить ВАС?

— Посмотрим, — он безразлично пожимает плечами, словно не боясь смерти; пустоты, что она принесет; забвения, которое покроет его имя пылью; тишины, что заменит яркость звуков. Неужели столетия жизни могут привести к такому равнодушию? Я задумчиво замолкаю, украдкой рассматривая Хозяина и действительно не понимая его отношения к смерти. В то время как сама мысль о ней приводит меня в ужас, он говорит о ней небрежно, словно рассуждая о погоде, а не о собственной гибели, которая, как выяснилось, вполне возможна.

Все еще обдумывая его слова, я вновь возвращаюсь к окну, с нарастающим интересом начиная вглядываться в мелькающие за ним здания, людей, что проходят мимо, являясь частью огромного организма под названием Митрополь. Как только мы выезжаем из старых кварталов, попадаем в совершенно иной ритм, где нет привычного покоя и тишины. Даже сидя в салоне, я чувствую его энергию в плотном потоке машин, идущих по тротуару прохожих, закутанных в шарфы и теплые куртки и напоминающих мне нахохлившихся птиц. Многие из них идут с опущенными взглядами, и я догадываюсь почему — потому что это люди, такие, как я, чужие в мире вампиров. Изолированная от общества, я с волнением провожаю каждую такую фигуру и даже касаюсь стекла кончиками пальцев, словно желая удержать проходящего мимо человека.

Бог мой, они свободны?

— Не совсем, — говорит Рэми, и я понимаю, что произнесла это вслух. Перевожу на него настороженный взгляд, опасаясь, что моя реплика может вызвать недовольство, но Господин напротив, спокоен и совершенно бесстрастен. — Их так называемая свобода

относительна, ведь все они работают на нас и во имя нашего комфорта. В основном различный обслуживающий персонал, доноры, низшие служащие, называемые люмпенами. И прекрати так на меня смотреть, рабство придумал не я. Если ты изучала историю, Джил, то должна знать, что люди тоже не гнушались пользоваться своим преимуществом над другими, используя их труд для своих благ. Что ты подразумеваешь под словом "свобода", *ma petite*?

— Свобода — это право выбора, — я произношу это, едва сдерживая злость, но Хозяин настолько проницателен, что не может не заметить этого. Он снисходительно ухмыляется, наверняка забавляясь моими эмоциями и чувствуя свое превосходство надо мной, глупой девчонкой, решившей, что она сможет достойно вести полемику с человеком, на глазах которого менялись эпохи.

— Право... выбора... Хм, любопытное заявление, учитывая то, что это право довольно относительное явление, ведь так или иначе оно ограничивается установленными законами, моральными нормами, правилами поведения, в конце концов. На самом деле свобода — это самая сильная иллюзия, Джиллиан, в которую мы продолжаем упорно верить.

— Все, что вы перечислили, Господин, это вынужденные ограничения, чтобы люди не деградировали, превратившись в асоциальные элементы.

— Похвально, Джиллиан, твоя любовь к чтению дает плоды. Как ты думаешь, может поэтому люди не должны иметь права выбора? Чтобы не превратить мир в хаос? Только подумай, сколько цивилизаций погибло по их вине, сколько людей убито в междоусобицах и войнах: из-за зависти, алчности, властолюбия, кровной обиды, тщеславия.

— Это не лучшая сторона человечества, согласна. А как насчет сострадания, милосердия, самопожертвования, любви, — последнее слово я произношу намного глуше, будто стыдясь его перед Хозяином и опуская голову низко-низко. Мои щеки алеют от смущения, когда я чувствую на себе его пронзительный взгляд, затем сменившийся на ироничную ухмылку.

— Интересно, мы начали со свободы, а закончили наивными человеческими чувствами, как бы иронично это не звучало, тоже лишаящими вас выбора. Вы становитесь заложниками их и забываете о собственной гордости, оправдывая свою слабость святостью добродетели. Твое простодушие, *ma petite*, раздражает, ты можешь ненавидеть нас за то, что мы лишаем вас так называемой "свободы", используя в своих целях и для собственных благ, но сама не сможешь распорядиться этой самой "свободой", если она у тебя появится.

— Неправда. Я могу, я была свободна.

— Где? — Рэми перебивает меня, довольно резко, несдержанно, подаваясь чуть вперед и вынуждая посмотреть на себя. Его глаза источают холодное презрение, словно я не понимаю очевидного, которое вот оно, на поверхности. — Дай угадаю, в колонии, где твой выбор ограничивался тем, по какой дороге ты пойдешь домой: через пруд, либо по улице, кратчайшим путем. И раз уж на то пошло, был ли выбор у твоей подружки, когда она позволяла хозяину кафе иметь себя? Был ли выбор у ТЕБЯ, когда он лапал тебя потными руками? Отвечай, Джил. Что изменится в случае, если я тебя отпущу и ты вернешься в свою любимую "Изоляцию"? Вот именно. Ни-че-го. Так что давай прекратим все эти разговоры о свободе.

Его слова настолько унизительны, язвительны и грубы, что я едва сдерживаю слезы, кусая губы и мотая головой. Не хочу, не хочу, не хочу слушать его. Все, что он говорит, ложь, заблуждение, глупость, ведь я принадлежала только себе. Себе, и никому больше. Слышите?

— Так вот, моя маленькая наивная девочка, свобода — это отсутствие зависимостей, ограничений, запретов, и, если тебя это успокоит, никто из нас не может похвастаться ею.

Машина плавно останавливается, но мы продолжаем сидеть, теперь уже молча. Я — переваривая его слова, а Рэми, быть может, ожидая моей ответной реплики, которая застряла в горле комом обиды и подкатывающего разочарования. Ведь в его высказываниях, как бы я не хотела этого признавать, есть капля истины — свобода — это всего лишь иллюзия.

— Надеюсь, ты помнишь правила: старайся не отставать и не поднимай глаз, — Рэми одергивает манжеты рукавов, поправляет пиджак и, бросив на меня предупреждающий взгляд, выходит из машины. Не ждет, точно зная, что я не потеряюсь, и вступает на бульжную мостовую, ведущую к огромному зданию, с королевским достоинством. Территория его огорожена высокой живой изгородью, подстриженной будто по линейке, а само строение сочетает в себе греческий стиль, разбавленный современным дизайном. Высокие колонны и белоснежный камень, статуи, врезанные в стены, бесконечные ступеньки лестниц и потолок с декоративной лепниной, привлечший меня своим благородством. Из-за узкой юбки я едва успеваю за Хозяином, стараясь смотреть только под ноги, но против воли осматриваясь вокруг и ничего не понимая.

Я думала, что это будет обыкновенный прием, на подобие того, где я познакомилась с Катриной, но напротив, мы проходим зал за залом, комнату за комнатой, а на нашем пути попадаются разве что слуги, уважительно расступающиеся и склоняющие голову. Ни звуков музыки, ни людского шума — ничего, только гулкие шаги Господина и звонкий стук каблучков по мраморному полу, сопровождающие нас до самых дверей, которые тут же открываются, впуская нас в просторную залу. Тайком поднимаю глаза и осматриваю огромную круглую комнату с высоким куполообразным потолком из затемненного стекла, позволяющего видеть небо. В самом центре ее расположен круглый стол, за которым сидят пятеро мужчин и одна женщина. Все они, при нашем появлении, встают со своих мест и опускают голову, терпеливо дожидаясь, когда Рэми подойдет к свободному стулу и, коротко кивнув, позволит им сесть. Я же встаю по его правую руку, чуть позади, скопировав положение у стоящих около своих хозяев девушек, по-видимому предназначенных для "перекуса".

Я так хочу повнимательнее рассмотреть всех, но, помня наставления Господина, покорно опускаю взгляд, концентрируясь на руке Рэми, свободно лежащей на подлокотнике высокого стула. Его перстень с черным ограненным камнем то и дело поблескивает от попадающего на него света, исходящего от многочисленных круглых светильников.

— Начнем? — тихий голос Господина взрывает наступившую тишину, и я напрягаюсь, инстинктивно пододвигаясь ближе к нему и словно ища у него защиты. Понимаю, что нахожусь в комнате с самыми древними вампирами, входящими в Совет Девяти, и испытываю что-то наподобие благоговейного страха, ведь каждый из них — это целая история — от начала и до конца. — Есть какие-нибудь факты, о которых я должен знать?

— Ничего нового, — при звуках знакомого голоса отрываюсь от разглядывания перстня и нахожу его обладателя за столом. Он сидит практически напротив, между отвратительно грузным мужчиной и единственной женщиной в Совете и, когда я останавливаюсь на его лице, наконец узнавая, бросает на меня откровенно изучающий взгляд, от которого становится не по себе. Пронзительно ледяной, с нотками скрытой жестокости и, я бы даже сказала, садизма, он пробирает до костей, вынуждая меня опустить голову. — Ты подумал

над моим предложением, Дамиан?

— Каким? Устроить геноцид? — я различаю в тоне Рэми усталый сарказм, будто каждое их заседание начинается с этой темы, и она порядком надоела ему.

— Значит, ты не допускаешь того факта, что люди могут быть причастны к этому?

— Мне нужны доказательства, Вацлав. Как только ты предоставишь их, мы начнем действовать.

— Пока я разыскиваю доказательства, Совет Девяти может лишиться еще нескольких участников. Ты этого хочешь?

— Так ищи лучше, за все это время ты не предоставил мне ни одного факта, указывающего на то, что запрещенные организации существуют, — Рэми пожимает плечом, продолжая источать тихое спокойствие и превосходство, так живо отличающее его от остальных. Он сидит совершенно расслабленно, одной рукой поглаживая подлокотник, а другой подпирая подбородок и опираясь локтем о деревянную грань. Ленивая грациозность застывает во всей его позе и чем-то напоминает мне банальную скуку, которая, на фоне происходящих событий, выглядит странно. Ведь он должен быть заинтересован в решении проблем, разве нет? — Если ты не можешь справиться с возложенной на тебя задачей, я могу назначить смотрящим другого. Авиэля, к примеру. Как ты на это смотришь, Авиэль?

Тот самый грузный мужчина, сидящий рядом с Вацлавом, облизывает сочные мясистые губы и, прочищая горло, разводит руками.

— Как скажешь, — не могу не посмотреть на него, а заодно на девушку, стоящую около него. Маленькая и хрупкая, одетая в закрытое черное платье с высоким воротом и короткими рукавами, она стоит опустив голову и не проявляя никакого интереса к происходящему. Я даже жалею ее, потому что Авиэль совершенно непривлекателен, с отталкивающей внешностью раздутого толстяка, он напоминает мне бесформенный булыжник с маленькими узкими глазками и лоснящейся кожей. Бог мой, а ведь не исключено, что ей приходится ложиться с ним в постель, удовлетворять его прихоти и желания, возникающие в его извращенной фантазии.

— Если честно, я не понимаю твоего упрямства, Дамиан. Это всего лишь люди.

— Всего лишь, ты прав, — Рэми перебивает зарождающееся недовольство Вацлава, не давая ему закончить и с раздражением продолжая: — Но позволь тебе напомнить: они источник нашего питания. Ты предлагаешь устроить банальное истребление, прибрать наши города и оставить одни колонии. И кто же будет выполнять самую грязную работу? Мы? Вампиры?

— Почему нет. Пусть это будут новообращенные.

— Которые потребуют более лучших условий, потому что, как никак, являются полноценными гражданами. Посчитай, какой ущерб экономике понесет твое желание уничтожить людей. И, учитывая, что более тридцати процентов человечества, обитает рядом с нами, это будет серьезный удар по численности, который может привести к дефициту крови, аналога которой, к сожалению, до сих пор не найдено. Тем более, мы до сих пор не можем восстановить необходимую численность людей после последнего инцидента и довести соотношение до стабильной отметки.

— Инцидент? Так ты называешь восстание? По мне так это результат слабой политики, приведшей к тому, что люди потеряли страх и решились пойти против системы. Будь мы более жесткими, этого бы не произошло.

— Ты ставишь под сомнение наши методы? — В комнате накапливается удушающее

напряжение, и я испуганно вскидываю глаза, натываясь на напряженные лица вампиров, переглядывающихся между собой и не желающих вступать в острое противостояние. — Никогда не поздно устроить геноцид, Вацлав, но перед этим необходимо подумать о последствиях. Последствиях, что могут стать необратимыми. И пока ты не предоставишь мне доказательств, я не дам разрешение на зачистку. Люди — куда менее опасны, чем жажда власти.

— На что ты намекаешь? — Уголок рта Вацлава судорожно дергается, и сам он напрягается, еще больше напоминая мне хищную птицу, готовую спикировать на свою жертву. Поражаюсь его отталкивающей энергетике, внешне он привлекателен, но то, что скрывает его ледяной взгляд — по-настоящему пугает. Представляю, как страшно его игрушке, той тихой тени, что стоит за его спиной и нервно дышит, ведь его злость впоследствии может вылиться на нее.

— На что?.. Разве не жажда власти двигает теми, кто хочет от нас избавиться? — Рэми остается абсолютно невозмутимым, будто и не он только что бросил тонкий намек в сторону Вацлава.

— Ах, вот ты о чем. Согласен, — Вацлав расслабляется и, откидываясь на спинку стула, дает понять, что больше не намерен продолжать разговор на эту тему. Я не знаю, сколько уже длится их дискуссия, но совершенно точно могу отметить, что она так и не привела к согласию. Из-за высоких каблуков нестерпимо болят ноги, и я мечтаю как можно скорее скинуть их. Мне становятся безразличны дальнейшие разговоры, в которых, наконец, начинают участвовать и остальные, потому что вся я сосредотачиваюсь на чертовой боли, пламя которой начинает лизать ступни. Она заставляет меня переминаясь с ноги на ногу, а потом и вовсе опереться рукой о спинку стула, тем самым обратив внимание Господина, бросившего на меня сердитый взгляд.

— Простите, — я шепчу это одними губами, отлипая от него и возвращаясь на место. Ненароком смотрю вверх и застываю, различая через стекло потолка-крыши белые хлопья снега, опускающиеся на него. Это так завораживает, что я не могу оторваться, наслаждаясь красотой происходящего. Лишь когда в зале чувствуется заметное оживление, а двери, через которые мы вошли, открываются, пропуская внутрь слуг с подносами, я наконец отвлекаюсь и, вспомнив, что глаза должны быть опущены, склоняю голову. Слава богу, Хозяин этого не видит, и моя маленькая выходка остается незамеченной. Но самое интересное начинается когда ко мне подходит слуга, держа перед собой поднос с широким бокалом, льняной салфеткой и маленьким ножиком, напоминающим нож для бумаги.

Непонимающе хмурюсь, оглядываясь по сторонам и наблюдая за тем, как девушки спокойно берут лезвие и проводят по своим запястьям, подставляя бокал под капающую с них кровь. Кажется, металлический запах крови наполняет каждую молекулу воздуха, отчего мне становится тошно и голова идет кругом от этого пугающего зрелища.

— Джиллиан, — словно через слой ваты слышу голос Хозяина, смотрящего на меня снизу вверх и показывающего взглядом на поднос. Боже, я должна порезать себе руку? Но я не могу, во мне нет столько смелости, сколько в этих безропотных наложницах, так просто порезавших себя. Стараюсь часто дышать, чтобы успокоиться, но по мере того, как проходит время, наоборот, все больше паникую, отказываясь ранить запястье. Я даже делаю шаг назад, но тут же оказываюсь остановлена одним лишь разгневанным взглядом Господина. Он манит меня указательным пальцем и вынуждает склониться к его лицу. — Не позорь меня, и советую резать ближе к локтю, чтобы не повредить сухожилия, — едва улавливаю тихий

шепот и поджимаю губы, загравленно глядя на смакующего кровь Вацлава, пристально наблюдающего за нами. Кажется, что он только и ждет, когда я устрою какую-нибудь сцену, забившись в истерику, к примеру. Наверняка этого боится и Рэми, потому что он становится натянуто выжидающим, предостерегающе опасным, и теперь я не знаю, чего боюсь больше: предстоящей боли или гнева Господина.

Мои пальцы дрожат, когда я беру нож и приставляю его к руке, чуть повыше запястья. Зажмуриваю глаза и, чтобы не вскрикнуть, прикусываю губы, одним резким движением вспарывая кожу. И сейчас в памяти всплывают запястья Катрины, все исполосованные белесыми шрамами.

Сколько таких приемов она пережила?

Едва успеваю подставить руку под бокал, стоящий на подносе, и с отвращением наблюдаю за тем, как в нем постепенно скапливается кровь, заполняя его утробу. Меня вновь тошнит, и я отворачиваюсь, чтобы не видеть, но делаю этим еще хуже, потому что ненасытный Авиэль, уже прикончив один бокал, тянет руку за следующей порцией, заставляя свою наложницу вновь резать запястье. Не удивлюсь, если его безмерный аппетит приведет ее к смерти.

— Достаточно, — сухо кидает Рэми, а я не могу оторваться от созерцания девушки, старательно сжимающей и разжимающей кулак, чтобы ускорить течение крови. Это так ужасно, так омерзительно — оказаться в эпицентре жажды, что я чувствую подступающие слезы, жалея каждую из нас.

Мы не заслужили.

— Джил, достаточно, — повторяет Рэми, и раздраженно берет салфетку с подноса, прикрывая ею мою рану и забирая бокал с кровью, и, пока он проделывает все эти манипуляции, обессиленная наложница Авиэля оседает на пол, скрываясь из моего поля зрения. Я распахиваю глаза, вытягивая шею и желая удостовериться, что с ней все в порядке, но натываюсь лишь на насмешливый взгляд Вацлава, будто наслаждающегося моей реакцией. Он смотрит на меня откровенно пристально, и, если честно, мне не нравится его навязчивое внимание. Хочу спрятаться, уйти отсюда, чтобы больше не натываться на него, не видеть, не ощущать удушливый запах опасности, исходящей от Вацлава.

Уставшие ноги продолжают гореть, в глазах плывет от происходящего, и я, точно так же, как и та девушка, медленно оседаю на пол, продолжая прижимать салфетку с просочившейся через нее кровью к ране. Не знаю, чего ждать от Рэми, не вижу его реакции, устало прислоняясь виском к подлокотнику и прикрывая глаза. События этого дня, лица присутствующих, мои воспоминания смешиваются в немислимый калейдоскоп картинок, мелькающих в голове: толстые губы Авиэля, все вымазанные кровью; выцветшие глаза Вацлава и улыбка Адель; моя комната в Изоляции и маленькие ручки Айрин, прижатой ко мне. И среди этого отчетливо чувствуются ласки Господина, как бы между прочим перебирающего мои волосы, попавшие ему под руку. Его пальцы проводят линии-штрихи, успокаивая и расслабляя, и я окончательно проваливаюсь в полудрему, наконец избавляясь от тошнотворных ощущений.

Просыпаюсь оттого, что рука безбожно затекла и, как только я высвобождаю ее из-под себя, начинает покалывать. Я лежу на диване, на животе, прижимаясь щекой к гладкой поверхности и совершенно не понимая, где нахожусь. В мертвой тишине различимо лишь тиканье часов и скрип кожаной обивки, когда я пытаюсь принять более удобную позу, переворачиваясь на спину и прижимая ладонь ко лбу. Меня мучает дикая жажда, и рука,

кем-то забинтованная, тупо пульсирует под тугой повязкой, наложенной вполне профессионально.

— Очнулась? — голос Рэми заставляет меня резко убрать руку от лица и задержать дыхание, чтобы прислушаться к звукам. Судя по всему он находится где-то сбоку, стоит только приподняться и убедиться в этом, но я даже не успеваю подумать, как Господин появляется возле меня, с каким-то холодным безразличием смотря на мои тщетные попытки принять сидячее положение. Не могу прочесть его эмоции из-за непроницаемо каменного лица, но интуитивно чувствую, что он недоволен, вот только не знаю, чем именно. — Знаешь, когда к рабам проявляешь мягкость, они пользуются этим, совершенно забывая о своем положении.

Не понимаю, что он имеет в виду, но не могу не насторожиться, ожидая его последующих действий. Сердце набирает ритм по мере того, как Господин продолжает смотреть на меня, все также пугающе равнодушно.

— Вставай, Джиллиан, нам пора домой.

И все? Да что происходит?

— Или ты намерена остаться здесь и продолжать играть в гляделки с Вацлавом? Только смею предупредить: он не будет церемониться с тобой, обладая такой патологической тягой к насилию, — он бросает это с присущей ему небрежностью и, не дожидаясь, идет к выходу. А я оцепенело провожаю его недоумевающим взглядом, действительно ничего не понимая. Гляделки? Он шутит?

Я боюсь, боже, я до ужаса боюсь Вацлава.

— Пойдите, — шепчу, с трудом поднимаясь с дивана и судорожно надевая снятую обувь. Меня потряхивает то ли от холода, то ли от осознания того, что Рэми и вправду может уйти, оставив меня здесь, на растерзание своего оппонента, проявившего ко мне излишнее внимание. Я признаю это, но не признаю обвинения в том, что принимала его с удовольствием.

Выхожу из комнаты в уже пустую залу, и с тревогой оглядываюсь по сторонам, совершенно не зная куда идти. Почти бегу в сторону открытых дверей и с тихим вскриком останавливаюсь, впечатываясь в грудь вставшего на моем пути Вацлава, вынырнувшего будто из ниоткуда. Как назло он появился в самый неожиданный и неподходящий момент.

— Прошу прощения.

— Ощущение де-жавю, — он не торопится уйти с дороги, с видимым интересом разглядывая меня, и склоняется чуть ближе, почти касаясь кончиком носа моего виска. — Маленькая девочка доросла до женщины. Очаровательно, — выдыхает, наверняка намекая на мои формы и вызывая во мне волну животного страха, что, учитывая его позицию на Совете, краткую характеристику Рэми и разорванное горло Катрины — вполне логично.

Отшатываюсь от него как от прокаженного, делая шаг назад и оглядываясь по сторонам. Глупая, неужели я рассчитываю спрятаться от него?

— Я потеряла Господина, — словно оправдываясь, шепчу я и в тайне надеюсь, что упоминание о Рэми оградит меня от возможной опасности.

— Ты двигаешься в правильном направлении, — Вацлав отходит в сторону, позволяя мне опасно пройти мимо, и провожает, точно знаю, что провожает меня жадным взглядом. И в эти мгновения, пока следующие двери не скрывают меня от него, я проклинаю Хелен, облегчающее платье и предупреждения Господина, возродившего во мне страх, а потом преспокойно бросившего. И пусть я всего лишь его очередная игрушка, вещь, мешок с

кровью, но неужели в нем нет хоть капли привязанности ко мне?

Нет, ведь он не признает слабости.

Этот день кажется мне бесконечно долгим и изматывающим: я устала, голодна и замерзла и, даже сидя в теплом салоне машины, до сих пор не могу согреться, то и дело поводя плечами и дрожа от холода. Стараюсь не смотреть на Рэми, который, в свою очередь, будто специально, не обращает на меня никакого внимания, провалившись взглядом в сумерки вечерних улиц, мелькающих за окном. Крупный воздушный снег оставил на дорогах неприятную серую слякоть, постепенно тающую и превращающуюся в лужи. От романтики начинающейся зимы не осталось и следа, так же, как и от хорошего настроения Господина, вдруг ставшего отчужденным и задумчивым. Могу поспорить, сейчас он думает о своих проблемах и ему совершенно плевать до дискомфорта наложницы, мечтающей вернуться домой и встать под горячие струи душа, но покорно следующей за своим Хозяином, вдруг выбравшим совсем другое направление. И даже не это беспокоит больше, а то, что по его приказу кортеж, следовавший за нами до Ратуши, отпущен, и теперь мы крадемся по улицам города в общем потоке машин, лишившись прикрытия черных волкодавов. Мне хочется узнать об этом, но я боюсь показаться слишком любопытной, да и его настроение не располагает к диалогу, поэтому я беру пример с него и отворачиваюсь к окну, рассматривая освещенные яркой подсветкой здания.

Митрополь красив, много красивее Венсена и уж тем более Изоляции, где все дышит серостью и убогостью, бедностью, вьющейся в его жителей. Здесь же дорогая иллюминация и мощные тротуары, уже освобожденные от снега; фонари, бросающиеся в глаза изяществомковки; яркие витрины, призывающие покупателей опустошить карманы; побеленные деревья с аккуратно подстриженными ветвями — все здесь дышит заботой и аккуратностью, красотой и значительными вложениями капитала. А наступивший вечер придает городу некую сказочность и мерцание, вызывающую восхищение и грусть... потому что мы — люди, лишены этого.

Наконец, отрываюсь от созерцания города и поворачиваюсь к Господину, натываясь на его пристально обжигающий взгляд. В свете уличных фонарей его лицо выглядит бледнее обычного, поэтому черные глаза на фоне его кажутся еще более черными, хищными, опасными. Не знаю, как долго он смотрит на меня, но определенно чувствую неловкость и, чтобы хоть как-то скрыть смущение, произношу:

— Здесь так красиво.

— Не могу не согласиться. Я хотел выделить этот город из всех других.

— Почему?

— Потому что был его основателем. Давным давно, Джил, когда на месте этих зданий стояли деревянные хижины, — он указывает рукой в сторону возвышающихся зданий, а я, зачарованная тихим голосом, мысленно молю его продолжить. Хочу знать, хочу знать о нем как можно больше, приоткрыть завесу тайны и хотя бы на несколько секунд заглянуть глубже в каменное сердце. — Тогда на этом месте стояло поселение, состоящее из, дай подумать, нас было около двадцати семей. По меркам того времени достаточно много, чтобы мы смогли прокормить себя и защитить. Это было так давно, *ma fille**, что я с трудом помню подробности. Видимо, даже память тысячелетнего вампира имеет свои границы, — уголки его губ чуть приподнимаются, а потом возвращаются на место, выдавая его ностальгическое настроение.

— Тогда почему вы живете в Венсене, раз этот город так дорог вам?

— Потому что былых ощущений не вернуть, Джиллиан. Когда-нибудь ты поймешь это, — в его голосе появляются металлические нотки, и я понимаю, что нашим маленьким откровениям пришел конец. Вновь железные двери и замки на них — Господин возвращает былое величие, обращаясь ко мне уже более строго: — Помни: все, что ты слышишь, все, что ты видишь, должно остаться в тайне. Иначе мне придется отрезать тебе язык и выколоть глаза, — он говорит это таким угрожающим тоном, что я непроизвольно отодвигаюсь подальше и, плотно сжимая губы, киваю. — Вот и отлично, почти приехали.

За разговором совсем пропускаю момент, когда мы выезжаем в пригород и сворачиваем на узкую дорогу, по сторонам от которой стоят множество машин. Высокие кованые ворота закрыты, но при нашем появлении тут же открываются, и мы беспрепятственно скользим внутрь, пересекая заполненную до отказа стоянку и останавливаясь прямо у парадного входа. Недовольно закатываю глаза, представляя, что ждет меня там, но все равно следую за Господином, ежась от холода и поправляя в конец испорченную прическу.

На высоком крыльце стоят люди, некоторые из них с бокалами, наполненными темной жидкостью. Никакой официальности, смокингов, платьев в пол, атмосфера небрежности, простоты, развязности, я бы даже сказала неприличия, потому что парочки, откровенно целующиеся, встречают нас прямо в фойе. И дело не в том, что они так прилюдно предаются ласкам, а в том, что они заходят куда дальше и не стесняются снимать с себя одежду. Густо краснею, замечая в сторонедвигающихся в одном ритме мужчину с женщиной, а потом и вовсе теряю дар речи, когда мы проходим дальше, попадая в полумрак залы, где творится полная вакханалия: обнаженные тела, громкая музыка, женский смех, мелькающий свет софитов, блестящие наряды танцовщиц, развлекающих публику — все это напоминает мне тот самый клуб, где я принимала ласки Адель, только в несколько раз откровеннее. Здесь нет никаких запретов, границ, морали — это территория разврата и низменных инстинктов.

Окружающая атмосфера оглушает меня, дезориентирует, и я растерянно останавливаюсь, отставая от Господина и теряя его из вида. Нервно сжимаю платье в ладонях и верчусь на месте, в мелькающей полутьме пытаюсь увидеть Рэми, но натываясь лишь на пьяные улыбки, пошлый интерес, совершенный хаос. В глазах пестрит от происходящего ужаса, и в ушах стоит эта проклятая музыка, отдающая где-то в груди бешеным ритмом сердца. Не могу скрыть подступающую панику и срываюсь с места, пробираясь сквозь танцующих людей и разыскивая своего Хозяина. Он должен, должен быть где-то здесь, он не оставит меня.

Не оставит ведь, да?..

Грубая хватка за предплечье вынуждает меня вскрикнуть от неожиданности и резко развернуться в сторону Рэми, нависшего надо мной. Облегченно выдыхаю, не чувствуя боли от впившихся в кожу пальцев, и прижимаюсь к нему — сама, словно пытаюсь спрятаться от этого безумия в надежных руках Хозяина, все же нашедшего меня. Он напрягается, когда я отчаянно хватаюсь за его за плечи и утыкаюсь носом в пахнущую знакомым ароматом шею, но не отталкивает, просто переживает, позволяя мне отпустить страх и справиться с постыдной слабостью.

— *Tu as pire qu'une gamine*, (Хуже маленького ребенка,) — его голос смешивается с громкими битами, и я ни черта не понимаю, лишь стараюсь подстроиться под его широкий шаг, пока он тащит меня, до сих пор крепко держа за руку. Кожа там начинает пылать, и, могу поспорить, уже завтра на месте его хватки будут синяки, но это лучше, чем остаться

одной в незнакомом месте. Лишь когда за нами закрывается дверь, и мы, сжатые со всех сторон серыми сводами, начинаем спускаться вниз, Рэми отпускает меня, раздраженно застегивая пиджак. Вверху, над нашими головами, расположена цепочка маленьких светильников, рассеивающих полумрак, но даже они не в силах разогнать мрачность этого места, больше похожего на средневековые катакомбы.

— Что это за место? — Здесь не так тепло, как наверху, поэтому я обнимаю себя за плечи, пытаюсь не пропустить ступеньку и не скатиться вниз. Господин уверенно идет впереди, чувствуя себя вполне уютно, в то время как я сжимаюсь от страха перед замкнутым пространством.

— Дом моего друга, самого крупного работорговца на Севере, — Рэми бросает сухой ответ, резко затормаживая и разворачиваясь ко мне. Не успеваю остановиться, по инерции впечатываясь в него, и настороженно заглядываю в его глаза, когда он склоняется ближе и, касаясь моего уха своим дыханием, шепчет: — Помни: все, что ты увидишь... все, что ты услышишь... Не хочется наносить урон такой красоте.

— Да, мой Господин, — нервно сплываю, ничуть не сомневаясь в его угрозах, и опускаю голову, когда он открывает дверь и входит в большую, просто огромную комнату с зеркальным потолком и кроваво-алыми стенами, точно такими же коврами, даже мебелью, либо обитой алой тканью, либо имеющей другой кровавый акцент. Ужасная привязанность к этому цвету.

— Дамиан! Какими судьбами? — Навстречу нам идет высокий мужчина, скорее даже парень, на вид не более двадцати лет. Небольшая щетина на лице, еще не достигшая зрелой густоты, приятная улыбка, темные волосы. Он одет в черную рубашку, небрежно расстегнутую на три пуговицы, и черные брюки, зауженные книзу. Этакой франт, сошедший с обложки дамского романа. Его голос отчетливо резок, он выговаривает каждое слово, ясно произнося все звуки и словно отчеканивая их. Никакой плавности, лености, присущей выдержанным мужчинам неторопливости, отсутствие которой выдает в нем вчерашнего мальчишку. Все это я успеваю разглядеть за секунду, прежде чем опустить взгляд и уставиться на носки своих туфель. — Мог бы предупредить, я бы прибрался.

Он смеется, дружески хлопая Хозяина по плечу, а я не могу не отметить, что он не лишен очарования и простоты, к которой так тянутся люди.

— Это было спонтанное решение, Юджин, тем более, твой дом — вечный беспорядок.

— Согласен, но порядок необходим глупцам, гений же властвует над хаосом. Не припомню, кто это сказал, не подскажешь?

— Энштейн.

— Точно, — он цокает языком, вновь задевая плечо Рэми, а для меня это панибратское отношение кажется странным. За время, проведенное здесь, я ни разу не видела, чтобы Господин позволял кому-нибудь так обращаться с собою. Лишь благоговейное уважение и покорность, страх перед его силой и властью. Поэтому этот мужчина либо действительно его настоящий друг, либо по каким-то причинам он относится к нему снисходительно, спуская такие выходки с рук. — Проходи, Дамиан, сейчас же прикажу принести что-нибудь эксклюзивное. Кто это с тобой?

Лишь когда речь заходит обо мне, я позволяю себе посмотреть на Юджина, который, в свою очередь, разглядывает меня с видимым интересом, не с тем, каким обычно смотрят на меня мужчины, а с профессиональным, будто сейчас он оценивает мою стоимость. Он даже прищуривается, пальцем очерчивая окружность в воздухе и вынуждая меня растерянно

обернуться вокруг своей оси. Затем подходит ближе и, обхватывая подбородок ладонью, внимательно разглядывает лицо, поворачивая мою голову туда-сюда. Несколько секунд смотрит прямо в глаза, словно прощупывая душу и заставляя меня почувствовать себя уязвимой.

— Знаешь, когда она надоест тебе, продай ее мне. Я смогу удвоить цену и перепродать ее с выгодой, — наконец отступив назад, подытоживает он, а потом зависает взглядом на моих бедрах, смущая этим еще больше. Не знаю, куда деться от такого откровенного рассматривания, поэтому делаю шаг чуть в сторону, прячась за Хозяина и вновь проклиная узкое платье. — *L'ame pure a les plus belle yeux. C'est pourquoi tu as choisi lui.* (У чистой души самые красивые глаза. Поэтому ты ее выбрал?)

— *Je ne suis pas venu pour bavarder de la concubine.* (Я пришел не для того, чтобы болтать от наложнице.)

— Значит, я прав, — Юджин мило улыбается, отвлекаясь от меня и показывая рукой на широкий алый диван с низкой спинкой. Сам усаживается напротив, точно на такой же диван, весь усыпанный разномастными подушками, и пододвигает стеклянный столик с рассыпанным на нем белым порошком, стаканами и початой бутылкой виски ближе к нам. Рэми, расстегнув пуговицы пиджака, устраивается на предложенное место, а мне указывает взглядом на пол, молча приказывая сесть у его ног.

От унижения скулы покрываются алыми пятнами, но я послушно устраиваюсь на полу, подгибая по себя ноги и опираясь спиной о диван. Чувствуется легкая усталость, почти сгоревшая под напором этого места; какое-то волнение, наверняка вызванное буйством цвета; теперь уже приятная прохлада, остужающая до сих пор пылающие щеки. Не знаю, чем себя занять, поэтому не нахожу ничего лучше, чем разглядывать ворс на ковре — высокий и мягкий, он приятно щекочет руку, когда я провожу по нему ладонью.

— Слышал, у тебя проблемы, Дамиан. Поэтому ты здесь?

— Проблемы не у меня, а у нас.

— Брось, я не состою в Совете.

— Но являешься частью общества, тебе не может быть безразлична эта тема.

— Ты прав, друг, — Юджин склоняется над столиком, и я с любопытством наблюдаю за тем, как он берет короткую трубочку и вдыхает в себя порошок, затем прикрывая глаза и потирая пальцем под носом. Снежная пыль попадает на его черную рубашку, оседая на ней белыми пятнами, а Юджин тут же делает большой глоток виски, расслабленно откидываясь назад и, наконец, открывая глаза. Его взгляд, блестящий и проникновенный, задевает меня, Рэми, а потом концентрируется на потолке, отражаясь в зеркалах над нами эхом одурманенного сознания. — Чем я могу помочь тебе?

— Ты, как никто другой, находишься ближе всех к людям. Я хочу, чтобы ты прощупал их настроение. Видишь ли, в чем проблема, Вацлав.

— Твою мать, не напоминай мне об этом ублюдке, — Юджин морщится, внезапно группируюсь и скидывая с себя наркотическую нирвану. Он подается вперед, опираясь локтями о колени, и тыкает в Хозяина пальцем, шипя: — Он хочет лишить меня работы, знаю.

— Он настаивает на том, что к этому причастны люди, и мне нужны доказательства обратного, — напротив, поза Рэми остается совершенно расслабленной, еще больше подчеркивая импульсивность собеседника. Он сидит, закинув одну руку на спинку дивана, повернувшись чуть в сторону, второй рукой лениво отбивая ритм по своему бедру. Не

принимает угощение, скорее всего, желая обсудить эту тему на ясную голову.

— Люди слишком трусливы и слабы, не верю. Их процентное соотношение, если я не ошибаюсь, не позволит им пойти против нас, если, конечно, они не подключат колонии, где о нас даже не знают. Работа по пропаганде была бы заметна, и эти глупышки, — показывая на меня пальцем, говорит Юджин, — не рвались бы за стену. Тем более, как показала история, за каждым восстанием кто-то стоит.

— Вот именно, Юджин. В том-то и дело. Я хочу знать, кто пытается скинуть меня.

— У тебя есть предположения?

— Да, — поворачиваю голову к Господину, совершенно нарушая правила и против воли вникая в их диалог. Постепенно его слова встают в логическую цепочку, и я могу сделать кое-какие выводы: насчет происходящего, насчет Сопротивления. Значит, Сопротивление людей было не результатом их отчаянной любви к свободе, а лишь манипулятивными действиями того, кто хотел скинуть Рэми с "престола". Всего лишь пешки, средство для достижения цели — устроить восстание и подорвать доверие к власти, показав ее беспомощность. После этих слов я вдруг понимаю, насколько мы жалкие, трусливые и слабые, и опускаю голову, обращая свое внимание на сцепленные пальцы. Не верю, не может быть, это ложь, им удобно так считать, чтобы не видеть в нас опасность, даже не рассматривать нас как достойных противников. — Но позволь мне не озвучивать, пока я не буду абсолютно уверен.

— Как знаешь, можешь положиться на меня, я все сделаю, — Юджин пожимает плечами, показывая на стол и приглашая Хозяина расслабиться. — Хочу показать тебе кое-что, думаю, тебе понравится, — один щелчок пальцев, и комнату наполняет спокойная ненавязчивая музыка, под которую, будто из неоткуда, выходят две девушки. Обе они чернокожие, высокие и грациозные, одетые лишь в полупрозрачные наряды, не скрывающие совершенства тела. При более внимательном осмотре я замечаю их поразительное сходство, с разницей лишь в том, что у одной короткая, под мальчика, стрижка, а у другой веселые кудряшки, обрамляющие миловидное лицо. Наблюдаю за ними, за тем, как они плавно подходят ближе и, кокетливо улыбаясь, встают возле нас, ожидая приказа. А в это время Рэми склоняет голову чуть вбок, пристально разглядывая "угощение", и хлопает по колену ладонью, приказывая одной из них подойти ближе. Та, что с милыми кудряшками, покорно опускается перед ним на колени и вынуждает меня пододвинуться, дабы не мешать их маленькой вакханалии, в которой я совершенно лишняя, ненужная и неуместная. Я чувствую себя настолько неловко, что начинаю испытывать злость на Господина, зачем-то притащившего меня с собой. В конце концов, он мог бы оставить меня в машине или вообще отправить домой.

— Отвлекись, Дамиан. Расслабься, нет таких проблем, с которыми мы бы не могли справиться, — Юджин вновь улыбается, на этот раз искренней мальчишеской улыбкой, никак не вяжущейся с его образом, его занятиям, его словами. Предполагаю, что обратившись в раннем возрасте, он навсегда завис в подростковой внешности, на самом деле имея многовековую мудрость. Есть в нем что-то чистое и настоящее, не тронутое грязью притворства и лицемерия. Он не может не нравиться.

Отворачиваюсь, принимаясь разглядывать комнату и не желая видеть их развлечения. Мне становится так мерзко и обидно, словно я поставленная на полку кукла, на глазах которой любимый хозяин играет с другой, только что им купленной и еще сохранившей лоск новизны. Ощущаю спиной, как дрожит диван, когда Рэми позволяет этой девице сесть

рядом, а сам скидывает с себя пиджак и, как Юджин до этого, склоняется над столом.

Глубокий вдох, стук поставленного стакана, и его холодные пальцы, коснувшиеся моего подбородка. Недоумеваю поворачиваюсь к нему, ощущая прикосновения большого пальца к мои губам. Он заставляет меня приоткрыть их и, врываясь в рот, скользит по деснам, царапая их чем-то горьким, отчего они постепенно немеют и перестают чувствовать. Хмурюсь, предполагая, чем он меня напичкал, и покорно тянусь к его губам, когда он, сделав большой глоток, наклоняется ко мне и вливает в меня только что выпитую им порцию алкоголя.

Не знаю, что действует быстрее, но уже с трудом могу сконцентрироваться на реальности, воспринимая ее несколько гротескно и размыто. Хочу воссоединить расплывающиеся перед глазами образы, но это так сложно, бог мой, так сложно, что я устало откидываю голову назад, сталкиваясь со своим отражением в зеркале. Тянусь к нему рукой, будто желая дотронуться до своего лица, но обессиленно опускаю ее, глупо усмехаясь и прикрывая глаза. В голове невообразимая легкость, и мне хочется танцевать, смеяться и плакать одновременно. Я лениво поворачиваю голову в сторону Господина, на коленях которого сидит выбранная им девушка, и бесстыдно наблюдаю за тем, как она насаживается на его член, мелькая перед моими глазами гладкостью бедра. Стоит только немного пододвинуться и я коснусь ее ноги губами, но вместо этого вновь проваливаюсь в наркотический дурман, ощущая, как чьи-то пальцы ласкают мою шею, ключицы, линию подбородка.

Хочется тишины, до ужаса просто, и я молю Бога, чтобы меня оставили в покое, прямо здесь, у ног Хозяина, в это время наслаждающегося другой, стоны которой все больше режут по ушам. Постепенно плавность исчезает, заменяясь на вызывающие тошноту раскачивания — я словно падаю вниз, спускаясь по спирали, а потом вновь поднимаюсь, чтобы проделать то же самое. Мне становится дурно, невыносимо душно, и я избавляюсь от назойливых пальцев, продолжающих касаться меня. Перед глазами плывет действительность, и сердце странно медленно бьется в груди, вызывая физический дискомфорт вкупе с инстинктивным страхом.

Воздух... мне нечем дышать.

Я задыхаюсь.

Мне нужно на улицу, глотнуть кислорода. Даже не спрашиваю разрешения, едва поднимаясь на ноги и концентрируюсь на двери. Только на ней. Меня шатает, и высокие каблуки мешают идти, поэтому я хватаюсь за попадающую по дороге мебель, пытаюсь устоять и не упасть, потому что в таком случае я точно не встану. Не обращаю внимания на застывшего вдруг Хозяина, вцепившегося в ягодицы любовницы и заставившего ее остановиться. Он смотрит на меня предостерегающе недоуменно, будто моя выходка — это что-то из ряда вон выходящее, прямой вызов его власти надо мной, непослушание, граничащее с наглостью, ведь он приказал сидеть в его ногах. Но сейчас мне абсолютно все равно, мне нужен свежий воздух, я хочу скинуть с себя удушающий дурман, сковывающий грудь, хочу избавиться от подозрительного онемения на кончиках пальцев, хочу вернуть ясность мысли.

— Джиллиан! — его гневный окрик достигает меня уже у двери, и за спиной раздается громкий вскрик, когда одним махом он скидывает с себя напуганную донельзя девушку, не ожидавшую такой грубости. Она шокированно отползает в сторону, задевая плечом столик и стараясь не попасть под ноги встающего Рэми, зло поправляющего одежду и наблюдающего

за каждым моим шагом. Он ждет, что я остановлюсь, но сейчас я ничего не соображаю, только хочу выбраться отсюда, как можно быстрее, чтобы научиться дышать.

Я лишь хочу сделать вдох, мой Господин.

Всего один шаг — одна ошибка. Рэми оказывается возле меня за считанные секунды, и сейчас я не знаю, что душит меня сильнее: его ярость, застывшая в глазах всполохами тьмы, или смешанный с алкоголем наркотик, до сих пор буйствующий в моей крови. Не успеваю прикрыть лицо руками и тут же падаю, сбита с ног сильной пощечиной, отправившей меня на пол, к его ногам, где я и должна быть.

Судорожно скребу пол ногтями, прижимаясь к нему щекой и вовсе не чувствуя боли, вкуса крови, наполнившей рот, только постепенно замирающее сердце, желающее уснуть вместе со мной.

Спи...

Сегодня вновь пасмурно, и белые хлопья снега настойчиво падают на землю, накрывая ее белым полотном и, на удивление, не тая. Воздух кажется тяжелым и серым, с одной стороны сжатый темным небом, а с другой белоснежным покрывалом, наверняка невесомым и нежным, в которое так и хочется окунуться. Окунуться с головой и забыть про проклятую действительность, напоминающую о себе тупой болью в губе и скуле при каждом движении лицевых мышц. Может поэтому я стараюсь как можно меньше двигать губами и скорее напоминаю каменное изваяние, чем живого человека.

Сейчас я сижу в кабинете Хозяина, дожидаясь его прихода, а всего полчаса назад лежала в своей кровати, непонимающе разглядывая капельницу, установленную возле меня и впившуюся в мою руку тонкой иглой. Эта игла, по-видимому введенная не очень аккуратно, оставила отвратительный синяк, наподобие того, что украшает мою щеку, уголок губы и линию челюсти, попавшие под руку разгневанного Господина. Чувствую себя совершенно разбитой и всеми силами сдерживаюсь, чтобы не повернуть голову вправо и не наткнуться на свое отражение в стекле книжного шкафа, стоящего как раз по одной линии с креслом. Знаю, какое убожество там отразится — в несуразной длинной футболке, накинута на нагое тело; синяками на пол-лица; с еще влажными волосами, не успевшими высохнуть от недавнего принятия душа, из которого меня выгнал строгий приказ Господина немедленно явиться к нему. Вода с мокрых прядей скапливается на кончиках волос и капает на грудь, тут же впитываясь и вызывая неприятные ощущения прохлады. Все же мне стоило задержаться и обсушиться получше, тем более, что Рэми явно не торопится прийти.

Как можно сильнее свожу колени и утыкаюсь взглядом в пальцы, перебирающие края футболки, когда дверь открывается, и в кабинет входит Господин. Он медленно проходит мимо, обдавая меня горьким запахом одеколона, и усаживается за стол, принимая свою излюбленную позу лености. Неуютная тишина наполняет пространство, а я думаю о том, что если выйти на улицу и сделать выдох, то в воздухе появится облачко пара, которое растворится в пустоте, не оставив от себя и следа.

Наверное, со мной произойдет то же самое. Я не оставлю ни следа, даже намек на то, что когда-то существовала.

— Как ты себя чувствуешь? — Забыв про ссадину на губе, ухмыляюсь. Серьезно? Неужели ему действительно важно знать о моем самочувствии?

— Хорошо, Господин, — и пусть мои слова ложь, но я ни за что не покажу, как мне больно и обидно, особенно обидно, ведь я не сделала ничего такого, что могло бы вызвать его ярость.

Я всего лишь хотела дышать.

— Ладно, Джил, — Рэми равнодушно пожимает плечами, пододвигаясь ближе к столу и перелистывая какие-то бумаги. Затем вновь обращает на меня внимание и, барабаня пальцами одной руки по столешнице, а второй поглаживая подбородок, произносит: — Ты знала о своей болезни?

Я резко поднимаю голову, натыкаясь на его безразлично выжидающий взгляд, и непонимающе хмурюсь, чувствуя предательский озноб, скользнувший по коже. Ноги покрываются мурашками, которые поднимаются выше и вынуждают меня повести плечами, чтобы избавиться от неприятных ощущений. Сегодня до ужаса холодно, и босые ступни

практически леденеют, как и кончики онемевших пальцев. Рэми терпеливо ожидает ответа, а я не знаю, что сказать, предчувствуя что-то страшное для меня. То, что навсегда изменит мое представление о жизни, справедливости, вере...

— Н-нет, — начинаю откровенно дрожать и натягиваю футболку на колени, чтобы хоть как-то прикрыть замерзающие ноги.

— Что ж, тогда мне стоит ввести тебя в курс дела. Прогрессирующий порок сердца — это...

— Не стоит разъяснять, Господин, — я поднимаю ладонь в останавливающем жесте и судорожно сглатываю, леденя уже изнутри. — Моя семья сталкивалась с таким диагнозом. Я знаю, что такое порок сердца, — произношу это как можно более твердым голосом, но на последней фразе он все равно надламывается, и я замолкаю, до боли прикусывая губы и не зная, что чувствовать. ЧТО я должна чувствовать в таком случае? Страх? Боль? Обиду? Или отчаяние? Ведь, как оказалось, теперь у меня еще меньше шансов. Горько ухмыляюсь и тут же шиплю, прижимая пальцы к разбитой губе.

Отличный день все же.

— Айрин? — Могу лишь кивнуть, вдруг проваливаясь в вакуум и ощущая некую растерянность, смешанную с бессилием и ядовитой обреченностью, постепенно обволакивающей сердце. Перевожу взгляд в окно и совсем не в тему думаю о том, что солнце так редко радуется нас, почти не появляется, не дарит надежды. — Твое сердце не выдержало нагрузки в виде алкоголя, наркотиков и потери крови. В этом есть моя вина, признаю. Посмотри на меня, Джил, — Рэми кладет руки на стол, сцепляя пальцы и принимая выжидательную позу. Его голос сух и безэмоционален, будто он каждый день говорит о таких вещах и не видит в них ничего страшного. Наверное, в этом действительно нет ничего страшного — это всего лишь смерть. Моя смерть. Я перевожу на него потухший взгляд и концентрируюсь на его губах, бледно-розовых, нежных и одновременно жестоких, потому что именно они произносят мне приговор: — Твоя болезнь вовсе не значит, что теперь я буду носиться с тобой как с фарфоровой куклой, это значит, что теперь ты должна быть осмотрительнее в своих действиях и желаниях, — Рэми намекает на мою выходку, а я не могу сдержать сарказм:

— Мне было плохо, а вы были заняты. Очень.

— Ты могла сказать.

— Не хотела вас отвлекать, — лишь темнеющий взгляд Господина и его сжатые от злости челюсти заставляют меня замолчать и опустить голову, вернувшись к своему излюбленному занятию разглядывать пальцы.

— Знаешь, в чем вся ирония, *ma pauvre malheureuse fille*? (Моя бедная несчастная девочка?) — Рэми вопросительно изгибает брови, пока я мотаю головой, кусая губы и, кажется, до сих не понимая своего положения в полной степени. — Что в колонии у тебя было бы куда больше шансов выжить, потому что наши города не имеют такого уровня медицины — нам легче заменить раба на другого, чем лечить его от тяжелой болезни и содержать целую армию квалифицированных врачей. В этом нет смысла, никакого. Так что делай выводы, Джиллиан, — он безразлично пожимает плечами, а я часто-часто хлопаю ресницами, начиная ощущать дикую жалость к себе и едва сдерживая слезы. Дыхание срывается, и я опускаю голову еще ниже, чтобы, не дай Бог, Рэми не догадался о моем состоянии. И все же... все же я такая слабая, потому что не выдерживаю, тихонько всхлипывая и позволяя слезам скатиться по скулам и зависнуть на подбородке. Это сложно,

Господи, так сложно держать себя в руках, зная о том, что мои шансы выжить и вернуться домой сократились ровно вдвое. И даже если я вернусь, то не стану абсолютно счастливой, ну или абсолютно свободной, ведь теперь я заложник смерти.

— Солнце так редко появляется, правда? — шепчу это тихо-тихо, даже не надеясь, что Хозяин услышит. Делаю глубокий вдох и медленно, сквозь сложенные в трубочку губы, выпускаю воздух, постепенно отпуская боль и успокаиваясь. В конце концов, это произойдет не сегодня, и не завтра, и не послезавтра. Быть может, у меня впереди еще много дней, много-много-много-много.

Много.

— И это все, что тебя волнует?

— И это все, что меня волнует, — эхом отзываюсь я, наигранно улыбаясь и расправляя плечи. Не позволю жалости к себе подавить то малое, что осталось в моей жизни. Например, возможность дышать, видеть, чувствовать, наслаждаться красками, звуками, прикосновениями. Ничего не меняется, совершенно, просто теперь у меня меньше времени и нужно уложиться в отведенный отрезок.

Рэми коротко кивает, заканчивая разговор и поднимаясь с места, а я продолжаю сидеть, ожидая его приказа и, наконец, поворачивая голову вправо. Там, в отражении стекла, я — бледная, болезненно изможденная, изуродованная некрасивыми синяками, но в то же время будто переродившаяся, новая, другая — наполненная жаждой жизни. Впервые вижу себя такой и не могу не улыбнуться, в этот самый момент ощущая гордость за себя — я не сломалась, стала сильнее. Главное, продержаться, не угаснуть, не опустить руки. В отражении, всего на мгновение, появляется Господин. Он останавливается, пересекаясь со мной взглядом, и, точно так же, как и я, смотрит на меня-другую с неким пониманием, будто прочитывая меня от начала и до конца. Все, что я чувствую; все, что я думаю; все, о чем я никогда не скажу и чего спрячу далеко в сердце.

В моем больном изношенном сердце.

Господин уходит, и пару минут я молча сижу в кресле, пока сильная жажда не заставляет меня встать и прийти на кухню. Вся она наполнена вкусными запахами: начиная от запаха жареного мяса и заканчивая тонким ароматом ванили. Застенчиво мнусь у порога, не зная, как попросить у Хелен стакан воды, учитывая наши натянутые отношения в последнее время.

— Проходи, Джиллиан, я не кусаюсь, — она улыбается, как тогда, доброй материнской улыбкой, а мне становится стыдно, стыдно за то, что я как надутый ребенок все это время злилась на нее. В конце концов, у каждого своя вера, и я не имею права отвергать чужое мнение. Сажусь на высокий стул, поправляя задравшуюся футболку и убирая волосы за плечи, а Хелен, домашняя и уютная, начинает носиться по кухне, ставя чайник и доставая из шкафа чашку. — Хочешь есть?

— Нет, спасибо, я дотерплю до ужина.

— Тогда чай, да. Знаешь, специально для тебя я испекла торт. Надеюсь, тебе понравится, рецепт не такой уж и сложный, так что, если захочешь, могу показать. А еще на ужин мясо, как ты любишь. И самое интересное я оставила на потом — орехи, думаю, Господин не будет против, — Хелен говорит это между делом, ее руки мелькают перед моими глазами, когда она ставит передо мной блюдо с большим куском торта и чуть ли не гладит по голове, предлагая попробовать. Сдержанно улыбаюсь, тыкая вилкой в красивый воздушный крем розового оттенка и только сейчас до конца понимаю ее слова, все

пропитанные какой-то ненормальной заботой.

— Хелен, почему ты это делаешь? До моего дня рождения еще долго, не вижу повода так баловать меня, — Господи, просто пусть это окажется не то, о чем я думаю. Просто пусть она скажет, что вся ее забота и желание угодить не рождены жалостью. — Хелен? — Поджимаю губы и демонстративно кладу вилку на стол, наблюдая за тем, как Хелен потерянно расправляет складки на фартуке. У нее виноватая улыбка и жалость, чертова жалость застывшая в грустных глазах, устремленных на меня. Так и есть. — Только не надо меня жалеть, я еще не умерла, — аппетит пропадает полностью, и я забываю, зачем вообще зашла на кухню, раздраженно вставая со стула и быстрым шагом покидая ее. Слезы скапливаются в горле, и мне хочется зареветь навзрыд, чтобы выплеснуть то гнетущее чувство внутри, поселившееся после разговора с Рэми. Останавливаюсь, прижимаясь лбом к стене, и глубоко дышу. Сильной, сильной, я должна быть сильной — нужно помнить об этом. Проговариваю это вслух, раз за разом, словно втирая в себя, и, наконец, справляюсь с начинающейся истерикой.

Вот так, Джиллиан Холл, все не так уж и сложно.

В моей комнате еще пахнет лекарствами, хотя я проветрила ее, а от стеклянных баночек, как и от капельницы, не осталось и следа. Все это я сложила в большой черный мешок, завязала наглухо и снесла вниз, чтобы Хелен избавила меня от любого напоминания о случившемся — наивное желание стереть из истории жизни всякий намек о болезни. Чистое постельное белье, влажная уборка, горячая ванна, которую я жду не дожусь, то и дело заглядывая в ванную и проверяя уровень воды. Плюс этого дома — возможность понежиться в большой керамической ванне на высоких подножках, оставшейся, по-видимому, с далекого прошлого.

Жаль, что в Венсене, я лишена такой роскоши.

Перед тем как опуститься в воду, придирчиво рассматриваю себя в зеркале, приходя к неутешительному выводу, что постепенно моя красота стирается, будто кто-то специально проводит по моему портрету смоченной в растворителе тряпкой. Она оставляет после себя уродующие разводы, стирает штрихи, грани, превращая полотно в невыносимую палитру красок. Быть может, это последствия последних событий, быть может, результат вынужденного затворничества — я угасаю, послушно следуя приказу Хозяина не выходить из дома. Только большие ясные глаза до сих пор привлекают внимание — не шрамы, покрывшие мое тело: один на плече от осколка, еще один от укуса, порезанное запястье, мелкие штрихи-шрамы на ногах, оставшиеся от падения; и, тем более, не синяки: на локтевом сгибе и на лице, конечно. И, если подумать, то все это осталось от Господина, таким образом доказывающего свою силу и власть надо мной.

Слой ароматной пены расступается под ногами, когда я залезаю в ванну и устраиваюсь поудобнее, подкладывая под голову сложенное полотенце и чувствуя ласкающие прикосновения воды. Она окутывает меня, даря невесомость, и на время я забываю о своих проблемах, вдруг начиная думать о том, чем мне хотелось бы заняться. Я могла бы попросить Хелен научить меня печь, а еще мне нужно попрактиковаться в рисовании, и прочесть уйму книг, и попробовать себя в танце, пусть это будет что-нибудь эротично-плаванное, и те алкогольные коктейли, что делала Элисон — нужно обязательно вспомнить их ингредиенты. Постепенно список желаний переваливает за все мыслимые границы, и я закрываю глаза, мечтая о том, что никогда не случится — знаю, ведь теперь я не принадлежу себе.

Вода уже стала прохладней, но я продолжаю лежать, пока не проваливаюсь в полудрему, этакой полусон, весь наполненный хаотичными событиями. Многие из них фантастичны: встреча с матерью, руль автомобиля в моих руках и проплывающие мимо пейзажи, море, ласкающее мои стопы пеной и мелкими ракушками, прибываемыми волной. Среди мягких умиротворяющих образов слышу громкий стук и хмурюсь, пытаюсь понять, откуда он в моем сне, пока что-то сильное и грубое не хватает меня за предплечье и не тянет за собой, в реальность. Едва успеваю уцепиться за плечи Хозяина, впившегося в мою руку и достающего из ванны. Мои ноги беспомощно стучаются о ее края, и я шиплю от острой боли, испуганно вглядываясь в перекошенное от гнева лицо Рэми и ни черта не понимая.

Вода, уже совершенно остывшая, стекает с меня и заливает пол вокруг нас, и я дрожу, ощущая холод, коснувшийся обнаженного тела. Но не это волнует сейчас, а яростный взгляд Господина, прощупывающего меня с головы до ног. Его пальцы до сих пор сжимают мою руку, и я стараюсь прикрыть грудь ладонями, словно стесняясь своей наготы, испорченной красоты, что теперь вряд ли привлечет его.

— Что-то случилось? Я что-то не так сделала? — Шепчу это посиневшими от холода губами, заглядывая в глаза Рэми и пытаюсь уловить его настроение. Не понимаю, что могло произойти с нашей последней встречи, ведь все это время я была в комнате и ни с кем не разговаривала, если только Хелен не поведала ему о нашем тайном разговоре про Соппротивление.

— Хелен сказала, что ты не открываешь дверь, — его рубашка намочена, там, где я прижималась к нему, но он не обращает на это внимания, все продолжая изучать меня — не может быть, этого не может быть — обеспокоенным взглядом. И только я успеваю уловить это, как все мигом меняется, и Рэми вновь становится безразлично спокойным и недостижимым. Он отпускает меня, освобождая от своей близости, но не отходит, ожидая объяснений.

— Я всего лишь уснула, — виновато пожимаю плечами и от холода лязгаю зубами, уже откровенно дрожа. Даже скрещенные на груди руки не помогают согреться, и Господин, замечая это, тянется за полотенцем и великодушно предлагает его мне. Нужно запомнить этот день не только как день разочарований, но и как день проявления заботы с его стороны, пусть и таким образом.

— Никаких закрытых дверей, Джиллиан, — цедит он, а до меня наконец доходит.

— Она подумала, что я с собой что-то сделала, не так ли? ВЫ так подумали... — издаю нервный смешок, мотая головой и поражаясь их лицемерию. Да даже если так, разве им не все равно? Еще одна перевернутая страница, прочитанная глава, выкинутая книга, замененная свежим изданием — вот, кто я.

— Ты права.

— И? Если я это сделаю, что больше вас заденет? Потеря игрушки или факт того, что я посмела распорядиться своей жизнью сама? — наигранно смело вскидываю подбородок, на самом деле задыхаясь от страха и понимая, что слишком много позволяю себе, разговаривая с ним в таком тоне. И оказываюсь права, потому что Рэми вдруг становится напряженно опасным, будто даже одно слово способно сорвать его. Он иронично изгибает брови, смотря на меня с некой насмешкой и снисходительностью, как смотрят на маленьких щенков, вообразивших себя большими собаками и тьявкающими на прохожих. Они путаются под ногами, искренне веря, что смогут защитить территорию и вызвать страх, а на самом деле рождают лишь смех и умиление.

— Дерзость тебе к лицу, *la petite*. Я слышу, как стучит твое сердце, вижу, как дрожат твои руки, знаю, как ты боишься меня. Тем забавнее наблюдать за твоими жалкими попытками казаться смелой, — он наступает, постепенно оттесняя меня назад и вынуждая прижаться спиной к холодной стене. Судорожно сжимаю полотенце на груди, действительно боясь его, и громко вскрикиваю, когда он резко хватает меня за волосы и тянет вбок, шепча на ухо: — И, конечно, ты права, Джиллиан, меня не расстроит твоя смерть, ибо таких, как ты, тысячи. Хотя стоит признать, что вложение капитала оказалось не слишком выгодным, ведь товар бракован. А вот то, что ты лишишь меня возможности распоряжаться твоей жизнью — заденет, потому что, хочешь ты того или нет, нравится тебе это или нет, но теперь ты моя. Моя, понимаешь? Все в тебе мое: тело, мысли, желания, твои наивные глупые мечты и, уж тем более, жизнь. Просто вспомни об этом, когда вдруг решишь лишить меня этого, потому что обещаю: я перебыю всю твою семью, твоих друзей, знакомых, даже врагов. Всех, кого ты знала или хотела узнать.

И пока он говорит это, до боли сжимая мои волосы и практически впечатывая в стену, я понимаю, что на самом деле есть вещи страшнее смерти, например, знать, что после нее станет еще хуже — близким мне людям, которые будут расплачиваться за мои ошибки.

— Я не собиралась ничего с собой делать. Клянусь, Господин, ведь за меня это сделает болезнь... или вы, — мой голос униженно плаксив, и я судорожно выдыхаю, отгоняя слезы и моля Бога, чтобы он поверил. Ведь я действительно не собираюсь пополнять ряды самоубийц.

— Что ж, *ma fille*, будем считать — урок усвоен, — его прохладные губы касаются моей шеи, почти под самым ухом. Затем спускаются ниже, оставляя после себя влажную дорожку, и проводят линию по выпирающей ключице, вынуждая меня закрыть глаза и вновь почувствовать тот трепет, что рождается от его ласк. Рэми разжимает мои пальцы, вцепившиеся в полотенце, и скидывает его к нашим ногам, оставляя меня совершенно обнаженной и беззащитной перед ним. Воздух становится тяжелым и наэлектризованным, когда Господин делает шаг назад и скользит по мне блестящим от желания взглядом.

Хочу прикрыться руками, стыдясь возбужденных сосков, отреагировавших на контраст температур, но Рэми ясно дает понять, чтобы я не двигалась, стояла на месте, позволяя ему и дальше так откровенно разглядывать меня. Эти моменты, явно наполненные желанием, предвкушением и ожиданием — они самые острые и возбуждающие, настолько, что внутри меня начинает пульсировать.

— *Votre force dans votre faiblesse, la petite*, (Твоя сила в твоей слабости, малышка,) — произносит он, дотрагиваясь до моей груди кончиками пальцев и задумчиво обводя ореолы сосков. Слегка задевает их, мимолетно, а затем скользит по ключицам, выемке между грудей, ребрам и подрагивающему животу. Эти прикосновения сочетают в себе легкую невинность и пламенную порочность, которые возбуждают меня еще больше, и теперь я с трудом справляюсь со сбившимся дыханием, прижимая ладони к холоду стены и дрожа.

Как я могу сдерживать стон, когда он внезапно оказывается совсем рядом и впивается в мои губы несколько грубым, животным поцелуем? Я вся словно вжимаюсь в стену, не справившись с его напором, и с желанием отвечаю на поцелуй, обхватывая его шею руками. Мы так близко друг к другу, что я ощущаю твердость его груди, силу его рук, сжавших мою талию, прямо под ребрами. Мне не больно, скорее приятно — приятно знать, что он так сильно желает меня, пусть я и выгляжу не столь привлекательно с синяком на лице. Но, кажется, Хозяину все равно, он с легкостью приподнимает меня, уверенно двигаясь в

комнату и не прерывая поцелуя. Осторожно опускает на кровать и, распрямившись, вновь смотрит на меня, отчего я свожу бедра, оберегая от его взгляда самое интимное. Щеки начинают гореть от столь пристального взгляда и, чтобы хоть как-то сгладить неловкость, я тянусь к его рубашке, дрожащими от нетерпения пальцами расстегивая непослушные пуговицы.

Не могу не признать его совершенство, демоническую привлекательность, что так нравится женщинам, готовым потерять голову от одного лишь его взгляда. Она обманчива, она опасна, она губит своей жестокостью, замаскированной красивыми чертами. И сейчас я напоминаю того самого мотылька, что стремится к свету, прекрасно осознавая, что этот свет последнее в его жизни. Впрочем, мне нечего терять, не так ли?

Может поэтому сегодня я такая смелая, такая открытая, может поэтому осыпаю его живот поцелуями и спускаюсь ниже, к линии брюк, которые с нетерпением расстегиваю. Рэми втягивает воздух сквозь сжатые зубы, когда я спускаю с него одежду и обхватываю член ладонью. Он пропускает мои волосы сквозь пальцы, ласкает затылок, шейные позвонки; он запрокидывает голову, позволяя мне взять контроль над его возбуждением и плотно сжать твердый член губами, провести по нему языком и заглотить глубже. Я даже слышу его шумный выдох, свидетельствующий о том, что я все делаю правильно. Мне нравится ласкать его так, чувствовать его упругость, нежность кожи, его вкус.

Мне нравится быть его любовницей, женщиной для удовлетворения желаний, но не нравится быть его игрушкой, рабыней, тенью. И пусть мгновения близости так быстротечны, я постараюсь насладиться ими по полной.

— Сегодня ты такая смелая, — он тяжело дышит, двигает бедрами, удерживая меня за затылок и смотря сверху вниз. Рычит, когда я смыкаю зубы, царапая его чувствительную кожу, и, наматывая волосы на кулак, оттягивает голову назад, скользя членом по моим сомкнутым губам. — Дерзкая... — отпускает, но только для того, чтобы снять с себя одежду и предстать передо мной совершенно нагим. — Раздвинь ноги, Джиллиан, я хочу видеть тебя полностью. Всю.

Краснею еще больше, представляя, как это выглядит со стороны, но покорно откидываюсь на кровать, подползаю дальше, чтобы уместиться, и робко развожу ноги, стараясь не пропустить ни одной эмоции на его лице. Бог мой, никогда не ощущала себя настолько открытой перед ним. Мое смущение смешивается с почти нетерпимым желанием, мышцы внутри сокращаются, наполняя меня смазкой, и я ощущаю, как становлюсь влажной, готовой принять его.

Его грудь ходит ходуном, ноздри раздуваются, и кончики пальцев подрагивают, будто он едва сдерживает себя. И, если честно, сейчас я готова умолять его, чтобы он взял меня. Облизываю пересохшие губы и прикасаюсь к своей груди, налитой томлением. Она обострена до предела, и я не стыжусь ласкать ее; не стыжусь поводить бедрами, призывая его к себе; не стыжусь зайти дальше и спуститься ниже по животу, чтобы провести пальцами по влажным складкам и застонать. Внутри меня так пульсирует, что я не хочу останавливаться, мне нравится делать это с собой, именно при нем, под его прожигающим взглядом, наблюдающим за каждым моим движением.

Сумасшедшая, разве я могла подумать, что стану так откровенно пошлой с ним?

— Мой Господин, — протяжно стону, почти не контролируя себя. Упираюсь затылком в матрас и изгибаюсь, ощущая близость кульминации, но Рэми не дает мне закончить. Он обхватывает мое запястье и убирает руку, вставая передо мной на колени и подхватывая

меня под ягодицы. Дергает на себя, так, что мой низ оказывается в подвешенном состоянии, а я упираюсь в постель только лопатками. Входит, плавно и осторожно, проникая на всю длину и замирая. Напрягаю внутренние мышцы, обхватывая его плотнее и вызывая его грозный рык.

— Qu'est-ce que tu fais avec moi? (Что ты делаешь со мной?) — шепчет он, начиная двигаться и с легкостью удерживая меня. Сейчас он смотрит вниз, на то, как его член исчезает во мне, а потом, блестящий и влажный, выскальзывает обратно. Отвлекаюсь от наблюдения за ним и закрываю глаза — мне хочется прочувствовать каждое движение во мне, каждый толчок, прикосновение. Я поднимаю руки над головой, вытягиваясь как кошка, и прикусываю нижнюю губу, отдаваясь на волю Господина и полностью доверяя ему.

Оргазм оглушает меня, лишает воздуха, и я распахиваю глаза, часто-часто дыша и хватая ртом кислород. Натыкаюсь на пристальный взгляд Хозяина, покрытый пеленой желания, но скрывающий в себе что-то еще. То, что настораживает и возвращает меня на землю. Рэми напряжен, его челюсти сведены, и желваки проступают на скулах. Он ускоряет ритм, наваливаясь на меня и входя размашистыми грубыми толчками, и я различаю злость в его эмоциях, совершенно теряясь и не зная, чем она вызвана. Неужели моей сегодняшней смелостью и откровенностью перед ним?

— Господин... — шепчу несмело, сжимая губы и ощущая внутри неприятный дискомфорт от его глубоких толчков. Постепенно нега от оргазма исчезает, заменяясь на слабую боль, и я выставляю ладонь к его паху, пытаюсь сдержать неаккуратные движения. Напрасно, он не придает этому значения, уже не сдерживая злость и вколачиваясь в меня все сильнее.

Он словно наказывает меня за что-то.

Пытаюсь приподняться повыше, чтобы избежать боли, но он предупреждает мою хитрость, пропуская руку под колено и чуть ли не закидывая мою ногу на свое плечо. В таком положении я оказываюсь совершенно беспомощной и уже откровенно упираюсь в его плечи, желая лишь одного — чтобы он перестал терзать меня. — Мне больно.

— Плевать.

Сжимаю в кулаках простынь, позволяя себе заглянуть в его черные, как сама тьма, глаза. Что я хочу там увидеть? Понимание? Человечность? Теплоту? Но он не со мной, не видит меня, он словно абстрагирован от реальности — то, что начиналось возбуждающей страстью, заканчивается болезненным актом власти над моим слабым телом. Крепко зажмуриваюсь, чувствуя, как слезы скапливаются в уголках глаз и соскальзывают вниз, оставляя на висках влажные дорожки.

— Прошу вас, хватит, хватит. Хватит! — последнее слово я почти кричу, отчаянно пытаюсь до него достучаться, и у меня получается, потому что Рэми резко замирает и уже более осмысленно смотрит на меня, словно осознавая наконец, где он. Он отстраняется, так и не достигнув оргазма, а я сжимаюсь в калачик и поворачиваюсь на бок, не желая видеть его и мечтая, чтобы он ушел, оставил меня одну, лежащую здесь, на осколках разочарования.

Ненавижу этот день и себя тоже, потому что допустила мысль, что могу быть равной ему, хотя бы в постели.

Я слышу, как щелкает пряжка ремня, как успокаивается его дыхание, и чувствую, чувствую, что он смотрит на меня, прожигая колючим взглядом.

Уходи, умоляю.

— Даже не думай уйти от меня, лишь я могу решать, когда ты это сделаешь.

Застываю, задерживая дыхание и напрягаясь. Боль внутри меня угасает, а я не могу понять, зачем он говорит мне это, ведь я не уйду, контракт подписан, мне просто не хватит наглости нарушить его. Моя совесть не позволит этого, даже если он будет вытирать об меня ноги. Он подарил шанс Айрин, и я должна дойти до конца, а он у меня один, без вариантов.

— Мне некуда идти, контракт подписан, и я не нарушу условия. Я говорила об этом раньше и повторяю вновь, — комкаю простынь на груди, цепляясь за нее как за спасательный круг и надеюсь, что он наконец-то поверит мне.

— *Ma stupide petite, ce n'est pas que j'ai voulu dire.* (Глупая маленькая девочка. я не это имел в виду.)

Громкий хлопок двери заставляет меня вздрогнуть, и я даю себе обещание, что в первую очередь займусь французским, чтобы понимать хоть что-то из бросаемых им фраз.

Не знаю, для чего я это делаю — так старательно растушевываю тональный крем, пытаюсь скрыть уже пожелтевший синяк; наношу румяна, придавая лицу свежесть; крашу ресницы, желая выделить глаза; и, наконец, губы, обычно бледно-розовые, сейчас они приобретают оттенок спелой малины, а весь мой образ пышет здоровьем и скромной ухоженностью, не перешедшей за грань вульгарности. Все же Элисон смогла меня кое-чему научить, а помощь Хелен в покупке косметики оказалась как раз кстати. Желание ли это вернуть былую красоту или же стремление привлечь внимание Господина, не появлявшегося в моей комнате с того самого раза? Могу ответить совершенно точно, что это никак не связано с ним, потому что теперь я вряд ли захочу какого-либо внимания с его стороны, и дело не в боли, что он доставил мне умышленно, а в том, что секс между нами был единственной территорией, где я могла быть по-настоящему откровенной с ним, где я могла ощутить свою нужность и насладиться его нежностью.

Сейчас же он все испортил, убив во мне всякое желание быть открытой.

Последний раз окидываю себя довольным взглядом и забираю волосы в высокий хвост, одним движением превращая себя в девчонку-подростка с задорной улыбкой. И пусть эта улыбка несколько фальшива, быть может, чуточку натянута, но все же это улыбка — какая-никакая. Пожимаю плечами, игриво подмигивая своему отражению, и поправляю трикотажное хлопковое платье яркого бирюзового оттенка — самого яркого в моем гардеробе. Сегодня особенный день, сегодня я хочу быть красивой и обязательно, обязательно счастливой, даже если на самом деле это не так. И никто не испортит моего настроения.

Оказывается, людям свойственно ошибаться, потому что как только я выхожу из ванной, то сразу же сникаю, наталкиваясь на Рэми. Спрятав руки в карманы брюк и устремив взгляд в даль, он стоит у окна, на подоконнике которого я сидела всего лишь пятнадцать минут назад и рисовала дом напротив, пытаюсь запечатлеть его на бумаге. Сейчас тетрадка с моими рисунками лежит прямо на подоконнике, и стоит Хозяину опустить голову, как он наткнется на нее, а, если честно, мне не хочется показывать ему свои воспоминания. Только не после того, что он сделал со мной.

— Добрый день, Господин, — наконец, нахожу в себе смелость поприветствовать его и вытираю вспотевшие от волнения ладони о платье. Его неожиданный визит кажется странным, пугающе подозрительным, словно он пришел сказать мне что-то важное. И выглядит он официально подтянутым: белая рубашка и серая жилетка, подчеркивающая статность фигуры, в тон ей брюки, начищенные до блеска черные туфли, уложенные волосы, касающиеся плеч, гладко-выбритый подбородок.

— Здравствуй, Джиллиан, — при этих словах он поворачивает голову в мою сторону и окидывает меня медленно тягучим взглядом, от которого становится до ужаса неловко, и я начинаю сожалеть о том, что навела такой марафет. Впрочем, мои стенания длятся недолго, потому что Рэми спокойно отворачивается к окну, позволяя мне облегченно выдохнуть... но тут же напрячься. — Что это? — кивая головой в сторону тетради, говорит он, а я прикусываю губу, нервно потирая бровь и не зная, что сказать. Я могу соврать, ну-у-у, например, сказать, что это рецепты блюд, которым я хочу научиться, или список книг, что намереваюсь прочесть, или перечень дел, которые мне нужно успеть сделать за оставшееся

до смерти время. Но все это кажется таким очевидно неискренним, что я не нахожу ничего лучше, чем сказать правду:

— Мои рисунки, то есть... скорее наброски. Знаете, я не сильна в рисовании, — смущенно мотаю головой, подкрадываясь ближе и желая убрать тетрадь с его поля зрения, но Хозяин предугадывает мои действия, склоняясь и беря ее в руки.

— Позволишь? — спрашивает он, изгибая одну бровь и смотря на меня терпеливо выжидающе. Какое благородство — спрашивать разрешения на то, что по праву принадлежит ему, ведь там мои мысли, воспоминания и мечты. Моя душа — как на ладони.

— Конечно, — пожимаю плечами и опасливо встаю рядом, вдыхая приятный аромат парфюма, смешанного с ароматом лосьона для бритья. Вытягиваю шею, чтобы заглянуть в открытую им тетрадь, и тыкаю пальцем в рисунок, желая разбавить наступившую тишину своими комментариями: — Это моя комната, в Изоляции, на самом деле она вся лимонно-желтая, яркая и живая, но я предпочитаю рисовать простым карандашом. Благодаря ему я могу достигнуть четкости линий и выгодно обыграть тень, — Господи, я словно оправдываюсь перед ним, задыхаясь от неловкости и мысленно умоляя его не заходить дальше. — А это моя мама, на самом деле она очень красивая, но у меня нет опыта, чтобы передать ее красоту в полной мере. Когда она улыбается, на ее щеках появляются ямочки, но отчего-то я запомнила ее именно такой, задумчиво грустной, — шелест страницы и его понимающий кивок. Тайком бросаю на него настороженный взгляд, наблюдая за его эмоциями и настроением. Рэми сосредоточенно серьезен, он внимательно разглядывает мои рисунки, по-настоящему интересуюсь их историей и удивляя меня все больше — какое ему дело до прошлой жизни обыкновенной рабыни? — А это Элисон, — я вновь тыкаю пальцем, случайно касаясь его руки, прохладной и утонченно аристократической, с длинными пальцами и ухоженными ногтями. Прослеживаю за венами, бугрящимися на тыльной стороне его ладони, и облизываю губы, думая о том, что его руки созданы для того, чтобы дарить нежность — не боль, но, будто назло, чаще они одаривают последним. — Раньше у нее были длинные волосы, а потом она решила их постричь, да еще и покрасила в черный. Это был своего рода вызов своей природе, судьбе, что предрекла ей быть неприметной блондинкой с длинными волосами. Я ассоциирую это с борьбой, она всегда считала, что мы можем взять контроль над своей жизнью в свои руки.

— Право выбора, мы уже говорили об этом, — Рэми перебивает меня, словно избавляясь от нежеланного разговора, а я послушно замолкаю, закрывая эту тему. — А это? Айрин?

— Да, — киваю головой, поджимая губы и переминаясь с носка на пятку. Моя маленькая сестренка еще не обрела глаз, по той простой причине, что я не могу в полной степени выразить их глубину. То, что скрыто за простыми штрихами карандаша. То, что я не смогла вдохнуть в рисунок. Наконец, он переводит на меня вопросительный взгляд, молча указывая на этот недостаток, и я позволяю себе в открытую заглянуть в его лицо, чтобы рассмотреть каждую черту.

Что-то в нем изменилось.

— К сожалению, моих навыков не хватает, чтобы нарисовать ее глаза. Они... как бы это объяснить. Они больше, чем глаза, словно сама душа смотрит на вас. Простите, я несу полную чушь. Но в них столько света, доброты, искренности, веры, детской наивности, красоты. Слишком много всего, чтобы вместить в рисунок, — от его пристального внимания я теряюсь и начинаю говорить все глуше и глуше, стесняясь своих откровений и глупых

попыток прыгнуть выше своей головы — ведь я далеко не художник.

— Напротив, Джиллиан, я бы сказал, что у тебя отлично получается. Стоит внимательнее прислушиваться к своим ощущениям, воспоминаниям, чувствам, и тогда все получится. Ты говорила, что глаза — ваша общая черта?

— Д-да.

— Я могу помочь тебе, если позволишь.

Согласно киваю, с любопытством глядя на то, как Господин берет карандаш и, разворачиваясь ко мне всем корпусом, пару секунд смотрит в мое лицо. Не вижу, что он рисует, но наблюдаю за каждым движением его пальцев, сжимающих карандаш и порхающих над бумагой. Изредка он отвлекается от рисунка и бросает на меня мимолетный взгляд; слегка хмурится, становясь вдумчиво серьезным, а потом довольно расслабляется, вкладывая карандаш за ухо и показывая результат.

Его рисунок выворачивает сердце, и я прижимаю ладонь к губам, чувствуя подступающие слезы — моя Айрин обрела душу. Ту самую, что делает ее портрет живым.

— Бог мой, — только и произношу я, стараясь размеренно дышать и протягивая руку к рисунку. Ласкаю лицо сестры кончиками пальцев, с щемящей болью понимая, что теперь я не так одинока, благодаря Господину, так четко выразившему самую суть. — Спасибо вам, — хочу забрать у него тетрадь, чтобы спрятать далеко-далеко, где никто не найдет и не заберет у меня последнюю возможность встречи с близкими, но Рэми оказывается на редкость настойчив. Он отрицательно мотает головой и возвращается к своему занятию, переворачивая страницу за страницей, рассматривая кафе, в котором я работала, незаконченный набросок Адель, кое-какие пейзажи, сохранившиеся в памяти. А потом внезапно застывает, и я понимаю почему.

Потому что он там тоже есть.

— А это, по-видимому, я.

Густо краснею, когда он переводит на меня проникновенный взгляд, и ощущаю как жар медленно сползает на шею и грудь, превращая меня в сплошного алого помидора. Черт бы побрал его любопытство и мое желание сохранить в памяти важные события в жизни, людей, что участвовали в ней и стали важной ее составляющей.

— Прости-те, если вам не нравится, я могу сот-рать, — на некоторых словах я заикаюсь, нервно комкая подол платья и разглядывая свои босые стопы. Смотреть только туда, туда и никуда больше.

— Все хорошо, *ma petite*. Оставь его, если тебе это важно. А теперь к делу, у меня мало времени, — вдруг становясь серьезным и холодно отчужденным, говорит Рэми. Он будто нехотя закрывает тетрадь и отдает ее мне, вновь пряча руки в карманы брюк. Не успеваю за сменой его настроения и думаю о том, что никогда не успею — слишком переменчивы эмоции Господина. — Мне необходимо уехать, и я не могу взять тебя, — словно предугадывая мой вопрос, дополняет он, — поэтому ты остаешься здесь, под присмотром Хелен.

— Хелен?

— Да, я мог бы посадить тебя на цепь или приставить охрану, — я широко распахиваю глаза, живо представляя, как он сажает меня на цепь и кидает пару костей, чтобы хватило на время его отсутствия, а он как ни в чем не бывало продолжает: — Но Хелен утверждает, что ты не сбежишь. Она верит в это, — Господин делает упор на последнюю фразу, подходя совсем близко и почти нависая надо мной. Я задираю голову, вглядываясь в его

непроницаемое лицо и отчаянно прижимая тетрадку к груди, словно она сможет спасти меня от его близости. — И если честно, я тоже верю в это, ma petite*. Постарайся не подвести ее и будь чуть более благодарна Хелен — она не желает тебе зла.

— Д-да, конечно.

— Вот и умница, — бросает он, все продолжая смотреть на меня, будто изучая каждую и без того известную ему черту. — Что-то в тебе изменилось, Джил.

— В вас тоже.

Он едва заметно ухмыляется, пряча ухмылку за напускной строгостью, и, не сказав больше ни слова, направляется к двери. А я растерянно застываю, начиная осознавать, что его отъезд — это моя маленькая свобода. Ведь я смогу носить белье, сидеть в кабинете сколько угодно, не боясь, что он вот-вот застанет меня, могу петь и танцевать, открывать окна и, быть может, даже выйти на улицу. Для этого мне потребуется всего лишь разрешение Хелен, которую я наверняка смогу уговорить. Этот день воистину счастливый.

Улыбаюсь как дурочка, провожая его радостным взглядом, а потом принимаю наигранно грустный вид, окликаая его:

— Господин! — Рэми встает как вкопанный, и я замечаю, как его плечи напрягаются, будто он ожидает от меня какого-то подвоха, например, унижительных просьб выходить на улицу. Но я всего лишь хочу вернуть свою вещь. — Карандаш, вы забыли отдать его, — быстрыми шагами дохожу до его протянутой руки и забираю карандаш, при этом не поднимая глаз и не желая выдавать свою радость. — Удачной поездки, — и, как только дверь за ним закрывается, я широко улыбаюсь и вскакиваю на кровать, напоминая типичного ребенка, вырвавшегося из-под контроля родителя.

Плевать, ведь я практически свободна.

Кто бы мог подумать, что мое воодушевление будет длиться всего лишь три дня. Три дня, за которые я успеваю научиться печь шарлотку, под чутким руководством Хелен, конечно; перерыть всю библиотеку в поисках словаря по французскому, но остаться ни с чем; попробовать себя в рисовании акварелью, по причинам моей привязанности к графиту меня не вдохновившей; сделать уборку в комнате и помочь Хелен с кухней. Но все это не может заглушить постоянное напряжение от ожидания приезда Хозяина, день возвращения которого становится все ближе и ближе. Иногда, сидя в библиотеке, я против воли прислушиваюсь к звукам, надеясь на то, что он вернется, или моля Бога, чтобы он задержался? Не знаю, не хочу думать об этом, не хочу признавать то, что после всего случившегося между нами, я могу скучать по нему. Особенно вечером, когда становится невыносимо тоскливо, и я прячусь в свою комнату, садясь на любимый подоконник и вглядываюсь в тьму за окном.

Мне стыдно за начинающуюся привязанность к нему; стыдно за то, что как бы я не отрицала этого, но я переживаю за него, прекрасно зная о ситуации в Совете и охоте за его членами; стыдно за то, что не могу насладиться по полной своей так называемой свободой, которая начинает душить меня с каждым новым днем, и, чтобы хоть как-то избавиться от тоскливых мыслей, я все чаще ищу общества Хелен, несмотря на мое поведение, все также по-доброму ко мне относящейся.

Это утро почти не отличается от остальных, такое же хмуро серое, оно врывается в окна мокрым снегом, заляпывающим стекла и оставляющим после себя ручейки воды. Не считаю нужным наносить макияж, хоть эта процедура и вошла в привычку, и прихожу на кухню, хлопочущей Хелен, которая старательно что-то режет, сдувая с лица выпавшие из строгой

прически волосы.

— Доброе утро, — обнимаю себя за плечи и вымученно улыбаюсь, чувствуя щемящую тоску от однообразности жизни. Сон, праздно проведенный день, сон. На мне теплый кардиган, одолженный Хелен и согревающий от неприятного холода, кажется, все время следующего по пятам; тяжелые ботинки на плоской подошве и, как всегда, хлопковое платье, на этот раз черное. Я кутаюсь в кардиган поплотнее и подхожу к окну, с пугающим безразличием наблюдая за разыгравшейся непогодой. — Ужасно холодно и неудобно.

— Ты видишь то, что хочешь видеть, Джиллиан. Взгляни на горизонт, через полчаса от непогоды не останется и следа. Видишь? — она говорит это теплым и мягким голосом, а я послушно вглядываюсь в даль, действительно замечая голубую полосу. — Сегодня ты грустная.

— Это точно. Ты не знаешь, где можно достать словарь французских слов?

— Зачем он тебе?

— Не знаю, — неопределенно пожимаю плечами, подходя к столу и разглядывая начинку для будущих пирожков. — Иногда Хозяин произносит фразы, смысл которых я не могу понять, а мне хочется знать, что он говорит.

— Оставь это, девочка, ты не найдешь здесь словаря. Мистер Рэми не позволит тебе узнать больше, чем тебе положено знать. — Ну да, стоило предположить, что он не будет держать его в своем доме — это вполне логично, когда не хочешь, чтобы кто-то узнал твои истинные мысли, надежно спрятанные в красивом звучании неизвестного языка.

— Если честно, я ничего о нем не знаю, и иногда мне кажется, что я никогда не смогу понять его, Хелен, — слегка волнуюсь, откровенничая с ней, и скольжу по столешнице ладонью, пытаюсь скрыть нахлынувшее стеснение. Этот разговор о Господине, он слишком интимный и доверительный, будто разговор между матерью и дочкой, впервые влюбившейся и не знающей, что с этим чувством делать. — Он бывает нежным и мягким, особенно в постели, а потом становится отчужденным и жестким, прямо как в последний раз. Прости, если я нагружаю тебя, но мне больше не с кем поговорить об этом. Я просто хочу понять, в чем я провинилась, в чем причина его недовольства в последнее время? Ведь я ничего не сделала.

— А в чем причина твоего недовольства, Джил? Почему ты порой злишься на меня? — поднимаю глаза, до этого опущенные вниз, и наталкиваюсь на вопросительный взгляд Хелен. В нем нет и намека на осуждение, лишь желание узнать правду. В этом мы похожи — я тоже хочу знать ее.

— Потому что я не хочу, чтобы ты меня жалела. Я еще не умерла.

— Понимаю тебя, так же, как понимаю и мистера Рэми. Он не привык делить свою собственность с кем-либо, а в данном случае с чем-либо.

— Что ты имеешь в виду? — Хмурюсь, не понимая, к чему она ведет, а Хелен загадочно улыбается, возвращаясь к своему занятию.

— Твоя болезнь, она может забрать тебя в любой момент, а господин Рэми любит контроль, любит, когда ему принадлежат полностью, когда он имеет абсолютную власть над жизнью, когда он, и только он, может распоряжаться ею. Ты же со своей болезнью поставила его силу под сомнение.

— Абсолютной власти не бывает. Он не может быть богом. Каждая из нас всегда может умереть: от несчастного случая, от болезни, от сотен причин. Господи, да я могу захлебнуться чаем или упасть с лестницы, сломав шею. Мы живые, Хелен, и этого не

изменить, он не может контролировать нашу жизнь. Так или иначе Хозяин ограничен в своей власти над нами, потому что у нас есть выход — смерть, в борьбе с которой он бессилен.

— В том-то и дело, — она обреченно выдыхает, а до меня наконец доходит, в чем причина его злости на меня — смерть, что может в любой момент забрать его игрушку, и дело не в жалости или привязанности к ней, а в том, что кто-то другой может распорядиться ею. Вот, что он имел в виду, когда говорил, чтобы я не думала уходить от него. Но не я решаю, когда мне "уйти", и, тем более, не он, так что здесь мы оба бессильны. — Смотри, я же говорила, — Хелен резко меняет тему, замечая мой погрузневший взгляд, и я удивленно оглядываюсь назад, не веря свои глазам. Яркие лучи солнца скользят по полу, наполняя кухню светом и согревая сердце надеждой.

Оказывается, в жизни бывают не только черные полосы.

— Бог мой, Хелен, солнце! — оно настолько редкое явление здесь, что я радостно подбегаю к окну, прижимаясь к нему ладонями и шурясь от яркого солнечного света, словно возродившего все вокруг, ведь даже оголенные кустарники с домами стали куда веселее. — Наверное, снег уже липкий.

— Так сходи и проверь.

— Что? — Ошарашенно разворачиваюсь к ней, ощущая, как нижняя губа начинает предательски подрагивать. Этого не может быть, не может быть. Не верю. То, о чем я так боялась спросить все это время, само пришло ко мне.

— Давай, девочка, воспользуйся моментом и выйди на улицу, — она машет рукой в сторону окна, а я словно вырастаю в пол, открывая рот от изумления и ощущая разрывающую сердце радость, смешанную с толикой страха.

— А как же приказ Господина?

— Этот старый зануда ничего не узнает. Мы не скажем ему об этом, — Хелен заговорщически подмигивает, а я срываюсь с места, но, почти добежав до двери, возвращаюсь, чтобы обнять ее и благодарно чмокнуть в щеку.

— Спасибо.

Плевать, что сейчас со стороны я выгляжу как маленький ребенок, умышленно шлепающий по подтаявшему тяжелому снегу, скрывающему под собой слой воды, поэтому, когда я опускаю ногу, он, вместе с брызгами воды, разлетается маленьким взрывом, а на его месте остается отпечаток моего ботинка. Таких отпечатков уже целая армия: вдоль мощеной дорожки, кустарников, забора и даже беседки. Кажется, я побывала в каждом уголке участка и изучила его вдоль и поперек, особенно приглядевшись к беседке из камня. Наверное, летом в ней вполне уютно — плющ, обвивающий ее, дарит иллюзию уединения, защищает от внешнего мира и прячет от любопытных глаз. Здесь наверняка приятно предаваться размышлениям и заниматься творчеством, чтением, копанием в себе, так что если я доживу до лета и мы еще останемся здесь, то обязательно выпрошу разрешения Господина посещать ее. Мешает слово "если" и переменчивое настроение Рэми, как оказалось, до безумия любящего контроль и ревностно относящегося к своей власти, раз уж даже в смерти он видит своего конкурента.

Признаться, это выглядит несколько нелепо.

Повожу плечами от холода, но упорно продолжаю гулять, будто пытаюсь надышаться свежим воздухом впрок. До ужаса боюсь того, что вот сейчас Хелен появится на крыльце и прикажет возвращаться, поэтому пользуюсь каждой секундой и подхожу к забору,

обхватывая металлические прутья пальцами и рассматривая тихую улицу. Лишь изредка по ней проезжают машины и проходят люди, не обращающие на меня никакого внимания. Чувствую себя пустым местом, такой дворовой собачкой, посаженной на цепь и с грустью провожающей пробегающих мимо сородичей.

Приближающийся шум урчащих моторов заставляет меня встать на носочки и вытянуть шею, чтобы получше рассмотреть едущие по улице грузовики. Их кузова открыты, но пока мне сложно увидеть, что в них, лишь широкие капоты с устрашающими радиаторными решетками стоят перед глазами. И лишь по мере их движения начинаю осознавать, что все они наполнены людьми, сидящими по периметру кузова, по-видимому, на вмонтированных там скамейках. Куда их везут? Непонимающе хмурюсь, от любопытства прикусывая губы и желая рассмотреть все получше, а потом напрягаюсь, не веря собственным глазам.

Этого. Не. Может. Быть.

— Элисон, — шепчу, чувствуя как в груди замирает сердце, и глаза наполняются слезами радости. Разве такое возможно? Господи, возможно? Через тысячи часов, минут, миллионы секунд, чужой мир, поглотивший меня. — Элисон! Элисон! — я кричу, пытаюсь перекричать шум двигателей и машу рукой, чтобы привлечь к себе внимание. Она сидит, опустив голову, одной рукой держась за борт и покачиваясь в такт движению. Болезненно бледная и будто изможденная, растерявшая свой замечательный свет и силу. Что такого могло произойти с ней и почему она решила покинуть Изоляцию?

Молю Бога, чтобы она посмотрела на меня, нервно топчась на месте и будто читая заклинание: посмотри на меня, посмотри, посмотри. Ну же. Улыбаюсь, как сумасшедшая, теряясь в нахлынувших эмоциях и чувствуя невообразимое воодушевление, ведь это прикосновение к прежнему миру, поцелуй с прошлым, объятия с родным. — Элисон! — Наконец, она поднимает голову и тоже хмурится, наверняка не доверяя своему слуху, а я так отчаянно хочу, чтобы она увидела меня, что следую вдоль забора, мимо которого четкой колонной проезжают грузовики. — Элисон, умоляю, посмотри на меня.

И она смотрит, смотрит так ошарашенно неверяще, что я не удерживаю радостного всхлипа, сталкиваясь с ее изумленными глазами. Замечаю, как она пытается вскочить, но железная цепь, удерживающая ее за запястье, возвращает ее на место, вновь пригвождая к скамье.

— Элисон, куда вас везут? — я почти бегу, пытаюсь выловить ее фигуру через мелькающие перед глазами прутья, и до ужаса боюсь не успеть, потому что наша территория скоро закончится и я упрусь в железную решетку, разделяющую меня и подругу. — Сейчас, сейчас, — дрожу, словно в лихорадке, и, пробегая калитку, возвращаюсь к ней, со злостью дергая на себя и обреченно затихая, потому что Хозяин оказался на редкость предусмотрительным и запер ее на замок. Чуть ли не плачу от разочарования, провожая взглядом проезжающую колонну, и в одну секунду решаюсь перемахнуть через забор в том месте, где кирпичная кладка соединяет решетчатые пролеты. Не знаю, где я нахожу сил, быть может, это влияние ситуации, быть может, на самом деле я не такая уж и слабая, но у меня получается подтянуться и закинуть ногу на кирпичный выступ. Лишь моя спешка и неаккуратность приводит к тому, что я цепляюсь ногой за острую пику и рассекаю голень чуть пониже колена, оставляя на ней глубокую царапину. Но даже это не останавливает меня, ведь вся я утонула в желании увидеться с подругой, расспросить ее о маме, о сестре, о том, что я когда-то оставила, решив покинуть Изоляцию.

Краем глаза замечаю Хелен, выбежавшую из дома, и ощущаю легкий укол совести, ведь

она будет переживать, не зная о том, что это не побег, вовсе нет, и я обязательно вернусь как только узнаю, куда их везут. Мне нужно всего пару часов, может, больше.

Я быстро, клянусь, Хелен. Ты не успеешь по мне соскучиться, как я уже буду дома.

Срываюсь с места и бегу, бегу по тротуару, цепляясь взглядом за удаляющийся грузовик с Элисон, едущий почти в середине колонны из шести машин. Мне не успеть, не догнать его, моих сил не хватит, чтобы победить железо. Тяжело дыша, останавливаюсь на перекрестке и упираюсь ладонями в колени, чтобы перевести дух. Сердце стучит как бешеное, и по спине стекают ручейки пота, впитываясь в ткань на поясице. Я ощущаю, как горит лицо, и перед глазами пляшут разноцветные мушки, но даю себе лишь пару секунд отдыха, потому что у меня мало, до отращения мало времени.

За дорогой парк, и, замечая, как машины заворачивают вправо, я принимаю решение пересечь его по диагонали. Если все получится, если у меня хватит сил, то я смогу перехватить Элисон, чтобы узнать хоть что-нибудь.

Чуть не попадаю под проезжающую по дороге машину, даже слышу ругань в свою сторону, но продолжаю бежать, бежать, шлепая по лужам и чувствуя, как мокрые холодные брызги впечатываются в мои порядком замерзшие ноги. Осталось немного.

— Элисон! — вижу ее издалека, почти задыхаюсь, ощущая подступающее удушье, сковавшее горло, и из последних сил перебираю налившимися тяжестью ногами, чтобы успеть услышать всего одну фразу. — Элисон, куда вас везут?

— На Большую Арену, — она кричит, перекрикивая шум машин, и вновь пытается встать, но беспомощно оседает обратно, одаривая меня той самой улыбкой, что навсегда останется в моей памяти. Только после ее слов я позволяю себе расслабиться и обессиленно упасть на колени, напрочь марая ноги грязью и стараясь привести дыхание в норму. Мне все равно, что обо мне подумают люди, как я выгляжу со стороны, мне просто нужно успокоить колотящееся сердце, готовое разорваться в клочья от такой большой нагрузки.

— На Большую Арену, — повторяю я, провожая взглядом удаляющиеся машины и устало прикрывая глаза, перед которыми плывут вращающиеся круги света. Мне нужно найти Большую Арену, поговорить с Элисон и вернуться домой. Арена-Элисон-дом. Все просто, главное, вернуться вовремя, чтобы не подвести Хелен. А с остальным я справлюсь, иначе и быть не может.

Мечтать покинуть стены особняка и оказаться за ними — разные вещи, и сейчас, стоя у двери в кафе, запрятанного в кирпичную кладку, я как никогда понимаю это. Лишившись зоны комфорта, безопасности и оказавшись в совершенно чужом городе, наполненном вампирами, я ощущаю себя беспомощной мишенью и, если честно, начинаю сожалеть о своем непродуманном поступке. Может, мне стоит вернуться домой и попросить помощи Хелен? Или дождаться возвращения Хозяина и умолять его найти Элисон, но в таком случае я могу потерять время и неизвестно, где она сможет затеряться, пока Рэми будет рассматривать мои просьбы.

До сих пор раздумываю зайти ли в кафе, представляя насколько жалко сейчас выгляжу: замерзшие ноги, уляпанные грязью и кровью; посиневшие от холода губы; сырой кардиган, весь в пятнах от попавших на него брызг и талой воды; растрепанные волосы и запуганный взгляд. Не удивлюсь, если меня примут за умалишенную, сбежавшую из больницы, хотя скорее здесь это выгладит несколько иначе — как сбежавшая от своего хозяина рабыня.

Именно так на меня смотрят редкие прохожие, большинство из которых люди — я вижу это по их манере двигаться. Они идут опустив голову и плечи, смотря себе под ноги и бросая осторожные скользкие взгляды, другое дело вампиры — хозяева жизни, слава богу, крайне редко мелькающие перед глазами. Они одеты в тяжелые черные накидки с глубокими, закрывающими их лица капюшонами, перчатки и плотные брюки. Скорее всего их маскарад, это вина солнца, расправившего лучи на ярко-голубом безоблачном небе, значит, века эволюции так и не смогли избавить их от страха перед солнцем. Впрочем, даже в такое время они представляют опасность, поэтому я все же решаюсь зайти в кафе, чтобы хоть как-то привести себя в порядок, а заодно спросить у кого-нибудь про Большую Арену.

Звон колокольчика заставляет меня вздрогнуть, и я, скованная страхом, несмело захожу внутрь, попадая под прицел нескольких пар глаз. Двое мужчин сидят за столиком и одновременно поворачивают голову в мою сторону, рассматривая меня с неприятным интересом, третий же стоит за стойкой и смотрит на меня сначала недоуменно, а потом с неким сопереживанием, будто понимая, в какой заднице я оказалась. Он высокий и худощавый, с небольшой аккуратной бородой и длинными светлыми волосами, забранными в хвост. Голубые глаза, широкие брови. Я сразу обращаю внимание на него, может потому, что в его взгляде нет откровенного любопытства, что источают двое посетителей, по видимому людей, потому что они спокойно относятся к моей ране, кровь из которой стекает к щиколотке и прячется в ботинке. Доверия не вызывает и их одинаковая темно-синяя форма, чем-то напоминающая военную.

Бог мой, я сошла с ума, затеяв все это.

— И долго ты там будешь мяться? Живо за работу, дел по горло, а она еще опаздывает. Ты ведь не хочешь, чтобы я рассказал хозяину?

Ошарашенно распахиваю глаза, выслушивая эту гневную тираду, обращенную ко мне, и даже делаю шаг назад, готовясь бежать. Мой взгляд падает на сидящих за столиком, а потом на мужчину за стойкой, грозящего мне кулаком, после чего я совершенно теряюсь, обнимая себя за плечи и не зная, что делать дальше.

— Сиа, я не буду повторять дважды, — он сводит брови к переносице, незаметно подмигивая мне, а до меня наконец доходит, что сейчас, в этот самый момент, он спасает

меня от видимого интереса его посетителей. — Что с тобой опять произошло? — он улыбается, показывая на меня пальцем и объясняя им: — Вечно куда-то вляпается, бестолковое создание.

Я, хромя и кутаясь в кардиган, прохожу мимо столиков, стульев, и растерянно захожу за стойку, даже не зная, за что хвататься.

— Сначала приведи себя в порядок, а потом приступай к работе, — незнакомец кидает небрежный жест в сторону двери в подсобку, и я, понимающе кивая, спешу скрыться за ней, чтобы перевести дух и обдумать ситуацию. Осматриваюсь вокруг, натываясь на типичную комнату для персонала: небольшой диван, стол, весь усыпанный бумагами, вешалка для верхней одежды, ряд шкафчиков и кулер с водой, к которому я подбегаю в первую очередь. Несколько стаканов воды утоляют жажду, и я кидаю обеспокоенный взгляд на часы. Уже девять, а мне необходимо вернуться хотя бы к обеду, так что сейчас я найду туалет, отмоюсь и уйду. — Какого черта ты делаешь? — грозный шепот зашедшего в комнату незнакомца пригвозждает меня к месту, и я испуганно наблюдаю за тем, как он прикрывает за собой дверь — единственный выход отсюда. Его агрессивные нападки вынуждают меня отступить назад и напороться на кулер, который я чуть не опрокидываю, но вовремя подбежавший незнакомец спасает ситуацию, возвращая все на свои места. — Лучше сядь, иначе разнесешь всю комнату, — его голос становится мягче, и он указывает на диван, а сам идет к шкафу, доставая оттуда ящик с медикаментами. — Меня зовут Итан.

— Джил, Джиллиан Холл.

— И откуда ты здесь взялась в таком виде?

— Мне... мне нужно на Большую Арену. Вы не знаете, где это? — слегка заикаюсь от неловкости, смешанной с тревогой, когда он подходит совсем близко и, склоняясь к моей ноге, рассматривает рану. Снисходительно мотает головой, будто перед ним сидит несмышленный ребенок, содравший колени в очередной проказной игре, и встает передо мной на одно колено, опуская ящик на пол. — Что вы делаете?

— Ты ведь не собираешься путешествовать по городу с этим? Ты хотя бы понимаешь, где ты?

— Д-да, — стесняюсь его заботы и пытаюсь убрать ноги от его внимания, переставляя их в сторону.

— Незаметно. Тебе повезло, Джиллиан Холл, что "продажные" поверили в мой спектакль.

— "Продажные"?

— Да, цепные псы вампиров — люди, работающие на них за обещание вечной жизни. Они следят за порядком на улицах в дневное время, особенно когда появляется солнце. Привилегированная каста людей, предавшая свой вид, — на этих словах, пропитанных откровенной ненавистью, Итан поднимает голову, позволяя мне изучить его получше. Заметить шрам на виске и сеточку мелких морщин под глазами, выдающими его возраст — около тридцати пяти, быть может, меньше. Он смотрит на меня таким твердым и открытым взглядом, что я чувствую себя неловко, вовсе не заслуживая его доверия. Ведь получается, я тоже предала человечество, хотя бы потому что позволила себе привязаться к Господину. — Так что с тобой произошло?

— Мне нужно найти Большую Арену, — повторяю я, а Итан наматывает большой пласт бинта, смачивая его в каком-то растворе и пытаюсь приложить его к моей ноге, которой я тут же дергаю, смущенно выставив ладони и забирая у него бинт. — Я сама, ладно? — его

откровенная забота пугает меня не меньше, чем рассказы про "продажных", внимания которых я чудом избежала, благодаря ему, конечно. А еще я не могу допустить, чтобы ко мне прикасался кто-то другой, тем более совершенно незнакомый мужчина, вдруг возомнивший себя другом.

— Хорошо, сама так сама, — он тяжело выдыхает, поднимаясь на ноги, и наблюдает за моими неумелыми манипуляциями, скрещивая руки на груди и продолжая: — Зачем тебе Арена? Ты не похожа на бойца.

Постепенно грязь и присохшая местами кровь остается на салфетке, и я могу в полной мере оценить урон, нанесенный ноге. Царапина начинается почти под коленом, и заканчивается на середине голени, где порез особенно глубокий и до сих пор кровоточащий.

— Я должна найти одного человека, она сказала, что их везут туда. И что такое Большая Арена, Итан? — дую на рану, шипя сквозь сомкнутые зубы и дотягиваясь до баночки с дезинфицирующим средством. Пролитая на царапину жидкость смешивается с кровью и розовеет, стекая в мой злополучный ботинок, где и без того сыро. Воздух пропитывается стойким медицинским запахом и забивает легкие, заставляя меня поморщиться. Он настолько резкий, что мне кажется, будто глаза слезятся, а на губах оседает неприятная горечь.

— Специальное средство, сбивающее запах крови, которая может возбудить жажду у проклятых кровососов. Советую, — Итан ухмыляется, будто этот препарат его разработка, а я наконец пропитываюсь к нему симпатией, ведь он рисковал, пытаясь помочь мне и разыгрывая весь этот спектакль перед "продажными". — Ты когда-нибудь слышала о гладиаторских боях?

— Да, конечно.

— Вот тебе и ответ на твой вопрос.

— То есть те люди в грузовиках? Они едут на Арену с целью боев?

— Не знаю, о чем ты говоришь, кто там едет, но да. Публика любит зрелища, вампиры не исключение, особенно, когда зрелища кровавые.

Застываю как каменное изваяние, обдумывая его слова и уже не обращая внимания на дискомфорт. Постепенно информация, полученная от него, складывается в логическую цепочку, и я прихожу к неутешительному выводу, что Элисон в большой опасности, и я могу не успеть.

Не успеть...

— Нет-нет-нет, Итан, мне нужно срочно найти Элисон. Мне нужно поговорить с ней, — вскакиваю с дивана, неловко вставая на пораненную ногу, которая начинает ныть и болеть, скорее от уставших мышц и бега, чем от незначительной царапины. — Нужно найти, — шепчу, словно в бреду, желая побыстрее уйти отсюда, но Итан перехватывает меня за предплечье, резко разворачивая к себе. Его пальцы сильные, его взгляд, до этого спокойный и дружелюбный, пылает злостью, и сам он становится напряженно опасным. Наверное, я поторопилась с выводами насчет его доброжелательности, ведь сейчас он без зазрения совести вторгся в мое личное пространство и проявил силу.

— Могу поспорить, ты — домашний питомец какого-нибудь богача, использующего тебя для развлечения. Иначе бы ты не была столь смелой, разгуливая по городу кровоточащей приманкой. А теперь иди, Большая Арена находится в двух кварталах от Ратуши, если тебе это о чем-нибудь говорит. Следуй на север, — он так резко отпускает меня, что я едва успеваю поймать равновесие, смотря на него большими от страха глазами и

понимая резонность его заявлений. Он прав, действительно глупо ходить по улицам с открытой раной.

— Прости-те, у меня мало времени, — виновато шепчу я, дрожа всем телом и вновь усаживаясь на диван. Я даже на миг жалею себя, что осталась совершенно одна, в незнакомом месте, городе, мире, где опасность подстерегает на каждом углу и такие, как я, рассматриваются как отличный перекус. Чтобы скрыть нервозность, пытаюсь дотянуться до ящика, но Итан опережает меня, вновь становясь передо мной на одно колено и беря контроль над ситуацией в свои руки.

— Это ты меня прости, наверное, я напугал тебя. Но ты даже не представляешь, сколько раз я сталкивался с людьми, которые больше никогда не возвращались. А тут ты со своим опрометчивым желанием найти себе смерть, — он вновь льет это вонючее средство и тут же прикладывает бинт к ране, ловко обводя его вокруг ноги и начиная накладывать повязку. Его пальцы, иногда касающиеся моей обнаженной кожи, теплые, почти горячие, так живо отличающиеся от прохладных пальцев Господина.

— Я уже нашла ее, — слабо улыбаюсь, вспоминая о своем сердце, и прикусываю губу от боли, когда он, справившись с повязкой, делает заключительные узлы. — Спасибо, Итан.

— Быстрым шагом ты доберешься за сорок минут, указатели приведут тебя к центру, а значит, и к Ратуше. Держись оживленных улиц и больше никуда не заходи. Старайся ни с кем не разговаривать и не поднимай взгляд. Твой Хозяин полный идиот, раз отпустил тебя.

— А он и не отпускал, — отрицательно мотаю головой, проверяя тугость повязки и аккуратно вставая с дивана. Я почти согрелась, и влажное от пота платье теперь не доставляет дискомфорта, если только длинный кардиган, полы которого касаются обнаженных ног и липнут к ним.

— Твой поступок не признак смелости, а симптом безрассудства, — Итан по-доброму улыбается, скидывая с себя напряженность и обнажая свою человечность, по которой, признаться, я ужасно соскучилась. — Удачи тебе, Джиллиан Холл. Надеюсь, ты успеешь.

— Спасибо, Итан. За помощь. Если бы мы были в другой ситуации, я обязательно угостила бы тебя стаканом пива.

— Мы будем в другой ситуации, вот увидишь, — он бросает эту фразу как бы между прочим, вскользь, завуалировав ее за дружеской поддержкой, а я чувствую в ней скрытый подтекст, словно он точно знает, что она возможна, что все здесь может измениться, и мы действительно можем встретиться за стаканом пива. Когда-нибудь потом, когда этот мир перестанет существовать, и люди вернут свою свободу. Сейчас я понимаю в полной мере, насколько разная у людей вера: Мадлен мечтает отработать контракт и вернуться домой, Хелен смирилась и не видит перспективы, Итан позиционируется на жесткой вере в то, что мы не безнадежны. А вот что верить мне? Теперь, когда я поняла, что переживаю за Рэми и не хочу его смерти?

— Тогда до встречи, Итан, была рада знакомству.

Такие короткие, будто незначительные встречи с легкостью могут привнести в жизнь что-то новое, выбить из колеи и заставить задуматься. Обыкновенное человеческое участие, сострадание и понимание запоминаются надолго, и я, шагая в указанном направлении, все думаю: столкнемся ли мы с Итаном когда-нибудь еще? Пересекемся ли в лабиринтах дорог? Увидимся ли на перепутье судьбы? Или же это наша первая и последняя встреча, посланная кем-то свыше, чтобы я вновь могла поверить, поверить в то, что не все потеряно, и у нас есть шанс выкарабкаться.

Я иду уже достаточно долго, мои ноги, так же как и руки, напрочь замерзли, даже кончик носа, наверняка покрасневший, стал чувствителен к холоду, поэтому мне приходится то и дело дышать на руки, растирая пальцы и прижимая ладонь к носу. Стараюсь не смотреть по сторонам, как и учил меня Итан, но иногда любопытство побеждает, и я наталкиваюсь на затравленные взгляды прохожих, дорогие машины, проезжающие по дороге, красивые фасады зданий. Все это так близко, стоит протянуть руку, чтобы коснуться, и в то же время несколько ирреально, потому что я привыкла к другому: серости, бедности и неказистости — все, что запомнилось мне в Изоляции. Даже засаленно грязные обои в кафе, где я работала, издевательски шептали об убогости нашей жизни. Здесь же все дышит лоском и ухоженностью, начиная с ровных, без изъёмов дорог и заканчивая черепичными крышами, выполненными в одном цвете — бордово-красном, наверняка любимом у вампиров. Едкая горечь от такого контраста разливается по венам, и я начинаю злиться от обиды, что все это принадлежит не нам, что даже мы сами не принадлежим себе, что мы слабые, послушные, трусливые рабы.

Эти мысли так плотно насаждают на меня, что я не замечаю, как оказываюсь как раз напротив Рагуши, буквально через дорогу, которую, по-видимому, мне переходить не надо, потому что сейчас мне необходимо свернуть на север и преодолеть последние два квартала. Солнце уже находится достаточно высоко, продолжая сдувать снег с улиц и наводя еще больше грязи. Оно слепит, когда я задираю голову кверху и подставляю ему лицо, думая, что столь теплые лучи непривычны для этого времени года, скорее они должны быть холодными и далекими, по-настоящему зимними, но будто назло, все в этом мире встало с ног на голову.

Возвращаюсь на землю и прибавляю шаг, то и дело переходя на бег и боясь не уложиться в отведенное время. Где-то на периферии сознания слышится предательский голосок, что я не должна этого делать, что Хозяин может вернуться в любое время, и Хелен, со своей верой в меня, будет наказана, но я тут же нахожу оправдание себе — ведь возможность увидеть знакомое лицо так ничтожно мала, что я обязана воспользоваться ею, чего бы мне это не стоило.

Путь до Арены, огромного кругло-вытянутого здания, высотой примерно в пять этажей, я преодолеваю с видимым воодушевлением, и встаю как вкопанная, очарованная грандиозностью сооружения. Чем-то она напоминает тот самый Колизей, что я видела на иллюстрациях в книгах, а может даже сделана по его чертежам, потому что слишком ярко выражено сходство, начиная от многочисленных арочных проходов на первом этаже и заканчивая большими арочными окнами на последующих. Интересно, сюда пускают рабов? Ведь в Древнем Риме, как известно, вход был разрешен только свободным гражданам и гладиаторам.

Несколько минут я тупо стою возле одного из проходов, почему-то отчаянно боясь зайти внутрь. Оттуда веет сырым воздухом, тяжелым и впитавшим в себя различные запахи, один из которых — запах страданий, конечно. На самом деле это ужасно — приходить сюда и глазеть на то, как люди убивают друг друга ради твоего адреналина. На самом деле это бесчеловечно, но имею ли я право обвинять вампиров, если наша история доказала, что мы не намного лучше их?

Опасливо прохожу под высокой аркой, не встречая на своем пути никакой преграды, и растерянно останавливаюсь, рассматривая начинку смертельной Арены. Все-таки она отличается от Колизея, потому что в центре ее расположена огромная площадка, вся

обнесенная высокой решеткой, никаких барьеров — я могу спокойно подойти к ней и проследовать вдоль нее по всему диаметру. Десятки рядов с вмонтированными стульями, расположенными под откос, словно спускающимися по воронке, центром которой и является обнесенная прутьями Арена. Все намного проще и либеральнее, хотя в самом верху и присутствуют закрытые трибуны, по-видимому для особо важных персон, таких, например, как мой Хозяин.

Все это находится под открытым небом, и сейчас здесь неприятно холодно, неуютно, отчего я чувствую, как по спине бегут мурашки. Лишь крики людей, находящиеся далеко, скорее на другой стороне Арены, хоть немного успокаивают расшатавшиеся нервы.

Мне нужно торопиться.

Быстрым шагом иду вдоль решетки, вглядываясь в противоположную от меня сторону, и замечаю движение, будто огромное серое пятно копошащейся массы растекается по площадке, а потом приобретает более четкий порядок.

Мне нужно торопиться.

А заодно выловить из общей массы Элисон, ведь она наверняка там, ведь я не могла преодолеть такой путь, рисковать своей жизнью и вернуться ни с чем. Бог не может так поступить со мной, и, будто слыша мои молитвы, он посылает мне знак, потому что среди утихнувших криков и наступившей за этим тишины я четко слышу громкое "Элисон Картер", произнесенное звучным командным голосом, человеком, стоящим перед ровными рядами рабов и имеющими власть над ними. Его крик разносится по амфитеатру, подхватывается ветром и скрывается в вышине, а я обхватываю прутья решетки замерзшими пальцами и встаю на носочки, чтобы разглядеть в серых рядах людей свою подругу.

Мне нужно торопиться.

Ведь она где-то здесь, примерно в тридцати ярдах от меня.

— Элисон! — я произношу это тихо, все еще цепляясь взглядом за каждую серую фигуру, стоящую вдалеке, а потом громче, много громче, когда замечаю ее поднятую руку, взметнувшуюся над головами. Мой крик разносится так же звонко, как крик их надсмотрщика, и он оборачивается в мою сторону, как и все остальные, обратившие на меня внимание. Бог мой, ведь среди них Элисон, моя Элисон, моя единственная надежда узнать, как моя семья. — Элисон! — хочу подойти как можно ближе и бегу по деревянным мосткам, громко стуча ботинками и боясь не успеть.

Мне нужно торопиться.

Она понимает это, может поэтому срывается с места, расталкивая людей перед собой, и бежит в мою сторону, вынуждая меня остановиться. Я так возбуждена, в моей крови так много адреналина, что я не слышу предупреждающих окриков надсмотрщика, вся я проваливаюсь в бешеный стук крови в висках и тяну руки между прутьями, мечтая коснуться подруги, бесстрашно бегущей ко мне.

— Моя милая Элисон, — рыдаю, захлебываясь в слезах и от счастья слишком крепко сжимая ее холодные ладони, когда она добегает до меня, и, запыхавшаяся и ослабшая, хватая меня за руки. Бог мой, эта встреча нереальна, это сон, всего лишь сон, мне нужно проснуться, да? Но я не хочу просыпаться. Я хочу насмотреться на нее и впитать в себя каждую черту, чтобы выжечь ее в памяти нестираемым клеймом. — Элисон, как? Как ты здесь оказалась? — За ее спиной неспешным шагом идет надсмотрщик, я замечаю его злой взгляд, и торопливо шепчу: — Расскажи, расскажи, как моя семья, прошу тебя, Элис.

— Джиллиан, я уже не надеялась тебя найти, — ее голос по-прежнему твердый, даже

положение ее не смогло погасить в ней ту внутреннюю силу, что всегда восхищала меня. Она чуть похудела и выглядит изможденной, но продолжает верить в себя, одаривая меня несгибаемой уверенностью. — Ты уехала, словно провалилась. Теперь я понимаю почему...

— Как моя семья? Как мама?

— Мне жаль, — она мотает головой, оглядываясь назад, на постепенно приближающегося охранника, а я не могу произнести ни слова, отменяя прочь догадки, что рождаются от ее соболезнующего взгляда.

— Элисон, что случилось?

— Айрин умерла, мисс Холл не смогла найти денег на ее операцию. Твоя мать очень плоха, Джил, она потеряла сразу двоих, ты должна вернуться, — она шепчет это часто-часто, а я не могу поверить, не хочу, не хочу слышать. Это неправда, я подарила Айрин шанс, продав свою собственную свободу. Я сделала это ради любви к ней, я подписала контракт, обеспечивший ей будущее. Она должна была прожить долгую-долгую жизнь, вырасти, выучиться и выйти замуж. Родить детей и назвать свою дочь в честь меня — в честь своей непутевой сестры, сгинувшей в жестоком мире, о котором она даже не подозревает. Она должна была быть счастливой и умереть в глубокой старости, полностью пройдя отмеренный путь.

Она. Должна. Была. Жить.

— Этого не может быть.

Нет-нет-нет-нет. Не верю.

— Ты должна вернуться домой, Джил, всеми силами, ты слышишь меня? Твоя мать не справится с болью, — Элисон умудряется обхватить мое лицо ладонями и потянуть на себя, чтобы прижаться прохладными губами к моим губам и тут же исчезнуть в руках подоспевшего надсмотрщика, грубо схватившего ее за короткие волосы и повалившего на землю. Ее отчаянные крики вырывают меня из оцепенения, и я тяну руки в ее сторону, желая помочь, но оказываясь совершенно беспомощной. Он удерживает ее за волосы и тащит по земле, все дальше от меня, в то время как она крепко держит его за кулак и пытается оттолкнуться ногами. Наконец, ее крики надоедают ему, и сквозь пелену слез, с разрывающей сердце болью, я наблюдаю за тем, как он склоняется над ней и раз за разом опускает тяжелый кулак на ее лицо, заставляя ее затихнуть.

Все эти известия, это зрелище лишают меня последних сил, и я обреченно оседаю на землю, скользя щекой по решетке и захлебываясь в слезах. Сжимаюсь в комочек, сотрясаясь в рыданиях и проклиная этот мир, Господина, что таким жестоким образом обманул меня, предал, став непосредственной причиной смерти Айрин, ведь он обещал, говорил, что деньги перечислены. Ведь я верила его словам, послушно выполняя условия контракта и считая себя обязанной ему.

Все ложь, обман, жалкое притворство. Ненавижу.

Я так утопаю в своей боли, что не сразу понимаю, что происходит вокруг, лишь громкие крики толпы и оглушительные выстрелы заставляют меня вынырнуть из переживаний и посмотреть на площадку, где творится что-то невообразимое, потому что ровных рядов, которые стояли лишь несколько минут назад, уже нет, а за место их шумная серая масса, пестрящая темно-синими пятнами, по-видимому охранниками, пытающимися успокоить взбунтовавшихся рабов. Мое видение искажено невысохшими слезами, и я протираю глаза тыльной стороной ладони, чтобы улучшить четкость и рассмотреть все получше. Вжимаю голову в плечи, слыша очередной выстрел и отползая дальше от решетки. Мне становится до

безумия страшно, и я ошалело ползу назад, оглядываясь по сторонам и мечтая как можно скорее покинуть здание. Краем глаза замечаю черную фигуру, стоящую на верхней трибуне и спокойно наблюдающую за происходящим, и пусть эта фигура скрыта в черном плаще с глубоким капюшоном, но она кажется мне будто знакомой. Что-то смутно знакомое я нахожу в манере стоять, в ширине плеч, в росте, в ленивых движениях, когда человек наконец отворачивается и исчезает в одной из арок, ведущих в общий коридор верхнего этажа.

Все это происходит за считанные секунды, перемешавшие в себе боль, разочарование, отчаяние и страх, все это оглушает меня и превращает в полуживую сомнамбулу, потерявшуюся в эмоциях. Может поэтому я не сразу осознаю, что натыкаюсь спиной на чьи-то ноги и все мои попытки оттолкнуться от земли оказываются бесполезными. Задираю голову вверх, наталкиваясь на хищный и насмешливый взгляд, и зажмуриваю глаза, ожидая удара взметнувшейся надо мной резиновой дубинки.

Я должна вернуться домой, я должна вернуться домой, я должна вернуться домой... к маме.

Бывают моменты, когда возвращаться не хочется — лучше плавать в темноте и незнании, чем сломаться под гнетом реальности, настолько отвратительной, что я всеми силами цепляюсь за бессознательность, отгоняя прочь наступающие звуки, ощущения, мысли, боль, которая начинает терзать меня, как только я выныриваю наверх и делаю первый вдох. Глубокий и шумный, он эхом отдается в ушах, и я болезненно морщусь, едва открывая глаза и натываясь лишь на расплывчатые образы незнакомого помещения. Яркая настольная лампа, опущенная вниз, кажется мне нечетким ослепляющим пятном, не имеющим границ и форм; бетонные стены, пустые и мертвые; одинокий стул, стоящий у стола, а после пустота, которая проглатывает меня и заставляет вновь прикрыть глаза от ощущения дикой головной боли и усталости, наряду с которыми меня терзает какое-то странное онемение и беспомощность. Хочу пошевелить руками, но не могу даже согнуть пальцы, которых совершенно не чувствую. Лишь когда через силу поднимаю отяжелевшие веки и задираю голову вверх, понимаю, в чем дело — мои руки скованы тяжелыми наручниками, прикрепленными к толстой цепи, практически поднимающей меня над полом. Только вытянув ступни и встав на носочки я могу разгрузить свои запястья, на которые приходится основная нагрузка в виде моего ослабшего тела. Все они стертые, почти до крови, и каждое мое движение приводит к тому, что наручники еще больше вонзаются в кожу, отчего я глухо стону и, с трудом поймав равновесие, затихаю.

В груди неприятно тянет, и я стараюсь ровно дышать, чтобы не поддаться панике. Но по мере того, как проходит время, воспоминания о случившихся событиях все больше пропитывают меня, отчего я громко всхлипываю и позволяю слезам скользнуть по щекам. От них жжет раздраженную кожу и щиплет наверняка припухшие веки, но я не могу их остановить, не могу, не могу, ведь моей сестры больше нет, ведь моя мама в отчаянии, а Элисон стала частью этого безумного мира, который может уничтожить ее в любой момент.

У меня практически никого не осталось. Это несправедливо, это больно, это не может происходить со мной, только не со мной, ведь я никому не делала зла, никогда, за всю свою жизнь. Бог не может так поступать, он не имеет права, я не заслужила. Не заслужила, Господи... Шепчу это потрескавшимися от жажды губами, часто-часто моргая и беспомощно задирая голову вверх, ноги совершенно устали, и с громким стоном я повисаю на цепи, чувствуя, как капельки крови скользят вниз по рукам, оставляя после себя алые русла.

— Очнулась?

Не сразу понимаю, откуда взялся этот голос, и прищуриваю глаза, пытаюсь рассмотреть темную фигуру, стоящую в проеме дверей. Только когда задерживаю дыхание, действительность перестает плыть, и я могу рассмотреть, как кто-то в темной форме проходит к столу, прочитывает какие-то бумаги, а потом поднимает голову лампы в мою сторону, оглушая меня ярким светом.

— Послушайте, я не понимаю, почему я здесь. Мне нужно домой, — не знаю, сколько сейчас времени, не знаю, как долго я была без сознания и где я вообще, но четко знаю, что мне нужно торопиться, ведь Хелен ждет меня, верит. И Хозяин — он может вернуться в любой момент. — Прошу вас.

— Имя и фамилия, — четким голосом произносит мужчина, скрытый от меня ярким

светом, к которому я до сих пор и не могу привыкнуть.

— Джиллиан Холл.

— Род занятий, — также сухо бросает он, а я нервно сглатываю, вновь вставая на носочки и начиная догадываться, где могу быть. Скорее всего, это полицейский участок, если таковой здесь вообще имеется, и это значит, что сейчас меня допросят, а потом вернут домой, к Реми, которому я принадлежу, либо же дождутся, когда он сам меня заберет. Все просто.

— Я... я не знаю. Мой хозяин, позвоните ему, Дамиан Рэми. Мне нужно вернуться к нему, — мой тихий голос проглатывается этой бетонной коробкой, и сейчас только шелест бумаги, да скрежет пишущей ручки повисает в ней. А онемение в руках становится практически нетерпимым, и я вновь дергаюсь, делая этим еще хуже — боль в запястьях почти вырубает, отчего я закатываю глаза и проваливаюсь в темноту, из которой выныриваю только тогда, когда сильная пощечина пламенем обжигает щеку. Во рту скапливается кровь, и я сплевываю ее, случайно попадая не на того, кто стоит напротив и на кого мне хотелось попасть, а на свою грудь, прикрытую порванным платьем. Свет уже не кажется мне таким ослепляющим, и наконец, я могу рассмотреть мужчину перед собой, высокого и грузного, с грубыми чертами лица, бездушным взглядом и сомкнутыми в тонкую линию губами. Он смотрит на меня профессионально цепко, а я думаю о том, что это место может не иметь выхода.

Совсем. Слишком много усталой жестокости в чертах полицейского, стоящего передо мной.

— Потихе, Брэд, вдруг она говорит правду, — слышится откуда-то со стороны, и я поворачиваю голову вправо, замечая еще одного мужчину, одетого в точно такую же форму, только более молодого и подтянутого. Ярко-рыжие волосы, небольшая небритость, придающая его лицу неопрятность, рыжие ресницы и брови, улыбка, тягуче медовая, взгляд, весь пропитанный отвратительно похотливым интересом. Представляю, что он делает с такими, как я, случайно или нет попавшими сюда.

— Правда или нет, но без документов она никто. Если ты имеешь хозяина, то тогда что ты делала на Арене? — Брэд отходит к столу, вновь усаживаясь за него и беря ручку, а рыжий в это время медленно заходит мне за спину, вынуждая меня опасно повертеть головой. Если слова Брэда правда и без документов я никто, то, наверное, они могут с легкостью убить меня, даже не сообщив об этом Господину. И это значит, что я подведу Хелен, маму, Элисон, как когда-то подвела Айрин, поверив сладким речам Хозяина.

— Сколько сейчас времени?

— Вопросы задаю я.

— Я всего лишь хочу узнать время.

— Из-за таких, как ты, — Брэд показывает на меня толстым пальцем, а я вновь начинаю балансировать, до крови кусая губы и шипя от боли в руках, — нам приходится торчать на работе до поздней ночи. Так что соберись, девочка, и отвечай на мои вопросы. Что ты делала на Арене?

— Ничего, я лишь хотела увидеть подругу, — мотаю головой, сглатывая подступающие слезы и все больше теряя надежду — по его словам уже ночь, а это значит, что мои планы уложиться в несколько часов прогорели, превратились в наивные ожидания и пугающую реальность, где я вообще могу не вернуться, сгинуть в этом гнилом месте, в руках тех, кто видит во мне лишь сбежавшего раба, а не человека вовсе.

— Странное стечение обстоятельств, Джиллиан Холл. Сначала ты была замечена в компании Итана Нуаре, а затем на Большой Арене, где вспыхнуло восстание вновь прибывших рабов. Причем с одной из них ты имела непосредственный контакт. Ты что-то передала ей?

— Что? — непонимающе хмурюсь, все больше утопая в липких обвинениях, которыми он меня обливает. Совершенно забываю о втором присутствующем тут человеке, пока не ощущаю его горячие ладони, скользнувшие по моим бедрам и заставившие изогнуться вперед. Я отчаянно дергаюсь, пытаюсь избавиться от его близости, и громко кричу, когда по инерции возвращаюсь обратно, почти впечатываясь в его тело спиной.

— Логан, отвали от нее. Дай мне закончить.

— Закончишь завтра, она все равно никуда не денется, — его горячее дыхание путается в моих волосах, когда он обхватывает меня руками и прижимает к себе, тем самым вынуждая меня еще больше брыкаться. Не обращаю внимание на разъедающую запястья боль и колочу ногами, стараясь ударить его посильнее, чтобы избавиться от настойчивых приставаний. Было бы лучше, если бы они мучили меня пытками, а не пользовались моей беззащитностью, удовлетворяя свою похоть. Хотя это до иронии спорный вопрос.

— Не трогайте меня, не смейте.

— Я сказал, отвали от нее, — более твердо произносит Брэд, и руки, удерживающие меня, исчезают, а сам Логан, гнусно улыбаясь, появляется прямо передо мной. Он издевательски смотрит в мое заплаканное лицо, слишком пристально, слишком нагло, отчего мне становится до дрожи неуютно, и я опускаю взгляд, наперед зная, что он своего не упустит. Ведь как только допрос будет окончен, я окажусь в его руках, не так ли? — Давай, девочка, чем быстрее мы закончим, тем быстрее ты окажешься на свободе и вернешься к своему хозяину.

Логан издает саркастический смешок и отходит чуть в сторону, подставляя меня под обозрение своего напарника, по виду уже уставшего и наверняка желающего уйти домой. Я тоже хочу — домой, до ужаса просто. Хочу закрыть глаза и очутиться в своей ярко-лимонной комнате, под теплым одеялом, на пахнущих стиральным порошком простынях. Хочу не чувствовать пульсирующей боли в ноге, прикосновений стальных наручников, тяжелого запаха отчаяния, пропитавшего бетонные стены.

— Так что ты передала Элисон Картер?

— Ничего, я ничего ей не передавала, мы лишь говорили о моей семье, — я говорю это сквозь слезы безысходности, умоляя бога, чтобы они поверили мне, но Брэд напротив, подозрительно прищуривается и подносит ручку ко рту, обхватывая ее колпачок губами.

— Тебе не кажется странным, что сначала ты сталкиваешься с Итаном Нуаре, находящимся под нашим наблюдением, затем каким-то чудом находишь свою подругу, которая оказывается в эпицентре восстания, причем в этом восстании было применено оружие? Это оружие дал тебе Итан?

— Он ничего мне не давал, лишь помог перевязать ногу и подсказал, где я могу найти Большую Арену, куда везли Элисон. Ее провозили в больших грузовиках мимо нашего дома.

— Какое совпадение, — перебивает Брэд, и я замечаю, как он раздраженно сжимает челюсти, словно я со своими нелепыми выдумками его порядком достала. Мне хочется набрать полные легкие воздуха и закричать, что я говорю только правду, но опасения вызвать их недовольство побеждают, поэтому я обреченно опускаю голову, в полной мере понимая, в какую передрыгу попала со своим фанатичным желанием увидеть Элисон. Меня

обвиняют в участии в волнениях, связи с Итаном и черт знает в чем, тогда как за все время жизни здесь я не видела ничего, кроме стен клетки, запечатанной в винтажные обои.

Прости меня, Хелен, быть может, я уже не смогу сказать тебе это лично, слишком глубоко я увязла, пытаюсь поймать прошлое.

— Что ж, Логан, она твоя, надеюсь ты вытрясешь из нее настоящее признание, а не красивые сказки о встрече подруг, — Бред устало закрывает папку, вынуждая меня вздрогнуть от внезапного звука и с нарастающим ужасом посмотреть на него.

— Нет-нет-нет, прошу вас, поверьте мне: я не причастна к восстанию. Спросите у Итана, он лишь оказал мне первую помощь и рассказал, как найти Арену. Я ни в чем не виновата, клянусь, — я так отчаянно хочу, чтобы он поверил мне, что всем телом тянусь в его сторону и пытаюсь поймать его взгляд, словно как только он заглянет в мои глаза, то сразу поверит в искренность моих слов. Но это не останавливает его, и Бред медленно выходит, оставляя после себя гнетущую тишину, сжавшую мое сердце холодными тисками, так, что в висках начинает стучать кровь, и дыхание срывается на поверхностные вдохи.

Достаточно страха. Я сыта им по горло.

Понуро затихаю, живо представляя, через что мне придется пройти.

— Могу рассказать тебе, какими методами здесь добывают признания. Хочешь? — Логан вновь появляется передо мной. У него приятный голос, если честно, что не вяжется с его отталкивающей манерой ощупывать взглядом. В свете лампы его волосы кажутся огненно-рыжими, и я устало выдыхаю, мысленно подготавливая себя к худшему. Если бы я могла отключать чувства, то сейчас без сомнений бы сделала это, но вместо этого лишь прикрываю глаза и сжимаю челюсти, когда одним сильным рывком он разрывает платье на моей груди. Холодный воздух касается обнаженной кожи, сосков, подмышек, а я еще крепче зажмуриваюсь, ощущая, как его руки начинают задира́ть подол платья, ласкать бедра, сжимать талию. — Вряд ли тебе кто-нибудь поможет, сбежавшие рабы не имеют никаких прав, и мы — представители закона, имеем право убить вас без разбирательств.

— Ты хотел сказать: продажные представители закона, — прежде чем подумать, произношу я, и тут же вскрикиваю, когда он со всей силы бьет меня по лицу, отчего моя голова, прямо как у тряпичной куклы, дергается назад, а сознание на миг ускользает из-под контроля. Перед глазами плывет потолок, и словно сквозь толщу воды я чувствую, как он, на удивление нежно, прикасается к моей груди ладонью. Слегка сжимает ее и трется пахом о низ моего живота, поддерживая меня за ягодицы свободной рукой.

Все это так омерзительно грязно, что мне хочется завить от безнадежности. Они могут насиловать меня, пытаться, потом убить без разбирательств, а Господин даже не узнает, как сильно я его ненавижу. Как сильно желаю, чтобы его власть подошла к концу, а он стал следующей целью убийц. Сквозь полуобморочное состояние чувствую, как Логан гладит внутреннюю сторону моих бедер, как проводит ладонью по промежности, спрятанной от него под тканью трусиков. Чувствую, как он дрожит от нетерпения, расстегивая пряжку ремня и ширинку; как раздвигает мои ноги и чертыхается, пытаюсь отодвинуть белье в сторону; как несдержанно рвет его, оставляя меня совершенно незащищенной. Со слезами на глазах, безразлично рассматривая присохшую кровь на руках, я ожидаю его толчка и думаю о том, что это всего лишь сон. Пройдет ночь, настанет утро, и я открою глаза, чтобы с улыбкой встретить новый день.

Новый день, в котором не будет боли, воспоминаний, чувства вины, сожалений, горячих рук Логана, лапающего мои ягодицы и целующего грудь слюнявыми поцелуями.

Тихий щелчок и внезапная свобода от его близости вытаскивают меня из прострации, и я недоуменно выпрямляюсь, глядя на пол перед собой, где темно-синей грудой лежит недвижимый Логан. Его голова неестественно вывернута, в уголке рта торчит кончик языка, а глаза уродливо выпучены, будто только что кто-то сильный сдавил его грудную клетку и разорвал легкие. Окидываю взглядом комнату, ощущая, как нижняя губа начинает непроизвольно дрожать, и дыхание перехватывает от смутных догадок. Знакомый аромат невесомым кружевом стелется по воздуху, и я не сдерживаю рваный всхлип, точно зная, что мой Господин здесь.

— Господин...

— Выглядишь ужасно, — его голос раздается где-то за спиной, и я напрягаюсь, прислушиваясь к тихой крадущейся поступи. Не знаю, радоваться мне или плакать, потому что его тон не несет в себе ни одной положительной эмоции, только ледяное равнодушие, смешанное с превосходством и ненавистью, которая опалает меня, пока он медленно обходит вокруг, переступает через мертвое тело Логана и останавливается напротив. Безразличный взгляд скользит по моему лицу, спускается на грудь, зависает на бедрах, которые я тут же сжимаю, и вновь возвращается назад, встречаясь с моим, испуганным. Замечаю, как дергается мускул на его лице, словно ярость, которую от так тщательно скрывает, пытается вырваться наружу, и поджимаю губы, совершенно не зная, как оправдаться. Да и стоит ли, ведь теперь мне не нужно его доверие. Хватит. — Как тебе свобода, Джиллиан? Понравилась? — он говорит это язвительным тоном, по дороге до стола, где садится на стул и открывает оставленную там папку. Шелест переворачиваемых им листов режет по ушам, и я стараюсь смотреть куда угодно, но только не вниз, где лежит превратившийся в бесполезную грудку мяса Логан. — Отвечай, Джиллиан.

— Не успела прочувствовать.

На этой фразе он отвлекается от просмотра дела и бросает на меня быстрый взгляд. В нем появляется что-то хищное и опасное, вынуждающее меня прикусить язык и вспомнить, с кем я сейчас разговариваю. Как бы сильна не была моя ненависть, я не должна забывать, кто передо мной — лицемер, прикрывающийся благородством и сладкими речами о доверии, представления о котором даже не имеет; тысячелетний вампир, способный в одно мгновение лишить меня жизни, и Логан прямое доказательство этому.

— Какая удивительная способность, *ma fille*. Всего за день ты успела ввязаться в дело, грозящее тебе смертной казнью. И если бы я тебя не знал, то вполне мог поверить фактам, но мне проще узреть в этом совпадение, чем вообразить, что ты являешься частью заговора, — Рэми откидывается на спинку стула, безотрывно смотря на меня и барабаня пальцами одной руки по столешнице. До меня с трудом доходят его слова о смертной казни, и я наконец в полной мере осознаю, насколько была близка к ней. Меня бы убили, стерли, раздавили, просто из-за того, что я оказалась в ненужном месте и в ненужное время. Вряд ли кто-нибудь из "продажных" прислушался бы к моим словам.

Устало опускаю голову, практически не чувствуя боли и не различая надежды — слишком много событий, чтобы я могла выдержать, но будто назло всему мое сердце продолжает биться. Почему бы ему не остановиться прямо сейчас? Давай же.

— В тебе кто-нибудь был, Джиллиан?

— Что?

— Скажу проще: кто-нибудь из них тебя трахал? — он указывает пальцем на лежащего в моих ногах Логана, а я растерянно мотаю головой, не понимая, причем здесь это. Неужели

ему так важно, чтобы меня больше никто не касался? Что это за маниакальное чувство собственности?

— Нет.

— Но могли. Думаю, тебе стоит сказать спасибо за то, что я появился вовремя, а заодно извиниться, — Рэми плавно поднимается с места, совершенно хладнокровно проходит мимо трупа и встает прямо передо мной, наверняка ожидая моих извинений. Быть может, я и виновата, но куда в меньшей степени, чем он. По крайней мере, мои действия не привели к смерти близкого ему человека. Так что я не собираюсь распинаться, даже если он оставит меня здесь, на растерзание закона. Тянусь на носочках, пытаюсь облегчить боль в запястьях, и шепчу тихое "нет", когда он склоняет голову чуть вбок, продолжая пристально смотреть в мои глаза. — Что ты сказала?

— Мне не за что просить прощения.

Его брови взмывают вверх, и губы изгибаются в иронично сдержанной ухмылке, будто вся моя бравада кажется ему лишь неумелой актерской игрой. Я жду, когда он вцепится в мое горло или сломает шею, но вместо этого он поднимает руку и одним легким движением, потянув цепь вниз, разрывает ее. Это происходит так неожиданно, что я, не успев встать на ослабшие ноги, падаю на пол, почти ударяясь лицом о его ботинки. Блаженно вытягиваю руки, разминая мышцы и чувствуя, как начинает щипать затекшие пальцы. Неприятные ощущения поднимаются выше, к плечу, и я шиплю сквозь стиснутые зубы, сжимая кулаки и тяжело дыша.

— Проси прощения, Джиллиан, — снова повторяет он, пока я прижимаю к груди разорванное платье и с трудом сажусь на пол, подгибая под себя ноги. Задираю голову кверху, с напускной смелостью заглядывая в его глаза, горящие огнем ярости, но не сдаюсь. Не сейчас. И пусть я поступаю глупо, едва избежав смерти вновь нарываясь на нее, но я не хочу извиняться, только не перед тем, кто предал меня.

— Только после вас, мой Господин, — мои руки трясутся, и в наступившем напряжении ясно слышится звон металла, практически оглушающий меня. С замирающим сердцем наблюдаю за тем, как его лицо приобретает хищные черты, и громко вскрикиваю, когда он грубо хватает меня за предплечье, вынуждая подняться на трясущиеся от усталости ноги.

— И перед кем же я должен извиниться, *ma courageuse petite fille*? (Моя маленькая отважная девочка?)

— Хотя бы перед Айрин, ведь обещанные вами деньги так и не были перечислены. Моя сестра мертва, вы не сдержали слово и будете гореть в аду, том самом, о котором рассказывали, — до последнего пытаюсь быть сильной, но при упоминании о сестре моя выдержка дает трещину, а потом и вовсе ломается, рассыпаясь на мелкие-мелкие осколки, которые, наверное, больше не собрать. И вся я теперь состою из этих самых осколков: преданная, обманутая, одинокая и жалкая. Жалкая настолько, что мне становится стыдно, ведь даже обвинить в этом некого — все, что со мной произошло — это моя, и только моя вина. Мне не стоило искать лучшей жизни, не стоило покинуть Изоляцию и бросать маму. Мне много чего не стоило, но слишком поздно я понимаю это. Слезы застилают глаза, и лицо Господина расплывается в бесформенное пятно, когда он склоняется надо мной и шипит:

— Что ты несешь? — уголок его рта дергается от гнева, на скулах проступают желваки, и я нахожу объяснение его реакции — в кой-то веки его раскусили, чудом узнали об обмане и вывели на чистую воду. Сколько таких как я, он успел обмануть, прежде чем кто-то посмел

бросить в него обвинения?

— Довольно лицемерия, мой Господин, вряд ли вы боитесь мук совести, — слишком поздно осознаю, насколько я далеко зашла, и в ужасе распахиваю глаза, когда Рэми, с перекошенным от злости лицом, дергает меня на себя и с каким-то ненормальным остервенением впивается зубами в плечо у основания шеи. Его острые клыки вспарывают кожу, проникая глубже и разрывая мышцы. Он крепко сжимает меня в руках, не давая упасть, и снова двигает челюстью, повторно кусая в одно и то же место. Протяжно стону, беспомощно повисая в его объятиях, и откидываю голову назад, натываясь на качающийся над нами потолок. Он серый, пугающе однообразный, с линиями-мазками неравномерно размазанного бетона. Он будто проглатывает меня, пока Рэми раз за разом смыкает челюсти и превращает маленькие ранки от клыков в уродливые воронки разорванных мышц. Плевать, лучше я сгину в нестерпимой боли, чем буду умолять его о прощении. — Горите в аду.

Наконец, от отрывается от истерзанного плеча, и холодные влажные губы касаются моей шеи, прямо под ухом. Тихий шепот приятно ласкает кожу, и боль будто растворяется в его сильных руках, спасающих от бездны, на краю которой я балансирую.

— Я уже в нем, моя маленькая...

Кто бы мог подумать, что Митрополь станет моим истинным адом — местом, где я столкнусь с прошлым и разочаруюсь в настоящем, испытаю настолько сильную моральную боль, что в конце от меня останется лишь пустая оболочка, настораживающая меня саму. Потому что это страшно — пытаться вернуть себе переживания, но в итоге добиться обратного — какой-то пугающей пустоты, густой и плотной, не пропускающей ни одной эмоции. Быть может, таким образом мой разум спасает меня от безумия, быть может, это что-то сродни шоку или психологической травме, быть может, это нормальная реакция человека, прошедшего через сильный стресс, который практически лишает меня сна, или же всему виной вязкий холод подвального помещения, где я нахожусь вот уже несколько дней. Здесь сырая каменная кладка, пустые почерневшие стены и полное отсутствие дневного света, замененного на тусклую, отвратительно мутную лампочку, свисающую с потолка на длинном проводе. Здесь нет абсолютно никакой мебели, кроме брошенного на пол матраца, являющегося моей постелью, и санузла, состоящего из унитаза и пожелтевшей фаянсовой раковины. Сюда не просачивается ни один звук, кроме тех, что я произвожу сама: дыхание, скрип пружин, запечатанных в матрац, омерзительный лязг цепи, вмонтированной в камень и удерживающей меня за шею металлическим ошейником, постоянно натирающим кожу. Наверное, именно поэтому я стараюсь как можно меньше шевелиться и предпочитаю оставаться в одной и той же позе как можно дольше. Обычно я прислоняюсь спиной к влажной стене, обхватываю колени руками и прижимаю их к груди, таким образом прячась от холода и прикрывая свое совершенно обнаженное тело от проклятых стен, сжимающих меня в тиски. Я уже не боюсь одиночества и с безразличием встречаю проходящего ко мне мужчину, который приносит еду и молча осматривает раны, имея с собой саквояж, наполненный медицинскими инструментами, лекарствами и перевязочным материалом. Именно он зашил рану на ноге, обработал плечо и даже намазал шею резко пахнущей мазью, которая, впрочем, не дает никакого эффекта. Именно он становится единственным человеком, посещающим меня и дающим понять, что Господин не забыл о моем существовании и даже больше — продлевает мои мучения, наверняка желая наказать за побег.

Но я и так наказана.

Наказана мелькающими в голове образами, которые никак не могу собрать в одну общую картину, и сколько бы я не старалась удержать их, они продолжают ускользать, оставляя меня с едким разочарованием. Один из этих образов — Элисон, она говорит мне что-то важное, что-то страшное, я вижу, как шевелятся ее губы, как дрожит подбородок, как блестят глаза, но не могу прочесть, понять, услышать. Бесполезно протягиваю к ней руки, пытаюсь остановить, но она все равно растворяется, заменяясь на грустно улыбающуюся Хелен, смотрящую на меня с материнской заботой. Она вся в крови, ее бледные щеки вымазаны алыми брызгами, а из разорванной шеи текут насыщенно красные пульсирующие ручейки, стекающие по ее одежде и скапливающиеся на полу, под ее ногами, кровавой лужей. Мне кажется, я видела эту ужасающую картину, будто я пережила ее, но каким-то образом упустила, не задержала в сознании, пытаюсь оградиться от еще одной боли. Мне кажется, что это было со мной и одновременно не со мной, будто в чужой жизни, свидетелем которой я стала.

Мне кажется, я схожу с ума, путаясь в воспоминаниях и не зная, которое из них истина. Может, Айрин? Пугающе бледная, худенькая, но живая, она спит в своей кроватке и смешно морщит нос, пока я глажу ее по голове и целую в теплую щечку. Или мама? Серьезная и задумчивая, она сидит за накрытым на четыре персоны столом и ждет свою семью к ужину. Ждет долго, так долго, что наложенная еда портится, своим запахом привлекая толстых жужжащих мух, оккупирующих тарелки. А может, это все-таки Элисон? Одетая в серую робу, она изо всех сил бежит ко мне, хватая меня за плечи и обнимает, так крепко, что я чувствую реальную боль, на месте которой впоследствии проступают синяки. А если образы мертвой Хелен и есть истина? Что если она действительно умерла от рук разгневанного Хозяина, вернувшегося домой и узнавшего о моем поступке? Что если она расплатилась за свое доверие ко мне жизнью? И почему я никак не могу собрать детали пазла и понять, что на самом деле произошло со мной, а что является лишь вымыслом?

— Я не понимаю, — шепчу в пустоту и будто выныриваю из болота, слыша скрежет поворачиваемого замка. Разжимаю пальцы, только сейчас осознавая, что со всей силы сжимала предплечья, на коже которых заметны белые следы, постепенно наливающиеся краской, пока еще розовой, а на завтра обязательно преобразующейся в грязно-серый. Цвет той самой боли, что причиняет мне Элисон в моем воображении, а на самом деле являющейся результатом моих трудов. Еще крепче подвожу колени к груди, обхватывая их руками и пытаюсь прикрыть свою наготу, и наблюдаю за тем, как молчаливый мужчина входит в комнату. За все время, проведенное здесь, я ни разу не пыталась заговорить с ним, с равнодушием встречая его появление и с точно таким же равнодушием принимая его профессиональную заботу.

Впрочем, он тоже не произносит ни слова, только лишь знаками показывая мне, что делать. Ощущаю себя совершенно незащищенной и начинаю дрожать от холода, пока он ставит саквояж на пол и открывает его, пальцем указывая на мою ногу, которую я нехотя вытягиваю, практически не чувствуя стеснения перед ним. И пока он отлепляет пластырь и убирает повязку, я скольжу по его лицу взглядом, скорее от нечего делать, чем под влиянием интереса. В конце концов, он хоть что-то новое в этой мрачной однообразности.

В неярком свете лампочки не могу рассмотреть истинный цвет его глаз, но отчего-то мне кажется, что они серо-зеленые, теплые и проникновенные, вот только сейчас скрытые под опущенными длинными ресницами. У него слегка впалые щеки, покрытые небольшой темной щетиной, русые вьющиеся волосы, выраженные скулы. Но самое приметное в его внешности — это губы, четко-очерченные, вытянутые и чуть пухлые, причем верхняя губа немного пухлее нижней — маленький нюанс, придающий его лицу несколько недовольное выражение, будто каждую секунду он думает о чем-то таком, что вынуждает его втягивать нижнюю губу. У него сильные пальцы, с уверенностью делающие свою работу: нанесение ли это стежков или же банальная перевязка. Сейчас он крепко держит мою ногу, разглядывая рану и невесомо проводя по ней подушечкой большого пальца. Она почти зажила, на поверхности ее образовалась корочка, поэтому он лишь обрабатывает ее зеленкой и не прикрывает повязкой, позволяя воздуху закончить заживление.

Куда сложнее мне дается пододвинуться к нему и откинуть волосы на одно плечо, чтобы предоставить доступ к месту укуса. Рану там сильно тянет и на ряду с холодом она не дает мне спать, терзая тупой тукающей болью, будто разрывающей и подтачивающей мышцы. На фоне ее натертая шея кажется совершенным пустяком, не стоящим внимания, но даже ей этот странный мужчина уделяет время, смазывая мазью. Не знаю, приказ ли это Господина

или его собственная инициатива, но благодарно киваю, когда он заканчивает с осмотром и, пока я возвращаюсь в привычную позу, тактично смотрит только в мои глаза, не спускаясь ниже и не акцентируя взгляд на интимных местах.

Сейчас он выпрямится, с аккуратной педантичностью расправит брюки на коленях и, взяв саквояж, уйдет, чтобы оставить меня в этом гнилом и холодном месте, где я вновь провалюсь в трясину поисков. И он действительно уходит, осторожно прикрыв дверь и будто боясь нарушить тишину моего безумия. Я же, ощущая тяжелую усталость, медленно ложусь на живот и, подложив под щеку руку, начинаю рассматривать каменный пол, водить по его стыкам пальцем и вспоминать, вспоминать, вспоминать. Мне нужно вспомнить, что со мной случилось, и отличить правду от вымысла, потому что я совершенно не знаю, чему верить.

Разум слишком жестоко играет со мной, не позволяя докопаться до фактов.

Не знаю, в какой момент я проваливаюсь в тревожный сон, весь наполненный ужасающими картинками, но резко просыпаюсь, когда слышу привычный скрежет замка, после чего в дверях появляется тот самый мужчина. Он спокойно подходит ко мне, дожидается, когда я приподнимусь, и бережно касается подбородка, чтобы я подняла голову и позволила ему снять ошейник. Облегченно выдыхаю, чувствуя как шея освобождается от тяжести металла, и провожу по ней ладонью, вызывая болезненные ощущения на натертой коже. Меня не волнует, зачем он это делает и через что мне предстоит пройти, поэтому я послушно встаю и следую за ним, стараясь прикрыть грудь ладонью.

Узнаю знакомый подвал, через который уже проходила и о котором даже не догадывалась раньше. Оказывается, стоило только пересечь кухню, открыть неприметную дверь и спуститься вниз по деревянным ступеням, как попадешь в помещение, все заполненное различным хламом и содержащее в себе маленькую тайну в виде кладовки-темницы, что стала моим пристанищем при возвращении домой. Даже не представляю, сколько дней я провела здесь, потому что не имею понятия о времени, не слежу за периодичностью визитов и не спрашиваю, какое сейчас время суток, ведь меня волнует совсем другое — что произошло в моей жизни и как восстановить последовательность событий.

Лишь когда мы выходим наверх, я ошарашенно останавливаюсь, ослепленная ярким светом, залившим кухню. Щурюсь, прикрывая глаза ладонью и постепенно привыкая к нему, а потом недоуменно вглядываюсь в бардовые брызги, коснувшиеся кухонных шкафов, застывшие на столешнице и присохшие к полу, который никто не удосужился помыть. Эта картина кажется мне смутно знакомой, будто я уже видела это, но по каким-то причинам решила забыть. Эта картина заставила меня биться в истерике и проклинать Хозяина, лишившего меня чего-то важного и окунувшего в чувство вины, которое до сих пор терзает меня во снах.

Здесь кого-то не хватает, кого-то доброго, понимающего, родного.

— Что здесь произошло?

— Ничего.

Впервые слышу его голос и не сразу понимаю, что это именно он говорит со мной, пока не натыкаюсь на его проникновенный взгляд, остановившийся на моих губах. Ложь, все ложь, здесь присохшая кровь Хелен, верившей мне и расплатившейся за это своей жизнью. Ведь так?

— Не стоит задерживаться, — он достигает меня за пару шагов и, кладя ладонь на поясницу, подталкивает вперед, упрямо уводя с кухни. Это так странно — не ощущать

ничего, кроме гулкого эха от померкших переживаний, которые, на самом деле, должны быть яркими, болезненными и ядовитыми, которые должны разъесть душу и сердце, но вместо этого предпочитают затаиться в глубинах сознания и не мучить меня. Это так милосердно, наверное, и я должна радоваться. Радоваться и смеяться, что в отличие от многих других не сошла с ума и до сих пор живу, живу назло богу, пославшему мне такие испытания. Впрочем, обвинять его глупо, ведь не он причина моих страданий.

— Свободен, Леви, — сухой приказ Рэми душит меня до боли знакомым голосом, и вся я будто сжимаюсь, вставая поодаль от стола, за которым он сидит и листает какие-то бумаги. И пока он это делает, я успеваю посмотреть в сторону шкафа, где в отражении стекла сталкиваюсь со своим жалким видом. Спутанные волосы, поникшие нерасчёсанными паклями, изможденный вид и синяки на лице, руках, плечах, ссадины на шее, и только большие глаза остались прежними, не тронутыми чьей-то жестокостью и силой. За спиной прикрывается дверь, и я непроизвольно вздрагиваю, поворачиваясь к Господину и даже не пытаюсь прикрыться. Нет того, что он не видел в моем теле, так что есть ли смысл прятаться. — Подойди ближе, — он говорит это пустым тоном, не выражающим ни злости, ни ненависти, ни жалости. Ничего, что могло бы выдать его эмоции, которые, впрочем, меня мало интересуют.

Послушно подхожу ближе и апатично смотрю на его руки, держащие стопку снимков. Наверное, мне нужно его ненавидеть, презирать, бояться, но на удивление я ничего не чувствую. Совершенно. Будто внутри меня пустота, не могущая создать ничего, кроме безразличия.

Он осматривает меня с ног до головы медленным равнодушным взглядом, а потом небрежно кидает снимки на стол, привлекая мое внимание к ним. Слегка поджимаю губы, узнавая на них Элисон, лежащую на земле, с закрытыми глазами, пугающе бледную. Из уголка ее рта тянется ручеек крови, который прочерчивает дорожку по щеке и прячется где-то в изгибе шеи. Элисон не спит, не притворяется, не играет роль в сентиментальном фильме, где главная героиня умирает.

Элисон мертва. Элисон мертва в разных ракурсах и на десятках фото.

— Мне жаль, Джиллиан. Ее убили во время восстания.

Ощущаю, как колючий холод поднимается от стоп вверх, и обнимаю себя за плечи, часто-часто хлопая ресницами и будто пытаюсь смахнуть слезы. Но их нет, внутри меня пусто-пусто.

Пусто.

— Это всего лишь человек, мой Господин. Не растрачивайте на него свою жалость, — говорю это на полном серьезе, искренне и от чистого сердца, словно желая поддержать его и успокоить. Будто это не моя подруга стала жертвой системы, будто не я лишилась еще одного близкого человека.

К потерям привыкают, кажется, я где-то слышала это. Поднимаю глаза на Господина, натываясь на его подозрительный прищуренный взгляд. Он практически не изменился, если только на лбу пролегла хмурая складка и глаза стали еще чернее. Он смотрит на меня долго, будто тоже выискивая перемены, ища подвох, пытаюсь найти прежнюю Джиллиан, которой теперь нет, наверное.

— Знаешь, *ma fille*, твои слова подтверждаются фактами, и я допускаю вариант того, что ты не намеревалась бежать, а следовала желанию увидеться с подругой, — Рэми все продолжает смотреть на меня, поглаживая кончиками пальцев поверхность стола и своими

словами вызывая у меня слабую улыбку. Как же поздно он понял это. Я поворачиваю голову в сторону окна, полностью теряя интерес к разговору, и наблюдаю за тем, как ветер играет с падающим снегом, загоняя его в маленькие цунами. Иногда он со всей силы хлещет им по стеклу, успокаивается, а потом вновь набирает силы и продолжает играть, заворачивая пустившиеся в разброс снежинки в водовороты. Это красиво, даже очень, много красивее черных камней подвала и тусклого света. — Ты слышишь меня?

— Что? — недоуменно вскидываю бровями, вновь возвращая внимание на Хозяина, а он едва заметно сжимает челюсти и замолкает, как-то странно смотря на меня. Даже не представляю, о чем он говорил сейчас, совершенно отбившись от реальности.

— Я сказал, что информация, полученная тобой от Элисон, подтвердилась — Айрин умерла, потому что деньги не дошли до твоей семьи, именно поэтому сейчас ты приведешь себя в порядок и поедешь со мной, — Рэми говорит это официально холодным тоном, но я вижу, с каким трудом ему дается озвучивать свои ошибки, лживые обещания, которыми он отравил меня когда-то, воспользовавшись моей наивностью.

Равнодушно пожимаю плечами, вызывая болезненные ощущения в месте укуса, и послушно направляюсь к двери, чтобы выполнить волю Господина. Не знаю, куда и зачем мы едем, и даже не собираюсь спрашивать, ощущая странное желание вернуться обратно — в стены сырого подвала, где тихо и спокойно, где нет внимательного взгляда Хозяина, сейчас будто немного растерянного, впервые столкнувшегося с чем-то пугающим и необъяснимым — не благоговейным страхом перед ним, не ненавистью и даже не болью, а с вымершими эмоциями, которые поселились в его наложнице и стали результатом его действий.

Я сижу возле его ног, на холодном мраморном полу, рассматривая свои тонкие пальцы и чувствуя как капельки воды, заменившие стаявший снег, скатываются по рукам вниз и скапливаются на тыльной стороне ладони. Мне стоило надеть что-нибудь более закрытое, чем платье на бретельках, но будто назло погоде я выбрала именно открытый наряд, показывающий всю красоту изуродованного тела. Мне не перед кем стесняться, меня мало волнует чужое мнение, а особенно сердитый взгляд Рэми, не разделившего мой выбор. Мне некогда думать о таких глупостях, я хочу разобраться в себе и понять, почему, почему, черт побери, я ничего не чувствую. Ведь судя по потерям в моей жизни, я должна сойти с ума от боли, выть от чувства вины и ненавидеть, ненавидеть этот мир всем сердцем.

Но вместо этого я как преданный пес сижу возле своего Господина и стараюсь не поднимать взгляд на окружающих нас людей. Все они столпились вдоль стен, все они не произносят ни звука и с настороженностью смотрят на восседающего на высоком стуле Рэми, который никуда не торопится и, могу поспорить, приготовил что-то весьма интересное в виде какого-нибудь развлечения.

В воздухе пахнет приторными духами и страхом, который я вижу на лицах подданных, когда поднимаю голову и равнодушно оглядываю толпу. Здесь Вацлав и все члены Совета, Леви, стоящий невдалеке, даже Адель, посмотревшая на меня с видимой жалостью. Не стоит меня жалеть, все не так уж и плохо. Улыбаюсь ей, едва находя в себе силы проявить эмоции, и наталкиваюсь на поджатые губы и мелькнувшее в глазах понимание. Она несколько изменилась, будто похудела и лишилась изысканного шарма, сейчас ее плечи опущены и былая статность исчезла под грузом неразделенной любви.

Мне тоже жаль тебя, Адель.

Боковым зрением вижу, как Господин кивает, и все поворачиваются в сторону дверей,

которые через мгновение открываются, пропуская внутрь донельзя напуганного человека, идущего маленьким осторожными шажками и с опаской оглядывающегося вокруг. Его лицо красное и блестящее, сам он грузный и неповоротливый, тяжело дышащий и наверняка не понимающий, зачем он здесь. Узнаю в нем что-то знакомое и хмурюсь, пытаюсь вспомнить, где я могла его видеть, а в том, что мы встречались раньше, я несколько не сомневаюсь.

— Помнишь его? — тихий шепот Рэми, чуть склонившегося ко мне, ласкает щеку, и я наконец вспоминаю. Это Аруш Болман, поверенный Господина, ставший моим проводником в этот безумный мир. И пока он пересекает залу, то и дело прикасаясь к галстуку и краснея все больше, я вспоминаю детали нашего знакомства, контракт, что я подписала, его слова о деньгах и средней продолжительности жизни человека в этих условиях. Интересно, я пережила рубеж или все еще нахожусь в его рамках?

— Господин, — под впившиеся в него взгляды десятков вампиров Аруш склоняется в уважительном поклоне и стирает пот со лба выуженным из кармана платком. Вижу, как мелко-мелко дрожат его руки, как он нервно облизывает губы и глубоко вдыхает, пытаюсь справиться с нахлынувшим на него страхом и волнением. Не понимаю, зачем он здесь, а вот он, по-видимому, прекрасно догадывается. Это написано на его растерянном лице, скрыто в умоляющем взгляде, спрятано в приторной покорности.

— На колени, Аруш, — Рэми произносит приказ таким жестким тоном, что я волей неволей поворачиваю голову в его сторону и натываюсь на каменно непроницаемое лицо, в котором есть что-то ужасающе страшное, и речь сейчас идет не о внешних данных, а о том, какое решение скрывает за собой эта маска.

— П-простите, мой господин, — Аруш чуть ли не плачет, складывая руки на груди и с трудом опускаясь на колени. Вокруг повисает такая тишина, что я удивленно оглядываю толпу, присмирившую и выжидающую чего-то. Лица вампиров напряжены, даже Вацлав, обычно держащий себя вызывающе уверенно, настораживается, вновь напоминая мне хищную птицу. Такое ощущение, что предстоящее событие заранее лишает его хладнокровия, превращая старейшего вампира в покорного раба.

— За что ты извиняешься, Аруш? За то, что ты нарушил условия контракта или за то, что твоя жадность оказалась сильнее преданности мне? — Господин говорит это тихо, но каждое его слово кнутом бьет по стенам, вынуждая Болмана съежиться от страха. А я начинаю догадываться, в чем дело, и для чего все это представление — Аруш виновен в том, что деньги так и не дошли до моей семьи. Виновен в том, что моя сестра умерла. Виновен в том, что предал своего хозяина, оказавшись слабее собственной алчности. Вот кто стал прямой причиной смерти Айрин — Аруш, так и не перечисливший деньги за мою свободу, а не Господин, не имеющий к этому никакого отношения и ставший жертвой обмана. Впрочем, какая разница, ведь сестру не вернуть. Слишком поздно, и в расправе, что он сейчас учинит, а я точно знаю, что она будет, нет никакого смысла.

Наверное, я просто устала, потому что вдруг ощущаю банальное безразличие ко всему происходящему и уже на смотрю на Болмана, умоляющего Рэми простить его.

Глупый, разве наш Хозяин умеет прощать? Ухмыляюсь, мотая головой и вновь возвращаясь к разглядыванию своих пальцев. Распушенные волосы скрывают от меня Господина, сидящего по левую руку и оперевшегося локтем о подлокотник. Он подпирает подбородок пальцами, с раздражением выслушивая оправдания поверенного, а потом скидывает руку, приказывая ему заткнуться. Вновь гнетущее напряжение давит на плечи, и я хаотично скольжу взглядом по залу, затем возвращаюсь к Арушу, к своим пальцам с

побелевшими костяшками, к Леви, к Господину, к Адель, застывшей в ожидании.

К Арушу, к пальцам, к Рэми, Вацлаву.

В глазах рябит от множества лиц, и в висках стучит кровь, пока Леви медленно подходит к хныкающему от страха Болману и со всей силы втыкает специально заготовленный крюк прямо под его подбородок. Громкий лязг выпущенной цепи, свисающей с крюка и бьющей о мраморный пол, окунает меня в замедленную съемку, и я с какой-то странной заторможенностью наблюдаю за тем, как глаза Аруша наливаются кровью, сам он багровеет, нелепо высовывая язык и пытаюсь что-то сказать, и, чтобы вытащить вцепившийся в него крюк, обхватывает его дрожащими пальцами. Бесполезно, потому что он вошел слишком глубоко, зацепив нижнюю челюсть в ловушку. Кровь скапливается в его рту, а потом льется на пол, превращаясь в алую лужу, в которой он беспомощно скользит коленями, пока Леви не дергает цепь резко на себя, вынуждая его упасть навзничь.

Некоторые из вампиров брезгливо отворачиваются, некоторые смотрят на это со страхом, наверняка боясь оказаться на его месте, а некоторые не могут скрыть удовольствия от кровавой картины, развернувшейся перед ними. В их числе Вацлав, пристально наблюдающий за брыкающимся Арушем и даже сделавший шаг ближе, будто ему хочется рассмотреть получше и только всеобщее оцепенение останавливает его.

— Так будет с каждым, кто посмеет предать меня, — Господин медленно поднимается с места и, пока я прячу взгляд вниз, чтобы не видеть безжалостную казнь, он достигает Леви, забирает у него цепь и с легкостью тащит Болмана за собой, двигаясь в мою сторону. Остается совсем немного, и я растерянно вскидываю голову, совершенно не зная, что чувствовать. Удовлетворение от мести? Злость? Или облегчение, что виновный в смерти Айрин найден и сейчас будет наказан? Но вопреки всему я ощущаю что-то наподобие жалости, когда Рэми дергает цепь на себя, и Аруш по инерции оказывается в нескольких шагах от меня. Я даже могу разглядеть ужас в его глазах, морщинки, окутавшие веки, расширенные поры его кожи, окровавленное острие крюка, торчащего изо рта. — Смотри, Джиллиан, внимательно, быть может это сгладит боль потери, — шипит Рэми, меняясь на глазах и превращаясь в настоящего хищника. Его глаза чернеют, и сеточка вен появляется под ними, пока он берется за основание крюка и поднимает Аруша над полом, заставляя его нелепо дергаться в конвульсиях. Теперь кровь капает на руку Господина, удерживающего орудие, и напроць портит рукав пиджака, впитывающего в себя ее капли.

Поджимаю губы, наблюдая за тем, как челюсть Аруша начинает выворачиваться и, кажется, вот-вот сломается, вырвется с корнем, оставив после себя окровавленное мясо, но Рэми предупреждает это и подхватывает Аруша за шею, с искаженным от злости лицом запуская руку в его грудь. Противное хлюпанье рождается внутри Болмана, он страшно пучит глаза, хватаясь за запястье хозяина, и, как только Рэми вырывает из его груди сжатый кулак, затихает, тяжело повисая в руках палача.

Мертвое тело с глухим стуком падает на пол, и Господин, прежде чем повернуться к толпе, бросает на меня быстрый взгляд, словно этой расправой извиняясь передо мной за то, что потерял контроль над ситуацией и позволил Арушу обмануть себя. Застываю, глядя в лицо мертвого Болмана, и не вижу больше ничего, кроме его вытаращенных глаз и развороченной челюсти. Не вижу, как Хозяин бросает окровавленный сгусток мышц в центр зала, как угрожающе смотрит на притихших вампиров, ставших свидетелями показательной казни, как хладнокровно проходит мимо окровавленного трупа и садится на свое место, одним лишь взглядом вызывая в своих подданных покорный страх.

Наверное, я единственная в этом зале, кто не боится его, и не потому что я отличаюсь феноменальной смелостью, а потому что сейчас, именно в этот момент, мне абсолютно все равно. Восприятие действительности вновь искажается, и происходящее кажется мне сном, одним из тех, что я видела в подвале и не могла отличить от правды. Могу поспорить, если я открою глаза, то вновь окажусь там, в полном одиночестве и колючем холоде, но сколько я не стараюсь очнуться, ничего не помогает, и я вновь и вновь натыкаюсь на убитого Аруша, смотрящего на мир вокруг стеклянными глазами.

Сердце в груди бьется на удивление спокойно, и я запрокидываю голову, расфокусированным взглядом впиваясь в качающийся надо мной потолок. Хочется спать, хочется оказаться в невесомости и забыть все, что когда-либо со мной происходило. Начиная с самого рождения и заканчивая этим моментом.

Плавая в укачивающей зыбкости, медленно подползаю к Господину и, не обращая внимания на окружающих, доверчиво прижимаюсь к его ногам, кладя голову на его колени и будто прося приласкать меня. Мои волосы мягкими волнами рассыпаются по его ногам, и я закрываю глаза, чувствуя холодные липкие пальцы, коснувшиеся скулы и поглаживающими движениями успокаивающие меня. И, пока вампиры покидают залу, тихий шепот Хозяина постепенно убаюкивает меня, отправляя в выдуманный им мир, где я наконец расслабляюсь и отпускаю разъедающие разум мысли.

Наверное, впервые за все это время я проваливаюсь в крепкий сон, который лишает меня возможности чувствовать ласку Господина, слышать его вкрадчиво мягкий голос, видеть его лицо, лишённое привычного равнодушия и строгости. Наверное, впервые я полностью отрекаюсь от воспоминаний и не позволяю ядовитым терзаниям нарушить иллюзию, возникшую под внушением сжалившегося надо мной Хозяина.

— *Fais de beaux rêves, ma fille...* (Сладких снов, моя девочка...)

Я не хочу открывать глаза...

Не хочу расставаться с теплым и ярким сном, в котором нет ни жестокости, ни боли, ни отчаянья. Нет почерневших стен подвала, липкого холода, удушающего одиночества. Нет кровавых сцен, бездушных улыбок, мертвого равнодушия. Нет чужого мира, пустых обещаний, горьких разочарований — есть лишь знакомая лимонная комната, нежные объятия матери, залиvistый смех сестры, прижатой к моей груди и пытающейся вырваться. Она упирается своими маленькими ладошками в мои плечи, желая убежать и спрятаться, и, чем больше она сопротивляется, тем крепче я прижимаю ее к себе, будто понимая, что это последнее наше свидание. Что стоит ее отпустить, как она исчезнет — навсегда, превратится в грустное воспоминание, останется за гранью реальности и больше не вернется.

Впрочем, как и мама. Как Элисон. Как Хелен.

Я не хочу открывать глаза. Может поэтому до последнего цепляюсь за ускользающие образы и крепко жмурюсь, умоляя свой разум чуть задержаться, дать мне возможность еще на несколько минут окунуться в тепло встречи с родными, увидеть грустный взгляд мамы и дерзкий Элисон. Почувствовать аромат шарлотки и запах детского крема, сладкий, с едва уловимой цветочной отдушкой.

Я не хочу открывать глаза, потому что до ужаса боюсь натолкнуться на мерзкие каменные стены, черную безнадежность и безумие, которому так и не нашла объяснение. И все же мне приходится это сделать, отпустить сон и, глубоко вдохнув, вынырнуть наверх, в проклятую действительность, где я совершенно теряюсь, наталкиваясь не на каменную кладку темницы, а на плечо Хозяина, в которое доверчиво уткнулась носом. Моя ладонь лежит на его руке, и, слегка сжав пальцы, я четко ощущаю твердость мышц, в силе которых даже не сомневаюсь. Разве не он с легкостью поднял Аруша над полом, а после, вырвав его сердце, бросил к моим ногам? Разве не он забрал жизнь Хелен? Разве не он превратил меня в ничто? Наверное, после всего произошедшего я должна его ненавидеть, испытывать отвращение и пытаться избавиться от его близости, но вместо этого напротив, не тороплюсь отодвинуться и, пользуясь моментом, с интересом рассматриваю его профиль. Скольжу усталым взглядом по его лбу, щеке, носу, чуть задерживаюсь на красивых губах, а затем останавливаюсь на длинных опущенных ресницах, скрывающих от меня холодный и безразличный мир, в котором я без борьбы утонула.

Глупая.

Слабая.

Дура.

— Ты долго спишь, — он говорит это, не открывая глаз, даже не двигаясь, а я все продолжаю изучать его, удивляясь тому, что сейчас я лежу в своей постели, в своей комнате, а не на тонком матрасе, брошенном на пол холодного подвала. Интересно, что заставило его проявить милосердие? Мой жалкий вид? Или безразличие, пропитавшее меня насквозь? Не убираю ладонь с его руки, пристально наблюдая за движением его губ, и не могу удержаться, чтобы не озвучить давно мучающие меня мысли:

— Вы убили Хелен.

— Да, — он говорит это совершенно спокойно, наконец открывая глаза и поворачивая голову в мою сторону. Сейчас он так близко, что стоит мне немного пододвинуться, как

наши носы соприкоснутся, но я не шевелюсь, лишь поджимаю губы и вглядываюсь в наполненные мраком глаза, в которых не могу уловить ни одной эмоции. Наверное потому, что там я вижу свое отражение.

— Я стала причиной ее смерти и должна испытывать чувство вины, но я ничего не чувствую, не помню, словно это случилось не со мной, не в моей жизни, — для пущей убедительности мотаю головой, от непонимания едва не плача, потому что собственная беспомощность душит. — Моя сестра умерла. Моя подруга умерла. Моя мама в отчаянии, и я должна, слышите? — должна испытывать боль, но я ничего не чувствую, — сжимаю пальцы, крепко, пытаюсь до него достучаться, вызвать хоть какой-то отклик, пусть даже если это будет банальная жалость. — И я должна вас ненавидеть, — говорю это постепенно затихающим голосом, как будто подводя итоги всего произошедшего и указывая на главную причину своих бед. — Но даже ненависти я не чувствую. Что со мной? Я просто хочу знать, Господин, — пожимаю плечом и срываюсь, позволяя слезам скопиться в уголках глаз. Еще сильнее обхватываю его предплечье пальцами и утыкаюсь носом в плечо, больше не желая видеть своего отражения. Лучше бы я не просыпалась, осталась там, в теплом и родном сне. — Почему?

— Потому что я так хочу, Джиллиан, — он говорит это уверенным тоном, с проскальзывающими в нем металлическими нотками, словно желая оградить себя от дальнейших вопросов, которых накопилось великое множество.

Задерживаю дыхание, резко замирая и прислушиваясь к стуку своего сердца, а потом поднимаю голову и, нахмурившись, вглядываюсь в непроницаемое лицо Хозяина, стойко выдерживающего мой растерянный взгляд.

— Что это значит?

— Это значит, что я избавил тебя от ненужных эмоций, — Рэми хочет встать, но я опережаю его, приподнявшись на локте и положив ладонь на крепкую грудь. В поле зрения попадает его рука, с закатанным по локоть рукавом рубашки, испачканным кровью — кровью Аруша, поплатившимся жизнью за предательство и жадность. Но все это не имеет значения, только не сейчас, когда я так близка к истине, когда все мучившие вопросы могут найти ответы, когда разрушающее разум безумие перестанет меня терзать.

— Вы забрали их? Мою боль. Вы забрали и ее тоже?

— Да, — на удивление Рэми не пытается уйти, не пытается избавиться от моей руки и в этот самый момент кажется мне до предела близким, человеческим, понимающим. Будто он видит меня насквозь и прекрасно понимает все, что я чувствую, чувствовала, буду чувствовать. Не может быть, ведь мы с ним по разные стороны, и он никогда не окажется в моей шкуре. Я смотрю на него несколько озадаченно, силясь понять, как такое возможно, а в это время Рэми кладет свою прохладную ладонь на мою руку и аккуратно убирает ее, желая встать.

— А если я хочу их вернуть? Пережить все, что должна была пережить? — судорожно хватаю его за рукав, когда он садится на край кровати и готовится встать. Подползаю ближе, пытаюсь заглянуть в его лицо, и комкаю в кулаке ткань его рубашки, не отпуская от себя. Господи, наверное, я точно сошла с ума раз так настойчиво ищу ответы, а заодно рискую попасть под горячую руку, ведь, как показала практика, Хозяин не любит, когда ему перечат. Не любит, когда переходят границу и забывают, кто он есть на самом деле. Не друг, не любовник, не равный — Господин, создавший этот мир и являющийся его началом, быть может, даже концом. — Ведь это мое право — владеть своими чувствами и принимать

решение насчет них.

При этих словах Рэми ухмыляется, той самой едва заметной ухмылкой, что украшала его губы в самом начале нашего знакомства, и стремительно перехватывает мою руку, чтобы в следующую секунду опрокинуть меня на кровать и, нависнув надо мной угрожающей глыбой, прижать весом своего тела. Глубоко дышу, глядя на него распахнутыми от страха глазами, и наконец замолкаю, проклиная свое упрямство и желание докопаться до истины. В конце концов, жизнь не остановилась, когда я лишилась ненужных, как выразился Хозяин, эмоций.

Просто померкла.

— Простите, — выдыхаю я, пока Рэми молча смотрит на меня, медленно-медленно сканируя лицо и цепляясь к каждой мелочи. Чувствую себя беззащитной перед ним и, постепенно покрываясь румянцем, пытаюсь унять нервное дыхание, из-за которого грудь ходит ходуном и сердце слишком сильно бьется внутри. Могу поспорить, еще немного, и оно сломает ребра, просто уберет ненужную преграду, мешающую ему жить.

— Твое сердце так стучит, *ma idiote petite fille*, (моя глупая маленькая девочка) что я сильно сомневаюсь, справится ли оно с эмоциями, которые ты так отчаянно хочешь вернуть, — его дыхание ласкает кожу, он так близко, что я различаю как сужаются и расширяется его зрачки, почти слившиеся с сетчаткой и не имеющие четкого контура, отчего его глаза кажутся неестественно черными, демоническими и очевидно пугающими. Мне почти приятно ощущать тяжесть его тела, если бы не одно "но" — воспоминание о том, что он может причинить боль даже в момент наслаждения, в момент, когда я максимально открыта перед ним. — И смею предположить, что как только я верну их, ты сгоришь, Джил, сломаешься, утонешь... Так что не проси меня об этом. Ты можешь рассматривать это как мои извинения за то, что я потерял контроль над ситуацией и позволил Арушу лишить тебя сестры.

— Я никого не виню.

— Вот как? — его брови изгибаются от удивления, и Рэми устраивается поудобнее, явно не собираясь отпускать меня из плена. И, чтобы избавиться от давления на ноги, я не нахожу ничего лучшего, чем просто раздвинуть их, при этом поставив себя в неловкое положение, будто бы мне приятна его близость и я вовсе не против продолжения. — Значит, ты не винишь меня в смерти сестры, но при этом лишь несколько минут назад говорила о ненависти ко мне. В чем же причина?

— Хелен. Вы убили ее. Вы не могли знать о махинациях Аруша, но жизнь Хелен была в ваших руках.

— В твоих тоже, — Рэми резко перебивает, слегка поводя бедрами вперед и вынуждая меня нервно сглотнуть. Не хочу потерять нить столь серьезного разговора, но будто назло он вновь поводит бедрами, давая мне прочувствовать его просыпающееся возбуждение. Господи, ведь сейчас не время. — Но встреча с подружкой оказалась важнее веры в тебя, Джиллиан.

— Я бы вернулась.

— Теперь я об этом знаю, но в тот момент, когда я приехал домой и не обнаружил тебя, подумал несколько иначе. А чтобы ты подумала на моем месте, *la petite*? — он замолкает, выжидающе смотря на меня, пока я мысленно ставлю себя на его место и действительно понимаю резонность его умозаключений. Предать веру легко — один необдуманый поступок, импульсивное желание, непростительная ошибка. Но... но ведь мы все ошибаемся,

вот только не все ошибки приводят к таким последствиям.

— Я не убивала Хелен, не убивала, — повторяю это, словно уговаривая саму себя, а Господин, будто желая отвлечь меня от разговора, вытягивает руку вверх и переплетает наши пальцы, второй рукой начиная продвигаться вниз: к моей талии, затем бедру, по которому проводит прохладной ладонью и слегка сжимает его.

— Конечно нет, моя маленькая, ты не убивала. Это сделал я, только я, — он шепчет это томным голосом, склоняясь еще ниже и слегка прикусывая мой подбородок, после чего оставляет ласковый поцелуй на месте укуса и осторожно обхватывает мою нижнюю губу своими губами. Они мягкие, заботливые, нежные. — Так что, если тебе так удобно, ты можешь ненавидеть меня за смерть Хелен. Я не против, — всего мгновение он пристально смотрит в мои глаза, а потом целует, не пытаясь подавить, не сминая своим напором и не демонстрируя власть, а нежно и аккуратно, будто боясь сломить то, что еще осталось во мне, что едва теплится и чего он не хочет потерять. По крайней мере, я хочу так думать, хочу верить в то, что хоть что-то значу в этом отвратительно жестоком мире, так легко поглощающем жизни.

Рэми вновь поводит бедрами, на этот раз куда более откровенно, имитируя толчок и постепенно распаляя во мне желание. Я ощущаю грубость его брюк своей плотью и даже подаюсь навстречу, вызывая его несдержанный рык, который никак не вяжется с приторно ласковыми поцелуями, прикосновениями, осторожностью. Он прекращает поцелуй, просто зависая надо мной, и шепчет прямо в губы:

— Я так давно не был в тебе, Джиллиан.

Да, с того самого раза, когда секс между нами превратился в наказание. Я помню. И будто читая мои мысли, он продолжает:

— Я не причиню тебе боли, обещаю, — пару секунд смотрит в мои глаза, подтверждая обещание потеплевшим взглядом, и вновь целует, попутно сжимая бедро и имитируя толчки. Мурашки по коже от его прикосновений, и я не могу справиться с начинающейся дрожью, вытягиваясь под ним и изгибаясь. Закрываю глаза, свободной рукой зарываясь в волосы на его затылке, и чувствую поцелуи-покусывания на шее, ключицах, груди. С охотой обхватываю его палец, скользнувший по губам, а потом ахаю, когда этот самый палец касается самой чувствительной точки на моем теле и Рэми начинает ласкать меня там. Знаю, что Господин едва сдерживается, и даже на миг допускаю факт того, что за все это время он не был ни с одной женщиной, потому что его желание слишком откровенно, слишком сильно, слишком натянуто. — *Ma fille, je ne te laisserai pas bruler*, (Моя девочка. я не позволю тебе сгореть,) — говорит он, наконец отпуская мою руку и перенося тяжесть своего тела на согнутый локоть. Его пальцы последний раз проводят по моим уже влажным складкам, обводят вход во влагалище, и Господин подносит их к своему лицу, делая глубокий вдох и впитывая мой запах. Его ноздри дрожат, он прикрывает глаза, вновь вдыхая, и, когда открывает их, то напоминает мне учуявшего свою добычу хищника, готовящегося к нападению. Его движения становятся нетерпеливее, сам он дрожит от напряжения, пока расстегивает ремень и справляется с ширинкой.

А потом злобно рычит, утыкаясь в мою грудь лбом и тяжело дыша.

— Твою мать, Леви, скажи, что это дело не требует отлагательств, — он произносит это, раздраженно вскидывая голову и поворачиваясь в сторону двери, а я ошарашенно распахиваю глаза по двум причинам: первая из них — он услышал приближение Леви до того, как тот дал о себе знать, вторая — впервые за все время, что я нахожусь с ним, я слышу

ругательство из его уст, и это никак не вписывается в образ утонченного аристократа.

— Простите, Господин, но к вам посетитель, — слышится за дверью, и Хозяин шипит сквозь стиснутые зубы, вновь переводя внимание на меня.

— Так пусть подождет.

Не могу не признать комичность ситуации и поджимаю губы, пытаюсь скрыть улыбку, потому что Рэми в данный момент напоминает разгневанного льва, у которого хотят забрать добычу. Одно неосторожное движение, и он порвет каждого, кто посягнет на нее, поэтому я тоже стараюсь не двигаться, чтобы ненароком не оказаться в его лапах. Хотя я уже в них, даже намного ближе.

— Извините, но это особенный посетитель, — при этих словах Господин напрягается и нехотя встает с кровати, нервно поправляя расстегнутые брюки и приглаживая растрепавшиеся волосы. Я наблюдаю за ним, продолжая лежать в той же позе, в которой он оставил меня, и растерянно свожу колени, когда он кидает на меня полный злости взгляд. Радует одно, что причиной этой злости стала не я, а некстати появившийся Леви, настойчиво призывающий поторопиться. Лишь когда за Рэми закрывается дверь, я позволяю себе расслабиться и шумно выдохнуть, прикрыв глаза ладонью. Внутри еще пылает, и я проклиная Леви, этого особенного посетителя, а заодно и Хозяина, оставившего меня наедине с возбуждением.

Мне лучше принять прохладный душ и успокоиться, воспользовавшись предоставленными удобствами, которых не было в подвале.

Я часто-часто перебираю ногами, силясь не отстать от Леви и одергивая до неприличия короткую футболку, которую едва успела натянуть на себя, услышав приказ Господина явиться к нему немедленно. Видимо, ждать Рэми не собирался, потому что преданный пес в лице Леви вынудил меня выйти из душа и, даже не обсохнув, последовать за ним. Именно поэтому футболка на спине, а также на груди промокла от сырых прядей, именно поэтому моя кожа до сих пор влажная и местами заляпанная капельками воды, именно поэтому, как только я спускаюсь на первый этаж, начинаю мерзнуть и безрезультатно обнимаю себя за плечи, пытаюсь согреться. Прошло чуть более получаса с того момента, как Рэми покинул мою спальню, и я понятия не имею, что могло случиться за столь короткий промежуток времени. Быть может, всему виной тот странный посетитель, который наверняка уже ушел, быть может, какое-нибудь неожиданное решение, пришедшее в голову Хозяина.

Впрочем, мои предположения оказываются отчасти правильными, потому что как только я захожу в кабинет, понимаю, кто этот особенный посетитель и почему Леви был так настойчив. Растерянно мнусь у порога, натягивая футболку как можно ниже и попадая под прицел омерзительно прощупывающего взгляда, который неприятно касается моих ног, груди, лица и вынуждает меня испуганно посмотреть на Господина, гневно сжавшего челюсти при моем появлении. Он точно так же, как и его гость, осматривает меня с ног до головы и наигранно равнодушно откидывается на спинку стула, всем своим видом показывая, что мой выбор его нисколько не трогает.

Трогает, я замечаю это по опасному блеску в его глазах, когда он переводит взгляд на посетителя и замечает его ненормальный интерес.

— Добрый вечер, — растерянно шепчу я, опуская голову низко-низко и принимаясь рассматривать свои голые стопы, совершенно замерзшие. Ужасно неловкая ситуация, когда внутренний голос подсказывает мне вернуться в комнату и надеть что-нибудь более закрытое, а строгий порядок призывает стоять на месте и четко следовать приказам

Господина.

— Сядь, — жестко говорит Рэми, и я непроизвольно вздрагиваю, улавливая явное недовольство в его голосе. Как можно быстрее дохожу до кресла и, бросив на присутствующих затравленный взгляд, сажусь, старательно вытягивая футболку и скрывая от глаз гостя свои обнаженные бедра. — Ты догадываешься, почему Вацлав почтил нас своим присутствием? — при этом вопросе я обращаю внимание на Вацлава, стоящего у окна. Его высокая сутулая фигура вызывает во мне что-то наподобие отвращения, смешанного со страхом, и я тороплюсь отвернуться от него в сторону Хозяина, инстинктивно ощущая опасность, нависшую надо мной. Она так близко, что стоит сделать шаг, как я провалюсь, сгину в зыбучих песках и исчезну, скрытая под тоннами песчаной массы.

— Н-нет.

— Поясню: ты оказалась в ненужном месте и в ненужное время. Проще говоря, тебя обвиняют в участии в восстании, вспыхнувшем на Арене. Вацлав видит в тебе угрозу, которая может лишит меня, то есть нас... — великодушный жест рукой, и Реми продолжает: — ..Власти, — не могу не отметить сарказм, который так и сочится в его тоне, и непонимающе смотрю на то, как он подается вперед и, опираясь локтями о стол, сцепляет пальцы под подбородком.

А ведь он даже не передел рубашку.

— Позволь мне, Дамиан, — Вацлав делает шаг ближе, и я рефлекторно сжимаюсь, словно ожидая удара. — Это не просто обвинение, а обвинение, основанное на неоспоримых фактах. Именно поэтому меня интересуют несколько вопросов: во-первых, как ты мог допустить, что твоя рабыня нашла возможность связаться с повстанцами? Во-вторых, по какой причине ты так тщательно выгораживаешь ее и даже не поленился прийти в участок, убить моих людей и забрать дело? — Вацлав прижимает ладонь к груди, будто скорбя по убитым полицейским, а Господин слегка прищуривает глаза, смотря на него безотрывно, почти не мигая, источая завидное хладнокровие. — Ты не имел права вмешиваться в расследование, Дамиан, тем самым ты выразил свое недоверие моим методам, моей работе, а также нарушил законы, установленные тобой же, — Вацлав говорит неторопливо тягуче, угрожающе тихо, отчего вся моя кожа покрывается мурашками, и я ощущаю себя загнанной в капкан, готовый вот-вот захлопнуться.

Я боюсь, боюсь так сильно, что забываю дышать, вслушиваясь в каждое слово и осознавая всю тяжесть совершенного мною поступка. Он рассматривает меня как одного из повстанцев, замешанных в заговоре против системы, и только статус Господина не позволяет ему просто схватить меня и увести с собой. Кажется, в тот день, в участке, Хозяин упоминал о смертной казни.

Бог ты мой.

— Я уважаю твое маниакальное желание защитить наш мир, Вацлав. Правда. Я уважаю твои методы и проведенную тобой работу. За все время, что ты был рядом, ты ни разу не подвел меня. Скажу без лести — ты отличный хранитель, но сделай исключение и позволь мне самому взять контроль над этой ситуацией. Посмотри на нее, — Рэми кивает в мою сторону, и Вацлав послушно переводит пронзительный взгляд, вынуждая меня нервно вцепиться в края футболки. — Она слишком юна, чтобы играть в игры, и слишком труслива, чтобы пойти против власти. Скажу честно, у нее не хватит ума, чтобы участвовать в заговоре за моей спиной.

— И все же, на то, чтобы сбежать от тебя, у нее ума хватило... — как бы между прочим

роняет Вацлав, и я замечаю, как белеют костяшки пальцев, когда Господин сжимает кулаки, наверняка сдерживая бушующую в нем ярость.

— К сожалению, в этом есть моя вина. Я опрометчиво оставил ее без присмотра. Такая ситуация больше не повторится.

— Если она столь строптива, продай мне, я научу ее покорности, — Вацлав встает напротив меня, и я распахиваю глаза от страха, глядя в его непроницаемое лицо, явно скрывающее мертвую душу настоящего садиста. Представляю, какими методами он будет добиваться моей покорности, и прикусываю губу, силясь не расплакаться и не упасть в ноги Господина, умоляя его не продавать меня.

— Мы ушли от темы.

— Действительно. По показаниям очевидцев, она имела контакт с Итаном Нуаре, а затем оказалась в эпицентре событий на Аране. Смею предположить, что скрывающийся от нас повстанец мог передать ей нечто важное. Например, оружие, которое, в свою очередь, она отдала Элисон Картер при разговоре с ней.

— Это неправда. Я ничего не передавала ей, — не знаю, где я нахожу смелость перебить его, каким образом справляюсь с оцепенением, но слишком поздно понимаю, что своим поведением проявляю к нему неуважение. Впрочем, если речь идет о возможной смерти и наказании за болтливость, то я выберу последнее. — Я лишь перекинулась с ней парой фраз и спросила о доме.

— Так вы еще и из одной колонии? Удивительное совпадение, — цокает языком Вацлав, а я подаюсь чуть в сторону, чтобы увидеть Господина, а заодно и прочесть его эмоции. С надеждой смотрю на него, пока он, все также прищурившись, наблюдает за нами, будто в любой момент готовясь прийти на помощь. Наверное, впервые я так сильно нуждаюсь в его поддержке, защите, присутствии. Лишь бы он не ушел, не оставил меня наедине с Вацлавом, мечтающим перетереть меня жерновами закона.

— Д-да, — заикаюсь, думая о том, что это признание еще более усугубит ситуацию, и начинаю нервно дышать, напрасно пытаюсь утихомирить взбунтовавшееся сердце. Напряжение, повисшее в воздухе, сдавливает меня в тиски, и я уже не могу понять, что мне можно говорить, а что нельзя. Какое именно из моих признаний может подвести меня к краю.

— А Итан? Ты сталкивалась с ним раньше?

Отчаянно мотаю головой, вновь прикусывая губы и дрожа от холода. Мои ноги едва заметно трясутся, и мне приходится полностью поставить стопы на пол, чтобы скрыть от цепкого взгляда Вацлава прямое доказательство страха перед ним. Хотя он наверняка читается в моих глазах, позе и слышится даже в голосе, сейчас унизительно тихом, загнанном, жалком.

— Нет, это было наше первое знакомство. Он помог мне перевязать рану и рассказал, как найти Арену.

— Он что-нибудь говорил тебе? Быть может, озвучивал свои планы или намекал на что-то?

— Нет, не знаю, я не помню, — совершенно теряюсь под его пристальным вниманием и еще больше начинаю нервничать, действительно не припоминая ничего такого, к чему можно бы было прицепиться.

— Так нет, не знаешь или не помнишь?

— Достаточно, Вацлав, своими вопросами ты лишь напугал ее. Вряд ли сейчас она

скажет что-нибудь вразумительное, — вмешивается Рэми, и я облегченно выдыхаю, когда Вацлав наконец отвлекается от меня и поворачивается к Хозяину, медленно встающему со стула. Привычная леность появляется в его движениях, когда он в несколько шагов достигает нас и встает напротив Вацлава, пряча руки в карманы брюк и слегка приподнимая подбородок, тем самым показывая некое превосходство в своем положении. — Если ты вновь захочешь поговорить с ней, только скажи, но сейчас у меня есть важные дела, не требующие отлагательств. Благодарю тебя за рвение, с которым ты пытаешься найти виновных. Но, боюсь, ты не там ищешь.

Скулы Вацлава напрягаются, и все же он выдавливает из себя натянутую улыбку, склоняясь в средневековом поклоне и незаметно кидая на меня подозрительный взгляд, от которого становится не по себе. Господи, просто пусть он уйдет.

— Я провожу, — вежливо говорит Реми и проходит к двери, открывая ее нараспашку и показывая ладонью на выход. Он дожидается, когда Вацлав, коротко кивнув, выйдет, а потом закрывает дверь и несколько секунд молчит. Смотрит на меня и молчит, все еще крепко сжимая ручку двери и будто раздумывая над чем-то. — Что же мне с тобой делать, Джиллиан Холл? — тянет он, лениво двигаясь к столу и говоря это скорее себе, чем мне. На его лбу появляется хмурая складка, и Господин берет в руки телефон, постукивая по нему большим пальцем. — Иди к себе, оденься во что-нибудь более приличное и возвращайся.

Не дожидаясь повторного приказа и срываюсь с места, даже не представляя, что со мной будет, когда я вернусь. Отчего-то сейчас, после всего произошедшего, я всем сердцем верю — верю в то, что Господин не позволит меня забрать, не отдаст на растерзание закона и не допустит, чтобы я попала в руки Вацлава. Только не к нему.

Выбегаю из кабинета, краем глаза замечая надевающего черного пальто Вацлава. Он стоит у двери, вместе с Леви, держащим его перчатки и трость, и я стараюсь как можно скорее добежать до лестницы, но, пронзенная ярким воспоминанием, останавливаюсь. Хмурюсь, воссоздавая в памяти события того дня, когда я была на Арене, и ошарашенно разворачиваюсь к Вацлаву, поймавшему мой растерянный взгляд. Он с неким удивлением наблюдает за тем, как я постепенно приближаюсь и встаю на расстоянии вытянутой руки от него, в данный момент не стесняясь ни своего вида, ни Леви, и не боясь общества древнего вампира, а также гнева Хозяина, могущего увидеть эту сцену.

— Простите, но мой Господин прав. Вы не там ищите, ведь в тот день на Арене были не только люди, но и один из вас. Я видела его на верхней трибуне, наблюдающим за происходящим, — тихо шепчу я, в то время как Леви изумленно смотрит на меня, а Вацлав застывает, так и не надев поданную ему перчатку до конца. Его глаза становятся льдисто-голубыми, еще более проникновенными, но я уже не могу остановиться: — Он был одет в черный плащ, и я не разглядела его лица.

— Тогда с чего ты решила, что это вампир?

— Потому что людям не присущи столь грациозные движения, разворот плеч, осанка. Я более чем уверена, что это был один из вас, — подытоживаю я и, не дожидаясь ответа, ухожу. Ухожу с мыслями о том, что он перестанет копать под меня и обратит свое внимание на того, кто действительно участвовал в этом, ведь мой Господин прав, я слишком слаба, чтобы играть в игры за его спиной.

Если бы я не была столь исполнительна и тороплива, то не сидела бы сейчас в библиотеке, в компании Господина, сгорая от гнетущей тишины и неловкости, которая заставляет меня краснеть каждый раз как мой желудок издает недовольное урчание, говорящее о том, что ему пора перекусить. В такие моменты я ерзаю на месте и кидаю настороженный взгляд в сторону Рэми, слава Богу, уткнувшегося в телефон и не подающего никаких признаков жизни. Кажется, он не только не слышит воспроизводимые желудком звуки, но даже не замечает меня, до сих пор не знающую, для чего я ему понадобилась и чего мы выжидаем. Задать вопрос я не решаюсь, впрочем, как и обратить на себя внимание, поэтому сижу вполне тихо, если не считать злосчастного живота, решившего добиться своего любыми способами, пусть даже если это будет раздражающее урчание.

Спустя десять минут ожиданий я уже не нахожу себе места и позволяю посмотреть на Хозяина более пристально, разглядывая его небрежную позу и думая о его словах насчет того, что он забрал часть моих эмоций. Мне просто интересно, какую, и только ли те эмоции, что я испытала в связи со смертью сестры, Хелен, Элисон, или же он позволял себе и раньше играть моими чувствами, поворачивая их в нужное ему русло? Если это так, то теперь мне никогда не узнать, что же на самом деле я чувствовала, когда переживала происходящие в моей жизни события. Все это превратилось в немыслимую авангардную мешанину, от которой хочется спрятаться и не думать, забыть, жить с тем, что есть, и не искать истины.

Мне просто нужно не думать.

— Любуешься? — его неожиданный вопрос приводит в замешательство, и я растерянно хлопаю ресницами, совершенно не зная, каким образом он узнал, что я смотрю именно на него, ведь он даже не взглянул в мою сторону, продолжая сидеть все в той же позе: боком к столу, лениво развалившись на стуле и опираясь одним локтем о столешницу. Его указательный и средний пальцы касаются виска, а большой — линии подбородка, и именно поэтому он не мог видеть как я пялилась на него, тем более, что все это время, он не отрывался от телефона.

— Что? Нет-нет, простите, — смущенно опускаю взгляд и поджимаю губы, чувствуя, как щеки заливают яркий румянец. Стоит признать, любоваться есть на что, вот только сейчас мне не до этого, потому что с каждой секундой я все больше переживаю о том, что меня ждет впереди. Для чего я здесь?

Наконец, Господин напрягается, отвлекаясь от телефона и выпрямляя спину, а я испуганно смотрю на дверь, которая через мгновение открывается, впуская внутрь незнакомого мужчину средних лет, несущего в руках аккуратный чемодан. Он останавливается у порога, приветствуя Рэми низким поклоном, и только после того, как Хозяин позволяет ему пройти, распрямляется и, по-смешному семеня ногами, подходит к столу. Успеваю рассмотреть его вполне привлекательное лицо, тонкие губы, глубоко посаженные глаза и правильный нос, прежде чем он поворачивается ко мне спиной и обращается к Рэми приятным баритоном:

— Чем я могу быть полезен, Господин?

— Мне нужна твоя профессиональная помощь, Арман. Джиллиан, подойди, — нервно сглатываю, слыша его приказ, и медленно поднимаюсь с места, чтобы осторожно

подкрасться ближе и попасть в поле зрения Рэми, показывающего на меня ладонью. — Ты должен сделать метку в виде моей подписи... на ней.

Я распахиваю глаза от изумления, поворачиваясь к Арману и сталкиваясь с его пронизательно понимающим взглядом, который висит на моем лице. Он смотрит безотрывно и испытующе, будто оценивая ситуацию, а потом коротко кивает, ставя чемодан на стол и расстегивая манжеты рубашки. И, по мере того, как он заворачивает рукава, я могу увидеть многочисленные узоры татуировок, красующихся на его руках и наверняка на теле, потому что в вороте рубашки тоже видны иссиня-черные линии, уходящие под воротник.

— Здесь?

— Здесь, — подтверждает Рэми, пока я дрожу от страха и волнения, которые приносят приготовления Армана и решение Господина поставить на мне свою подпись. Представляю себя племенной коровой, на которой ставят клеймо-подтверждение ее принадлежности хозяину, и обидчиво смотрю на Рэми, который как ни в чем не бывало встает со стула и продолжает: — Кабинет в твоём распоряжении.

— Не совсем удобно, — различаю дрожь в голосе Армана и некую нервозность, словно эти слова дались ему с трудом, и он боится, как бы они не навлекли гнева. Прекрасно понимаю его, потому что тоже не могу произнести ни слова, боясь выразить свое недовольство и уж тем более попросить Рэми не делать этого. Ведь, если я не ошибаюсь, татуировки это на всю жизнь.

— Справишься, — Господин остается непоколебимым и с равнодушием наблюдает за тем, как Арман оглядывается вокруг; смотрит на потолок, наверняка выискивая лучшее освещение; подходит к креслу, нажимая на его спинку; потирает бровь, вертясь вокруг своей оси и вновь возвращаясь к столу.

— Что ж, раз выбор у нас невелик. Прошу, — он указывает мне на стол, терпеливо ожидая, когда я отойду от шока и наконец смогу выдавить из себя вымученную улыбку.

— Что мне делать?

— Просто сядь на него.

Меня бьет нервная дрожь, пока я забираюсь на стол и под уверенно ледяным взглядом Господина устраиваюсь на нем, крепко сжимая колени и хватаясь руками за край столешницы. Мои ноги не достают до пола, поэтому, чтобы хоть как-то отвлечься от предстоящей процедуры, я начинаю ими болтать, наблюдая за тем, как Арман открывает чемодан и достает оттуда чистую салфетку, на которую кладет перчатки, затем ножницы, тату-машинку и спрятанные в стерильных пакетах иглы. Помнится, у Элисон была татуировка на ключице, маленькая черная птица с расправленными крыльями, летящая ввысь, а на мне будет красоваться подпись Хозяина, которая лишней раз напомнит мне, кому я принадлежу.

— Будет неприятно, не скрою, — говорит Арман, включая настольную лампу и направляя ее на меня. Из-за падающего на лицо света не могу рассмотреть Господина, стоящего где-то невдалеке, и пристально слежу за тем, как Арман берет ножницы и, подходя ближе, раскрывает сверкнувшие металлическим блеском лезвия. Рефлекторно дергаюсь в сторону, будто боясь, что он поранит меня, но послушно затихаю, когда он осторожно подцепляет ткань платья и начинает стричь его по линии плеча. Я думаю, что тату будет где-то на плече или чуть пониже, но мои ожидания не оправдываются, когда Арман отгибает отстриженный лоскут и практически обнажает мою грудь, которую я тут же пытаюсь прикрыть ладонью. Он по-доброму улыбается, сталкиваясь с моим смущением, и спокойно

берет влажную, пахнущую спиртом салфетку, чтобы протереть место будущей татуировки. — Не стоит закрываться, ты отнимаешь время Господина, и мое тоже, — дополняет он, разговаривая со мной как с непослушным ребенком. У него холодные пальцы, когда он бережно берет меня за запястье и, вынудив отвести руку, протирает полукружие груди салфеткой, тем самым вызывая мурашки по коже от контраста температур. Молю Бога, чтобы сосок никак не отреагировал, но, опустив голову, закатываю глаза, натываясь на ожидаемую картину.

Отчего-то догадываюсь, что Хозяин не спускает с меня глаз, и краснею еще больше, на удивление чувствуя смущение не перед Арманом, а именно перед Рэми.

— Господин, — произносит Арман, уступая место и пропуская вперед Рэми, который берет предложенную им ручку и, всего на мгновение поймав мой обиженный взгляд, переводит внимание на грудь, где одним точным движением ставит свою подпись, еще больше унижая меня своим решением. Осталось еще выдрессировать меня как собачонку, чтобы я следовала за ним по пятам и была преданна ему всем сердцем, радуясь, что у меня есть настоящий хозяин. — Надеюсь, вы понимаете, что после этого ее будет практически нереально продать.

— Делай свое дело, Арман, — Рэми говорит это несколько раздраженно, словно Арман взболтнул что-то лишнее, и, положив ручку на стол, отходит в сторону, уступая место. А я не могу не сжаться, глядя на то, как Арман надевает перчатки и подготавливает машинку для работы. Он вновь поправляет лампу, вставая прямо передо мной и кладя ладонь на плечо.

— Нагнись чуть назад. Можешь опереться на руки. — От страха едва разжимаю пальцы и откидываюсь чуть назад, подставляя ему грудь с витиеватой подписью на ней. Всего пять букв с очевидно выделенной заглавной "D" и красивая вязь после нее, превращающаяся в короткую линию. Арман подходит максимально близко, упираясь в мои колени бедрами и недовольно опуская голову, а я со страхом смотрю на иглу, направленную на грудь и вот-вот готовую впиться в кожу. — Убери ноги, Джил.

— Но куда?

— Куда-нибудь, они мешают, — Арман пожимает плечами, а я не нахожу ничего лучше, чем просто раздвинуть их, таким образом подпустив его ближе. Где-то за его спиной слышится звон стекла, и я мысленно завидую Господину, наверняка наливающему себе выпить. Если честно, сейчас бы я тоже не отказалась от плотка чего-нибудь алкогольного. Зажмуриваю глаза, крепко-крепко, вздрагивая от шума включенной машинки, и прикусываю губу, чувствуя едкую боль, пропитывающую кожу на полукружии груди, там, где даже бельё не сможет скрыть будущую татуировку.

Бог мой, это не просто неприятно, это по-настоящему больно, больно так сильно, что я сжимаю кулаки, едва сдерживаясь, чтобы не упасть назад и не избавиться себя от навязанной пытки. Слезы появляются совершенно самопроизвольно, и я все больше напрягаюсь, по мере того, как игла раз за разом входит в меня, оставляя после себя чернильный след.

— Терпи, Джил, — сквозь шум работающей машинки говорит Арман, нависая надо мной несокрушимой скалой и продолжая упорно мучить меня. Я открываю глаза, с трудом фокусируясь на его сосредоточенном лице и стараясь не смотреть на грудь, терзаемую беспощадной иглой, от которой постепенно распухает и краснеет кожа. Иногда мне кажется, что она входит слишком глубоко, в такие моменты я морщусь, медленно вдыхая и также медленно выдыхая, будто эта дыхательная гимнастика может уберечь меня от боли, в последнее время ставшей неразлучной со мной. Сколько еще мучений я могу выдержать? И

где тот болевой порог, который сведет меня с ума? А ведь я действительно должна сойти с ума, слишком много всего случилось со мной с того момента, когда я покинула Изоляцию. И, будто читая мои мысли, Арман останавливается, выключая машинку и давая мне пару секунд передышки. Он протирает грудь салфеткой, убирая лишние чернила, и бегло оглядывает мое израненное плечо, шею, наверняка вызвавшие в нем жалость. Я вижу это по его понимающему взгляду, упрямо поджатым губам, ощущаю в осторожности прикосновений, когда он касается припухлости кончиками пальцев и заботливо дует, будто всем своим сердцем осуждая жестокость, доведшую меня до такого состояния. — Какое расточительство — портить такую красоту, — едва слышно произносит он, тут же включая машинку и заглушая свой шепот работающим механизмом.

А я лишь грустно улыбаюсь, постепенно пропитываясь к нему симпатией и мысленно благодаря его — слишком редко здесь сталкиваешься с человечностью и слишком быстро забываешь о том, что она вообще существует.

— Готово, — наконец, Арман выпрямляется, разглядывая результат своих трудов и убирая оружие пытки в сторону. И, пока он прибирает принадлежности в чемодан, я опускаю голову, с обреченным равнодушием рассматривая чернильные буквы, растянувшиеся на целых три дюйма и имеющие ширину указательного пальца. Это красиво, наверное. — Господин? — Арман уважительно отходит, оставляя меня под пристальным вниманием Рэми, сидящим в кресле и склонившим голову чуть в бок. Он не торопится встать и, сделав глоток напитка, удовлетворительно кивает, давая молчаливое разрешение покинуть его дом и проявляя крайнее неуважение. Ни слов благодарности, ни восторженных эпитетов — ничего, кроме напряженного молчания и обжигающе пронзительного взгляда, остановившегося на мне. Хозяин не реагирует на тихий уход Армана и продолжает сидеть на месте, постепенно ввергая меня в нервное недоумение.

Даже не знаю, имею ли я право дышать, слишком накалена проглотившая нас тишина.

— Вам не нравится? — наконец выдавливаю я, вновь цепляясь за края столешницы и чувствуя легкое жжение на месте татуировки.

— Не нравится что? Его работа или то, что со стороны это выглядело так, будто он имел тебя? — От изумления чуть не проглатываю язык, стыдливо сводя колени и различая в его тоне нотки злости — совершенно неуместной злости, причину которой не могу понять. Рэми делает еще один глоток, слизывая остатки алкоголя с губ, и медленно ставит стакан на столик, лениво поднимаясь с места и также лениво подходя ко мне. Стойкий аромат его парфюма перебивает запах спиртовых салфеток, сваленных в кучку на столе, и обволакивает меня плотным кольцом, вызывая судорожный вдох. Он кладет ладони на стол по обе стороны от моих бедер и, приблизившись, вынуждает меня отклониться назад.

Стараюсь не пропустить ни одной эмоции на его лице, пока он молча разглядывает татуировку, и с волнением сталкиваюсь с его потемневшим взглядом, когда он поднимает голову и шепчет почти в самые губы:

— Знаешь, Джил, твое умение раздвигать ноги не всегда уместно, — я даже чувствую горечь его губ, когда он едва уловимо прикасается ими к моим губам. Его дыхание пахнет крепким алкоголем, его поза скрывает в себе опасность, его вкрадчивый голос будоражит, и я с трудом справляюсь со страхом, когда он тягуче медленно проводит кончиком носа по моей скуле и, прижавшись губами к виску, продолжает: — Поэтому используй его только для меня. Хорошо? — Ощущаю себя маленькой девочкой, только что отчитанной за плохое поведение, и послушно киваю, в который раз удивляясь его патологическому чувству

собственности. — Что ж, раз ты все поняла, можешь идти, — он освобождает от своего плена внезапно, резко делая шаг назад и теряя всякий интерес ко мне, будто и не он всего мгновение назад душил меня угрожающими словами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я могу задать вам вопрос? — соскакивая со стола и прикрывая грудь разрезанным платьем, мямлю я. Наверное, во мне напрочь отсутствует чувство самосохранения, раз я предпочитаю открыть рот, чем как можно быстрее уйти отсюда. Рэми же безразлично пожимает плечами, слегка кривя губы и вновь возвращаясь к выпивке. Он наливает себе выпить, в то время как я смотрю на его широкую спину и переминаюсь с ноги на ногу, впадая в легкий ступор. — Я просто хотела узнать, зачем она? Татуировка?

— Буду откровенен с тобой, *ma fille*, ты влипла в не совсем приятную историю, касающуюся самого священного в этом мире — власти, — Хозяин встает в пол-оборота, смотря на меня с былой холодностью и порождая во мне инстинктивный страх перед опасностью, нависшей надо мной. — Вампиры слишком долго шли к ней, чтобы позволить кому-либо пошатнуть ее. Любая угроза, будь то тихий шепот о восстании или перехваченная записка с планом коммуникаций, могут вызвать вполне обоснованные опасения, поэтому мы стараемся задушить возможность переворота в корне. А ты по своей глупости оказалась в самой гуще событий, поэтому я не уверен, что смогу уберечь тебя. Вампиры, как бы смешно это не звучало, видят в таких как ты опасность, конец стабильности, угрозу порядку. Легче выдавить занозу, чем дожидаться заражения крови. Твои непродуманные действия привели к тому, что Вацлав рассматривает тебя как ту самую занозу, и эта подпись, по крайней мере, никто не сможет причинить тебе вреда без моего ведома. Но самое страшное, Джил, что из-за твоей опрометчивости я нарушаю законы, на страже которых должен стоять, и тем самым подрываю свой авторитет. Так что в следующий раз, когда, ну мало ли, — он вновь пожимает плечами, вкладывая в слова ядовитый сарказм, — ты решишь повидаться с подругой, помни о том, что я предпочту сохранить свою репутацию, чем твою жизнь.

— Вы можете не переживать, мой Господин, у меня больше нет друзей, — с тихой горечью говорю я, испытывая что-то наподобие потерянности из-за сплетенных воедино эмоций: страха, тревоги, грусти, но самое удивительное — благодарности. Благодарности за то, что, пусть даже такими методами, он пытается меня защитить.

— Да, зато осталась мать.

Закрываю глаза об упоминании о маме и молю Бога о том, чтобы он замолчал, не говорил больше ни слова, не причинял мне боли, упоминая о единственном оставшемся в живых родном человеке. Наверное, сейчас она сходит с ума от горя. Наверное, уже сошла...

— Которую ты мечтаешь увидеть.

— Я мечтаю об этом больше всего на свете, — почти беззвучно выдыхаю я, опуская голову и не желая показывать насколько уязвима перед ним. Знаю, что меня ждет: сейчас он скажет, что я больше никогда ее не увижу, что должна прекратить думать об этом и что моего прошлого не догнать и, уж тем более, не вернуть, но вместо этого Хозяин ломает последние крупички выдержки, небрежно бросая:

— И это вполне возможно.

Слышу, как стены дают трещину, мелкой крошкой осыпаясь к ногам, и до боли прикусываю губу, боясь сорваться. Я не хочу надеяться, надежда приводит к разочарованию, а разочарование подобно яду — оно отравляет, убивая в нас веру. Впрочем, я не уверена, что она вообще осталась во мне.

— Что?

— Как только я закончу кое-какие дела, мы можем посетить Колонию.

Руки начинают дрожать по мере того, как до меня доходит смысл его слов, и грудь сдавливает от нехватки воздуха, потому что я до ужаса боюсь-боюсь-боюсь... Господи, я так боюсь надеяться. Он ведь шутит, да? Но лицо Рэми остается непроницаемо серьезным, и я, чувствуя подступающий ком слез, бросаю на него полный воскресшей надежды взгляд.

— Можешь идти. Я сообщу тебе о дате поездки.

На полном автомате киваю, находясь в каком-то полуобморочном состоянии и стоя на грани — мне хватит всего одного шага, чтобы упасть вниз. Всего один маленький шаг, который я делаю, задавая осторожный вопрос:

— Вы ведь не обманываете меня?

— Джи-и-л, не испытывай мое терпение, — тянет он, недовольно сжимая челюсти и напрягаясь. Что-то предостерегающе натянутое появляется в его взгляде, и я медленно пачусь назад, пока не натыкаюсь на дверь и, встrepенувшись, открываю ее, без промедления выбегая из кабинета. Путь до комнаты не запоминается мне, я задыхаюсь от подступающих слез и закрываю рот ладонью, чтобы не разрыдаться прямо в коридоре. Но, как только захожу в спальню, громко всхлипываю и, прикрывая за собой дверь, прислоняюсь к ней спиной. Сил совершенно не остается, и я медленно сползаю вниз, садясь на пол и обхватывая колени руками.

Рыдаю.

Громко.

Чувствуя, как сердце разрывается в клочья и горло скручивает спазмом. Физическая боль кажется пустяком по сравнению с тем, что терзает меня внутри, и вся я пропитываюсь проклятой надеждой, впервые за долгое время ведущей меня к "почти счастью", ведущей меня "почти домой".

Я учусь терпению — учусь на страницах книг, которые партиями беру в кабинете Хозяина, но не прочитываю, просто потому, что не могу сосредоточиться и строчки кажутся мне пустыми; учусь в бессмысленных метаниях по комнате: из угла в угол, от кровати к окну, от окна обратно; учусь в бесполезных штрихах графита, которые преобразовываются в простые геометрические формы и выдают мою потерянность, ведь я не могу запечатлеть образы, думая о том, что скоро, быть может, сегодня, завтра, через неделю Господин сообщит мне дату выезда. Но проходят дни, и ничего не меняется — я продолжаю гореть в ожидании, а Рэми занимается своими делами, почти всегда пропадая из дома на целый день. Его возвращения я жду как манны небесной, старательно прислушиваясь к звукам внизу, будь то хлопок двери или приглушенные голоса, раздающиеся тихим бурчанием и вызывающие во мне неконтролируемое волнение, потому что в такие моменты я представляю себе, как Хозяин приказывает Леви подготовить машину, а сам, с присущей ему неторопливостью, поднимается наверх, чтобы исполнить мою мечту о встрече с мамой. После этого мы садимся в машину, наверняка молча, и едем в Изоляцию, которая после жизни здесь покажется мне чужой и еще более убогой, ведь теперь мне есть с чем сравнить.

Я справлюсь, потому что буду думать о том моменте, когда мама откроет дверь и застынет, не веря своим глазам, как коснется ладонью губ, сдерживая слезы радости, как, оттаяв от шока, обнимет меня и прижмет к своей груди, где бьется чистое материнское сердце. Его ровный стук я помню с далекого детства, когда находила в нем свое успокоение, или пряталась на ее груди после приснившегося кошмара, или искала в нем поддержку во время болезни, грусти, переживаний. Она всегда была рядом, помогала справиться со страхами и внушала уверенность, что все будет хорошо. К сожалению, ее слова не оказались пророческими, они вообще разошлись с действительностью, превратившись в наивные надежды.

Хорошо уже не будет, мама.

Отрываюсь от тетради, наконец выныривая из мыслей и апатично рассматривая ровные ряды ромбиков, занявших практически целый лист тетради. Совсем скоро она закончится, и мне придется просить Леви принести новую, а, если честно, я не знаю, как к нему подойти, может потому, что за две недели так и не смогла наладить с ним контакт. С Хелен было намного проще, по крайней мере, она любила разговаривать со мной и была очень доброжелательна, Леви же все больше молчит и совершенно не подпускает ближе, ограничиваясь лишь редкими визитами во время приема пищи. Не знаю, где он ее достает, но отчего-то точно уверена, что кухня до сих пор мертва. Оттуда не слышится вкусных запахов или звуков готовки, как это было раньше, лишь пугающая тишина и страх с моей стороны — я боюсь даже заглянуть в нее, словно это сможет пробудить во мне уснувшие воспоминания, которые терзали меня в подвале.

Воспоминания от разорванном горле Хелен, погибшей от рук Хозяина.

Сейчас день, как обычно хмурый, за последнюю неделю я успела привыкнуть к серости за окном, только иногда разбавляемой идущим снегом, настойчиво создающим снежное покрывало и даже не подозревающим, что совсем скоро его труды сотрутся наступающей весной, уже заметной в облачном небе, ставшим куда более насыщенным и тяжелым, практически свинцовым, будто готовым разразиться грозными дождями. Все это иллюзия,

конечно, потому что зима вряд ли сдастся без боя. Как минимум, она будет заваливать землю снегом до середины марта, а потом будет терзать ее ночными заморозками.

Устало выдыхаю, совершенно не зная, чем заняться. Вокруг такая тишина, что мир кажется мертвым и нелюдимым, еще более ввергающим меня в уныние, поэтому я все же решаюсь спустить вниз и заняться хоть чем-то, кроме как бесполезным ничегонеделанием. Я могла бы привести кухню в порядок, но мысли о том, что мне придется отмывать подтеки крови, вызывают неприятный озноб вкупе со страхом — вряд ли я смогу находиться там, где пусто, мертво, холодно. Впрочем, Хелен бы не одобрила такого запустения, и может, во имя ее памяти мне вернуть кухне былой вид? Попросить Леви закупить продукты и начать готовить для себя, по крайней мере, несколько часов в день я была бы занята готовкой.

Мне нужно просто набраться смелости и сделать шаг — думаю об этом, стоя на пороге кухни и растирая озябшие плечи. Отсюда она не кажется столь устрашающей, что я напридумывала себе, поэтому медленно-медленно я вхожу в нее, тут же натываясь на почти черные пятна, украшающие кафель на полу, дверцы светлых шкафов, столешницу, выполненную под мрамор. Не могу не заметить пыль на плите, рабочих поверхностях и раковине, по-видимому давно не используемой. Наверное, Леви предпочитает выкидывать грязную посуду, чем мыть ее — ужасное транжирство.

Здесь действительно пусто и холодно, так бывает в домах, оставленных хозяевами — они уходят и лишают дом души, забирая свет и тепло, что согревали его. Также и с кухней — со смертью хозяйки она лишилась уюта и теперь выглядит до ужаса мертвой. Даже увядшие цветы в горшках, стоящих на подоконниках, шепчут о том, что здесь пусто... пусто... и холодно. Холодно так сильно, то я непроизвольно сжимаюсь, все же проходя дальше и проводя ладонью по столешнице. Первым делом мне необходимо стереть присохшую кровь, поэтому, сбросив неприятные ощущения, я набираю полный таз горячей воды, после чего опускаюсь на колени и начинаю обтирать шкафы. Это не сложно, просто нужно капельку терпения — кровь отходит не сразу, а постепенно, оставляя после тряпки алые разводы. И, по мере того, как я вымываю ее, мне кажется, что воздух пропитывается стойким металлическим запахом, оседающим в легких. Вода становится светло-розовой, и я, упрямо поджимая губы, перехожу на пол, где картина куда более удручающая.

— Ты можешь оставить сырую тряпку и заняться чем-нибудь другим, пока пятна отмокают.

Резко поднимаю голову, наталкиваясь на Леви, стоящего в проеме двери и прислонившегося плечом к косяку. Он смотрит на мои пальцы, сжимающие порозовевшую тряпку, и чем-то напоминает Господина — также спокоен и равнодушен, практически безэмоционален, фактически превратившийся в его тень.

— Спасибо за совет. Почему ты не пользуешься кухней?

— Потому что я не кухарка.

— Тогда откуда берешь еду для меня? — все же прислушиваюсь к его совету и оставляю тряпку на полу, меняя воду и принимаясь вытирать столы. Не знаю, как подвести его к просьбе о закупке продуктов, поэтому тяну время, задавая мало интересующие меня вопросы. Если честно, мне все равно, где он достает пищу и почему не моет посуду.

— Заказываю в ресторане. Так проще.

— Действительно, — его сухие ответы начинают раздражать, но я сдерживаюсь, потому что учусь терпению, потому что за эти дни почти сгорела в ожидании и сейчас нахожусь на грани, ведь Господину до сих пор не до меня и своего обещания. — Я... я не знаю, к кому

обратиться, Леви, — поворачиваюсь к нему, принимая смиренный вид и от волнения заламывая пальцы. Не знаю, какую роль он играет в этом доме и где заканчиваются его полномочия, но отчего-то мне кажется, что такая глупость как покупки — в его обязанностях. — Раньше это делала для меня Хелен, а сейчас ее нет, — кидаю на него настороженный взгляд и продолжаю: — Мне нужны кое-какие вещи, и еще, я хотела бы готовить для себя сама.

— Хорошо. Напишешь список.

И все? Так просто? Удивленно вскидываю бровями, наблюдая за тем, как он, потеряв всякий интерес к моему занятию, уходит, и думаю о том, что включать в список прокладки будет крайне неудобно. Хотя здесь у меня выбор невелик, ведь Хозяину вряд ли есть до них дело. Хозяину вообще нет до меня ни-ка-ко-го дела. Я живу здесь словно в клетке, прямо как забавный ручной зверек, которым можно поиграться в дни хорошего настроения и совершенно забыть, когда игра надоест. Впрочем, спать в своей комнате и в своей кровати намного лучше, чем в подвале, в котором, как оказалось, я провела чуть больше недели.

Опасливо смотрю на дверь, ведущую вниз, и тушу просыпающееся недовольство воспоминаниями о проведенном там времени. Все же лучше быть забытой и ненужной, но в человеческих условиях, чем медленно угасать в кирпичной могиле. Тем более, сейчас все не так уж и плохо, если не считать томительного ожидания поездки и навязанного одиночества, заполненного сумбурными мыслями. Я прихожу в себя от звука приближающихся шагов и не обращаю на это никакого внимания, предполагая, что Леви опять решил меня проверить. Но, как только встаю на колени и беру в руки тряпку, в кухню заходит совершенно неожиданный гость. Открываю рот от изумления и застываю как каменное изваяние, не веря собственным глазам.

— Добрый день, *la petite**, - Адель улыбается едва заметно, смотря на меня по-дружески тепло, а я не знаю, что мне делать, потому что отчаянное желание броситься ей на шею наверняка будет выглядеть неуместно. Плевать. В мгновение вскакиваю на ноги и, по ходу вытирая руки о платье, обнимаю ее. Обнимаю так, будто мы всю жизнь были подругами и сейчас встретились после долгой разлуки, обнимаю так, что она шипит от боли, но не отталкивает меня, позволяя уткнуться в ее плечо и тихо всхлипнуть.

— Адель, — она как дыхание прошлой жизни, той, когда я в первые появилась в этом мире, когда сделала первый шаг, первые ошибки, почувствовала первое разочарование. — Почему ты здесь? — наконец, я отлипаю от нее, вглядываясь в красивое бледное лицо и смущенно поводя плечами. Мне становится неловко оттого, что я возомнила себя ее другом, ведь, учитывая нашу последнюю встречу, мы далеки от этого.

— Думала, застану Дамиана, но его верный пес сказал, что он в отъезде, — Адель кивает головой в сторону, и я замечаю стоящего в гостиной Леви, наверняка слышащего каждое наше слово, в том числе и эпитет, которым она его наградила. Улыбаюсь, поражаясь ее смелости, и показываю пальцем за ее спину, одними губами шепча "Леви". — Все равно, пусть слышит, а заодно доложит своему хозяину, что, несмотря на строгий запрет, я заявила к нему в дом. Но у меня есть нечто важное для него, так что, думаю, это простительно.

— Что-то случилось?

— Не бери в голову, малышка, меньше всего тебя должны волновать проблемы вампиров.

— Боюсь, теперь это стало частью и моей жизни, — иронично ухмыляюсь, всем

сердцем желая, чтобы Адель задержалась еще ненадолго, хотя бы на несколько минут, быть может, она даже дождется Господина, и, будто читая мои мысли, она произносит: — Напоишь чаем? А заодно расскажешь, что с тобой произошло, хотя, признаюсь, я в курсе некоторых событий. Было бы интересно услышать подробности, Джиллиан.

На самом деле ни ей, ни мне не нужен чай, просто я пользуюсь возможностью пообщаться с кем-нибудь "близким", а она, наверное, она хочет узнать о Рэми, ведь ее вряд ли может заинтересовать простая рабыня. Не удивлюсь, если сейчас она задаст вопрос о Господине, но Адель, устраиваясь на высоком стуле и выжидающе наблюдая за тем, как я ставлю чайник, спрашивает обратное:

— Как ты, *la petite*?

Как я? Наверное, отлично, если не считать утерянных эмоций и непонимания, некой недополненности, будто меня разделили на части пазла, а потом не смогли собрать, так и оставив с недостающими деталями.

— Не знаю, — пожимаю плечами и перехватываю проникновенный взгляд Адель, которая понимает без слов, словно чувствуя то же самое, словно она тоже лишилась чего-то важного в жизни. Лишалась — Дамиана Рэми. Оказывается, наш Господин просто мастер разрушать души. — Я думала, что сойду с ума от всего этого, но он не дал мне сгореть, забрал боль, которая убила бы меня, — шепчу я, усаживаясь напротив ее и лежа леденеющие ладони на стол. Мы сидим на расстоянии вытянутой руки, и я позволяю себе открыто заглянуть в ее мертвенно бледное лицо, лишь на скулах которого заметны следы искусственного румянца. Ее изысканная красота стала будто взрослее, более спокойной и не такой кричащей как раньше, быть может, это из-за сдержанного макияжа, исключившего стрелки и карандаш, яркую помаду и ставшего намного мягче. — Иногда мне кажется, Адель, что все, что я вижу, это лишь искаженная версия действительности, которая на самом деле еще более ужасна, еще более жестока. Я ничего не понимаю, но продолжаю жить... — лишь озвучив свои проблемы, чувствую некое облегчение, и благодарно улыбаюсь, пряча блестящий от слез взгляд в переплетении своих пальцев. Отчего-то не могу побороть жалость к себе, так внезапно нахлынувшую на меня, и все же позволяю слезам оставить мокрые дорожки на щеках.

— Мне жаль, Джиллиан, мы не заслуживаем многого, что происходит с нами. И знаешь, если бы я была на его месте, то поступила бы точно так же — внушила бы тебе забыть боль. Не события, потому что они являются частью нашей жизни, а именно эмоции, которые они принесли.

— Это как картина без красок.

— Их всегда можно наложить. Новым слоем, — Адель дотягивается до моих рук, слегка сжимая пальцы, а я молю Бога, чтобы Рэми пришел как можно позже, потому что мне нужно еще многое рассказать. — Я слышала, ты оказалась на Арене, где вспыхнуло восстание. Это правда?

— Д-да, правда. Наверное, я счастливчик по жизни, — киваю головой, принимая ее заботу с благодарностью. В кой-то веки я ощущаю себя не пустым местом и не юной глупышкой, которой выгляжу на их фоне, а по-настоящему интересным собеседником. — Желание увидеться с подругой привело меня к большим проблемам.

— Даже не верится, что ты решилась на такое. Удивительно, как Дамиан смирился с твоей выходкой, — Адель кидает на меня испытующий взгляд, снижая голос до шепота и наверняка желая скрыть наш разговор от ушей Леви. — Он сильно рискует, выгораживая

тебя перед Советом.

— Откуда ты знаешь? Про Совет? — озноб проходится вдоль по позвоночнику, и я начинаю учащенно дышать, понимая, как на самом деле глубоко увязла, раз даже Совет заинтересован мною. Значит, не только Вацлав видит во мне угрозу, но и остальные члены Совета желают избавиться от "занозы" в лице меня. Но я ничего не сделала, я всего лишь хотела встречи с прошлым. И, если честно, сейчас хочу того же самого, потому что до ужаса мечтаю увидеть маму.

— Я многое знаю, малышка, как и то, что Рэми всеми силами пытается докопаться до истины и исключить людей из списка подозреваемых.

— Он докопается, потому что идет в правильном направлении.

— О чем ты?

Склоняюсь ближе, словно доверяя самый страшный секрет в жизни, и говорю то, что когда-то сказала Вацлаву:

— Я видела вампира в тот день на Арене, он наблюдал за волнением рабов с верхней трибуны и был абсолютно спокоен, будто бы все шло по его плану и ради удовлетворения его интересов, — замечаю, как напрягается Адель, прищуривая глаза и подаваясь навстречу. Между нашими лицами остаются буквально несколько дюймов, и ее зрачки заметно сужаются, когда она едва слышно шепчет:

— Ты узнала его?

— Думаю, вам пора, Господину не понравится, что вы так задержалась, — голос Леви словно отрезвляет меня, и я встряхиваю головой, пытаюсь избавиться от какого-то странного дурмана. Адель раздосадованно кривит губы, кидая в Леви полный злости взгляд, и отпускает мои руки, тут же вставая со стула и поправляя и без того идеальную прическу. Не могу не поддержать ее в злости на Леви, так не вовремя появившемся, и тоже смотрю на него недовольно, жалея о том, что мы так мало поболтали. А ведь я даже не успела расспросить Адель о ее жизни. Наш диалог получился односторонним, я рассказала о себе, сняв лишний груз переживаний, но ничего не дала взамен. Совершенно.

— До встречи, *la petite. J'espere qu'on se reverra*, (Надеюсь, мы еще увидимся,) — не понимаю ее последней фразы, но точно знаю, что в ней скрыто что-то неминуемо страшное, слишком безысходна тональность, в которой она была сказана. Адель улыбается мне сдержанно грустной улыбкой, какой улыбаются люди, прощающиеся друг с другом, и нехотя выходит, оставляя после себя тонкий аромат духов, который я вдыхаю полной грудью, словно запоминая момент расставания. Необъяснимая грусть рождается в глубине сердца, и я закрываю лицо руками, намеренно нажимая на глаза и боясь расплакаться прямо здесь. Мне кажется, что сейчас, в эту самую секунду, когда Адель закрывает за собой дверь, она метафорично уходит не просто из дома, а из этого мира, столкнувшего нас когда-то. Это было начало осени, сейчас же конец зимы. Полгода. Шесть месяцев. Тысячи мгновений. И среди них сегодняшней день, неожиданная встреча, приватный разговор — будто последний для нас.

— До встречи, — шепчу я, подходя к окну и касаясь холодного стекла кончиками пальцев. За ним удаляющаяся фигура Адель, которая, будто чувствуя мой взгляд, оборачивается и машет рукой, вызывая у меня обреченную улыбку. Вернее, прощай, наверное.

Тоскливое настроение сохраняется до самого вечера, почти до ночи, когда я, так и не дождавшись прихода Господина, решаюсь снести книги в библиотеку, уже наверняка зная,

что они не пригодятся — я не смогу прочесть их, всеми мыслями находясь далеко отсюда, в Изоляции, где с каждым днем угасает мама. Стараюсь не шуметь, искренне надеюсь, что Леви не услышит меня и не вынырнет из-за угла, с желанием узнать, куда я направляюсь. И Леви не выныривает, нет, а вот Рэми, как оказалось вернувшийся домой, кидает короткое "Джиллиан", призывая меня из своей спальни, дверь в которую приоткрыта практически на половину. Раздосадованно хмурюсь, не понимая, каким образом могла пропустить его возвращение, и все же заглядываю в комнату, как можно сильнее прижимая книги к груди.

Здесь пахнет шипровым парфюмом и усталостью, которая сквозит в каждом жесте Господина, небрежно сидящего в кресле и взглянувшего на меня с ленивой снисходительностью.

— Я думал, ты уже спишь, — шепчет он, делая большой глоток из стакана и с присущей ему грациозностью ставя его на место. Смущенно мнусь у порога, бросая на него осторожный взгляд и показывая на книги, в которые вцепляюсь еще крепче, словно они смогут защитить меня от его внимания. Не могу не отметить, что в его голосе просвечивает что-то похожее на меланхолию, и с новой силой окунаюсь в ту едкую тоску, что порядком потрепала меня сегодня. — Книги... книги... книги... сотни книг, которые тебе еще предстоит прочесть, — он делает плавный жест рукой, указывая на книжные полки, занявшие часть стены в рабочей зоне, и сдержанно ухмыляется. — У тебя еще будет время, а пока побудь со мной, *ma petite*, — я не слышу в его тоне приказных ноток, скорее усталую просьбу, словно сейчас ему необходимо разбавить свое одиночество хоть чьим-нибудь присутствием. — О чем вы говорили с Адель? — как бы между прочим спрашивает Рэми, пока я кладу книги на стол и робко подхожу к нему, не зная, где найти себе применение. Он манит меня пальцем, заставляя подойти ближе, и вопросительно заглядывает в глаза, которые я не успеваю отвести.

— Обо всем понемногу, — пожимаю плечом, замечая скинутый на спинку кресла светло-серый пиджак, лацканы которого измазаны кровью, и, будто оправдываясь, продолжаю: — Она ждала вас, но так и не дождалась.

— Довольно странно, Джил, учитывая осведомленность Адель о моих передвижениях. Я хочу тебя предупредить: Адель не тот человек, которому можно доверять, ты поняла меня? Помни об этом, когда она вновь захочет поболтать.

— Она сказала, что у нее есть что-то важное для вас.

— Вот как? Любопытно, нет, правда, учитывая то, что мы виделись с ней утром, — Хозяин иронично изгибает брови, вытягивая руку вперед и касаясь моей ноги кончиками пальцев. Медленно проводит ими выше, постепенно задирая платье и приближаясь к сгибу бедра. Все это время он безотрывно смотрит на меня, наблюдая за моей реакцией и источая сексуальное напряжение, которое я не могу не чувствовать, просто потому, что в его взгляде читается откровенное желание. Они темнеют, превращаясь в абсолютную тьму, и Господин, в свете горящих торшеров, кажется мне истинным демоном, пришедшим за моей душой. — Я думал, что ты хоть чему-нибудь научилась, *ma idiote petite fille***, но твоя наивность... она осталась прежней. Ты видишь в людях то, что хочешь видеть, словно проецируя на них свои качества. Ты думаешь, что они полны добра и света, но на самом деле каждый из них увяз в лицемерии. Адель не исключение, я уже говорил тебе об этом. То, что она пришла в мой дом, нарушив запрет, означает одно — она приходила зачем-то. Я хочу знать зачем, и что ты ей рассказала.

— Ничего особенного, — я правда не могу вспомнить ничего такого, что могло бы

заинтересовать Господина. Нет того, что бы он не знал обо мне.

— Хорошо, — устало выдыхает Рэми, в завершение кинув на меня пронзительный взгляд. Он неторопливо встает на ноги и оказывается прямо передо мной, так близко, что мне приходится попятиться назад, чтобы вернуть себе капельку личного пространства. — Раздень меня.

Его просьба слишком неожиданна, и я теряюсь, постепенно заливаясь румянцем и облизывая в миг пересохшие губы. Руки дрожат от волнения, когда я послушно начинаю расстегивать пуговицы рубашки, стараясь смотреть куда угодно, но только не на его лицо. Наверное, сейчас, когда он так добр ко мне, самое время спросить о дате отъезда, но я не могу пошевелить языком, словно присохшим к нёбу.

— Мне нравится твое смущение, Джиллиан. Нравится твоя почти детская искренность и чистота. Ты не замарана ложью, — Рэми задумчиво проводит по моей скуле костяшками пальцев, склоняя голову чуть в бок и с едва заметной улыбкой разглядывая мою неловкость, которую я тут же пытаюсь скрыть, освобождая его плечи от рубашки и прижимаясь к гладкой коже губами. Осыпаю поцелуями линию ключиц, мышцы груди и, справившись с рукавами, кладу ладони на его грудь, ласкающе проводя выше. Встаю на носочки, чтобы дотянуться губами до его шеи, и нежно целую, пробуя на вкус горькую от лосьона после бритья кожу.

Мне нравится его запах и нравится его мягкость в данный момент, которая может смениться на жестокость за доли секунды. Прошу, только не сейчас, не надо рвать тонкую нить доверия, что протянулась между нами. И Рэми будто слышит меня, он позволяет вести игру, позволяет прикоснуться к его губам, не двигается даже тогда, когда я скользя языком между его губ и проникаю глубже, попутно справляясь с пряжкой ремня и расстегивая ширинку.

Ощущаю, как он напрягается, когда я приспускаю одежду с его бедер и трусь низом живота о член. Становится жарко, и теперь я сама едва сдерживаюсь, чувствуя нарастающие возбуждение и прижимаясь к нему как можно ближе. Для этого мне приходится обхватить его плечи руками, встать на носочки и почти повиснуть на нем. Не прерываю поцелуй, который не переходит в сжигающе страстный, а так и остается нежно трепетным, будто Господин по каким-то причинам решил следовать моим правилам. Единственное, что он меняет — это подцепляет подол платья и, потянув его вверх, освобождает меня от одежды.

Совсем.

Так, что я остаюсь совершенно нагая, в то время как он до сих пор стоит в приспущенных брюках. Кажется, его это не заботит, потому что он не дает мне передохнуть и вновь прижимает к себе, чуть ли не поднимая над полом и сильными объятиями впечатывая в свое тело. Кожа к коже. На фоне температуры моего тела он много прохладнее, но мне приятно прижиматься к нему, ощущать сильные мышцы и крепкую грудь, знать, что по сравнению с ним я слабая и хрупкая, думать, что это остановит его от жестокости. Какая наивность, ведь это никогда меня не спасало.

— *Ma petite*, — шепчет он в губы, а я не могу не улыбнуться, уже привыкнув к этому обращению и даже не зная, что оно означает. Верю, что что-то хорошее, что-то теплое, что-то приятное. Так ведь? Господин прерывает поцелуй и, тяжело дыша, прислоняется своим лбом к моему. Чувствую его возбуждение животом и несдержанно стону, когда он сжимает мои ягодицы и толкается бедрами. — Сегодня я хочу тебя несколько иначе, — его эротичный шепот тонет в моем шумном дыхании, и я краснею еще больше, догадываясь, что

он имеет в виду. Признаться, догадки о том, что он будет иметь меня сзади, рожают во мне сексуальное волнение, переплетенное со стыдом и страхом. Это мой первый опыт, впрочем, как и остальные. — Не бойся, Джил, я буду аккуратен.

Разве у меня есть выбор? Послушно киваю, лаская его затылок кончиками пальцев и ожидая дальнейших указаний. Рэми показывает на кровать и, пока он снимает с себя брюки, я сажусь на нее, прижимая ладони к холоду шелковых простыней и пытаюсь выровнять дыхание. Внутри меня пульсирует от возбуждения, и мышцы непроизвольно сжимаются, желая большего.

— Не так, встань на колени и нагнись вперед, — Рэми совершенно бесстыдно идет ко мне, показывая всю красоту своего тела, и я, дрожа от волнения, принимаю нужную позу. Боже, мне никогда не было так стыдно, и сейчас, прижимаясь горячей щекой к подушке, я закрываю глаза и прикусываю большой палец, чтобы хоть как-то отвлечься от звуков открываемой тумбочки и приготовлений. Вздрагиваю, когда Господин проводит покрытой смазкой ладонью по моей промежности и начинает ласкать ее, вызывая тихие стоны. Стук сердца чуть ли не оглушает меня, когда он склоняется к моему уху и жарко шепчет: — Я не хочу, чтобы ты воспринимала это как наказание, Джиллиан, анальный секс лишь одна из граней удовольствия. Постарайся расслабиться.

Сжимаю в кулаках простынь, сильнее прогибаясь в пояснице, когда Рэми обхватывает грудь ладонями и ласкает ее, смазывая чем-то маслянистым и жирным. Мне кажется, вся я блещу от смазки, которую он не жалеет и вновь льет на ягодицы, но теперь уже не размазывая ее, а используя по прямому назначению. Ахаю, когда он аккуратно вводит в меня один палец, и распахиваю глаза от противоречивых ощущений. С одной стороны мне не привычно чувствовать его там, а с другой не могу не признать, что по мере того, как он совершает поступательные движения, внутри меня нарастает что-то томительно приятное. Быть может, причиной тому дополнительные ласки клитора, быть может, вся эта порочная, до ужаса порочная атмосфера и собственный интерес, оказывающийся сильнее стыда. Господи, наверное, я потеряла последние крупинки порядочности, раз с таким желанием отдаюсь навстречу новым ласкам. И, будто читая мои мысли, Господин произносит:

— Все, что происходит с нами в постели, — естественно. Подумай об этом, прежде чем корить себя за аморальность, — при этих словах к одному пальцу присоединяется второй, и я непроизвольно напрягаюсь, приподнимаясь на руках и подаваясь вперед. Надеюсь избежать проникновения, но Рэми уверенно кладет ладонь на спину, вновь возвращая меня на место. — Тшщ, моя девочка, — он осторожно растягивает меня и все же добивается того, что я расслабляюсь, вновь чувствуя предательское томление. Щеки горят от предвкушения, когда сзади раздается шорох фольги, и Хозяин обхватывает меня за ягодицы, двигая на себя и готовясь войти. Меня бросает в жар, и на спине появляются капельки пота, пока Рэми медленно и аккуратно входит в меня, постепенно наполняя собой и растягивая мышцы под свой размер. Ощущаю терпимую боль и прикусываю губу, сдерживая тихий стон и еще крепче сжимая в руках простынь. Господин понимающе останавливается, давая мне передохнуть и принимаясь ласкать грудь. Его пальцы умело играют с сосками, и теперь я сама двигаю бедрами навстречу, желая продолжения, пусть и причиняющего непривычный дискомфорт.

Осторожный толчок — стон — напряжение.

Я задираю голову вверх, прикрывая глаза и полностью отдаваясь во власть Господина. По мере того, как он начинает двигаться, становится еще жарче, и волосы липнут к шее, пока

он не убирает их на одно плечо, наверняка желая видеть мои эмоции. Они написаны на моем лице сосредоточенным ожиданием — я ощущаю, как что-то сильное нарастает внизу живота; что-то яркое скручивает спазмом влажную плоть, которую он не прекращает ласкать; что-то безумное рождается от его толчков, прикосновений, укусов когда он склоняется к моей спине и прикусывает влажную от пота кожу.

Очередной толчок — протяжный стон — движение навстречу. Наслаждение через боль, боль, порождающая оргазм. Оргазм такой силы, что я хватаю ртом воздух, отчаянно насаживаясь на его член и обессиленно оседая на кровать. Меня бьет крупная дрожь и становится страшно — слишком сильно пережитое удовольствие, чтобы я могла с ним совладать. Оно отдается тягучими отголосками, пока Рэми делает заключительные толчки, и разливается горячей усталостью, полностью лишая меня сил. Тяжело дышу, ощущая, как Господин покидает мое тело, и ложусь на живот, вытягивая ноги и прижимаясь щекой к подушке. Перед глазами плывет реальность, и на сухих губах появляется блаженная улыбка.

Все же это стоило того.

— Все хорошо?

Более чем... Хватает сил только на то, чтобы кивнуть. Рэми тоже тяжело дышит, но, по крайней мере, находит в себе силы, чтобы встать и уйти в ванную, где приводит себя в порядок и выходит уже совершенно другим: не усталым и меланхоличным, а сытым и довольным. Я вижу это по его блестящим глазам, ленивой поступи, неторопливым движениям, когда он полуложится рядом и, прислонившись корпусом к спинке кровати, начинает перебирать мои волосы.

— У тебя красивые волосы, Джил.

То же самое он говорил при нашем первом знакомстве — воспоминание об этом некстати всплывает в памяти, вновь вызывая проклятую тоску, которая прочно прилипла ко мне сегодня. Всему виной Адель и ее визит. Глупости... всего лишь нелепые шутки проснувшейся интуиции. Все будет хорошо. Будет-будет-будет. Ведь Господин уже стал мягче, я просто надеюсь, что это не влияние момента, и всем сердцем хочу сохранить в памяти этот вечер, когда он был так ласков и открыт.

— Ты можешь идти.

А ведь я даже не знаю, как пошевелиться от измотавшей меня неги. Едва поднимаюсь на колени, на секунду пересекаясь взглядом с Рэми, смотрящим на меня с довольным блеском, словно он выиграл очередную партию. Выиграл, признаю.

— И еще, — бросает он небрежно, когда я уже встаю на ноги и поднимаю брошенное на пол платье, — будь готова к восьми.

Ошарашенно застываю, не до конца доверяя его словам, а Господин, будто не замечая моей реакции, сползает ниже и, накрываясь одеялом, поясняет:

— В нашем распоряжении день. Туда-обратно, так что не надейся на большее.

Уснуть после такой новости даже не пытаюсь, то и дело вскакивая с кровати и подходя к настенным часам, чтобы посмотреть время. Кажется, что стрелки практически не двигаются, и время замирает, словно издеваясь надо мной и проверяя, выдержу ли я эту пытку или сгорю в агонии, которая к утру становится практически невыносимой. Она вынуждает меня начать приготовления еще в четыре, а к шести на цыпочках выйти в коридор и с надеждой подкрасться к дверям хозяйской спальни, откуда не слышится ни одного шороха. Разочарованно выдыхаю, но уже не возвращаюсь обратно — мне не выдержать давления стен, не справиться с тихим тиканьем стрелок, не надышаться радостью, которая,

по мере того, как проходят минуты, все больше наполняет меня, потому что встреча с мамой так близко, еще чуть-чуть, всего несколько часов, миль, миров.

Сажусь на пол, напротив двери, и прислоняюсь спиной к стене, обхватывая колени и прижимая их к груди. Безотрывно смотрю на поверхность из темного дерева, прислушиваясь к звукам, и не чувствую усталости, только постепенно нарастающую эйфорию, от которой хочется улыбаться, улыбаться и улыбаться. Обнять весь мир и танцевать. И плевать, что сегодня до ужаса хмурый день; плевать, что где-то на дне души отложился осадок вчерашней печали; плевать, что у меня есть всего лишь день на встречу с мамой, главное, что он у меня вообще есть, ведь Рэми мог никогда не подарить этого шанса.

— Ты хотя бы спала? — недовольно бурчит Рэми, резко открывая дверь и наталкиваясь на меня, словно преданный пес сторожащую его спальню. Поджимаю губы, пытаюсь спрятать улыбку, и киваю, рассматривая его педантично подобранный образ. Сегодня он выбрал белую рубашку без галстука, с небрежно расстегнутой верхней пуговицей, темно-синюю жилетку и чуть приталенный пиджак, в тон им брюки, отлично сидящие на его подтянутой заднице, а от начищенных до блеска ботинок можно ослепнуть. Наверное, в Изоляции он будет бросаться в глаза своим богатым лоском и привлечет к себе излишнее внимание. Хуже этого может быть только мой жалкий на его фоне вид. — Врешь, Джиллиан.

Хозяин как ни в чем не бывало проходит мимо, оставляя после себя шлейф стойкого аромата, а я подрываюсь с места, чуть ли не светясь от счастья и все-таки позволяя себе широко улыбнуться. Разве это плохо? Улыбаться? После всего, что я пережила, перетерпела, с чем справилась. После боли, слез, разочарований, страха. Слетаю с лестницы вслед за ним, умудряясь почти нагнать его и по неосторожности впечатываясь в его спину. Вжимаю голову в плечи и смотрю на него с щенячьей преданностью, когда он разворачивается и смеряет меня строгим взглядом.

— Простите.

— *L'enfant en fait*, (Ребеннок по сути,) — только и кидает он, проходя в кабинет и усаживаясь за стол. Он открывает выдвижной шкафчик, доставая оттуда деньги и ключи, а я в это время мнусь в нескольких шагах от него, со счастливой улыбкой рассматривая улицу, видимую в незашторенном окне. Нет, и все-таки сегодня прекрасный день, даже тяжелое небо, нависшее над землей и грозящее разразиться надоевшим уже снегом, не портит моего настроения, и я продолжаю улыбаться, подходя ближе к окну и вставая к нему в пол-оборота. Наверное, этого хватает.

Тем, кто решил убить во мне счастье, разлучить с надеждой, лишить меня жизни.

Не понимаю, что происходит, чувствуя внезапную жалящую боль в груди и, будто столкнутая с высокого моста порывом ветра, падаю на пол. Мне практически не страшно, потому что осознание произошедшего теряется в застывших секундах реальности, оседает в шокированном взгляде Рэми, впитывается в постепенно вытекающую из меня жизнь, которую я так и не прожила. Не до конца, не до самого.

Мне не страшно, только больно дышать, и я впиваюсь ногтями в ворс ковра подо мной, пытаюсь сделать вдох и производя громкий свистящий звук. Кровь скапливается в горле, и я захлебываюсь ею ровно до тех пор, пока пришедший на помощь Господин не приподнимает мою голову, обеспокоенно вглядываясь в мои глаза и свободной рукой зажимая рану, из которой не переставая сочится кровь. Платье на груди намокает, и среди агонии, непонимания и обреченности, я ощущаю, как оно липнет к телу, практически вмерзая в

кожу.

Я уже не увижу маму, так ведь?

Судорожно цепляюсь за воротничок рубашки нависшего надо мной Рэми и думаю о том, что он, наверное, будет в ярости, ведь я все-таки ухожу, пусть и не по своей воле.

— Джиллиан! — его голос почти не слышен, я понимаю, что он кричит только по движению губ, по искаженному от злости лицу, по напряженным скулам, когда он сводит челюсти и смотрит на меня с растерянным непониманием. Я не играю роль, мой Господин, и, если честно, я до смешного плохая актриса, вот только теперь меня это мало волнует. Перевожу взгляд в потолок, ощущая, как разъедающая агония отступает, и разжимаю пальцы, оставляя на белой рубашке Господина отвратительно алые пятна.

Ну вот и все, наверное.

Это даже не сон, а будто параллельная реальность, где я — не я, а Господин, словно я нахожусь в его теле, в его мыслях, словно проживаю его жизнь, вижу его глазами, чувствую его сердцем. Передо мной пляшет пламя костра, и дым от него, переплетенный с яркими искрами, исчезает в вышине темной ночи, теплой и нежной, ласкающей лицо едва уловимым дыханием ветра. Свобода здесь ощущается каждой клеточкой тела, и чистый горный воздух наполняет легкие, прогоняя сон и вызывая в душе приятное умиротворение. Здесь абсолютно тихо, и складывается впечатление, что я один в целом мире, если не считать верной собаки, лежащей рядом. Она поводит ушами, прислушиваясь к тишине, и иногда поднимает голову, вглядываясь во мрак, обступивший нас со всех сторон. Мрак боится света, поэтому сохраняет границы, являясь немым свидетелем моего одиночества. Впрочем, оно не длится долго, потому что из темноты раздаются осторожные шаги, и мне приходится протянуть руку к мечу, чтобы быть готовым.

— Это я, Дамиан, — расслабляюсь, узнавая знакомый голос и наблюдая за тем, как свет постепенно обволакивает мужскую фигуру, приближающуюся ко мне. Улыбаюсь, когда он подходит совсем близко, так, что пламя костра освещает его и, будто бы мое, лицо, и протягиваю руку для приветствия.

— Здравствуй, Виктор.

...Грудь так сильно сдавливает, что я не могу сделать ни вдоха и, изгибаясь, желаю освободиться от оков, сдерживающих меня. Цепи обвивают тело, руки, они не дают мне пошевелиться и до боли впиваются в кожу, пока я пытаюсь их ослабить, разрывая звенья и бросая их к ногам тех, кто решил противостоять самой тьме. Во мне великая сила, она рвется наружу, она рушит глупые человеческие рамки и смеется над смертью. Она сеет ее. Я вижу ужас в глазах людей, обступивших меня, они кричат, бросая факелы на землю и разбегаясь в разные стороны. Глупцы, еще никто не мог совладать с моей скоростью, силой, жаждой. С нашей силой, потому что я знаю, он где-то здесь, и он пришел, чтобы помочь мне. Он понимает меня как никто другой, потому что в наших жилах течет одна кровь.

...Это не отблески костра, не жар домашнего очага и не запах жареного мяса. Это безжалостное пламя, пожирающее сложенные в воронку сучья, это вонь поджаренной плоти, это ад на земле и мучительная смерть. Я стою невдалеке, так, что стоит сделать несколько шагов, как адово пекло опалит мою кожу, и наблюдаю за тем, как всполохи огня подбираются все ближе к нему. Как они лижут его ноги, вгрызаясь в одежду, и, чадя смрадным дымом, поднимаются выше. Он не кричит и не умоляет, потому что слишком горд, потому что считает себя дьяволом и верит в то, что смерть принесет ему силу, куда большую, чем в первый раз. Его лицо светится красным, его проклинающий взгляд буравит меня, пока черный дым не поглощает распятую на столбе фигуру и не вынуждает меня отвернуться.

Потому что на том костре горю я...

Резко распахиваю глаза, хватая ртом воздух и чуть ли не подскакивая на кровати. Ужасающие образы тают, оставляя после себя горькое послевкусие и непонимание, смешанное с растерянностью, потому что я была господином, но видела, как он горит, как он смотрит на меня, как ускользает, и я назвала его? или себя? — Виктором...

С трудом возвращаюсь в реальность, где нет чужих мыслей, ощущений, снов. Ни запаха

дыма, ни тяжести цепей, ни страха. Все происходит так внезапно, что я не сразу понимаю, где я, и что со мной, пока не успокаиваю дыхание и, с громким стоном оседая на кровать, утыкаюсь взглядом в потолок. Это моя комната, мое тело, моя жизнь, которая по логике вещей должна остаться на полу в кабинете, но вместо этого вновь терзает меня, ввергая в непонимание и нарастающий шок.

Я жива все же. Разве такое возможно?

— Что ты видела? — голос Рэми разносится будто издалека, глухим раскатом, и я хмурюсь, прижимая дрожащую руку к груди, туда, где по идее должна быть рана — ужасная кровавая дыра, оставленная безжалостной пулей. Но вместо этого с удивлением провожу по гладкой неповрежденной коже, вызывающей искреннее недоумение. Я должна была умереть. Должна была. — Так что?

Облизываю пересохшие губы и перевожу расфокусированный взгляд на Хозяина, стоящего у окна, боком ко мне. Он все в том же костюме, только без пиджака, его белая рубашка почти вся вымазана кровью, и среди хаоса в голове я ощущаю легкий укол вины, ведь это из-за меня его идеальный образ полетел к чертям. Он терпеливо ждет ответа, продолжая смотреть в даль и не двигаясь, а я на миг прикрываю глаза, пытаюсь составить цепочку из образов и ответить наконец на вопрос, заданный мне равнодушным тоном.

— Пламя костра, ночь, тишину. Я видела абсолютную свободу и дышала воздухом, которым никогда не дышала, — тихо шепчу я, удивляясь тому, откуда он мог узнать, что мне что-то снилось. — Я видела вас и будто была вами. Я горела в огне.

— Все ясно, можешь не продолжать, — Рэми говорит это с заметной досадой, словно он всем сердцем надеялся на иной расклад, верил в то, что странные образы не коснутся меня, пройдут мимо и не оставят гнетущего чувства в душе, от которого во рту вяжет. — Всего лишь сон, не обращай внимания.

— Я должна была умереть — нахожу в себе силы сказать это вслух и, прижав подбородок к груди, рассматриваю пропитанное кровью платье. Она превратила голубую ткань в темно-красную, заляпала руки, простыни, одеяло. Она осела на коже удушающим металлическим запахом и потрескавшейся липкой пленкой. Она перекрасила пряди волос в грязно-бурый и лишила их блеска.

— Еще успеешь, — сухо бросает Рэми, наконец поворачивая голову ко мне и поражая своим видом. Слишком бледен и будто измотан, измотан настолько, что под глазами легли темные тени и губы лишились привычной краски. Он смотрит на меня пару секунд, а потом, зашторив окно, медленно подходит ближе и, пряча руки в карманы брюк, встает рядом с кроватью, таким образом почти нависая надо мной. — А теперь, *ma petite malheureuse fille* (моя несчастная маленькая девочка), ты вспомнишь все, о чем говорила с Адель, — его голос приобретает угрожающе вкрадчивые нотки, и вся я сжимаюсь, чувствуя скрытую в холодных эмоциях ярость. Она клокочет в его груди, просвечивает в его взгляде, она готова вырваться от одного неосторожного слова.

— Причем здесь Адель?

— Потому что она была здесь буквально вчера, и не для того, чтобы встретиться и пообщаться о твоих переживаниях. И потому что их целью совершенно точно была ты. А значит, ты знаешь что-то важное.

— Почему я?

— В вампира не стреляют обычными пулями.

— Люди не выживают после таких ранений, — теряя последние крупинки благоразумия,

шепчу я и тут же жалею, когда на лице Рэми дергается мускул. Он сжимает челюсти, словно своими словами я задела его за живое, указала на ошибку, которую он совершил и сейчас жалеет об этом, ведь причина, по которой я до сих пор жива, скрыта в нем. И я это точно знаю.

— Ты права, *ma fille*, не выживают, — он склоняется, опираясь руками по обе стороны от моих плеч, и смотрит на мою грудь, где в отвратительно окровавленном платье сверкает дырка от пули. Не успеваю отвести взгляд, как он резко поднимает голову и, теперь уже разглядывая мое лицо, продолжает: — Поэтому я дал тебе своей крови, которая помогла тебе исцелиться. Надеюсь, ты понимаешь всю серьезность ситуации, Джил, потому что обмен кровью с рабами запрещен законом и вампирской этикой, поэтому будь любезна, никому ни слова о том, что в тебя стреляли. Тем более Адель, впрочем, она наверняка думает, что сейчас ты уже мертва, тем интереснее будет наблюдать за ее реакцией, когда она увидит тебя живой и невредимой.

Не смею пошевелиться, боясь навлечь на себя гнев и понимая истинную причину его ярости — он вновь переступил закон, дав свою кровь и сохранив мне жизнь. Он, создавший этот мир и являющийся его опорой, противоречит сам себе, ставит под сомнение свою репутацию, жертвует авторитетом. Вот только ради чего?

— Так что? Давай, девочка, вспоминай, — в его голосе начинает сквозить нетерпение, его взгляд темнеет от едва сдерживаемой злости, и Рэми оплетает меня в плотный кокон своей близости, все-таки вынуждая взять себя в руки и вспомнить наш разговор с Адель до мельчайших подробностей.

— Мы говорили о моей потерянности и эмоциях.

— Дальше, — для пущего эффекта Хозяин стучит ладонью по подушке, отчего я испуганно вздрагиваю и начинаю нервно дышать. Вжимаю голову в плечи, надеясь спрятаться от его гнева, и даже начинаю жалеть, что вообще пришла в себя. Быть может, было бы лучше умереть, чем участвовать во всем этом. В конце концов, я всего лишь наложница, пустое место, я не хочу быть частью их игр.

— Она сказала, что вы выгораживаете меня перед Советом, и была удивлена, что в простили мне такую выходку.

— Надо же, какая осведомленность. Дальше, Джил, что такого ты ей сказала, раз она решила тебя убить?

— Я не знаю, она сказала, что вы всеми силами ищете истину и стараетесь не рассматривать людей как опасность, и тогда я ответила, что вы идете в правильном направлении, — при этих словах Рэми чуть хмурится, склоняясь еще ниже и безотрывно смотря в мои глаза. Мне кажется, их тьма гипнотизирует, я не могу отвести взгляд, ощущая как тело наливается тяжестью и биение сердца успокаивается. Страх уходит, оставляя после себя подозрительное спокойствие, приятную пустоту, абсолютное доверие. Мысли становятся легче, и теперь я не боюсь близости Господина, вновь играющего с моими эмоциями. — Потому что в тот день на Арене я видела вампира, наблюдающего за восстанием с верхней трибуны, — не успеваю договорить и резко замолкаю, когда Господин напрягается и сжимает кулаки. Его лицо приобретает демонические черты, ноздри трепещут от глубоких вдохов, что он делает, пытаюсь совладать с яростью, почти победившей его.

— Кого ты видела?

— Я н-не знаю, я не узнала его, потому что он был в черной накидке с глубоким капюшоном.

— Тогда с чего ты взяла, что это вампир? Ты хотя бы понимаешь всю серьезность своих обвинений?

— Люди не имеют такой стати, мой Господин, им не присуща плавность движений и королевская осанка. Они загнаны страхом и напуганы вашей силой. Тот, кто был на Арене, определенно вампир. Я более чем уверена.

— Ты не говорила мне об этом, но сочла нужным поделиться с Адель. И вот последствия твоей доверчивости, *ma fille*. Это будет тебе уроком, — с ядовитым сарказмом шепчет Рэми, наконец выпрямляясь и кидая на меня чуть ли не презрительный взгляд, от которого бросает в дрожь. Впрочем, его можно понять, ведь его наложница скрыла, как оказалось, важные факты. Вернее, предпочла разболтать их другим, чем поведать своему Господину.

— Простите, — только и выдыхаю я, прикусывая нижнюю губу и с трудом сдерживая слезы. Понимание того, что меня втянули в политические игры, вызывает что-то наподобие жалости, и я проклиная свою болтливость, Адель, воспользовавшуюся моей наивностью, этот жестокий мир, забравший у меня возможность увидеться с мамой, а в том, что мы с ней больше не увидимся, я даже не сомневаюсь, ведь Хозяин предпочтет разобраться с заговором, чем вернуть мне надежду. В груди нарастает едкая боль, и я горько всхлипываю, когда Рэми, не сказав ни слова, разворачивается и направляется к выходу. Становится так тошно, что я уже не могу удержать накатывающую истерику, вынуждающую меня унижительно мямлить: — Господин, — пытаюсь подняться и мутным от слез взглядом провожаю его удаляющуюся спину. — Господин! — уже громче кричу я, все же вынуждая его обернуться. Он смотрит на меня с ледяным безразличием, пока я встаю на налитые свинцом ноги и медленно подхожу к нему. Меня трясет от напряжения, пальцы, которыми я цепляюсь за его рукав, немеют, и мольбы срываются обрывочными, унижительно жалкими фразами: — Прошу вас... вы обещали... всего лишь одна встреча... я больше никогда не попрошу... моя мама... я умоляю вас... вы успеете наказать виновных, — плачу как маленький ребенок, будто мои слезы могут тронуть его каменное сердце, и постепенно оседаю на колени, теряя последние силы, но все же продолжая удерживать его за руку. Представляю, насколько ужасно сейчас выгляжу: с заплаканным лицом, в кровавом безумии, но это не имеет значения, никакого, потому что мне нужно увидеться с мамой.

Вот только его молчание... оно не оставляет надежды.

Обреченно разжимаю пальцы, освобождая его руку от плена, и сникаю, опуская голову и утыкаясь пустым взглядом в его начищенные ботинки. Красивые, с классической шнуровкой и наверняка ручной работы. На носке одного из них замечаю засохшую капельку крови и на полном автомате беру подол платья, чтобы стереть ее — она не должна испортить идеальный блеск идеальной обуви. Как и я не должна ставить себя выше интересов Хозяина.

— Что ты делаешь? — Рэми раздраженно отходит назад, чуть ли не пронзая меня брезгливым тоном, который сочится из его уст, в очередной раз напоминая мне мое место. Действительно, как я смею прикасаться к нему, просить о чем-то... Ничего не отвечаю, не считаю нужным, все-таки справляясь с очередным разочарованием и смиренно складывая руки на колени. Я больше не трону его своими глупыми просьбами. Наверное, он чувствует мое состояние, понимает его, потому что уже в следующую секунду одним резким движением хватает за предплечье и с легкостью поднимает на ноги. Смотрит с такой злостью, что у меня перехватывает дыхание и озноб пробирает до самых костей. — Мне

нужно было отпустить тебя, просто дать тебе умереть, дожидаться, когда ты истечешь кровью и исчезнешь из моей жизни. И только представь, сейчас я искренне жалею о том, что не сделал этого, потому что ты ходячая проблема, Джил, — отпускает, внезапно, оставляя пульсирующую боль в месте сжатия и с силой отталкивая от себя. Его грубость опрокидывает меня на пол, и я кидаю на него полный обиды взгляд, ведь это не я возомнила себя богом, скупая жизни и превращая людей в игрушки. Это не я взяла в заложники чужую душу.

— Любой выбор рождает возможность сожаления, мой Господин, и мне жаль, что вы приняли неправильное решение.

Мне правда жаль.

— У тебя есть полчаса, чтобы привести себя в порядок, — с глухим рычанием говорит он, тут же покидая спальню и с нечеловеческой силой хлопая дверью, отчего стены вибрируют, а я чуть ли не проглатываю язык от страха. Сердце пускается в галоп, и я неверяще смотрю в пустоту, где лишь мгновение назад стоял Рэми, пока внезапная догадка о том, что он прислушался к моей просьбе, не заставляет меня подняться на ноги и, преодолев непонятную слабость, рвануть в ванную.

Всего полчаса.

Мне хватает семнадцати минут для того, чтобы принять душ, немного обсушить волосы и надеть серое хлопковое платье в комплекте с ботильонами на низком каблуке. Всего тридцать секунд на дорогу от комнаты до кухни, где в одном из шкафчиков я нахожу зачерствелый кусок багета, в который впиваюсь зубами, пытаюсь заглушить внезапно нахлынувший голод. Он с трудом поддается мне, поэтому не нахожу ничего лучше, чем прислониться к стене в гостиной, как можно дальше от зашторенных окон, и, в ожидании Хозяина, посасывать его, ведь Леви так и не купил продуктов, словно не надеясь, что они могут пригодиться, либо же попросту не успев. И, как только я вспоминаю его, он выныривает из кабинета, держа под мышкой скатанный в рулон ковер. Что ж, если кухню он мог проигнорировать, то кабинет Хозяина нет. Смотрю на него настороженно, не зная, как он отнесется ко мне после случившегося, но Леви не подает вида, будто бы я и не являюсь прямым доказательством нарушения закона, будто не было моей "полусмерти", будто бы время повернулось вспять и мы все еще собираемся в Изоляцию.

— Сейчас четыре часа. Это утро или вечер? — спрашиваю я, косясь на окна и боясь к ним подходить. Нет никакого желания стать мишенью тех, кто не смог убить меня с первого раза.

— Утро, — поясняет он, а я изумленно открываю рот. Почти сутки, почти целые сутки понадобилось мне, чтобы вернуться назад. Вот откуда чувство голода и некая слабость. Быть может, странные образы тоже результат продолжительного сна? Возвращаюсь к своему занятию, уже не чувствуя той радости и восторга, что заставляли меня улыбаться вчера, потому что эти эмоции обманчивы, они могут предать и превратиться в боль всего за одно мгновение. Лучше я потерплю до встречи с мамой, чем буду сходить с ума от призрачной возможности, готовой упорхнуть в любой момент.

— Накинь это, — приказывает Рэми, спускающийся с лестницы и кинувший в меня черную накидку, которую я едва успеваю словить, при этом чуть не выронив багет из рук. Послушно накидываю на плечи тяжелую ткань и сильнее вжимаюсь в стену, когда Хозяин останавливается напротив и смотрит на меня с видимым недовольством, будто я своим отчаянным упорством подпортила все его планы. Но я их действительно подпортила,

отсрочив момент мести на целый день. Тем удивительнее видеть его здесь, со мной, а не где-нибудь в Ратуши, устраивающим публичную казнь. При мыслях об этом мне становится не по себе, и я представляю Адель вместо Аруша: острый крюк пронзает ее горло, и она извивается словно змея, пытаюсь вырваться из хватки Господина, наверняка уже вынесшего приговор. Мне почти жаль ее. Почти — потому что в глубине души я разделяю подозрения Рэми насчет ее причастности к моему "убийству", а также участию в заговоре, ведь она действительно проявила нездоровый интерес к происходящему.

Не слышу, о чем говорит Хозяин с Леви, и нетерпеливо мнусь у порога, все продолжая мучить кусок багета и едва успеваю отойти с дороги закончившего разговор и прущего как танк Господина. За ним шлейфом следует напряжение, оно чуть ли не искрится, и я предпочитаю не отставать, тут же выходя на улицу и окунаясь в плотный вязкий туман, ложащийся на плечи холодными влажными ключьями. За эти сутки многое изменилось, и снег вокруг превратился в тяжелое просевшее покрывало, заляпанное грязными пятнами. Длинная мне накидка постепенно намокает, становясь еще тяжелее, и я путаюсь в ней, стараясь не потерять Господина в тумане и следуя за ним молчаливой тенью. Свет фонарей размыт окружающей мути, и наступающее утро выглядит мрачно таинственным, неуютным, пугающим, поэтому я облегченно выдыхаю, садясь в машину и прячась в иллюзии защищенности от внешнего мира. Осталось вжаться в сиденье и не привлекать к себе внимания, чтобы доехать до Изоляции живой и невредимой, ведь настроение Рэми не предвещает ничего хорошего.

У меня получается быть незаметной около сорока минут, пока мы выезжаем из спящего города, минуя десятки перекрестков, поворотов, дорог, оставляя за спиной погруженные в туманную завесу здания и постепенно выбираясь в пригород, где туман оказывается еще плотнее, скорее из-за начавшихся низин и близости источника воды. Изредка я бросаю настороженные взгляды на Господина, напряженно опасного и молчаливого, уверенно ведущего машину одной рукой и делающего вид, что меня здесь не существует. Вообще. Наверняка потому, что он до сих пор чувствует злость и видит во мне, как он выразился, "ходячую проблему", доставившую ему массу неудобств. Если честно, я сама не рада, что влипла во все это, и не могу не признать, что Хозяин делает для меня много больше, чем для пустого места. По крайней мере, он пытается меня защитить, он, рискуя своим положением, вытащил меня с того света и сейчас везет к маме. Опять же, если бы он не купил мою свободу тогда, этого бы не было.

Мы ответственны за того, кого приручили.

— Простите, я могу задать вопрос? — желая скрыть неловкость, шепчу я и впиваюсь пальцами в ткань накидки, затравленно глядя на Рэми, заметно сжавшего руль, но даже не посмотревшего в мою сторону.

— Ты уже это сделала.

Затыкаюсь, боясь произнести хоть слово, и с разочарованным вздохом отворачиваюсь к окну.

— Интересно, с каких это пор ты стала такой послушной...

— Я просто хотела спросить, ваша кровь, она помогла мне исцелиться. Исцелиться до какой степени?

— Если ты имеешь в виду свою болезнь, то нет, иначе бы кровь вампира стала панацеей от всех недугов, и тогда в мире не существовало бы таких понятий как рак, туберкулез, СПИД и многих других. Нам не пришлось бы тратить на строительство больниц, а я

природе нарушился бы баланс в виде естественного отбора. Только переродившись посредством смерти ты можешь избавиться от своей болезни, *ma fille naïve*, (моя наивная девочка) проще говоря, тебе нужно умереть.

— С вашей кровью в организме?

— Да, — Рэми коротко кивает, вжимая педаль газа и увеличивая скорость, а я на миг замолкаю, обдумывая его слова и приходя к выводу, что если сейчас я умру, то, вполне возможно, стану вампиром. Вот только я не знаю, хочу ли им быть. — Даже не думай, я не позволю тебе обратиться.

— Почему?

— Потому что не каждый может справиться с этим, ты в их числе, — на этих словах Господин поворачивается ко мне и смотрит таким проникновенным взглядом, что я непроизвольно сжимаюсь, даже не собираясь спорить. Наверное, ему виднее.

— Что вы сделаете с Адель?

— А как ты думаешь?

— Я не хочу об этом думать, — для пущей убедительности мотаю головой, вновь вспоминая казнь Аруша, а Рэми позволяет себе ухмыльнуться, одними уголками губ, обдавая меня ледяной иронией.

— Надо же, какая святость, ты даже не хочешь мести? Именно поэтому, *ma petite*, роль вампира не для тебя, — подытоживает он, давая понять, что разговор окончен и мне не стоит приставать к нему с вопросами. Но я не знаю, как сдержаться, вдруг чувствуя непонятную тревогу, постепенно заполняющую сердце. Вспоминаю наши разговоры с Адель, ее поведение, ее поддержку и уже с трудом верю, что она способна на столь низкое коварство. В конце концов, Вацлав тоже знает о фактах.

— Вацлав тоже в курсе, я сказала ему об этом, когда он приходил в ваш дом, — и нет, я не пытаюсь увести подозрения от Адель, оправдать ее, спасти.

Пытаюсь.

— И кого же ты предлагаешь убить первым? Или есть еще кто-то, кому ты успела разболтать? Кажется, я предупреждал тебя, что сделаю, если ты будешь слишком много болтать. Не вынуждай меня, Джил, — в его голосе слышится явная угроза, и я нервно сглатываю, прикусывая язык и отодвигаясь как можно дальше. Учитывая его спокойное отношение к кровавым расправам, не сомневаюсь, что вырвать язык для него не составит труда. — Ты поняла меня? — Судорожно киваю, не издавая ни звука, и Рэми удовлетворенно расслабляется, откидываясь на спинку сиденья и принимая излюбленную позу небрежности. Предпочитаю отвернуться к окну, дабы не видеть его строгого равнодушия, и, скрестив руки на груди, закрываю глаза. Нужно попытаться заснуть.

Во сне время летит быстрее.

Я окунаюсь в прошлое внезапно, словно с размаху прыгая в ледяную воду и при этом забывая вынырнуть, и воздуха катастрофически не хватает как только я открываю глаза и непонимающе всматриваюсь в дорогу перед нами, заканчивающуюся высокими бетонными воротами, разделяющими внешний мир от Изоляции, вернее сказать, Колонии, где находится мой дом. Проходной пункт с шлагбаумом, несколько мужчин в военной форме и совершенное хладнокровие Господина, который даже не заглушает двигателя, наверняка надеясь проехать без задержки. Наверное, так оно и будет, учитывая его положение в этом мире. Он не смотрит на меня, не обращает никакого внимания, терпеливо ожидая, когда один из мужчин подойдет к машине и, стараясь рассмотреть салон через затонированное стекло, постучит по нему костяшками пальцев. Тихое жужжание электропривода, и салон наполняется запахом дыма, краски и ярким, по сравнению с его мрачностью, дневным светом. И, пока я задыхаюсь от предвкушения, смешанного с волнением и едкой ностальгией, солдат склоняется ниже и отточено громким голосом произносит:

— Въезд без специальных пропусков запрещен, сэр.

— Похвально, — Рэми с тошнотворной неторопливостью, будто специально желая помучить меня, достает карточку-пропуск и протягивает ее ожидающему мужчине, который незамедлительно сканирует ее, после чего открывает рот от изумления и смотрит на Господина неверящим взглядом. И сейчас, с вот этим вот обескураженным лицом, он напоминает мне религиозного фанатика, увидевшего своего бога воочию. Осталось только упасть на колени и заплакать от нахлынувшей эйфории.

— П-простите, — он вытягивается по струнке, возвращая карточку и махая рукой остальным. Отдает им жесткий приказ пропустить и уже раболепно шепчет: — Вам нужно сопровождение, мистер Рэми?

— Нет необходимости, — сухо бросает Рэми и, не дожидаясь ответа, закрывает окно, только после этого переводя на меня холодно равнодушный взгляд. Он смотрит всего несколько секунд, но за это время я успеваю прочесть его эмоции — он зол на меня и напрасно пытается скрыть это, потому что я слишком хорошо его выучила, чтобы не заметить очевидного — сейчас он должен быть не здесь, не со мной, а в Митрополе, вершащим правосудие. Тогда почему, почему, черт побери, он дарит мне шанс? И, кажется, я догадываюсь.

— Я знаю, почему вы это делаете, — под мерный шум двигателя шепчу я, пристально наблюдая за тем, как медленно открываются тяжелые ворота, затем поднимается шлагбаум, и стоящие по сторонам дороги люди с армейской выправкой с интересом разглядывают нашу машину. Это должно быть приятно — быть центром вселенной.

— Что делаю?

— Позволяете мне увидеться с мамой.

— И? — лишенным заинтересованности тоном спрашивает Господин, пересекая границу миров и прибавляя скорость. На миг вылетаю из реальности, с щемящей тоской вглядываясь в силуэты зданий вдалеке, среди которых мой дом, моя школа, мое кафе, в лабиринте которых скрыты знакомые улицы, увядшие воспоминания, прошлая жизнь. Мне почти не больно, если не считать того, что на месте сердца постепенно образуется дыра, и я не чувствую его ритма, провалившись в накатывающую, словно волны прибой, боль. Она

концентрируется в горле, превращаясь в предательские слезы, и не дает сказать ни слова, пока я не делаю глубокий вдох и затяжной выдох. Признаться, я думала, что будет не так сложно. — Джил, я жду.

— Потому что чувствуете вину передо мной, — выдыхаю я, напрягаясь и пододвигаясь ближе к лобовому стеклу. Сейчас мы проедем промышленные зоны и вынырнем на улицу, ведущую к моему дому. Осталось немного. Парочка кварталов; несколько доз серости и невзрачности, облупившихся фасадов, убогих тротуаров с черными пятнами асфальта на сером, скрывающими образовавшиеся ямы; сотни не улыбкающих лиц, изможденных обреченностью взглядов — все это моя прошлая жизнь, которая теперь кажется чужой и выдуманной.

— Ты не могла бы не копаться в мотивах и просто принять это с благодарностью, *ma petite*?

— Спасибо, — на полном автомате произношу я, скидывая с себя накидку и вцепляясь в подол платья пальцами. До побелевших костяшек, до онемения. — Теперь направо, мой Господин, — не обращаю внимания на его раздраженный тон, все сильнее запутываясь в волнении и чувствуя начинающуюся нервную дрожь. Меня практически трясет, когда машина останавливается на перекрестке, следуя правилам дорожного движения и оттягивая момент встречи. И мне сложно поверить, что буквально через несколько минут я смогу увидеть маму, сложно настолько, что я прикусываю губу, желая проверить, не сон ли это — один из тех, что ярче действительности. — Здесь, — несдержанно хлопая по панели ладонью, говорю я, и Рэми притормаживает напротив моего дома, ничем не отличающегося от остальных на улице. Обыкновенная девятиэтажка с разрисованными граффити дверьми, имеющая несколько подъездов. Не жду его разрешения, просто потому, что не хватает терпения, и, найдя окна своей квартиры взглядом, выхожу из машины. Ветер бросает в лицо сырую влажность подтаявшего снега, и я вдыхаю полной грудью, пересекая дорогу и даже не смотря по сторонам. Лишь громкий и недовольный сигнал машины, под которую я едва не попадаю, вынуждает меня сконцентрироваться на дороге, а не на дверях своего дома. Водитель ее грозит пальцем и, открывая окно, выдает неприличные ругательства, но это не может остановить меня, ведь мама так близко, семь этажей, сломанный, как и всегда, лифт, ступеньки, пролеты, снова ступеньки, сбитое дыхание, предательская усталость. Мне не хватает духа преодолеть пролеты, и я, чуть не плача, хватаюсь за перила и пытаюсь отдышаться, унять свое безумное сердце, готовое вот-вот сорваться. Я чувствую это — чувствую по гулу в ушах, по трясущимся от напряжения рукам, по капелькам пота, скатывающимся вниз по спине и впитывающимся в платье на поясице, по странно искаженной действительности, плывущей перед глазами. Но среди все этих ощущений я вижу лицо матери, которая ждет меня. Ждет ведь, да?

Пролет. Ступеньки. Пролет. Ступеньки.

— Мама, — тихо шепчу я, наконец достигая нужного этажа и прислоняясь лбом к двери. Тяну руку к звонку и несдержанно колочу ладонью по поверхности, и плевать, что я устраиваю шум, плевать, что еле стою на ногах, плевать, что не могу успокоить сбившееся дыхание и захлебываюсь в эмоциях, не зная, плакать мне или смеяться. Но проходят секунды, а за дверью не раздастся ни шороха, и что-то тяжелое нарастает внутри, вызывая во мне смутные догадки. Нет-нет-нет, я не могла опоздать.

— Джил? Джиллиан Холл? — слышится за спиной, и я резко оборачиваюсь, наталкиваясь на Элона, скорее всего из-за шума вынырнувшего из своей квартиры. Он почти

не изменился, если не считать отросших волос и небольшой щетины на подбородке. Он смотрит на меня удивленно-растерянно, словно не ожидая меня здесь увидеть, вернее вообще не ожидая, по крайней мере не в этой жизни.

— Здравствуй, Элон, — выдыхаю я, тревожно оглядываясь по сторонам и подходя ближе. — Ты не знаешь, где может быть моя мама?

При этом вопросе он скорбно поджимает губы и окончательно выходит на площадку, вставая напротив и изучая меня с видимым интересом. От нетерпения и нервов сжимаю и разжимаю кулаки, то и дело оглядываясь на двери своей квартиры. А что если мама стоит сзади, и я просто не услышала, как она вышла? Но ничего не меняется, и я передергиваю плечами от подступившего холода, потому что разогретые нагрузкой мышцы начинают остывать, а влажное платье делает еще хуже.

— Ты уехала и даже не сообщила, как ты. Миссис Холл с ума сходила.

— Я не могла, не могла, — мотаю головой, для чего-то оправдываясь перед ним, и заламываю пальцы, подходя ближе и с надеждой заглядывая в его лицо. — Элон, просто скажи, где мама, прошу тебя.

Умоляю, хватит меня мучить, я не выдержу больше.

— От тебя так долго не было вестей, Джил, и она все ждала, спускалась вниз и стояла у входа. Я видел ее каждое утро, когда уходил на работу, и вечером, когда возвращался домой, — его голос тихий и будто извиняющийся, Элон прячет руки в карманы брюк и, переминаясь с ноги на ногу, старается не смотреть в мои глаза, словно этот разговор тяготит его, выворачивает наизнанку. — А потом Айрин... она умерла, и миссис Холл... не желала в это верить. Она закрылась в своей комнате и не отдавала ее, пока Элисон не вмешалась и не уговорила отдать тело, — он продолжает говорить, а я словно проваливаюсь в вакуум, наблюдая за его движущимися губами и ощущая, как разваливаюсь на куски, трещу по швам, превращаюсь в кровоточащую рану. — И знаешь, после того, как Айрин похоронили, она будто с катушек слетела, подходила к прохожим и обвиняла их в том, что они забрали ее девочек. Она приходила даже ко мне, угрожала, кидалась с кулаками. Она не справилась с потерей, сошла с ума от отчаяния. Мне правда жаль. Джил.

— Где моя мама? — бездушным тоном перебиваю его я, мечтая, чтобы он наконец заткнулся, просто сдох вместе со своими фальшивыми сожалениями. Никому не жаль, всем абсолютно плевать.

— В последний раз я видел, как ее забирали люди в белых халатах.

— Куда?

— Не знаю, быть может, в психиатрическую больницу, — Элон пожимает плечами, кидая виноватый взгляд в сторону и отчего-то тушуясь. Только когда я поворачиваюсь назад, понимаю, в чем дело — Рэми, стоящий за моей спиной и небрежно прислонившийся к стене плечом. В кричаще дорогом костюме и черном пальто он выглядит неуместно и своей аристократичной леностью будто потешается над убогостью этого места. Не могу не отметить, что весь его вид выражает крайнюю скуку, и кажется, что он едва не засыпает от нашего неинтересного безвкусного разговора. — Ты не одна?

— Что? Да, да, это мой... мой... я не одна... — растерянно замолкаю, вообще не соображая, что говорю, потому что все мои мысли заняты обработкой информации и проблемой того, где найти маму. — Значит, мне нужно искать в больницах? Просто позвонить и узнать, это легко, мне нужен справочник. Я все сделаю, психиатрическая больница, это просто. Всего несколько минут, — шепчу я, лихорадочно скользя взглядом по

стенам, Элону, Рэми, непонимающе разглядывая свои трясущиеся руки и вновь возвращаясь к Рэми, пристально наблюдающему за моей реакцией. Он скидывает с себя скучающий вид и подозрительно хмурится, когда я продолжаю шептать несурезицу и, не зная, куда себя деть, мечусь по лестничной площадке. Впиваюсь пальцами в волосы и сжимаю их так сильно, что в глазах появляются слезы. — Мне нужно позвонить, прошу вас, мой Господин, дайте мне время. Это быстро, всего несколько минут. Я найду ее.

— Зайдем в квартиру, у тебя есть ключ? Джил! — уже строже говорит он, когда я, не слыша его вопроса, твержу о телефоне. Он хватается меня за плечи, с силой встряхивая и привлекая к себе внимание. Чудом вырывает из лап начинающейся истерики и кивает головой на дверь, подталкивая меня к ней. Все это время Элон стоит в стороне и распахнутыми от изумления глазами смотрит на то, как я послушно затихаю и, надежно удерживаемая за предплечье, подхожу к двери. Если отковырять кусочек бетона, возле косяка, то можно найти секрет — дубликат ключа, который я обычно прятала там. Вот только сейчас у меня с трудом получается, потому что пальцы дрожат, и я безрезультатно пытаюсь зацепить осколок, пока Хозяин не помогает мне, с легкостью вызволяя ключ из ловушки.

Дверь за нами захлопывается с пронзительно громким звуком, и я словно отмираю, вновь начиная шептать о телефоне и пытаюсь выскользнуть из крепкой хватки.

— У нас мало времени, Господин, мне нужно найти ее. Слышите?

Слышит, конечно, но не отпускает, не дает свободы, до боли впиваясь в руку и заталкивая вглубь прихожей, как можно дальше от двери, где нас может подслушать Элон. Я вижу лишь его непроницаемое лицо, угрожающий взгляд, сомкнутые в тонкую линию губы, бог мой, красивые нежные губы, которые не могут убить во мне надежду. Не могут-не могут-не могут. Молчи.

— Ты не найдешь ее, *ma petite*.

Молчи.

— Потому что в Колониях нет психиатрических клиник. Таких пациентов усыпляют.

Мотаю головой, отказываясь верить и постепенно проникаясь его словами. Все ложь, обман, его гнусные неуместные шутки. Я не позволю ему разрушить свои надежды.

— Это неправда, неправда. Откуда вы можете знать?

— Потому что этот мир создал я.

Отчаянно вырываюсь из его хватки, уже не сдерживая слез и ударяя свободной рукой в его грудь. Мне хочется закричать, что все это ложь, но из горла вырывается лишь жалкое и сиплое подобие крика, которое не трогает Рэми, прижавшего меня к стене и навалившегося всем телом. Он крепко сжимает меня в объятиях, и я не могу пошевелиться, даже повернуть голову в сторону, чтобы сделать глубокий вдох и опровергнуть его слова. Господи, я так беспомощна по сравнению с его силой, оплетающей меня, что обреченно затихаю и, утыкаясь в его грудь, плачу. Горько, навзрыд, не стыдясь своих слез и не боясь показаться слабой. Лацкан его пиджака постепенно намокает, но Рэми продолжает удерживать меня, даря поддельное умиротворение и поддержку, и сейчас, в этот самый момент, я благодарна ему всем сердцем за то, что он не дает мне упасть. Благодарна сквозь ненависть к его миру, сквозь боль и отчаяние. Благодарна вопреки здравому смыслу и логике. Благодарна просто за то, что он здесь, со мной, и позволяет мне быть слабой, естественной, живой.

В моей комнате ничего не изменилось, совсем, разве только ее хозяйка, внешне оставшаяся прежней, но внутри будто переродившаяся, постаревшая на несколько лет и

испытывавшая слишком много всего, чтобы можно было унести. Я не унесла, половину эмоций оставив Господину, а вторую запрятав глубоко в сердце, которое на удивление выдержало. Оно до сих пор трепещет в груди, заставляя меня дышать, думать, бороться, в то время как я предпочла бы сдаться, закрыть глаза и перестать существовать, зачеркнув будущее и оставшись в настоящем. В настоящем, где я нахожусь в своем доме, в своей комнате, в своей постели, вот только это все равно ничего не дает, потому что здесь поселилась мертвая пустота. Она почти оглушает, давит на барабанные перепонки и доставляет физический дискомфорт, от которого я пытаюсь спрятаться под одеялом, сжавшись в неприметный маленький комочек и сложив ладони между коленей. Тепло одеяла не помогает, не избавляет от неприятного холода и не успокаивает, потому что наряду с пустотой в квартире властвует гнетущее одиночество, и осознание этого ранит сильнее, чем самые изощренные в мире пытки.

Ведь я осталась одна-одна-одна. У меня больше никого нет. Совершенно. И в доказательство этому горькая на вкус тишина, сдавливающая со всех сторон, ведь даже Рэми, притаившийся в одной из комнат, не издает ни звука, будто боясь нарушить мой молчаливый диалог со своей болью и давая мне время привыкнуть, смириться с потерей и отпустить. Отпущу, обязательно отпущу, вот только найду причину, из-за которой я должна двигаться дальше. И это точно не серость наступающего вечера, и не слой пыли, покрывший мою прошлую жизнь, и не ставший вдруг чужим дом. Что-то другое, пугающее и непостоянное, близкое и одновременно далекое, сильное, противоречивое, временами ломающее, но проявляющее какую-то странную извращенную заботу.

Господин — я буду цепляться за него, пока не окрепну и не научусь дышать.

Глубоко вздыхаю, наконец скидывая с себя одеяло и вставая с кровати. Мне уже намного легче, быть может потому, что слез не осталось — они осели жжением на раздраженной коже, опухших веках, влажными пятнами на подушке. Они впитались в пиджак Хозяина, не отпускавшего меня до тех пор, пока я не смогла совладать с первой, и самой сильной, волной истерики. И, думаю, именно его сила стала той самой преградой, которая смогла ее остановить. Он не говорил ни слова, просто сжимал в стальных объятиях и терпеливо ждал, когда я перестану рыдать.

И вот, перестала все же.

Мои шаги почти не слышны, пока я дохожу до кухни и замираю на ее пороге, наталкиваясь на пронизательно изучающий взгляд Хозяина, сидящего за столом, в пол-оборота. Его ноги вытянуты вперед, а сам он полулежит на стуле, локтем опираясь о стол и отбивая кончиками пальцев незатейливый ритм. Кажется, он стал еще бледнее, и на фоне черной одежды выглядит болезненно изможденным, словно только вчера победив неизлечимую болезнь. И, наверное, этому есть объяснение — голод, что просвечивает в его взгляде, когда я обнажаю шею, откидывая мешающие волосы назад, за плечо.

— Простите, здесь не убрано, — смущенно шепчу я, замечая стоящую на столе чашку с присохшими к ее дну чайниками. Скорее всего, мама попросту не успела ее вымыть, исчезнув в адской пасти жестокого мира, ведь она щепетильно относилась к чистоте дома и наверняка ей было бы стыдно за этот маленький беспорядок. Чувствую небольшую неловкость перед Рэми, пока убираю чашку и, подойдя к мойке, включаю воду и пытаюсь отмыть ее. Почему-то мне кажется, что его присутствие здесь совершенно неуместно, будто бы мой скромный дом может оскорбить его, замарать, вызвать брезгливость и презрение, ведь наши миры абсолютно разные и по идее не должны были пересечься, но, как назло, пересеклись. На

границе жизни и смерти.

Он не произносит ни слова, продолжая сидеть все в той же небрежной позе и, знаю, наблюдает за мной, а я наконец справляюсь с чашкой и, опираясь обеими руками о мойку, опускаю голову и закрываю глаза. Хочется хоть как-то разбавить наступившую тишину, хочется вылить свои мысли и поделиться переживаниями, пусть даже если они его мало волнуют.

— Иногда мне кажется, что я живу чужой жизнью. Что стоит сказать заключительную речь, как опустится занавес и слетят маски. Отлично сыгранная роль останется за плечами, и под громкие овации я вернусь в свою жизнь.

— И какой ты ее видишь?

Улыбаюсь, грустно, ощущая щемящую тоску от осознания того, что как бы я не мечтала, сколько бы не отрицала, я живу, живу, черт побери, именно своей жизнью.

— Не знаю, — пожимаю плечами, отлипая от мойки, и, избегая смотреть в его глаза, сажусь за стол, напротив него. В поле зрения попадают его изящно тонкие пальцы, отбивающие гипнотизирующий ритм по столешнице, и я не нахожу ничего лучше, чем зависнуть на них и продолжить свои жалкие откровения: — Я вижу ее стабильной, хочу быть уверенной в том, что новый день не принесет боли больше, чем принес предыдущий. Я вообще не хочу чувствовать боли, быть как можно дальше от нее, как можно дальше от разочарования и потерь. Я представляю, как живу в маленькой, но уютной квартирке, наполненной яркими красками и лишённой ядовитой пустоты, что поселилась здесь. Оглянитесь вокруг, мой Господин, этот дом умер, умер вместе с мамой, Айрин, мною, — прикусываю губу, обводя взглядом маленькую кухню, и сцепляю руки перед собой, чтобы сконцентрироваться на них. Только на них. Не на всколыхнувшейся в груди боли, не на слезах, вновь вставших в горле, не на жалости к себе, постепенно наполняющей душу. — Я могла бы выучиться в колледже, на воспитателя или учителя, к примеру, а в свободное от учебы время подрабатывать в том же кафе. Я могла бы познакомиться со стоящим парнем, выйти за него замуж и родить детей. Я могла бы умереть счастливой, познав настоящую любовь и оставив после себя приятные воспоминания. Я могла бы прожить эту жизнь лучше, чем Джиллиан Холл, — на последней фразе я тихонько всхлипываю, но тут же беру себя в руки, вытирая скользнувшие по щекам слезы тыльной стороной ладони. Почему-то мне становится крайне стыдно и, чтобы скрыть свою слабость, я вновь вскакиваю с места и, подходя к окну, резко меняю тему: — Эта квартира, она останется за мной? — и дело не в том, что я думаю о наследстве, нет, а в том, что она, такая мертвая и пустая, не нужна мне больше.

— Нет. Покинув Колонию, ты фактически перестала существовать. У тебя нет юридических прав. Эта квартира отчуждается в пользу государства, — совершенно сухо, словно сидя в зале суда, говорит Рэми, а я понимающе улыбаюсь, обнимая себя за плечи и взглядываясь в дом напротив. Интересно, знают ли люди, догадываются ли вообще, в каком мире они живут и сколько чужих жизней проживают?

— А если вы подарите мне свободу? Разве я не смогу вернуться сюда?

Его молчание красноречивее всех слов, и я горько ухмыляюсь, вспоминая Мадлен. Она до сих пор надеется вернуться.

— Мадлен верит, что, отработав контракт, вернется домой.

— Я не могу заставить ее НЕ верить, это ее право.

— Радует одно, что у нас, несмотря на абсолютную безнадежность, есть хоть какое-то

право, — не замечаю, просто не обращаю внимания на слезы, продолжающие скапливаться на линии подбородка, а затем капающие на грудь. Все эмоции перемешались в немислимую палитру, и я уже не знаю, что является причиной этих слез: потеря ли близких, на могиле которых я никогда не смогу побывать, только потому, что в Изоляции нет кладбищ, а покойников принято кремировать, либо же понимание того, что я никогда не вернусь, да и возвращаться мне уже некуда. А может, осознание того, что теперь у меня есть только Хозяин и весь мой мир сосредоточился именно в нем. Поворачиваю голову в его сторону, разглядывая строгий профиль, и прихожу совершенно к безумной идее. — Мой Господин, — медленно подхожу к нему, опускаясь перед ним на колени и заставляя посмотреть на себя. Кладу озябшие ладони на его ноги и шепчу лихорадочно жарко, то и дело глотая слезы и срываясь на рваные всхлипы: — Вы ведь можете, вы уже делали это, заберите их. Я не хочу чувствовать, не хочу помнить, — мотаю головой, сжимая губы и на миг замолкая. Моя просьба унижительная и жалкая, и весь мой вид не может вызвать ничего кроме как раздражения и злости, но я продолжаю шептать, надеясь на его человечность и понимание. Потому что однажды он не дал мне сгореть. — Я прошу вас, умоляю, заберите их, я не могу больше, я не справлюсь, не смогу, не смогу.

Господи, что я делаю?

— Иди ко мне, *ma petite*, — Рэми обхватывает мои запястья, помогая подняться, и усаживает на свои колени, зарываясь пальцами одной руки в мои волосы. Он ласкающе поглаживает меня, пока я кладу голову на его плечо и утыкаюсь носом в район его шеи. Не могу не признать, что в его объятиях ощущаю непонятный покой и умиротворение, будто бы и не я всего несколько часов назад билась в истерике, будто бы и не я прошла через очередную потерю. Быть может, всему виной его тихий шепот, проникающий в разум, быть может, нежные пальцы, продолжающие ласкать, быть может, та самая сила, которой он оплетает своих жертв, чтобы они перестали сопротивляться. Но так или иначе я прекращаю всхлипывать и уже внимательнее прислушиваюсь к монотонному шепоту, который переносит меня в другое измерение, где нет разъедающей боли, лишь ее слабые отголоски; нет жгучей безнадежности и горьких мыслей, есть лишь его близость и возрождающаяся вера в то, что я смогу вернуться в свою жизнь.

Благодарно улыбаюсь, проваливаясь в невесомость, и, выпрямившись, откидываю волосы на одно плечо. Он выглядит изможденным, а впереди нас ждет дорога домой. Приспускаю рукав платья, оголяя плечо и шею, и склоняю голову вбок, доверчиво подставляя себя под прохладные губы. Они оставляют на линии ключицы влажные поцелуи, обманывая лаской, а потом заменяются на острые клыки, которые впиваются в мышцы и заставляют меня обронить сдавленный стон.

— Хочу домой...

Я догадываюсь, для чего я здесь, как догадываюсь и о том, почему Хозяин по возвращению домой отдал жесткий приказ не покидать спальню, где мне пришлось безвылазно провести почти две недели. Они запомнились приятным одиночеством и тишиной — в ней я могла заниматься тем, чем хотела, будь то рисование или же чтение. Минимум тревог, мыслей, ненужных умозаключений, какое-то странное спокойствие и неспешность, приятная расслабленность, полное согласие с собой. Я практически не думала о том, что где-то за стенами моей комнаты происходит нечто ужасное, что благодаря искусным играм Рэми удавка на шее Адель постепенно затягивалась, ее бдительность усыплялась, а жизнь висела на волоске, прямо как моя — тогда, в кабинете. Испытываю ли я жалость? Наверное, но вся она покрыта толстым слоем безразличия, подозрительного равнодушия, словно кто-то уменьшил яркость, чтобы не так слепило глаза. Меня не слепит и почти не волнует, может поэтому я совершенно спокойно сижу в машине, ожидая когда про меня вспомнят и от нечего делать рассматривая незнакомый особняк, на территории которого припаркована машина. Дом отличается классической архитектурой и впечатляет размерами; в то же время сдержанный и лишенный аляповатых деталей, он не может не привлекать внимания изысканностью арочных окон и выгнутым лестничным маршем по всему фасаду здания, что подталкивает к выводу: у его обладателя отличный вкус. Просто великолепный. Вот только наш дом все равно выигрывает, хотя бы тем, что содержит в себе тихий и заброшенный уют, в котором много комфортнее и теплее.

Хочу вернуться в него и спрятаться в своей комнате, чтобы вновь почувствовать защищенность, умиротворение, я бы даже сказала гармонию, такую странную приторную гармонию, которая захватила меня сразу же после поездки в Изоляцию, откуда я вернулась уже другой, отпустившей прошлое и нашедшей опору в настоящем. И пусть это результат милосердия Хозяина, забравшего мою боль, но я все равно сильная, сильная, сильная. Это слово въелось в сознание, будто ветер, удерживающий в своих объятиях, нашептал мне его и внушил быть сильной. И я действительно сильная, на так ли?

— Пошли, Джиллиан, — Леви появляется внезапно, просто открывает дверь и встает перед глазами, вызывая искреннее удивление и непонимание, потому что я смотрела на особняк и не могла не заметить его приближение. Если только, если только не выпала из реальности, прокручивая в памяти навязчивый шепот. Знаю, какая роль мне уготована, поэтому послушно иду за Леви, вгоняя в себя свежий воздух и наслаждаясь теплом наступающего вечера. Весна уже чувствуется намного отчетливее и благодаря ей день стал длиннее, он до последнего не сдает позиции, пока туманные сумерки не проглатывают его и не превращаются в густую ночь, жизненный цикл которой заканчивается на рассвете. Все имеет начало и конец. Я тоже начала новую жизнь, перешагнув в следующий этап — без болезненного прошлого, без смерти мамы, Айрин, Элисон, Изоляции, без надоедливых воспоминаний, терзающих душу. Пусть они останутся позади, а я сохраню себе все самое светлое — только приятные моменты, улыбки, объятия, те малые крупинки счастья, что иногда врывались в мою жизнь и разбавляли ее серость, я сохраню любовь к близким, детские мечты, тетрадь с рисунками, наивные надежды. Спрячу их и никому не отдам. Даже Господину, который с легкостью может опустошить меня. — Ни в коем случае на отходи от меня, мы не знаем, как может повести себя Адель, — дает последние наставления Леви и

прижимает палец к губам, давая знак, чтобы я молчала. Киваю, делая глубокий вдох и, не отставая от него ни на шаг, поднимаюсь по лестнице. Роскошный холл с высокими потолками, вновь лестница, и та самая комната, в которой должно все решиться. Где-то глубоко в душе надеюсь на то, что подозрения Рэми окажутся необоснованными, и Адель не выразит удивления при моем появлении, лишь сдержанно улыбнется и скажет тихое "bonsoir, petite". Но мои надежды не оправдываются, они рассыпаются в пыль как только я захожу в комнату и замечаю ее, стоящую лицом к Господину, спиной ко мне. Она даже не оборачивается, слыша тихое приветствие Леви, и я с невообразимой грустью рассматриваю ее худощавую фигуру, облаченную в роскошное черное платье. Длинные волосы забраны в высокую прическу, и в глубоком вырезе платья виднеются выпирающие позвонки, уходящие вниз, к пояснице.

Она такая красивая, до ужаса просто.

— Добрый вечер, Господин, — еле выдавливаю из себя, облизывая пересохшие губы и наблюдая за тем, как плечи Адель напрягаются и вся она словно каменеет, слыша голос того света. Рэми не отвечает мне, пристально вглядываясь в ее лицо, а потом победно улыбается, когда она резко разворачивается и распахивает глаза от изумления, наверняка не ожидая увидеть меня живой. Хочу улыбнуться ей, но вместо улыбки получается что-то безобразно кривое, и сердце на секунду затихает, сталкиваясь с очевидными доказательствами в виде ее растерянного и непонимающего взгляда.

Она уже выдала себя, и это начало ее конца.

— La petite?

— Ты будто увидела призрака, Адель, — тянет Рэми, кидаясь в нее колким намеком, а я ощущаю как в глазах скапливаются слезы от очередного провала моей наивности. А ведь когда-то Господин предупреждал, чтобы я не искала в ней друга. Это было так давно, Господи, так давно, что уже кажется неправдой, Впрочем, даже сейчас не теряет своей актуальности. Дура, я наивная маленькая дура, привязывающаяся к любому, кто проявит ко мне хоть капельку доброты. Адель, Хозяин, кто следующий? И пока в комнате накапливается напряжение, вся я пропитываюсь желчью и иронией над собой, почти злостью. Безучастно смотрю на происходящее: на то, как Леви делает шаг вперед, будто ожидая, что Адель побежит к двери, как Господин совершенно невозмутимо садится на стул, закидывая ногу на ногу и сцепляя пальцы на коленях; на то, как Адель глубоко дышит, наверняка понимая свою ошибку и не зная, как вывернуться, а потом просто сникает, опуская голову и понимающе ухмыляясь. Проигрывая...

— Вот почему ты пришел ко мне, Дамьен. Не потому что соскучился, — ее плавный голос едва слышен и явно предназначен не для нас с Леви. В нем столько обреченной грусти, что я неосознанно прислушиваюсь, испытывая что-то наподобие жалости и понимания — знаю, что такое разочарование и боль, и мне становится искренне жаль Адель, которую так гнусно обманули, искусно сыграв на ее чувствах. Впрочем, у каждого своя игра, и именно ее ход стал первым в этой партии.

— На колени, Адель.

Прошу, позвольте мне уйти, я не хочу ничего видеть, слышать, чувствовать. Не хочу наблюдать за тем, как Адель, красивая гордая Адель, покорно встает на колени и сдается. Играй, играй же, черт бы тебя побрал, ведь ты такая сильная.

— Зачем? — равнодушно спрашивает Хозяин, но я вижу как напрягаются его скулы, когда он сжимает челюсти и с заметным презрением смотрит на ту, которая когда-то делила

с ним постель. Быть может, это спасет ее от смерти, быть может, он проявит милосердие и простит, отпустит на все четыре стороны, как в тот раз, когда она посягнула на его игрушку.

— Она должна была умереть, должна была, — словно в бреду шепчет Адель, мотая головой и заламывая пальцы от отчаяния. Пропускает мимо ушей заданный им вопрос и замолкает, резко вскидывая голову и смотря на Хозяина ошарашенным взглядом, словно неоспоримая истина наконец коснулась ее и помогла разобраться в ситуации. — *Tu lui as permis de regarder dans votre ame, tu enfreins la loi. Que tu as fait, Damien?* (Ты позволил ей заглянуть в свою душу, ты нарушил закон. Что ты натворил, Дамьен?) — При этих словах Рэми передергивает плечами, будто скидывая с себя неприятные обвинения, и раздосадованно морщится, но тут же возвращает себе невозмутимость, продолжая прятать их разговор за непонятным мне языком.

— *Admettre, plus je m'inquiete de ta trahison. Pour qui? Qui veut renverser le moi, Adele?* (Признаться, больше всего меня волнует твое предательство. Ради кого? Кто хочет свергнуть меня, Адель?)

— *Et que de tes souvenirs, elle a vu?* (И какое из твоих воспоминаний она видела?)

— Ты не ответила на мой вопрос. Дело не в том, что ты посмела тронуть мою собственность, а в том, что ты пошла против меня. Спрашиваю последний раз, кто стоит за этим? — улавливаю в тоне Господина нотки нетерпения, кажется, еще чуть-чуть, и он сорвется, подаст знак Леви и окутает Адель извращенной болью жестоких пыток, чтобы вытрясти из нее информацию. Испортит ее красоту, уничтожит ее гордость, сломает ее удивительную статью.

— *Qui c'etait, il sait propos de ta faiblesse.* (Кто бы это ни был, он знает о твоей слабости.)

— *Je n'ai pas de faiblesses.* (У меня нет слабостей.)

— Теперь есть, — оба они, как по команде, поворачивают головы в нашу сторону, и я не знаю, чего мне опасаться больше: того, что речь наверняка зашла обо мне, или же раздраженно злого взгляда Хозяина, пригвоздившего меня к полу. Неосознанно сжимаюсь, комкая в кулаках подол платья и нервно сглатывая. Надо мной нависает что-то необъяснимое, что-то страшное, будто своими словами Адель прокляла меня, и тьма в глазах Рэми концентрируется, становится тяжелой, а потом выплескивается в жесткий приказ, который он бросает Леви: — Уведи ее.

Выдыхаю — моя роль закончена, и, дай Бог, мне не придется смотреть на то, как Адель умирает. А в том, что она умрет, я уже не сомневаюсь, потому что Рэми не прощает предательства, интриг, обмана, потому что слишком любит власть и, боясь ее потерять, предпочтет избавиться от бывшей любовницы, каким-то образом замешанной в заговоре, чем помилует ее во имя памяти о совместно проведенных ночах. Она обречена, ей не стоило нарушать запрет и приходить в его дом, тем более не стоило разговаривать со мной, впрочем, она надеялась, что я не выживу, и Рэми никогда не узнает, о чем мы говорили. Не узнает об одной маленькой детали, указывающей на ее причастность в заговоре. Думаю об этом, послушно следуя за Леви и совершенно не обращая внимания на то, куда мы идем. Мне становится интересно знать истинную причину предательства Адель, что подтолкнуло ее на то, чтобы пойти против своего Господина, которого она любит, или любила? — всем сердцем. Быть может, толчком к этому шагу стали безответные чувства, быть может, она предпочла месть, чем бессмысленную жизнь без него, быть может, я сделала бы то же самое на ее месте.

— Это твоя новая комната, — произносит Леви, вырывая меня из раздумий и открывая

дверь в большую, чуть ли не в два раза больше, чем моя прежняя спальня, комнату. Вся она выполнена в коричнево-бежевых тонах, тяжелые портьеры, почти скрывающие арочные окна, ковер на полу, большая кровать с резными деревянными столбиками, гобеленовые картины и камин. Встаю как вкопанная, вглядываясь в непроницаемое лицо Леви и ни черта не понимая.

— Разве мы не вернемся домой?

— Нет, Господин решил остановиться здесь. Позже я привезу твои вещи, — надоедливо сухим тоном отвечает Леви и, пока я делаю первый осторожный шаг внутрь, подходит к окнам и полностью закрывает их шторами, ввергая комнату в удушливый полумрак. Я не смогу спать в такой большой и чужой комнате. Я боюсь. И, будто читая мои мысли, Леви продолжает: — Здесь безопасно, Джиллиан. Закрытый и охраняемый район.

— Почему именно сейчас?

— Потому что того требуют обстоятельства.

— Потому что если они смогли подобраться ко мне, то смогут и к Господину, — дополняю я, устало опускаясь на кровать и утыкаясь взглядом в пол. Становится дико не по себе, и я интуитивно чувствую близость необратимых перемен, которые надвигаются не только на меня, но и на Хозяина, все же решившего принять меры предосторожности. Помнится, он с безразличием говорил о своей смерти, тем удивительнее его внезапное решение переехать и лишиться себя привычной тишины старого дома. Надеюсь, когда все утихнет, мы вернемся обратно, и я смогу посетить беседку. Стоит только дождаться тепла, осталось немного, несколько дней, недель, еще чуть-чуть. Кажется, я произношу это вслух, потому что Леви бросает на меня хмурый взгляд и тут же покидает комнату, позволяя мне насладиться тишиной и приятными мыслями о будущем, которое обязательно будет лучше, чем настоящее, ведь я почти смирилась и научилась жить по законам этого мира. Забыла о свободе, потеряла себя, свыклась с мыслью о том, что принадлежу Господину, в котором, на удивление, уже не вижу монстра. Наверное, потому, что он позволил увидеть другие грани своей души, позволил подойти ближе и рассмотреть тщательно скрываемую под маской холодного равнодушия человечность. И единственное, чего я сейчас боюсь, так это того, что его человечность — результат моей фантазии и наивности, выросший на почти хорошем отношении и благодарности за помощь.

Не знаю, как долго так сижу, как долго перемалываю нахлынувшие размышления, но прихожу в себя лишь когда Леви, даже не постучавшись, заходит в спальню и ставит на пол две сумки с моими немногочисленными вещами. Молча киваю, порываясь подойти к ним и заняться хоть чем-то, но тут же оседаю обратно, когда в проеме дверей появляется Рэми и одним лишь властным жестом приказывает Леви выйти. Руки начинают дрожать по мере того, как он молча приближается и останавливается в паре шагов от кровати, вынуждая меня задержать дыхание и со страхом заглянуть в его лицо. Оно почти непроницаемое, мне сложно прочесть его эмоции, и в наступившей тишине я ощущаю себя совершенно потерянной, пока в черных глазах не начинает пылать что-то наподобие ярости. Не огненной, нет, скорее чужой и холодной, будто бы я и есть причина всех его проблем, и он готов убить меня прямо здесь, чтобы навсегда избавиться от головной боли.

— Господин, — только и произношу я, приглушенно вскрикивая, когда он стремительно пересекает расстояние между нами и, грубо обхватив мой подбородок ладонью, склоняется к моим губам в угрожающем шепоте:

— Et que dois-je faire avec ma petite faiblesse, Jillian? — Его пальцы еще сильнее

сжимают нижнюю челюсть, и я морщусь от боли, полностью растворяясь в его тьме, сдавившей мое трепещущее от страха сердце. Не знаю, что стало причиной его тихой ярости, но интуитивно чувствую, что в этом замешана Адель, что именно ее слова возродили в нем такие эмоции. Значит, речь действительно шла обо мне. Он смотрит на меня с колющим безразличием, слегка склоняя голову вбок, и усиливает хватку, вынуждая меня обхватить его запястье руками в попытке освободиться от плена. Напрасно, потому что я слишком слаба по сравнению с его силой. Нелепо дергаю ногами, упираясь в пол и запрокидывая голову назад, мне кажется, что стоит ему проявить хоть одно усилие, как моя челюсть треснет, и, будто понимая это, Рэми небрежно отталкивает от себя и выпрямляется, окидывая меня, такую жалкую и напуганную, ледяным взглядом. — *Leur prouver qu'ils se trompent.* (И что же мне делать со своей маленькой слабостью, Джиллиан? Доказать им, что они ошибаются.)

Эта ночь мучает меня бессонницей, тяжелыми мыслями и пугающими образами. Я вижу то Адель, истекающую кровью, то Господина, горящего в пламени, то себя, один на один с вампирами. Многие из них мне знакомы — это члены Совета и люди с самого первого приема, других же я никогда не встречала, либо предпочла не запомнить их лица, чтобы не загружать память. Они наполняют мой шаткий сон тревогой и страхом, а потом с размаху бросают в реальность, где я оказываюсь в полном одиночестве, в абсолютной темноте, только и разбавляемой слабым светом фонарей, проникающим сквозь портьеры. К утру совершенно выматываюсь и больше не стараюсь уснуть, решив разобраться с вещами и взяться наконец за себя — слишком бледное и измотанное отражение встречает меня в зеркале.

Вот только не успеваю, потому что Леви, как всегда невозмутимо правильный, приказывает спуститься вниз, в кабинет Хозяина, который ожидает меня с раннего утра. Интересно, насколько раннего? Если сейчас только шесть. По-видимому, кому-то тоже не спится.

Почему-то у самой двери в его кабинет ощущаю смутную тревогу и не тороплюсь войти, делая парочку глубоких вдохов и пытаюсь унять накатывающее волнение. Бросаю вопросительный взгляд на Леви, ища в его лице ответы, но наталкиваюсь лишь на раздражающую бесстрастность, которую хочется стереть одним точным ударом. Он вообще умеет выражать эмоции? Чувствует хоть что-то, кроме своей маниакальной преданности Хозяину?

— Доброе утро, Господин, — как можно более покорным тоном произношу я, когда все же решаюсь зайти и нахожу его стоящим у окна. Высокий и статный, он заставляет меня более внимательно всмотреться в его фигуру: расправленные широкие плечи, горделивая осанка, расслабленная поза. В воздухе ощущается терпкий аромат свежесваренного кофе, и я неосознанно повожу носом, наслаждаясь его запахом. И, пока Рэми молча продолжает стоять у окна, то и дело отпивая кофе, успеваю рассмотреть комнату с утонченно классической мебелью из красного дерева. Особенно меня привлекает шахматный столик с искусно вырезанными полированными фигурами на нем. Одни тепло-бежевого цвета, другие темно-красного, они стоят напротив друг друга и готовятся к бою, следует только отдать приказ и первый ход будет сделан.

Война начнется.

— Ты так думаешь?

— Что?

— Утро... что оно доброе, — наконец, он поворачивается и встает в пол-оборота, пряча

одну руку в карман брюк, а второй продолжая удерживать чашку. Несколько томительных секунд смотрит на меня, поражая своим свежим и элегантным видом: зачесанные назад волосы, гладко-выбритый подбородок, идеальный костюм, состоящий из белой рубашки и серой, металлического оттенка жилетки, подчеркивающей тонкую, на фоне плеч, талию. Становится неловко от его пронзительного взгляда, и я тут же краснею, начиная нервничать и чувствуя какой-то подвох в его фразе. Может, для кого-то оно и доброе, но только не для меня... Переминаюсь с носка на пятку, пока он рассматривает меня, а потом, едва заметно тряхнув головой, подходит к столу и с четким звоном ставит на него чашку. Все его неторопливые движения еще больше пугают, складывается ощущение, что он намеренно тянет, откладывает что-то важное на одну, вторую, третью секунду, пока я не нарушаю тишину, так некстати прочищая горло. — Знаешь, Джил, я много думал насчет тебя, наверное, ты заметила, что в последнее время я практически не уделял тебе внимания.

Вернее, вообще не уделял, полностью погрузившись в игры с Адель.

Он говорит это таким тоном, словно перед ним сидит милая собачонка, которую он не выгуливал черт знает сколько времени. Она все равно ничего не ответит, не обвинит и не возразит, лишь помахает хвостом и посмотрит на него до жути преданными глазами в ожидании того, что сейчас он накинет на нее поводок и они по обычаю пойдут гулять. У Рэми нет поводка в руках, а я не собачонка, но его слова воспринимаю как некое извинение, отгоняя прочь голос интуиции, шепчущей, что впереди меня ждет что-то страшное, что-то уродливое, что-то чужое.

— И этому есть объяснение: мне надоело с тобой нянчиться. Я уже говорил тебе, что ты ходячая проблема. Признаться, их у меня хватает, поэтому я решил избавиться хоть от одной, — При этих словах забываю вдохнуть и ошеломленно застываю, даже не смея пошевелиться. Ноги оплетает вязкий туман холода, и комната сжимается до размеров моего сердца, которое так безжалостно топчет Хозяин. Оно обливается кровью, но продолжает сопротивляться, гулким эхом отдаваясь в ушах и вынуждая меня отмереть. Растерянно моргаю, не совсем понимая, к чему он ведет и каким образом хочет от меня избавиться, и прикусываю губу, чтобы он не заметил, как она начинает подрагивать от нервного напряжения и страха. Мое учащенное дыхание мешает сосредоточиться, и я уже с трудом концентрируюсь на Рэми, который совершенно спокойно усаживается за стол и сцепляет пальцы под подбородком, с какой-то снисходительной иронией наблюдая за тем, как я пытаюсь взять себя в руки. Получается до ужаса плохо, и я опускаю голову, отказываясь верить в действительность. Это шутка, наверное. — Думаю, наилучшим вариантом будет продать тебя Юджину, по крайней мере, мне не придется тратить время и подыскивать нового Хозяина.

— Я что-то не так сделала? — произношу это униженно затравленным голосом, наконец в полной мере осознавая, что это происходит со мной, что это вовсе не шутка, и Рэми действительно хочет от меня избавиться. Нет-нет-нет, не хочу в это верить, не сейчас, когда все самое страшное позади и жизнь начала, начала ведь да? — налаживаться. Господи, я обещаю привыкнуть к этому дому, хорошо себя вести и больше ни во что не впутываться.

— Не обязательно что-то сделать, *ma fille*, хоть ты и доставила мне массу неудобств. Просто наложницы надоедают, приедаются, потом вызывают скуку и раздражение. Давай упустим этот этап и расстанемся, эмм, скажем так, друзьями, — он прожигает меня пристальным взглядом, совершенно хладнокровно отказываясь от своей игрушки, отдавая ее другому, да еще предлагая остаться "друзьями". Я могла бы посмеяться, если бы не было так

грустно, страшно, одиноко, ведь теперь я лишаясь привычной жизни и ухожу в неизвестность, в так называемое никуда. Впрочем, мне не привыкать. Ухмыляюсь, горько, едва ли находя в себе силы сдержать слезы. Сильная, сильная, я сильная. Слышите?

— Как скажете, Господин, — пожимаю плечами, покорно следуя судьбе и ожидая дальнейших приказов. Рэми же скидывает с себя ироничную маску и становится вмиг серьезным, задумчивым, отрешенным. Смотрю в его черные глаза уже более смело, не боясь ни его гнева, ни его переменчивого настроения, ни его статуса. В конце концов, теперь он мне никто, пустое место, лишь тень прошлого.

— Ты можешь взять из своих вещей все, что считаешь нужным. Как будешь готова, сообщи Леви, он тебя отвезет. А теперь иди, Джиллиан, у меня много дел, — он поводит бровями, показывая взглядом на дверь, и, пока я растерянно мнусь на месте, совершенно не зная, куда себя деть, что делать, как быть, он откидывается на спинку кресла и вновь возвращается к уже остывшему кофе. Он пьет его без сахара, не разбавляя сливками или молоком, двойное — знаю, потому что успела выучить. Как и то, что он любит Шато Марго, костюм-тройку и чтение, а также алое постельное белье, древесные ароматы и тишину. На самом деле я знаю намного больше, вот только теперь это уже не пригодится, ведь, вполне возможно, мне придется привыкать к другому хозяину.

— Я могу вас кое о чем попросить, мистер Рэми? — шепчу, намеренно называя его по фамилии, и чувствую, как моя жизнь рушится на глазах, превращаясь в руины, из которых я должна сотворить нечто новое и более прочное. Будет сложно, будет больно, но мне нужно выстоять, нельзя иначе. А самое странное, что я не чувствую обиды или злости на Господина, так просто отказавшегося от меня, скорее досаду от мысли о том, что я, жалкая и наивная дура, больше никому не нужна. — Адель. Она еще жива?

— Да.

— Позвольте мне увидеться с ней, — не надеюсь, что он рассмотрит мою просьбу, и даже успеваю развернуться к двери — слишком долгая пауза повисает в кабинете, — как Рэми в очередной раз удивляет, равнодушно кидая:

— Как хочешь.

Наверное, в каждом доме Митрополя есть эти проклятые подвалы, в которых спрятаны секретные комнаты. В одной из таких я провела несколько дней, утопая в собственном безумии и терзаниях, может поэтому едва нахожу смелость вступить в каменную ловушку, где пахнет затхлостью и отчаянием, тяжелым, ядовитым отчаянием, сковывающим грудь и вызывающим тошноту. Мне жаль Адель, ведь я прекрасно представляю, через что ей придется пройти.

— Советую не подходить к решетке, — говорит Леви, включая свет и указывая взглядом вглубь длинного коридора. Он тактично не следует дальше и, закрывая тяжелую дверь, оставляет нас с Адель наедине. Все же он не лишен понимания, и это, черт побери, трогает. Не вижу ее в темной комнате, потому что свет от тусклой лампочки освещает лишь решетчатые прутья и линию каменного пола, но зато слышу как гремят цепи, когда она, замечая меня, начинает подходить ближе.

— Боже мой, — прижимая ладонь к губам и сдерживая крик ужаса, произношу я, когда окровавленные, будто лишенные кожи пальцы, обхватывают прутья, и Адель, изуродованная до неузнаваемости, кидает на меня голодный испепеляющий взгляд.

— *La petite*, подойди ближе, я не кусаюсь, — лишь голос ее остался прежним, медленно певучим и игривым, она улыбается, обнажая зубы и протягивая худые руки, а потом резко

дергается вперед, наверняка желая меня поймать. Тягучая кровь капает с ее запястий и наполняет помещение отвратительно сладким запахом, оставляющим приторный привкус на языке. — Боишься? — Адель клацает челюстями, а потом, замечая мой неподдельный страх, приходит в себя и жарко шепчет: — О нет-нет, Джиллиан, не надо, только не приближайся, я не хочу причинять тебе боль. Зачем ты пришла, малышка? Это он тебя послал? — убирая прилипшие к скулам волосы, спрашивает она, а я не знаю, что ответить. Что я, сколько бы меня не топтали, все равно тянусь к людям, и упрямо верю, что в них есть что-то хорошее. В Адель тоже есть, просто она запуталась, потерялась.

— Господин здесь ни при чем. Я пришла... попрощаться, — с трудом произношу последнее слово и делаю глубокий вдох, пытаюсь заглушить боль. Все не так, неправильно, нечестно, мы не должны прощаться при таких условиях, мы вообще не должны прощаться. Мне хочется повернуть время вспять и вновь сидеть за одним столом с Адель, красивой, утонченной, игривой. Без крови, боли и обид.

— Самое время, Джиллиан, думаю, Дамьен не будет тянуть с казнью. Я хочу, чтобы ты знала — мне жаль. Жаль, что ты оказалась замешана во всем этом. Жаль, что его присутствие в твоей жизни приближает тебя к смерти. *Tu n'est pas coupable, qui est devenue sa faiblesse.* (Ты не виновата, что стала его слабостью.)

— Что это значит, Адель? — Она не отвечает, лишь грустно улыбается, ввергая меня в еще большее уныние. Хочется разрыдаться в голос, потому что это конец, понимаете? Мы никогда-никогда не увидимся и не вернем утраченного времени. И на этот раз мне придется самостоятельно справляться с эмоциями — запасных вариантов нет. — Зачем ты это сделала? Со мной, с ним.

— Ты знаешь, малышка, знаешь, — Адель снижает голос, будто боясь что нас кто-то услышит, и я замечаю скользнувшие по ее щекам слезы, которые она даже не пытается скрыть. В воздухе повисает оглушающая тишина, и я не знаю куда деться от пронзительного взгляда зеленых глаз, сканирующих меня. Адель пристально всматривается в мое лицо, а потом манит пальцем, предлагая подойти ближе. Разрываюсь между любопытством и вполне логичным страхом — она обескровлена, голодна и может не справиться с хищными инстинктами, и все же, несмотря на доводы разума, делаю несколько осторожных шагов навстречу. — Ты спрашиваешь зачем? Зачем? Потому что я любила его и до сих пор люблю. *Maintenant c'est ton tour.* (Теперь твоя очередь.) И запомни, *la petite*, остерегайся его отражения.

— Что?

— Иди, убирайся отсюда. Оставь меня, — ее доброжелательный настрой меняется за доли секунды, и вся она преобразается на глазах, превращаясь в дикую кошку. Шипит, резко дергаясь вперед, и вновь клацает челюстями, пытаюсь до меня дотянуться. Испуганно пячусь назад и, провожаемая безумным взглядом Адель, покидаю подвал, оставляя за спиной очередную главу своей жизни и навсегда прощаясь с этим домом. Не вижу смысла искать Леви, который наверняка ждет в машине, и, не останавливаясь, выбегаю на улицу, подставляя лицо под крупные капли весеннего дождя. От него намокает одежда и волосы превращаются в мокрые пакли, но все это ерунда по сравнению с болью, разъедающей душу. Бежать, нужно бежать отсюда, как можно дальше, чтобы выжечь из памяти все, что связано с Дамианом Рэми — моим бывшим Хозяином, которого, вполне возможно, я больше никогда не увижу.

Совершать безумства легче с закрытыми глазами, крепко зажмурившись и полностью погрузившись во тьму. Я свое совершила — несколько секунд назад, и сейчас, сидя на полу в ванной, с блаженной улыбкой наблюдаю за тем, как тонкие струйки крови расплзаются по запястью, скапливаются в раздутые капли и под тяжестью собственного веса падают вниз, постепенно закрашивая пол в насыщенно-алый. Это красиво, много красивее моей никчемной и никому не нужной жизни, с которой я решила распрощаться. Потому что даже самые сильные ломаются, просто встают однажды утром и понимают, что это тупик, и выхода нет. Вернее есть — один — самый ответственный шаг, требующий недюжинной смелости и капельки упрямства, чтобы не отступить назад и завершить начатое. Я тоже не хочу отступать, поэтому отвлекаюсь от разглядывания узоров смерти и перевожу безучастный взгляд на раковину, края которой уже успела испачкать кровью. Наверное, Тьери, управляющий площадкой, будет чертовски недоволен, и я даже представляю, как побагровеет его лицо, все испещренное оспенными шрамами, как он сведет густые брови к переносице и, встав около меня, уже мертвой, со злости пнет ногой. Не уследил, лишив своего Хозяина прибыли, впрочем, это до смешного спорный вопрос, ведь мне до сих пор не понятно, для чего я здесь — брошенная и забытая, я чем-то похожа на поношенную и надоевшую вещь, до которой никому нет дела. Она пылится за диваном, пока однажды кто-нибудь случайно не заглянет за него и не достанет ее, уже вышедшую из моды и поеденную молью.

Признаться, мне казалось, что я смогу справиться, что самым трудным будет первый день, когда Леви, как всегда невозмутимый и исполнительный, привезет отвергнутую Господином игрушку на распределительный пункт — основную площадку работорговли, где такие как я рассортировываются по направлениям: одни предназначаются для работы, в прямом смысле этого слова, и увозятся на специализированный рынок, где промышляют исключительно владельцы крупных предприятий, рудников, шахт, остальных же, в основном девушек и не отличающихся выносливостью мужчин, ждет участь игрушек, бойцов Арены, грязнорабочих. Особая категория — красивые женщины, на которых можно заработать неплохие деньги, — они идут на утеху богатым господам, в элитные дома терпимости и ночные клубы, наверняка наподобие тех, в котором я была с Рэми. Все они "идут", а я остаюсь, и это на самом деле сложно — тонуть в неизвестности и ожидании, потому что проходят недели, месяцы, мимо проносятся сотни лиц, не запоминающихся, одинаково обреченных, а я так и стою в стороне, молча наблюдая за тем, как люди исчезают в ненасытной глотке системы.

Пытаться их запомнить — гиблое дело, так же, как и найти себе друзей, потому что в любой момент их может не стать, ведь все, что меня окружает, умирает, стирается, меркнет. Остается лишь ядовитое одиночество и безысходность, которые и подтолкнули к этому шагу — я попросту сломалась, потеряв любую надежду и не сумев привыкнуть к никому ненужности, не сумев понять Хозяина, с такой легкостью выпнувшего меня за порог. Мне хочется не думать о нем, вычеркнуть из памяти как ненужное воспоминание, но среди этого хаоса, растерянности и страха, мысли о нем дарят временное успокоение, будто бы я просто потерялась, и он обязательно найдет меня, вырвет из лап отчаяния и больше не отпустит. Никогда.

Какая наивность.

Ведь это по его воле я оказалась в этом ужасном месте, в котором, увы, уже успела прижиться, даже стала частью его, такой же, как Тъери, или любой другой из наемников-надсмотрщиков, следящих за порядком и выполняющих приказы Юджина, появляющегося здесь крайне редко. Слишком редко, чтобы я могла вспомнить его последний визит. И, если честно, мне уже все равно: до Юджина, Тъери, людей, едва ли задерживающихся здесь дольше, чем на неделю, потому что мое время пришло, ну или наоборот, закончилось.

Улыбаюсь, чувствуя легкое головокружение и обводя взглядом ванную. Небольшая, но чистая, и для этого места, можно сказать, роскошная. Какая ирония, когда-то, давным давно, мой Господин ворвался в почти такую же и угрожал расправой над близкими, если я посмею уйти. Еще большая ирония в том, что у меня никого не осталось, а Рэми предпочел избавиться от меня. Последний спасательный круг лопнул, и теперь я медленно иду ко дну.

Плевать. Осталось еще чуть-чуть, быть может, несколько минут, секунд, которые хочется потратить на приятные мысли. Например, о моей семье, с которыми мы скоро встретимся, если, конечно, я попаду в рай. "Самоубийцы не попадают в рай, даже не надейся", — шепчу вслух, вновь обращая внимание на руку и разглядывая тягучую кровь, местами успевшую загустеть. На коже заметны шрамы прошлой жизни, и мне становится до жути обидно, что, пройдя столь долгий путь, пережив боль, страх, смерть, я сломалась именно от одиночества и ненужности. Так не должно быть, это неправильно, бьюсь об заклад, что Господин даже не узнает, что его никчемная наложница умерла, и будет жить как ни в чем не бывало, продолжая ломать чьи-то судьбы, забирать души, разрывать сердца. Я должна доказать ему, и в первую очередь себе, что могу жить без него. Могу-могу-могу.

Эмоции меняются слишком быстро, они выворачивают наизнанку, просто сбрасывают вниз, и я не замечаю того момента, когда оказываюсь возле раковины и, подставляя руку под струю холодной воды, отмываю кровь. Она заляпывает пожелтевший от времени фаянс розовыми разводами и скрывается в сливном отверстии, унося с собой мою постыдную слабость. Никто не узнает, не увидит, не поймет. С трудом перебинтовываю запястье и едва успеваю навести порядок в ванной, как ненавистный Тъери, даже не постучавшись, врывается в мой тихий неприметный мир, состоящий из маленькой комнатки с зарешеченным окном и минимумом мебели: деревянной кровати, тумбочки, узкого шкафа, хранящего в себе мои скудные пожитки, а также неудобного кресла, которое я переставила к окну, чтобы хоть как-то разнообразить свою тусклую жизнь наблюдением за внутренним двором. Обычно утром, часам к восьми, он наполняется грузовиками с людьми, которым предстоит пройти строгий отбор, а к ночи вновь пустеет, покрываясь ярким светом фонарей и прожекторов.

— Холл, на выход, — по крайней мере, по фамилии, а не по номеру комнаты, как он обращается ко всем остальным, по каким-то причинам задерживающихся здесь дольше обычного. В основном, это молодые девушки, на которых у Юджина особые планы, предполагаю какие. Индивидуальные заказы вампиров, имеющих возможность содержать наложниц-игрушек. Среди них мой Господин, вернее... бывший господин. Интересно, он нашел мне замену, или решил отдохнуть от проблем? — Побойстрой, — недовольно бросает Тъери, толкая в плечо и указывая взглядом на второй этаж, где я ни разу не была. Признаться, за эти три месяца я вообще нигде не была, кроме как своей комнаты и длинного коридора, заканчивающегося прозрачной стеклянной дверью. Здесь нет свободы, так же, как не было ее и раньше, с отличием лишь в том, что в этом месте отсутствие ее воспринимается

куда острее, ведь все мы лишены возможности хоть какого-нибудь разнообразия. Впрочем, это всего лишь "перевалочный пункт", не имеющий постоянной основы, так что стоит ли продумывать досуг рабынь, тлеющих в неизвестности.

Я иду нехотя переставляя ноги, может, из-за общей слабости, может, из-за желания позлить Тъери, который идет чуть позади и прожигает меня раздраженным взглядом. Прекрасно знаю его отношение к рабам, поэтому не испытываю к нему ни капли симпатии, скорее даже ненависть, чуждую мне. Он не считает нас за людей и всем своим видом показывает это, частенько срываясь и доказывая свою власть над нами. Радует одно, что я еще ни разу не попадалась под горячую руку и смогла избежать участи избитых и изнасилованных им наложниц.

— *La petite!* — дружелюбно говорит Юджин, даже не подозревая, как внутри меня все переворачивается при этом обращении, как царапает сердце это проклятое "*la petite*" и хочется провалиться сквозь землю, чтобы убереечь себя от дальнейшей боли. Едва нахожу в себе силы кивнуть и мельком оглядываю его, приходя к выводу, что он несколько не изменился. Наверное, вампиры не меняются. Вообще. — Садись, Джил, — он указывает на стул возле стола и, пока я выполняю его приказ, внимательно наблюдает за мной, вынуждая почувствовать себя неловко. — Давно не виделись, последний раз наше знакомство закончилось не совсем удачно.

Тонкий аромат табака и ментола наполняет комнату, когда Юджин, несколько развязно устроившись в кожаном кресле, закуривает сигарету и выпускает дым ровными кольцами. Не вижу смысла поддерживать разговор, почему-то ощущая терпкую обиду, словно он — призрак из прошлого, виновен в том, что я здесь оказалась. Виновен хотя бы тем, что является лучшим другом Рэми. Опускаю голову, натягивая рукава водолазки на костяшки пальцев, и молча жду, когда он наконец скажет, зачем я ему понадобилась. Может, он нашел мне нового хозяина?

— В принципе, поэтому я тебя и позвал. Не твоё? — спрашивает он, выставляя на стол три знакомых баночки и все-таки заставляя меня вновь поднять голову. Поджимаю губы, совершенно не зная, что ответить, и проклиная Тъери, сдавшего меня с потрохами. — Они должны быть пустыми, Джил, — для пущей убедительности он трясет одну из них, воспроизводя громкий звук бьющихся о пластмассу таблеток, и пронзает меня испытующим взглядом, ожидая объяснений. — Так что?

— Должны быть...

— Но они полные.

— Как видите, — при этих словах Юджин несколько нервно тушит сигарету и выдерживает паузу, все продолжая смотреть на меня и наверняка не зная, как поступить с обнаглевшей рабыней, смеющейся ему дерзить. Отчего-то я уверена, что он не причинит мне вреда, не прикажет наказать и не отдаст в руки Тъери, учащего покорности при помощи кнута и насилия.

— Хочешь умереть?

— Не вижу смысла жить, — прежде чем успеваю подумать, выпаливаю я, и тут же жалею, словно эта фраза открыла мой маленький секрет, скрытый под толстым слоем бинта и отдающий тупой болью в запястье. Становится неловко и стыдно, и я рефлекторно обхватываю запястье ладонью, тем самым привлекая внимание Юджина, проследившего за моим жестом и понимающе кивнувшего.

Его проницательности можно позавидовать.

— Я не психолог и не собираюсь им быть, но, если ты не видишь смысла в жизни, это не значит, что ты найдешь его в смерти. Искать смысл вообще бесполезное занятие, *la petite*.

— Не называйте меня так, как угодно, только не так, — мотаю головой, чувствуя подступающие слезы и до боли прикусывая губу. К черту его человечность и понимание, уж лучше бы он отдал меня Тъери, чем мучил назойливыми упоминаниями о Господине. В конце концов, не слишком ли много чести простой наложнице — выворачивать душу перед самим хозяином.

— Хорошо, Джил, возьми их и больше не делай глупостей, — он ловко подталкивает баночки, скользнувшие по гладкой поверхности стола, и, как ни в чем не бывало, продолжает: — Мы никому не скажем об этом недоразумении, хорошо? — Кидаю на него полный недоумения взгляд, не понимая, к чему он ведет, и кому вообще есть дело до бракованной рабыни. Хотя этому есть объяснение — Юджин заинтересован в том, чтобы о моем дефекте никто не узнал, и я смогла принести ему прибыль. Но тогда почему он не торопится продать меня? Почему я ни разу не участвовала в распределении и не была предложена ни одному богачу?

— Я хочу задать один вопрос.

— И?..

— Почему я до сих пор здесь? Другие девушки не задерживаются надолго.

— Всеу свое время, — Юджин пожимает плечами, вежливо уходя от ответа, и показывает на дверь, лишая меня последней надежды докопаться до истины. — Можешь идти, и не забудь таблетки. По одной, три раза в день.

Послушно забираю их, понимая, что спорить бесполезно, и медленно поднимаюсь с места, желая вернуться в свою комнату и продолжить жить. Хоть как-нибудь. И я правда хочу уйти, скрыться в четырех стенах одиночества и тоски, но не успеваю спрятаться от воспоминаний, как замечаю лежащую на столе газету. Она свернута вчетверо, но это не мешает мне разглядеть фотографию Рэми, рядом с которым стоит ослепительно красивая женщина, держащая его за локоть. Она улыбается счастливой улыбкой, будто издеваясь над мной и показывая ряд белоснежных зубов, а я даже вздохнуть не могу, застывая как каменное изваяние и совершенно не зная, как оттаять. Где найти силы, чтобы отпустить, и забыть наконец, кем я была когда-то.

Его наложницей, его игрушкой, его маленькой девочкой...

— Все в порядке? — В порядке, черт побери, если не считать того, что впервые за все это время я увидела Господина, пусть и на странице газеты, пусть и в компании новой пассии.

— Да-да, все просто отлично, — на полном автомате произношу я, растерянно моргая и опуская взгляд. Юджин кивает, вставая и поправляя рубашку, и, пока он поворачивается ко мне спиной, снимая с подлокотника кресла пиджак, я осторожно беру газету и прижимаю ее к груди, тут же разворачиваясь и направляясь к выходу. Надеюсь, он не заметит ее пропажу, а если даже и заметит — то вряд ли накажет из-за такой мелочи.

Меня тошнит от однообразности дней, пролетающих мимо мгновений, состоящих из заезженного до автоматизма распорядка дня и мыслей, которые сводят с ума и заставляют искать спасение в рисовании. Я, как одержимая, проваливаюсь в образы и стараюсь уловить каждую мелочь, прорисовать каждый штрих, а потом, запечатлев очередное воспоминание, разговариваю с ним, прячась от действительности и одиночества, теперь уже не такого страшного. Может потому, что играю роль творца, и, рисуя, окружаю себя тем, что заменяет

мне реальность и помогает справиться с тихой депрессией, заставившей меня когда-то перерезать вены.

Я стараюсь не думать о том, что лето проходит, что августовские ночи приносят почти осеннюю прохладу, а кусты, видимые только с северной стороны, наливаются насыщенно зеленым цветом, темным и тяжелым; что впереди нас ждет сырая осень, свинцовое небо и пробирающая до костей серость; что после нее наступит холодная зима, резкий ветер и короткий день; что зиму сменит весна, легкая и вдохновляющая, которая обязательно принесет море позитива и надежд; что все вернется на круги своя, и только мы никогда не сможем прожить уже прожитый нами момент. Я почти смирилась с этим, смирилась со своим странным неприкосновенным положением здесь, смирилась с грубостью Тьери, никогда не переходящим за рамки и не трогающим меня, смирилась с редкими визитами Юджина, приезжающего на площадку раз в неделю и наводящего здесь порядки, смирилась с затравленными взглядами девушек, исчезающих в неизвестности и освобождающих место другим, смирилась со счастливой улыбкой женщины и скучающим видом Рэми, стоящим с ней рядом на странице газеты, так бережно хранимой мною. И мне уже почти не больно смотреть на него, потому что я все-таки смогла отпустить обиду, ведь такое бывает, да? — игрушки надоедают.

Надоедают, конечно, и он не виноват, что я ему надоела.

Улыбаюсь, грустно, провожая взглядом последний отъезжающий грузовик, скрывшийся в темноте вечера и оставивший после себя запах выхлопных газов. Они доносятся через открытую форточку, которую я умудряюсь приоткрыть только на несколько дюймов, потому что потом мешает кованая решетка, делающая свободу недоступной. Мне совершенно нечем заняться, и я бесцельно слоняюсь по комнате, не зная как убить несколько часов до сна.

Наверное, я "счастливчик" по жизни, наверное, это просто судьба — вляпываться в неприятности и искать приключения на свою задницу, ведь я могла просто остаться в комнате и дожидаться десяти часов рисуя лица людей, когда-то появлявшихся в моей жизни. Но вместо этого решаю прогуляться по коридору, туда-обратно, как делала это и раньше. Всего лишь пройти десятки комнат, просторный холл, добраться до двери, той самой — стеклянной, и повернуть обратно — этот маршрут знаком мне и никогда не запрещался Тьери, не раз видевшем меня в коридоре и не говорившем ни слова. Ничего особенного, противозаконного и страшного, если бы не одно "но", всегда бывают исключения, условия меняются, и моя сегодняшняя прогулка оказывается ошибкой. Я понимаю это как только достигаю холла и непонимающе останавливаюсь, всматриваясь в ровную шеренгу девушек, полураздетых, с покорно опущенными головами. Они стоят ко мне лицом, в то время как Тьери, Юджин и смутно знакомый мужчина — спиной. Наверняка сейчас, в этот самый момент, один из клиентов выбирает себе наложницу, и, по мере того, как я приглядываюсь к высокой фигуре, начинаю узнавать его. Неприятно скользкие догадки вызывают мурашки, и я делаю осторожный шаг назад, боясь привлечь к себе внимание. Мне нужно просто уйти, уйти, пока кто-нибудь из них не заметил меня, но, будто назло, Тьери поворачивает голову, а за ним и вмиг замолчавший Юджин, лицо которого перекашивается от недовольства.

Плевать, потому что вся я сосредотачиваюсь на VIP-клиенте, который вызывает во мне знакомый страх, ведь когда-то давно он рассматривал меня как угрозу власти, и я надеюсь, Господи, всем сердцем надеюсь, что он понял свою ошибку.

Только не поворачивайся. Поздно, потому что не успеваю я сделать и шага, как Вацлав, наверняка заметивший реакцию Юджина, прослеживает за его взглядом и натывается на

меня, застывшую в нелепо напряженной позе.

— Юджин, ты сказал, что припас для меня самое лучшее, а сам утаил такой экземпляр.

Вздрагиваю при звуке его голоса, распахнутыми от страха глазами наблюдая за тем, как он склоняет голову чуть вбок и смеряет меня опасно оценивающим взглядом. Вокруг нас накаляется воздух, и меня бросает в жар, отчего потеют ладони и щеки заливают яркий румянец. Стараюсь ровно дышать, чтобы справиться с волнением, но ничего не получается, не получается потому, что Вацлав начинает медленно приближаться ко мне, полностью забыв о девушках, которых только что разглядывал. Бог мой, Рэми здесь нет и меня некому защитить, вряд ли Юджин пойдет против древнего члена Совета, имеющего доступ к власти. Не могу сделать ни шага и, не скрывая отвращения, отворачиваюсь в сторону, когда он подходит недопустимо близко и, нависнув надо мной, делает глубокий вдох. Он, будто случайно, касается кончиком носа моего виска, а затем плотоядно улыбается, наверняка наслаждаясь моим испуганным видом.

— Вот ты где... — его тихий шепот напоминает шипение, и, кажется, сделай я хоть одно движение, как он вопьется в мою шею. Но секунды растягиваются в вечность, а Вацлав ничего не предпринимает, предпочитая нагнетать атмосферу одним лишь взглядом.

— Не думаю, что она вам подойдет, Господин, — Юджин появляется около нас внезапно, вынуждая Вацлава резко распрямиться и поморщиться, словно он своим присутствием оскорбил его, чуть ли не замарал. Не могу не отметить их осязаемое противостояние, будто каждый из них в тайне ненавидит друг друга, но пытается скрыть это за напускной вежливостью. Впрочем, Вацлав старается куда менее рьяно, позволяя себе откровенную насмешку:

— А ты и не должен думать за меня, ты должен удовлетворять мои желания. Я хочу посмотреть ее, — Вацлав поводит подбородком в мою сторону, терпеливо ожидая ответа, а я замечаю, как Юджин напрягается, едва сдерживая себя, а потом широко улыбается, все-таки справляясь с эмоциями и возвращая себе роль радушного хозяина.

— Как пожелаете, — он склоняется в наигранно раболепном поклоне и обращается уже ко мне: — Сними одежду, Джил, — в его голосе улавливаются приказные нотки, но я, до сих пор не справившаяся с шоком, не тороплюсь исполнить приказ, лишь кидаю на него полный отчаяния взгляд. Да я готова упасть перед ним на колени, только бы он не отдавал меня Вацлаву, и согласна на все: стать развлечением в борделе, танцовщицей в клубе, бойцом на Арене и даже перекусом в кафе, только не наложницей Вацлава, который утопит меня в насилии. — Ну же, не задерживай нашего уважаемого гостя.

От подступивших слез лицо Юджина расплывается в нечеткий контур, и я обиженно поджимаю губы, трясущимися руками подцепляя края футболки и стараясь не смотреть на Вацлава, для удобства сделавшего шаг назад и уставившегося на меня жадным и хищным взором. Складывается ощущение, что он намеренно унижает меня, а заодно показывает свое превосходство над простым работником, уступающим ему и статусом, и положением. Громко выдыхаю, одним махом снимая одежду, но тут же стыдливо прикрываюсь руками, пытаюсь спрятать от присутствующих грудь. Не замечаю победной улыбки Юджина, но зато ясно вижу, как от гнева мускул на лице Вацлава дергается, а сам он резким движением берет меня за запястье и тянет на себя, попутно спрашивая:

— Что это? — Прекращаю сопротивляться, проигрывая в силе, и показываю ему грудь с ярко выделяющейся на белоснежной коже татуировкой, по-видимому, и ставшей причиной его злости. Он сжимает челюсти так сильно, что на скулах проступают желваки, и я ясно

слышу, как от давления скрипят его зубы.

— Вот поэтому я не стал предлагать ее. Что поделатъ, бывший хозяин поставил на нее метку, так что теперь она годится разве что в дешевый бордель для люмпенов, но уж точно не для господина такого статуса, — Юджин говорит это извиняющимся тоном, при этом игриво подмигивая мне, и, не успеваю я расслабиться, как Вацлав, побагровевший от ярости, обхватывает меня за нижнюю челюсть и склоняется ближе, источая жгучую ненависть. И сейчас, задыхаясь от ужаса и пытаюсь разжать его пальцы, я не могу понять, к кому он ее испытывает: ко мне, Юджину или Рэми, лишившему его удовольствия поиздеваться надо мной.

— Не забывайся, она моя собственность, как и все остальное здесь, — твердо цедит Юджин, напрочь забывая о вежливости и кладя ладонь на его плечо. Удивляюсь его смелости и куда более отчаянно начинаю бороться с хваткой Вацлава, вцепившегося в мое лицо холодными и сильными пальцами. Они до боли сжимают челюсть, вынуждая меня упереться в его грудь руками и попытаться оттолкнуть от себя.

— Это легко исправить.

— Попробуй... — угрожающе шепчет Юджин, тем самым принимая основной удар на себя. Вацлав нехотя переводит на него внимание и ухмыляется отвратительно подлой ухмылкой, в которой слишком много всего: презрения, высокомерия, самонадеянности, насмешки. Такое ощущение, что сейчас, в эту самую секунду, он решает, а не уничтожить ли обнаглевшего торговца, посмеявшегося дерзить ему, со всей его собственностью и рабовладельческим бизнесом, но вместо этого резко отпускает меня, брезгливо кривя губы и отталкивая от себя. Буквально за секунду берет себя в руки и, не глядя, показывает пальцем в сторону сжавшейся от страха девушки, по чистой случайности оказавшейся под его прицелом.

— Что ж, тогда ее, — сухо бросает он и, перед тем как отвернуться, окидывает меня, напуганную и растерянную, ледяным взглядом, от которого кожа покрывается инеем.

— Уведи в мой кабинет, быстро, — шепотом приказывает Юджин, и Тъери, шокированный от увиденного, берет меня за предплечье и уводит прочь, оставляя хозяина самостоятельно разбираться с клиентом.

Не могу вспомнить, когда в последний раз испытывала столь сильные эмоции, полностью меня выжавшие и оставившие после себя дикую усталость и желание уснуть прямо здесь, на полу, на который я обессиленно опустилась как только зашла в кабинет. У меня даже не хватило сил на то, чтобы надеть футболку, поэтому, когда за дверью раздаются неторопливые шаги, я сгибаю ноги в коленях и прижимаю их к груди, пряча свою наготу от вошедшего Юджина. Он проходит напрямик к столу и, налив себе выпить, одним глотком опустошает стакан, который вновь наполняет и, присаживаясь на подлокотник дивана, протягивает мне.

— Выпьешь?

— Не откажусь, — благодарно киваю, принимая стакан дрожащими от расшатанных нервов руками, и под пристальным вниманием Юджина делаю осторожный глоток. Приятное тепло разливается по пищеводу, и я облегченно выдыхаю, откидывая голову назад, на диван, о который опираюсь спиной. Отчего-то ощущаю себя комфортно в присутствии Юджина, будто бы общее чувство ненависти к Вацлаву, а также его помощь, сблизившие нас и сделали хотя бы не друзьями так союзниками точно.

— Терпеть не могу этого ублюдка. Он хочет избавиться от людей в городах, но с

завидным постоянством пользуется моими услугами.

— Этой девушке... ей тринадцать, — с тихим сожалением произношу я, живо представляя, что ее ждет: кровь, боль и желание умереть — я уже прошла через это, хотя стоит отметить, что мне все-таки повезло больше. Юджин безразлично кривит губы, напоминая полного пофигиста, а мне почему-то не верится, что ему все равно. Такого не может быть, ведь за меня-то он вступился, а значит, он не лишен сострадания, или же есть другое объяснение его поступка?

— Тридцать, пятнадцать, десять, какая разница? Если это приносит прибыль.

— Вы торгуете детьми? — Он не отвечает, но я и без ответа понимаю, что да — торгует. Становится до озноба мерзко, и я передергиваю плечами, вновь прикладываясь к стакану и пытаюсь не думать об этом. — Юджин, я могу кое-что спросить? — Если честно, после выпитого я еле ворочаю языком, а с каждой минутой становится еще хуже, потому что все тело охватывает усыпляющая расслабленность, превращающая меня в ленивую амебу. Теперь легко и просто, а недавняя стычка с Вацлавом тускнеет, оставляя после себя лишь горький осадок отвращения. — Татуировка, почему она так разозлила его?

— Потому что ни один уважающий себя вампир не купит клейменную чьим-то именем рабыню. Считай это делом чести.

— Значит, Хозяин обрек меня на самый дешевый бордель, мило, — с нескрываемой обидой шепчу я и, чтобы отвлечься от нахлынувшей к себе жалости, делаю большой глоток. Да пошел он к черту вместе со своей ослепительно искусственной любовницей. Мне даже интересно, насколько ее хватит, учитывая то, с какой легкостью Рэми обрывает связи.

— Запомни, Джил, Дамиан ничего не делает просто так, и если он поставил на тебе свою подпись, значит, так надо. Возможно, он предвидел ситуацию, — серьезным тоном говорит Юджин и чуть ли не силой забирает стакан из моих рук. Господи, это самое нелепое объяснение, которое я когда-либо слышала, ведь если бы Рэми не выгнал меня, я вообще не оказалась бы в такой ситуации. Пьяно улыбаюсь, наконец вспоминая про треклятую футболку, и надеваю ее, уже не чувствуя смущения перед Юджином, наблюдающим за мной с абсолютным безразличием. Наверное, я его ни капельки не привлекаю, ну или женская нагота в виду специфики работы успела ему приесться.

— Я не понимаю.

— Может, он просто не хотел, чтобы ты досталась именно Вацлаву.

Наверное, я должна быть счастлива, да? Только от этих разговоров на душе тяжело и гадко, тем более, после нескольких глотков алкоголя, который еще больше нагнетает обстановку. С каким бы удовольствием я забыла все, что связано с Господином. С самого начала и до конца — до этого самого момента.

— Знаете, Господин всегда помогал мне справиться с болью, не физической вовсе. Он будто забирал мои воспоминания о ней и оставлял только те, с которыми я могла жить, — не знаю, для чего я говорю это, тем более таким пустым голосом, словно разговаривая не с Юджином, а с собой. Это напоминает монолог алкоголика, которому и поговорить-то не с кем, потому что всем наплевать на его чувства. Я не алкоголик, но совершенно точно никто, ведь Юджин не пытается поддержать разговор, со скучающим видом продолжая пить виски. — И сейчас я бы тоже предпочла все забыть. Начать все с чистого листа. Юджин?! Ведь вы тоже можете это сделать? Забрать мои воспоминания? — спрашиваю я, вконец наглея и неловко вставая на колени, прямо перед сидящим на диване Юджином, посмотревшим на меня с неким удивлением. Будто бы перед ним цирковой кролик,

совершающий различные трюки. — Прошу, это не составит труда.

— Боюсь, это не ко мне. Я не обладаю способностями внушения. Хотя было бы неплохо.

— Не обладаете? — признаться, я думала, что каждый вампир может проникнуть в сознание людей.

— Это прерогативой обладают исключительно прародители рода, одним из которых является Дамиан.

— А другие?

— Точнее другой. Виктор, его брат, умерший несколько веков назад. Так что считай Дамиана эксклюзивом. А теперь иди, Джил, ты меня достала, — Юджин напускает на себя строгий вид, но в его голосе не слышится недовольства, скорее усталость, заметная в ленивых жестах. От его слов алкогольный дурман словно рассеивается, сердце наливается адреналином, и я напрягаюсь, вспоминая странные образы, когда-то терзавшие меня во сне: пламя костра, ненавидящий взгляд, Господин, горящий заживо. Вернее, не Господин.

Виктор...

— Они близнецы.

— Что?

— Они близнецы — Виктор и Дамиан, — ошарашенно шепчу я, скользя растерянным взглядом по комнате. Вот почему Рэми был так раздосадован, когда узнал, что я видела, — это было его воспоминание, его прошлое, его тайна.

— И откуда ты знаешь? — хмурится Юджин, а я стряхиваю с себя слабость и поднимаюсь с колен, желая избежать неприятного разговора и правды, которая может открыться. Правды о том, что Хозяин нарушил закон и вернул меня с того света, дав своей крови. Нужно идти, чтобы не взболтнуть ничего лишнего и не подвести Рэми, а заодно привести мысли в порядок, ведь впервые за долгое время я узнала о нем чуть больше, чем положено простой игрушке. Пусть и слишком поздно.

Последние дни августа выдаются на редкость холодными, хмурыми и неуютными: непрекращающиеся дожди, приторная серость и легкое чувство тоски, которое, впрочем, не надоедает, потому что я научилась с ним справляться, как привыкла к одиночеству, беспокойным мыслям, померкшим воспоминаниям. Быть может, это моя удивительная способность приспособливаться и находить в себе силы двигаться дальше, быть может, постоянная занятость, с раннего утра и до самого вечера, ведь Тъери нашел мне применение, которому я несказанно рада, потому что работая на кухне мне намного проще бороться со временем. Оно будто назло растягивает минуты в часы, а часы в дни — однообразные, непримечательные, унылые, все дальше и дальше отрывающие меня от прошлого, в котором я была или не была? — наложницей Дамиана Рэми. Не знаю, не помню. Все, что со мной было четыре месяца назад, кажется лишь вымыслом, игрой богатого воображения, а не правдой и, уж тем более, не частью моей жизни, которая теперь состоит из нескольких этапов: сон, работа, парочка часов одиночества, сон. Вчера, сегодня и завтра — одно и то же, и это радует — почти, ведь я зависла на одном уровне. Вокруг кипит жизнь, крутятся эмоции, проносятся люди, а я не двигаюсь, не оборачиваюсь, стою с закрытыми глазами и ничего не вижу, не слышу, не ощущаю. Признаться, так действительно легче, и обида, тлевшая во мне раньше, испарилась, оставив после себя стойкое равнодушие.

Иногда мне кажется, что оно меня меняет, меняет потому, что раньше бы я ужаснулась, увидев как один из охранников поднимает руку на женщину, а сейчас просто прохожу мимо, едва ли заостряя внимание на заплаканном лице. Меня ждет работа на кухне, и, чтобы до нее добраться, я преодолеваю длинный коридор, открываю ту самую стеклянную дверь, прохожу ровно двенадцать шагов и сворачиваю направо, где находится лестница вниз, в подвал, оборудованный под кухню. Если сделать несколько лишних шагов и заглянуть за угол, то можно увидеть внушительных размеров холл, разделенный на две половины толстыми прутьями решетки. В одной половине регистрируются новоприбывшие девушки, которых после заполнения необходимых документов раздевают, выстраивают в шеренгу и бегло осматривают на наличие насекомых и кожных заболеваний. Только после этого их запускают в другую половину, ведут на общую помывку и разделяют по комнатам, чтобы в недалеком будущем отдать на растерзание вампирам. Все они не доживут до старости и умрут насильственной смертью, потому что предназначены для одного лишь — развлечения и утоления жажды. Сейчас я об этом знаю, а когда-то, давным давно, была в точно таком же положении страха и неизвестности, правда с другими декорациями: затемненным стеклом, собственным отражением в нем и Дамианом Рэми, стоящим по ту сторону и выбравшим именно меня. Меня, черт побери, а не одну из тех, кто был в одном ряду со мной.

Отличная насмешка судьбы. Браво.

Громкий смех возвращает в реальность, и я, выпустив мыльную тарелку из рук, с безразличием наблюдаю за тем, как столпившиеся у одной из девушек охранники начинают ее лапать, вызывая вполне логичную реакцию — страх и слезы. Кажется, она здесь новенькая, потому что ее лицо мне незнакомо, либо же я его попросту не запомнила. Зачем? — если завтра ее может не быть. Маленькая и худенькая, напуганная и потерянная, она напоминает загнанного волками кролика, у которого нет ни единого шанса выжить, потому что "продажные" не знают жалости и с удовольствием пользуются своим

положением. Они издевательски шутят над ней, пока я вытираю руки о фартук и бросаю косые взгляды в их сторону. Наверное, будь у меня больше смелости, я бы схватила нож и перерезала им горло, и не для того, чтобы избавить несчастную от приставаний, а для того, чтобы напомнить им, кто они.

Люди, продавшие собственные души за обещание вечной жизни.

— Что уставилась? — бросает один из них, отвлекаясь от своей жертвы и поворачиваясь ко мне. Пожимаю плечами, послушно отводя взгляд и возвращаясь к работе. Знаю, что он меня не тронет, не подтолкнет к столу и не заставит снять джинсы, как делает это с плачущей девушкой, не ударит головой о столешницу и не забрызгает ягодицы липкой спермой, чтобы затем уступить место другому, еще более грубому. Он хватается за волосы и тянет на себя, с размаху вколачиваясь в податливое тело и вызывая страх у остальных девушек, работающих в одной секции со мной и ставших свидетелями насилия. Они боятся стать следующими, даже не подозревая, что на самом деле это не самое страшное. Самое страшное ждет впереди, когда их выберет какой-нибудь богач, а потом избавится, и неважно как — посредством смерти или перепродажи. Все просто. Неделя, месяц, год — сколько они протянут, прежде чем превратятся в прах?

В конце концов звук их возни надоедает, и я не нахожу ничего лучше, чем покинуть секцию, взяв попавшийся под ноги мешок с отходами. Обычно собравшийся мусор складывают у двери, ведущей на лестницу к черному выходу, где прислоненные к стене контейнеры проглатывают черные мешки, а потом освобождаются специальной службой. Приоткрыв дверь, я не раз смотрела на ровные ступеньки, ведущие вверх и упирающиеся в железную решетку, которая позволяет увидеть кусочек мрачного неба. В этот раз все иначе, в этот раз я решаюсь не просто заглянуть за запретную линию, но, опасливо обернувшись назад и не увидев поблизости ни одного охранника, сделать несмелый шаг внутрь. Отвратный запах скопившегося мусора, доносимый проникающим ветром, раздражает рецепторы и заставляет меня как можно быстрее закрыть дверь и избавиться от сквозняка. Здесь влажно и холодно, поэтому мне приходится обнять себя за плечи и, смирившись с неприятным запахом, пройти мимо темно-зеленых контейнеров, наполненных не только мусором, но и крысами, издающими противный писк. Он усиливается по мере моего приближения и затихает за спиной, когда я достигаю точки назначения и, обхватывая пальцами холодные прутья, прижимаюсь к ним лбом. Резкий ветер бросает в лицо мелкую морось, опалая кожу свежестью и свободой, и я жадно вдыхаю воздух, разглядывая стоящие на противоположной стороне улицы здания, скорее всего, не принадлежащие Юджину, потому что они не похожи на наши ни архитектурой, ни отделкой. А значит, предназначенные для рабов комплексы расположены буквой "П", внутри которой и находится двор.

Уже порядком замерзаю и покрываюсь гусиной кожей, но упорно стою на месте, надеясь на то, что когда вернусь, потерявшие человеческие лица охранники закончат свое дело и оставят нас в покое. Мы спокойно доработаем день, вернемся в свои комнатухи и провалимся в сон, где нет никакой жестокости, вампиров и крови. Где нет вообще ничего, потому что я забыла, когда в последний раз видела сны.

— Вот ты где, — со злостью произносит Тъери, появившийся внезапно, будто из неоткуда. Он хватается за волосы, и, не успеваю я отпрянуть от решетки, как вновь оказываюсь прижата к ней. Скула начинает ныть от удара, и во рту скапливается металлический привкус крови, когда он отводит мою голову назад и вновь ударяет, отчего я

прокусываю щеку и шиплю от боли. Он почти вдавливая меня в прутья, упираясь согнутой рукой в лопатки, и не торопится отпустить. Господи, ведь не для того, о чем я думаю? — Какого черта ты тут делаешь? Забыла о правилах?

Не забыла, но мне не хочется наблюдать за тем, как люди превращаются в монстров под давлением похоти и власти.

— Я выносила мусор.

— Ну да, а мне кажется, ты наглеешь, чувствуя себя особенной. То, что Хозяин не позволяет трогать тебя, не дает тебе право нарушать правила. Ты поняла меня? — Тьери сильнее сжимает пальцы, натягивая волосы и дергая на себя, так, что его лицо оказывается сбоку, и я ощущаю неприятный запах изо рта. Лучше уж прикосновения холодной решетки, чем его близость. Прекрасно догадываюсь, почему он так зол — потому что у него, по каким-то причинам, нет возможности поиздеваться надо мной, как он делает это с другими. — Пошли, у нас проверка, всем приказано быть в своих комнатах, — наконец, он отпускает, но только для того, чтобы вновь вцепиться в предплечье и потянуть за собой. Непонимающе хмурюсь, вглядываясь в его профиль и едва поспевая попадать на ступеньки.

— Проверка? Что это?

— Меры предосторожности, за последнюю неделю убиты двое членов Совета, — Тьери говорит это между делом, продолжая тащить меня к входу, а у меня ноги наливаются свинцом и кровь стынет в жилах. Перед глазами стоит его невозмутимое лицо, и подвал превращается в сгусток липкой тьмы, обволакивающей нас с каждым шагом. Она жадно проглатывает наши фигуры, и я уже не различаю красок.

Члены Совета. Убиты. Двое.

— Тьери, постой, прошу, — мой голос дрожит, как и руки, когда я пытаюсь остановить его и выпытать детали. Сердце гулко ухает в груди, пока я складываю мысли в цепочку и, наконец, задаю главный тревожащий меня вопрос: — Кого? Кого они убили на этот раз? — Только не его, не его, не его.

— Какая тебе разница? Давай, Холл, пошевеливайся, — он заталкивает меня в кухню, уже опустевшую, и мучает пренебрежением, умалчивая фамилии убитых. А я ощущаю, как уснувшие во мне эмоции вновь просыпаются и вызывают прилив отчаяния, потому что я не хочу, чтобы Рэми был в этом списке. Вацлав, Авиэль, кто угодно, пусть даже единственная женщина в Совете, только не он, я не хочу слышать о его смерти. Он не заслуживает ее, или заслуживает? — учитывая то, что он сделал с нами. В мыслях о нем я не замечаю как оказываюсь в общем коридоре и, освобожденная от горячих пальцев Тьери, растерянно застываю, наталкиваясь на полный хаос: вышедших из своих комнат девушек, прижавшихся к стене, и мелькающих между ними синих пятен, то и дело исчезающих в проемах дверей и наверняка обыскивающих комнаты. Их выкрики хлесткими ударами бьют по стенам, и я отмираю, торопясь прижаться щекой к стене и уставиться в испуганные глаза девушки, лишь вчера заселившейся в соседнюю комнату. Она стоит в паре шагов от меня, копируя позу остальных и ожидая своей очереди, а я не могу не заострить на ней внимания. Ее нельзя назвать красивой, но что-то очаровательно приятное есть в ее чертах: высоких скулах, пухлых губах, даже в веснушках, усыпавших кожу. Ее волосы огненно-рыжие, и на фоне белых стен она выглядит веселым и ярким лучиком солнца, каким-то образом затерявшимся в лабиринте ада. Отчетливо вижу, как дрожат ее губы, когда сзади нас появляется один из полицейских и подходит к ней. Он нагибается, проводя ладонями по ее ногам, бедрам, ощупывает грудь, подмышки, даже волосы, а потом исчезает в ее комнате, откуда слышатся

звуки разбрасываемых вещей и двигаемой мебели. Если честно, эта проверка выглядит полным абсурдом, потому что, не имея связи с внешним миром, мы вряд ли можем представлять опасность, тем более, каждая из нас находится под пристальным вниманием охранников. Нам даже не разрешено ходить друг другу в гости, чтобы исключить всякую возможность сплоченности.

— Чисто! — выкрикивает он, выходя из комнаты и принимаясь за меня. — Ноги на ширину плеч, — его горячие ладони скользят по моим лодыжкам, бедрам, я чувствую их жар даже через плотную ткань джинс, и закрываю глаза, вспоминая прохладные пальцы Рэми, когда-то ласкавшие меня. Мне становится мерзко и противно, когда чужие руки ложатся на талию, затем грудь, зарываются в волосы и грубо тянут их. Только когда он прекращает осмотр, я открываю глаза и вновь наталкиваюсь на затравленный взгляд девушки, тихо всхлипывающей, но не вызывающей во мне ни капли жалости. Наверное, она в полной растерянности и непонимании, наверное, сейчас ее сердце сковано страхом, но, признаться, мне все равно. Привыкнет. — Чисто! — вновь кричит полицейский и выходит из моей комнаты, оставляя после себя полный беспорядок. Я вижу это, когда отлипаю от стены и заглядываю в нее: скинутый на пол матрас и постельное белье, выпотрошенная подушка, разбросанные вещи, перевернутые шкафчики, содержимое которых тоже валяется на полу. Учитывая то, что я работаю до десяти, а потом, уставшая донельзя, едва нахожу силы принять душ, этот беспорядок кажется сущим наказанием. Устало опускаюсь на кровать и складываю руки на коленях, рассматривая лежащую на полу тетрадь с рисунками, она открыта, и на одном из листов ясно виден след наступившего на нее ботинка. Поднимаю ее и бесполезно пытаюсь стереть пыль с изображения Адель, вернее, ее наброска. Я собиралась его закончить, правда, вот только сейчас едва могу вспомнить черты ее лица, они померкли в памяти и заменились на что-то общее, сплошное, и мне трудно зацепиться за детали. Кажется, у нее были зеленые глаза, всегда с прищуром, хитрые и блестящие. И она была непозволительно красива. Слишком красива, чтобы быть реальной.

Где-то за гранью затихают звуки, а я продолжаю разглядывать рисунки, лаская кончиками пальцев лицо мамы, Айрин, целуя бледные щеки Элисон, улыбаясь старому дому. Дохожу до изображения Господина, и улыбку как рукой снимает, потому что в голове вновь раздается голос Тъери, говорящий о смерти двух членов Совета. Всеми силами отгоняю предательские слезы и молю Бога, чтобы Рэми был жив, и не потому, что пропиталась им насквозь, а потому, что не представляю, что будет с этим миром, когда его не станет. Может, он рухнет, утонув в крови и насилии, если к власти придут такие как Вацлав, а может, расцветет и люди станут свободными, достойными, сильными. Мне просто интересно, сможем ли мы справиться и не задохнуться в хаосе, лишившись установленного порядка. Тяжело вздыхаю, наконец закрывая тетрадь и справляясь со своей слабостью.

Все будет хорошо.

В мыслях о Рэми проходит бесконечно долгий день, и я работаю на автомате: на автомате мою посуду и складываю ее на специальные подставки, на автомате подсушиваю пол от пролитой воды, на автомате воспринимаю действительность — проходящих мимо охранников, шум производства, нервные движения изнасилованной девушки, изредка попадающей в поле зрения. Наверное, будь я чуть внимательнее, то я бы заметила как дрожат ее руки, как иногда она будто замирает, прекращая мыть посуду и вглядываясь в мыльную воду, заметила бы какой отрешенный у нее взгляд и непроницаемое лицо; наверное, я могла бы предотвратить трагедию, вовремя распознав признаки ее

эмоционального падения; наверное, я смогла бы спасти чью-то жизнь, если бы не была так зациклена на Хозяине.

Но я не успеваю даже моргнуть, потому что все происходит стремительно быстро, за долю секунды, за одно нелепое мгновение, которое не отражается на циферблате часов. Зато ложится уродливо кровавым разрезом на белоснежную шею девушки, одним движением перерезавшей себе горло. Она распахивает глаза от страха, нахлынувшего на нее после осознания случившегося, и разжимает пальцы, выпуская нож и двумя руками обхватывая шею. Кровь начинает сочиться сквозь ее пальцы, заливая пол вокруг, а я не двигаюсь, не спешу на помощь, молча наблюдая за тем, как ее падение превратилось в несокрушимую силу и смелость, ведь, в отличие от меня, она смогла свершить задуманное. Равнодушно делаю шаг назад, боясь замарать обувь, и молча наблюдаю за тем, как она пытается ухватиться за края мойки, но, подскользнувшись в собственной крови, падает на колени. Ее лицо бледнеет, и губы, до этого розовые, превращаются в ярко-алые от крови, отвратительно булькающей в ее горле. Я не слышу истошных криков остальных, топота охранников и звона падающей посуды, когда один из них, задевая только что заставленную сушилку, сталкивает ее на пол, все в ту же кровавую лужу, я вижу только ее лицо и мечтаю его запомнить. Потому что она станет для меня символом свободы, ведь буквально через несколько секунд она упорхнет отсюда, станет свободной от страха, боли, эмоций, и уже никто, даже самое могущественное существо на планете не сможет подчинить ее своей воле.

Улыбаюсь, думая об этом, и спокойно возвращаюсь к работе, чтобы закончить наконец смену и вернуться к себе. Осталось каких-то двадцать минут, девятнадцать, восемнадцать.

— Какого черта? — громкий возглас Юджина останавливает поднявшуюся шумиху, и охранники почтительно расступаются, разнося по полу кровавые следы. Он раздраженно поводит носом и морщится, прокручивая телефон между указательным и большим пальцем и потирая бровь свободной рукой. Кажется, сегодня он слишком взвинчен — это выдают его нервные движения и злой взгляд, когда он окидывает им притихших охранников, смотрящих на него с видимой опаской. Я могла бы вмешаться и рассказать ему о причине ее поступка, но мне отчаянно хочется оказаться в тишине своей комнаты, поэтому я молчу, понуро опустив голову и ожидая его дальнейших действий. Черт, давай же, разорви их в клочья. — Что здесь произошло?

— Эта ненормальная перерезала себе горло, — отвечает один из охранников, а я не могу не ухмыльнуться, поражаясь их лицемерию. Ну да, причина ее поступка в ненормальности, а вовсе не в том, что ее поймали трое. Обвожу присутствующих ненавидящим взглядом и понимаю, насколько ужасно это выглядит — мы столпились вокруг еще не затихшей рабыни и даже не пытаемся ей помочь, не чувствуем жалости да еще и воспринимаем ее в прошедшем виде. Будто ее уже нет, будто она и не лежит на полу, уставившись в потолок широко распахнутыми глазами и постепенно стекленея.

До последнего вдоха остаются жалкие мгновения.

— Эта ненормальная, как ты выразился, могла бы принести неплохую прибыль, — задумчиво произносит Юджин, склоняя голову чуть вбок и с безразличием наблюдая за тем, как она как-то странно вытягивается, а потом расслабляется. Ее грудная клетка поднимается вверх, после чего оседает и уже не наполняется кислородом для нового вдоха. — Уберите ее. Джиллиан, за мной, — коротко бросает он и, не дожидаясь пока я оттаю, резко разворачивается. Догоняю его лишь на лестнице и, совершенно нагляя, задаю мучающий меня вопрос:

— Юджин, членов Совета убили, это правда?

— Да.

— А Господин, то есть... его не...

— Нет, — он кидает на меня снисходительно раздраженный взгляд и сбавляет скорость, что-то набирая на телефоне и зло продолжая: — Дамиан жив-здоров, если ты это имеешь в виду. На этот раз задели Авиэля и Софи. Как жаль, что не того ублюдка. Он думает, что поймает меня на нарушениях, устраивая проверки, но я уважаю закон, — Юджин бормочет себе под нос, наверняка имея в виду Вацлава, а я не сдерживаю улыбку, наконец избавляясь от терзавших душу переживаний. Даже не знаю, зачем я ему понадобилась, но послушно иду следом, по пути снимая фартук и поправляя волосы. А Юджин будто не замечает меня, полностью посвятив себя телефону и, только когда мы проходим опустевший коридор и начинаем подниматься на второй этаж, недоуменно останавливается и вскидывает бровями. — А ты куда?

— Но вы сказали следовать за вами, — растерянно шепчу я, ничего не понимая.

— Нет-нет, возвращайся в комнату, твоя смена закончена, — он машет рукой в сторону комнат и вынуждает меня покраснеть. Выглядит так, словно я навязываю свое общество. Чтобы скрыть смущение, поспешно отворачиваюсь и быстрым шагом выполняю приказ, только у самой двери вспоминая, что ждет меня там — совершенный бардак, который предстоит убрать. Сникаю, теперь едва переставляя ноги от нахлынувшей внезапно усталости, и нехотя захожу в комнату, пропитанную сгустившимися сумерками. Делаю глубокий вдох и падаю-падаю-падаю. В пропасть. На самое дно. Потому что этот аромат я ни с чем не спутаю.

— Не включай свет, *ma petite*.

Хозяин...

Его голос, тихий и уверенный, посылает волну дрожи по телу, и я встаю как вкопанная, не смея пошевелиться и сделать вдох. Отчаянно пытаюсь совладать с просыпающимся сердцем, и закрываю глаза, считая до десяти и моля Бога, или все-таки дьявола? — чтобы все это оказалось сном, чтобы Господин был лишь частью его, а не удушающей реальностью, настойчиво проникающей в разум. Это нечестно-нечестно-нечестно — так просто врываться в мою устоявшуюся жизнь и выворачивать ее наизнанку, ломать равнодушие, рушить выдержку, возрождать то, что я так упорно хоронила в себе, постепенно покрываясь непроницаемым панцирем и убивая ту самую Джиллиан Холл, что когда-то, давным давно, была глупой и наивной дурочкой, верящей всем и каждому.

— Здравствуй, Джиллиан, — произносит Рэми, а я оттаиваю, делая глубокий вдох и вновь наполняя легкие его ароматом. Руки начинают дрожать по мере того, как я прихожу в себя и с тихой грустью вглядываюсь в темную фигуру, сидящую в кресле, у самого окна. Свет от фонарей, проникающий широкими полосами, освещает лишь его руку, лежащую на подлокотнике, отражается в перстне и теряется в бликах на потолке, когда Хозяин шевелит пальцами и по привычке начинает отбивать ритм. Наступившее напряжение ломает, и, чтобы избавиться от боли, я начинаю комкать в руках фартук, совершенно не зная, куда себя деть.

Испариться бы.

— Здравствуйте, мистер Рэми, — собственный голос подводит, и получается что-то несуразное и хриплое, словно для того, чтобы произнести банальную фразу, потребовались все мои силы. Действительно — внезапность появления Господина попросту выжала.

— Мистер Рэми — непривычно слышать это из твоих уст. Так же, как и видеть тебя в брюках, — напротив, его голос остается твердым, хоть и тихим, и, могу поспорить, что он не сводит с меня пристального взгляда, обжигая своим вниманием и интересом. Хочется оставаться бесстрастной, но внутри вскипает обида, и я вскидываю подбородок, наконец отлипая от двери и подходя к кровати, на которую тут же сажусь и пытаюсь спрятать просыпающиеся эмоции под едким сарказмом:

— Мой новый Хозяин не заценивается на одежде и позволяет носить джинсы. Белье тоже, — дополняю я, рассматривая беспорядок на полу и предпочитая занимать мысли разбросанными вещами, чем близостью Рэми, сидящим буквально в нескольких шагах от меня. Стоит протянуть руку и нагнуться чуть вбок, чтобы коснуться его колена и окончательно провалиться, лишившись последней гордости. Лучше бы он не приходил, не заставлял тонуть в хаосе болезненных эмоций, позволил и дальше плыть по течению. Так спокойней, много-много спокойней. — Зачем вы пришли?

— Не рада меня видеть?

— Дело не в этом, а в том, что я не знаю, кто передо мной: бывший хозяин, решивший удостовериться, что его игрушка не сломалась после того как ее выкинули? Или клиент, которого я должна обслужить?

— Возомнила себя куртизанкой, *ma fille*? — не могу не заметить насмешку, скользнувшую в его тоне, и поджимаю губы, думая о том, что сейчас я ни чем не отличаюсь от обиженного ребенка, которого не взяли на аттракционы и оставили стоять у входа. Наверное, со стороны это выглядит ужасно глупо и действительно смешно — моя обида, моя

ирония, мои нападки. Опускаю плечи и теряю всякое желание продолжать перепалку — я слишком устала и не хочу быть сильной, не хочу строить из себя то, чем никогда не являлась. Хотя бы сейчас, в эту самую секунду, перед тем, как он встанет и уйдет, а он обязательно уйдет, я хочу быть откровенной с ним. И пусть ему будет все равно, и мои слова не потревожат каменного сердца, но мне нужно выговориться, пока есть возможность. Поэтому я закрываю глаза и, едва сдерживая слезы, шепчу:

— Если честно, я не знаю, какую роль здесь играю. Я словно топчусь на месте, не зная в какую сторону ринуться и что делать дальше. Каждый вечер ложусь спать и думаю о том, что завтра будет то же самое, что сегодня, — множество вопросов, на которые нет ответов. Бездна и одиночество. Равнодушие, которого я ужасно боюсь, но которое, как это странно ни звучит, стало моим спасением. Здесь творятся ужасные вещи, мистер Рэми, и только что я видела смерть одной из нас, но даже не ощутила жалости. Я словно теряю себя прежнюю, пачкаюсь в грязи и уже не пытаюсь отмыться. Наверное, теперь вы не увидите во мне ничего из того, что так раздражало вас раньше, — замолкаю, ожидая его издевки, и, по мере того как сгущается тишина, начинаю нервно теребить края простыни, почти скинутой на пол, но зацепившейся за нее одним углом.

— Иди ко мне, *ma petite*, — только и бросает он, как-то обреченно устало, непривычно, без властных ноток и твердости, присущей ему. И сейчас мне кажется, что он, как никогда раньше, прочувствовал каждое мое слово. Кидаю в сторону Рэми внимательный взгляд и пытаюсь рассмотреть выражение его лица, но не могу — полумрак сглаживает черты, превращая его в сплошную темную массу. — Ну же... — для пущей убедительности он хлопает ладонью по колену, а я разрываюсь между желанием прикоснуться к нему и гордостью, восставшей из пепла. Он не может так просто приходить сюда и манипулировать мною, словно и не было его бездушных слов, словно он не выгонял меня вовсе, а эти четыре месяца пустоты лишь маленькое недоразумение, на которое мы не должны обращать внимания. Должны. Потому что оно встало между нами глубокой пропастью. — Это не приказ, Джиллиан.

Громко выдыхаю, запрокидывая голову назад и прикусывая внутреннюю сторону щеки. В уголках глаз непроизвольно скапливаются слезы, и я не дышу, чтобы не сорваться, не разрыдаться в голос от трещин, которыми покрывается панцирь. Они разрастаются все больше, становятся шире и рвут на осколки, превращая меня в обнаженную рану. Из груди вырывается рваный всхлип, и я не замечаю того момента, как оказываюсь возле него, на коленях, так унижительно преданно заглядывая в его лицо. И пусть потом, вернувшись в свое одиночество, я пожалею об этом, но сейчас я хочу ощутить его прикосновения, его ласку, его заботу.

Рэми не говорит ни слова, лишь протягивает руку и практически невесомо касается моей скулы костяшками пальцев, проводит ими вниз по щеке, ласкает линию подбородка и заставляет меня застыть, чтобы по полной насладиться моментом.

— Моя маленькая, — едва слышно произносит он, этими словами попросту добивая. Я с каким-то странным остервенением перехватываю его ладонь и прижимаю к щеке, чтобы в следующую секунду прикоснуться к ней губами и спрятать от его пристального взгляда неуместно счастливую улыбку. Просто оттого, что сейчас он здесь, со мной, недостижимо далекий и близкий одновременно. Знаю, он чувствует то же самое, потому что в его фразе столько тепла, доверия и нежности, словно сейчас, в это самое мгновение, он искренне сожалеет о том, что когда-то предал меня, выгнав из своей жизни. — Ты изменилась.

Людам склонно меняться: под давлением обстоятельств, под грузом опыта, под тяжестью жизни. От одиночества, жестокости, потерянности. Мы подстраиваемся, ломаем принципы, перерождаемся, отвергаем других себя. Так что да, я изменилась.

— Я хочу знать, мой Господин, всего один вопрос, — шепчу, игнорируя его последние слова. Это так странно — проявлять упорство в поиске истины и при этом не бояться его гнева, но мне действительно важно знать, почему он пришел, спустя столько времени, через расстояние разлуки, сквозь равнодушие прощальных слов. — Я хочу знать правду: зачем вы пришли?

— Я не должен был этого делать, — он говорит это с усталым безразличием, резко выдергивая ладонь из моих рук и заставляя меня обидчиво поджать губы. Волшебство момента тает, и я понуро киваю, мысленно называя себя идиоткой. Да кто я такая и как допустила мысль, что он мог соскучиться по мне? — Не должен потому, что по моим стопам идет смерть. Петля затягивается, — продолжает Рэми, а я напрягаюсь, поднимая голову и вглядываясь в черные глаза, безотрывно смотрящие на меня. Становится неуютно и холодно, когда в комнате повисает пауза, а Хозяин будто застывает, проваливаясь в собственные мысли. Кладу ладони на его колени и подаюсь чуть вперед, чтобы увидеть хоть одну эмоцию на бледном лице, что-нибудь живое, светлое, обнадеживающее, но натываюсь только на мертвую отрешенность, все больше пугающую меня. — Я ошибся, Джиллиан, тот, кто это делает... ему не нужна моя власть, не нужен мой мир, статус, деньги. Ему нужен я и только я. Он будто играет со мной, подбираясь все ближе. Это так похоже на месть.

— Что вы имеете в виду?

— Разве я неясно выразился? — в тоне Господина проскальзывает насмешливая снисходительность, и он возвращается, избавляясь от оков ужасающей обреченности. Его пальцы вновь касаются моего лица, и я разочарованно выдыхаю, точно зная, что мне уже не услышать ответов. Едва он позволяет мне заглянуть в свою душу как вновь закрывается, наверняка не желая продолжать разговор на эту тему. — Следишь за новостями? — указывая подбородком в сторону, говорит он, и я перевожу взгляд на пол, где в полосе света лежит газета, когда-то стащенная мною у Юджина. Она порядком помята и на сгибе, проходящем как раз по талии Господина, практически стерта. Лучше бы этот сгиб проходил по лицу улыбающейся женщины, которую я почти ненавижу, может потому, что в отличие от меня она стала частью его жизни.

— Она красивая.

— Даже слишком, — несколько раздраженно отвечает Рэми, будто даже простое упоминание о ней его бесит.

— Мне жаль Авиэля. И ту женщину из Совета, — чтобы скрыть неприятную горечь перевожу тему, а Рэми молча кивает, с приторной нежностью проводя кончиками пальцев по моей шее. Его ласки отвлекают, посылают дрожь по всему телу и рождают приятное томление в груди и внизу живота. Я будто наливаюсь тяжестью и перестаю здраво мыслить, полностью отдаваясь на волю ощущениям.

Я так скучала по этому.

— Мне тоже жаль, Джиллиан. Я сделал все возможное, чтобы защитить их, но враги оказались хитрее. Признаться, я недооценил ситуацию. Это сделал тот, кому они доверяли, иначе он бы не смог подойти так близко. Видишь ли, древних вампиров убить не так просто — нам не страшен солнечный свет. Он причиняет боль и ввергает в муки агонии, но не убивает. Быть может, это последствия эволюции, кто знает, — Рэми пожимает плечами,

останавливаясь указательным и средним пальцем на моей шее, там, где бешено стучит вена. Слегка надавливает, будто прислушиваясь к жизни, кипящей во мне, и облизывает губы, наверняка желая впиться в вену зубами.

— Тогда как? Вырвав сердце? — Он отвечает не сразу, и я начинаю беспокоиться, замечая какой-то странный блеск в его глазах. Дыхание Рэми сбивается, и он делает глубокие вдохи, напрягаясь и будто готовясь к прыжку. Его нажатие становится сильнее, но я не двигаюсь, не отстраняюсь, лишь гулкие удары сердца выдают нарастающий во мне страх. Потому что хищник, проснувшийся в нем, по-настоящему пугает. — Господин?

— Твое сердце. Его ритм неровный, и его так просто забрать. Всего одно движение, минимум усилий. Для того, чтобы забрать сердце Древнего, нужно быть равным ему: по силе, ловкости, изворотливости. Тем более, что все члены Совета находятся под пристальным вниманием охраны.

— Значит, если они позволили подойти так близко, то действительно доверяют ему? — Хочу озвучить свои предположения по поводу убийцы, но боюсь показаться глупой и самонадеянной. Будто я могу знать то, что не знает Рэми, а ведь у него куда больше информации и мудрости. — Разве Адель, она не сказала вам, кто стоит за этим?

— Адель. Моя безрассудная упрямая Адель, — Господин ухмыляется, наконец отвлекаясь от моей шеи, и склоняется чуть ближе, намеренно осторожно прикасаясь подушечкой большого пальца к нижней губе. Я размыкаю губы, нервно сглатывая и прикрывая глаза от наслаждения, когда под действием его ласк рождается приятное покалывание. Сжимаю пальцы в кулаки, сдерживая желание прикусить его палец, обхватить губами и провести языком от основания до подушечки, прямо как... ох, Господи, неужели я настолько соскучилась по его ласкам, что даже серьезность разговора не может отвлечь меня от мыслей о большем — о близости, которая может стать продолжением нашей встречи? — Она не сказала абсолютно ничего, что могло бы мне помочь.

— Она такая сильная, — с затаенной завистью шепчу я, вдруг с особой четкостью вспоминая ее лицо и желая запомнить его, ведь я должна дорисовать — должна, чтобы пронести ее образ через всю жизнь. Пусть даже если эта жизнь отмерена короткими днями, а не годами, не десятилетиями, пусть даже если я никогда не узнаю, что такое старость. — Ведь пытки так и не смогли сломить ее.

— Пытки? Ты думаешь, что я причинял ей боль в желании получить информацию? Нет, *ma petite*, для этого мне достаточно применить внушение.

— Тогда зачем?

— Я не прощаю предательства, — выдыхает Господин, склоняясь непозволительно близко и лаская своим дыханием губы. Он обхватывает мою нижнюю челюсть ладонью, нежно и аккуратно, и вынуждает запрокинуть голову, чтобы уже в следующую секунду утонуть в его тьме, которая поселилась в его глазах и стала еще насыщенней, еще сильней. Она обступает нас и проглатывает звуки, краски, время. Она заменяет собой весь мир и прячет от реальности, горькой, отвратительной реальности, от которой хочется выть, потому что она намного страшнее мрака. Может поэтому я с такой легкостью окунаюсь в него, отгоняя прочь настойчивые мысли о том, что Адель подвела ее собственная любовь и что именно она стала ее погибелью, подтолкнув к неправильному решению.

Я не повторю ее ошибки и не предаю Господина. Никогда, ведь я не собираюсь за него бороться.

Его губы, прохладные и требовательные, с легкостью подчиняют, вызывают отклик и,

когда я закрываю глаза, возвращают в прошлое, в котором я была наложницей Дамиана Рэми. Мне приятно находиться в темноте и жить лишь ощущениями, наслаждением, мыслями о том, что ничего не изменилось, а произошедшие за четыре месяца события — сон, который наконец закончился, ведь Господин рядом, со мной, как и должно быть. Он перестает удерживать меня за челюсть и дарит мнимую свободу, потому что тут же обхватывает за затылок и, углубляя поцелуй, не дает мне отстраниться. Но я не собираюсь, с samozабвением отвечая на поцелуй и оплетая руками его плечи.

Потом мне будет стыдно — знаю, я буду корить и ненавидеть себя, а пока, задыхаясь от желания, поднимаюсь с колен и трясущимися от нетерпения руками расстегиваю джинсы. Рэми откидывается на спинку кресла и, глубоко дыша, смотрит на мои нелепые телодвижения, когда я виляю бедрами, чтобы снять обтянувшую их ткань. Замечаю, как подрагивают его пальцы, когда он кладет руки на подлокотники и прожигает меня горящим взглядом, и не могу не улыбнуться, прекрасно зная, что он означает, — желание обладать мной. Мной, а не той искусственной женщиной, что улыбается нам с газеты.

Совершенно распутно сажусь на него верхом и тянусь к его губам, чувствуя как между ног становится влажно. Хочу ощутить его в себе и несдержанно двигаю бедрами, чуть ли не вскрикивая, когда он обнимает — крепко, почти до боли, сминая в надежных объятиях и впечатывая в свое тело. Ребра начинают болеть по мере того, как он сжимает меня, и я протестующе останавливаюсь, смотря на него сверху вниз. Мои губы припухли от поцелуев, их саднит, когда я облизываю их, и Господин, издавая глухой рык, вновь припадает к ним. Наконец, он разжимает объятия, но только для того, чтобы приподнять меня и, пока я стою на коленях упираясь в его плечи, расстегивает свои брюки. Одним движением снимает с меня футболку и, накрывая ладонью обнаженную грудь, на удивление медленно заполняет собой.

Наверное, это называется зависимостью, безумием, одержимостью, но только сейчас, в его объятиях и с его членом внутри, я ощущаю себя живой, настоящей, прежней. Тихо стону, медленно приподнимаясь и опускаясь обратно. Мои пальцы впиваются в его плечи, и я закрываю глаза, запрокидывая голову назад и млея от ласк, которыми он осыпает мою грудь. Внутри зарождается волна наслаждения, и я ускорю темп, торопясь прийти к разрядке и чувствуя, как воздух становится тяжелым и горячим. Он сковывает легкие, срывает дыхание, опаляет жаром, отчего лоб покрывается бисеринками пота.

Я сгораю.

— Не торопись, *ma petite*, — шепчет Рэми, когда я ускоряюсь и, слишком высоко приподнявшись, по неаккуратности выпускаю его член из себя. Он придерживает меня за талию, пока я послушно притормаживаю и, рвано дыша, смотрю на него широко распахнутыми глазами, словно не понимая, где я. Но я действительно не понимаю, как я могла оказаться в чужой комнате — так далеко от дома Господина. Не добежать и не найти дорогу назад. — Не торопись, — повторяет он и уже сам насаживает на себя, совершая аккуратно глубокие толчки. Сковывает кольцом из своих рук и двигается навстречу, подавая бедрами вверх. Вновь и вновь, пока наслаждение не перерастает в лавину, окончательно лишаящую меня сил. — У нас впереди целая ночь...

Я лежу на кровати, на животе, блаженно вытянувшись и обхватив подушку руками. Влажные после душа волосы липнут к спине, и от прохладного воздуха вся я покрываюсь мурашками, вызывающими неприятный озноб, на который, впрочем, не обращаю никакого внимания, потому что "целая ночь" заканчивается, и сейчас, измотанная и уставшая, я с

грустью глядываюсь в окно, проклиная зарождающийся рассвет, несущий в себе расставание. Ведь Хозяин уйдет, встанет, наденет свой идеальный костюм-тройку, отточенным движением поправит волосы и оставит меня на растерзание одиночества и ненужности, которые поглотят как только он закроет за собой дверь.

Я обещала себе не плакать, но, по мере того, как на улице выцветают краски, в горле скапливаются слезы, и мне приходится закусить губу, чтобы сдержаться. Оказывается, отпускать очень больно, намного больнее чем уходить самой. И, если честно, я не хочу отпускать, не хочу говорить "прощайте" и вновь покрываться панцирем, пряча надежду о новой встрече в израненном сердце. И будет ли эта встреча? — ведь, как выразился Рэми, петля затягивается. Еще сильнее сжимаю подушку, когда матрац подо мной дрожит, и он встает с кровати, окончательно лишая меня своей близости. Признаться, эта ночь одна из лучших ночей в моей жизни, потому что она подарила мне шанс познакомиться с совершенно другим Дамианом Рэми — не Хозяином, нет, а обыкновенным мужчиной.

Предательские слезы все-таки скатываются вниз, на подушку, и я зажмуриваю глаза, стараясь ровно дышать и не выдать себя. Наверное, было бы лучше, если бы я уснула, пропустила момент его ухода и, не стыдясь своей слабости, смогла по-хорошему выплакаться. Но, будто назло, каждая пролетающая секунда воспринимается слишком болезненно, и вся я превращаюсь в натянутую тетиву, готовую вот-вот сорваться.

— Я знаю, что ты не спишь, — почти неслышно произносит Рэми, откуда-то сбоку, наверняка надевая рубашку, медленно и не торопясь застегивая каждую пуговицу, поправляя манжеты, воротничок, одергивая ее вниз. Сейчас он возьмет брюки, ремень которых характерно звякнет пряжкой, затем жилетку, сядет на кровать, чтобы надеть носки и обувь. Галстук и пиджак напоследок.

— Не сплю, — на удивление твердым голосом отвечаю я, но не тороплюсь повернуться, с каким-то маниакальным упрямством продолжая зажмуривать глаза, будто бы это спасет меня от горечи расставания. Не спасет — знаю. От криков сердца не спрячешься. — Вы так и не ответили на вопрос.

— Какой? — пряжка ремня действительно щелкает, и я делаю глубокий вдох, потому что осталось совсем немного. Чуть-чуть.

— Зачем вы приходили? Ведь не потому, что вам захотелось разнообразия?

— Нет.

— Тогда зачем?

Ну же, ответьте, мой Господин, обманите, соворите, скажите, что просто проезжали мимо и решили развлечься, что вам захотелось поиграть со мной, насладиться моей болью, посмеяться над моей преданностью и вновь растоптать. Ведь это так весело, правда? Скажите что угодно, только не то, о чем я думаю. Нет, нет и нет.

— Ответ за ответ.

— Что? — резко распахиваю глаза, напрягаясь и судорожно соображая, что могло заинтересовать его, если учесть то, что он знает каждый уголок моей души.

— Я хочу знать, почему ты это сделала?

— Я не понимаю, что сделала? — хмурюсь, приподнимаясь на локтях и поворачивая к нему голову. Он, высокий и статный, идеальный до одури, стоит широко расправив плечи и смотря на меня с пронизательной серьезностью. Краснею, стесняясь своей наготы, но не могу заставить себя дотянуться до одеяла, совершенно потерявшись в напряжении меду нами. Наверное, моя потерянность читается на лице, потому что Рэми поясняет:

— Шрам на твоём запястье, — он прячет руки в карманы брюк, а я не выдерживаю его осуждающего взгляда и вновь отворачиваюсь, прижимаясь щекой к подушке и задерживая дыхание. Главное, не дышать, быть может, это спасет меня от истерики, наполнившей грудь неприятными спазмами.

— Мне было больно. Одной.

Господи, мне до сих пор больно. Знал бы он...

— Хорошо, Джиллиан, — его тихие шаги набатом бьют в ушах, и только когда они затихают, я открываю глаза, натываясь на темно-синюю ткань брюк стоящего рядом с кроватью Рэми. Он с приторной нежностью проводит по моей скуле костяшками пальцев, убирает с виска прядь волос и, словно пытаясь отпугнуть время, отсрочить момент расставания, выдерживает паузу, которая на самом деле режет меня на куски. — Надеюсь, больше ты не будешь делать глупостей. И еще, насчет твоего вопроса — Юджин знает, что с тобой делать в случае моей смерти. Будь осторожна, *ma specialite est la petite fille* (моя сильная маленькая девочка).

Это прощание. Он пришел, чтобы попрощаться со мной, все просто.

Всхлипываю, осознавая истинную причину его визита и этой странной нежности, и поднимаю голову, чтобы увидеть подтверждение на его лице, но не успеваю, не улавливаю мгновения, когда он оказывается далеко, за закрытой дверью, издавшей противный щелчок. Делаю глубокий вдох, словно впитывая в себя ускользающий аромат Хозяина, и, наконец, срываюсь, захлебываясь в громких рыданиях, которые лишают меня последних сил.

Наблюдать за тем, как рушится мир, страшно. Наверное, это то же самое, как, плача от беспомощности, смотреть на то, как горит твой дом, любимые вещи, воспоминания, с ними связанные. Как в беспощадном пламени огня исчезают твои секреты, фотокарточки родных, друзей, знакомых. Как на месте тихой гавани остается лишь пепел и пустота — начало чего-то нового и неизбежного, потому что впереди ждет старт с нуля. Нужно просто взять себя в руки и отвернуться от останков привычной жизни — я делала это не раз, но почему-то именно сейчас мне особенно страшно. Быть может, всему причиной громкие крики, плач, хлопанье дверьми и тяжелые шаги в коридоре; быть может, неизвестность, ждущая меня, там, за стенами; быть может, недавний визит Хозяина, после которого я так и не смогла смириться с мыслью, что это была наша последняя встреча.

Не последняя, и я это точно знаю. Верю, что несмотря на все перипетии судьбы, на смерть, преследующую Господина, на хаос, творящийся в наших жизнях, мы обязательно встретимся. Встретимся, ведь да? Не может иначе.

Вздрагиваю, впиваясь пальцами в края матраса, и распахиваю глаза от страха, когда кто-то с силой открывает соседнюю дверь и сразу после этого за стеной раздается тихий плач девушки, время которой пришло. Я слышу, как она умоляет не трогать ее, затем глухой звук удара и стон, осевший в сознании красочной картинкой расправы. Наверняка у того, кто это делает, нет сердца, оно мертвое-мертвое и безжалостно жестокое, оно не знает сострадания и его не трогают слезы беззащитных рабов, попавших в жернова адской системы.

Мир трещит по швам, сходит с ума, перестраивается, а я не могу пошевелиться от сковавшего меня ужаса, потому что, вполне возможно, следующей стану я. Комната за комнатой, наложница за наложницей, пока в коридоре не станет тихо, а здания вымрут, перестав дышать и наполнившись пустотой. Все произошло так неожиданно, кажется, даже неуместно — мой распорядок дня лопнул при внезапном появлении людей в форме, при жестком приказе Тъери вернуться в комнату, при непонимающе яростном взгляде Юджина, когда он прочитал протянутую ему бумагу и молча кивнул, давая согласие на зачистку и не желая идти против закона. Я видела, как всего на секунду опустились его плечи, как губы сжались в тонкую линию, как грудь сковало глубокое дыхание, и он отвернулся, ушел к себе, чтобы не смотреть на то, как его деньги оглушенными телами покидают корпуса.

Сейчас же я покорно жду своей очереди, не понимая, как Рэми мог принять столь жестокое решение, почему вдруг увидел в людях угрозу и допустил разорение собственного друга. Думаю о том, что он вряд ли вспомнил обо мне, когда подписывал приказ, и что проведенная со мной ночь ничего не изменила — он остается Господином этого мира и ставит власть на первое место. Впрочем, могу ли я его винить? — ведь я всего лишь наложница, одна из сотен, из тысяч. В коридоре затихают звуки, и за окном слышится рокот заводимых двигателей, а я все не могу отмерзнуть, превратившись в ледяную статую и до сих пор ожидая, что вот-вот откроется дверь, в комнату войдет один из вампиров и заберет меня с собой, чтобы увести в никуда.

Признаться, это даже символично, ведь ровно год назад я оказалась за стеной и с головой провалилась в неизведанный мир, превративший меня в игрушку. Господи, это было так давно, что даже не верится, и этот год растянулся в бесконечную линию событий,

которые с высоты прошедшего времени кажутся далекой историей. Мысли прерывает шум за дверью, и я напрягаюсь, крепко зажмуривая глаза и моля Бога, чтобы все закончилось быстро — раз и все, потому что я не хочу чувствовать боли.

— Спишь? Надо же, удивительная невозмутимость.

Издаю нервный всхлип, слыша знакомый голос, и, незаметно убирая слезы с ресниц, выдавливаю улыбку. Это почти смешно и почти правда, потому что я действительно мечтаю уснуть. Юджин продолжает стоять в дверях, небрежно облокотившись плечом о косяк и одной рукой держа полупустую бутылку с алкоголем. Уставший и будто помятый, он пьяно ухмыляется, салютуя мне бутылкой и делая большой, просто огромный глоток. Кажется, еще чуть-чуть и он выпьет все.

— Все кончено? — мои губы дрожат от пережитого страха, и вопрос выходит тихим и обрывочным, словно я до сих пор боюсь, что нас могут услышать. Но вокруг тишина, сильная, глубокая, от нее веет холодом и кожа покрывается мурашками.

— Ну-у-у, если ты имеешь в виду псов Вацлава, то да. Они закончили свое дело, — Юджин заходит внутрь и неспешно подходит к окну, не может быть, своим видом вызывая во мне жалость. Наверное, это до неприличия неправильно — жалеть человека, торгующего людьми и рассматривающего нас как товар, но почему-то после всего произошедшего за последний час мне кажется, что Юджин не самое ужасное в этом мире, по крайней мере на фоне беспощадных карателей.

— Что происходит, Юджин? Я не понимаю, ведь Господин говорил, что не позволит Вацлаву...

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер, Джил, — обрывая меня на полуслове, отвечает Юджин. Он стоит у окна, спиной ко мне, и, ссутулившийся и поникший, напоминает раздавленного горем человека, только что потерявшего что-то важное и дорогое. Может быть потому, что терять деньги тоже больно. Хотя откуда мне знать. — На прошлой неделе в Венсене вспыхнуло восстание, и он стал первым городом, где прошла зачистка. Очередь за остальными. До Митрополя, как видишь, дошла.

Вижу. Даже чувствую — отчаяние и слезы, отравившие в воздух.

— Сложнее всего контролировать Колонии, в которые может просочиться лишняя информация. Совет принял временные меры о полном блокировании передвижения между нашими городами и колониями. Поток товара прекращен. Хочешь знать, к чему это приведет, Джиллиан? — спрашивает Юджин, наконец разворачиваясь ко мне и вопросительно изгибая брови. Совершенно не знаю, что ответить, и пожимаю плечами, теряясь под его пристальным взглядом. — К дефициту крови в городах, ведь Вацлав осуществляет свою мечту, пуская рабов в расход и наполняя котлованы убитыми. Не думаю, что запасов выкачанной из людей крови в хранилищах хватит надолго.

— Но разве Господин не понимает этого?

— Как ни странно, понимает, — Юджин усмехается, приближаясь к кровати и тяжело опускаясь рядом со мной. Запах крепкого алкоголя, смешанного с ароматами парфюма и ментола, ударяют в нос, и я делаю глубокий вдох, заменяя отравленный воздух на что-то живое и знакомое. — Но между сохранением мира и временными неудобствами, которые продлятся около сорока лет, он выберет первое. Что значит сорок лет в жизни вампира? А вот численность человечества за этот период перешагнет критическую отметку. Надеюсь, перешагнет. Так что, Джил, нам нужно набраться терпения.

— Вряд ли я проживу столько, — стараюсь не думать о сухих фактах, которые с

совершенным бесстрашием говорит Юджин, но против воли представляю себе те самые котлованы, наполненные обескровленными телами убитых: мужчины, женщины и дети, так и не познавшие свободы, которой добиваются повстанцы. Интересно, есть ли предел жестокости? И как смириться с тем, что человек, ставший неотъемлемой частью моей жизни, — безжалостный палач? На самом деле в это сложно поверить, ведь я знаю его другим — понимающим и в своем роде заботливым. Наверное, именно поэтому я до сих пор жива. — Почему я еще жива? — озвучиваю мысли, чувствуя на себе внимательный взгляд Юджина, будто изучающего меня и желающего понять, что же на самом деле скрывает этот вопрос. А скрывает он одно — я хочу подтвердить догадки о причастности к этому Рэми, хочу знать, что даже находясь далеко, он заботится обо мне.

— Я сохранил несколько рабынь для утоления жажды. Привилегия положения, — пожимает плечами Юджин, делая большой глоток и шипя сквозь зубы. — Скорее всего, завтра тебе придется переехать отсюда. Нет смысла содержать целые корпуса.

Не обращаю внимания на его последнюю фразу и привязываюсь к самой первой:

— Но вы ни разу мной не питались.

— Будешь задавать много вопросов, начну.

Не начнет, знаю, потому что это ложь. Я жива не потому что вхожу в его меню, а потому, что так решил Господин. Где-то там, за этими стенами, балансируя на грани и утопая в хаосе, он успевает думать о моей безопасности. И сейчас, сидя рядом с Юджином и прислушиваясь к тишине, я вспоминаю тот день, когда он прогнал меня — прогнал лишь для того, чтобы я смогла жить. Так ведь?

Так.

— Вы лжете, Юджин.

— Какой кошмар, теперь я понимаю, почему он предпочел от тебя избавиться, — Юджин встает, ворча себе под нос, но в его голосе не слышится злости или гнева, скорее усталость, будто этот разговор вконец выжал его. Он успевает дойти до двери и взяться за ручку, прежде чем я нахожу в себе смелость ответить:

— Потому что хотел обезопасить.

— Еще одно слово...

Поджимаю губы, больше не желая испытывать его терпение, и с тоской провожаю его взглядом, пока дверь за ним не закрывается, а я не проваливаюсь в холодное и страшное одиночество, потому что вокруг тихо, вокруг пусто, вокруг до озноба неуютно, отчего я передергиваю плечами и оглядываясь вокруг, будто не узнавая свою комнату. Представляю, что меня ждет, — разъедающие мысли, которые будут причинять боль, рвать на части, лишать сна; слезы беспомощности; переживания; чувство вины. Ведь я предала себя, в какой-то момент забыв о свободе и полностью смирившись со своей судьбой. Где-то за этими стенами творится ад, а я не могу думать ни о чем другом, кроме Господина и его отношения ко мне, ведь после сегодняшних событий все встало на свои места, и теперь я догадываюсь об истинной причине его холодности. Он просто хотел защитить меня.

Иначе бы не пришел, не провел со мной ночь, не счел нужным попроситься. Безразличие не требует встреч и не рождает нежность. Вымотанная страхом, закрываю глаза и устраиваюсь на кровати, желая спрятаться от реальности во сне. Стоит переждать вечер и ночь, чтобы дожить до завтра и уехать отсюда, неважно куда, лишь бы подальше от этого места.

Я просыпаюсь внезапно, с громким выдохом, непонимающе всматриваясь в темноту и

прислушиваясь к бешено стучащему сердцу. Мне снилась тьма, такая же молчаливая и гнетущая как в реальности, и сейчас я с трудом различаю грань между сном и действительностью, которая, по мере того как я привыкаю к полумраку, вызывает инстинктивный страх, потому что в воздухе отчетливо чувствуется чье-то присутствие. Оно выражено едва уловимым ароматом, содержащим в себе табачные нотки и сладковатые пряности, щекочущие обоняние. Это запах незнаком мне и на фоне произошедших событий кажется чужим и враждебным. Может поэтому я упорно смотрю на дверь и до ужаса боюсь повернуть голову, будто бы как только я это сделаю, рожденный паранойей монстр разорвет меня в клочья.

— Доброй ночи, Джиллиан.

Облегченно выдыхаю, стыдясь своего страха, и уже в следующую секунду улыбаюсь. Улыбаюсь до глупого счастливо, просто потому, что Господин здесь, со мной, а не где-нибудь в центре мира, готового обернуться в руины. Скидываю с себя одеяло и в мгновение слетаю с кровати, чтобы, как и в нашу последнюю встречу, опуститься перед ним на колени. Мне даже кажется, что время повернулось вспять, и мы снова переживаем тот самый момент, когда он пришел той ночью. Сейчас он протянет руку и невесомо коснется моей скулы костяшками пальцев, затем проведет по щеке и подбородку, а потом... потом я услышу его шепот: — Моя маленькая.

Ну же.

Но вместо этого Рэми продолжает молчать, и я прячу улыбку, внимательно всматриваясь в его лицо и наталкиваясь на какую-то странную апатичность. Это даже нельзя назвать холодностью или равнодушием, он будто не чувствует ничего, совершенно, ни одной эмоции. Его глаза чернее тьмы и на бледном лице кажутся пустыми. Наверное, случилось что-то из ряда вон выходящее, раз он пришел ко мне, и, если честно, я не хочу знать, что именно.

— Ты крепко спала, не хотел тебя будить, — шепчет Хозяин, склоняя голову набок и позволяя проникающему в окно свету осветить мое лицо. Он разглядывает меня пристально цепко, словно встречая впервые, и вызывает в душе интуитивное подозрение, потому что в его словах не чувствуется тепла или интимности, которую должна нести эта фраза, — он будто чужой, не мой, далекий. Он никогда не был таким.

— Сегодня был тяжелый день.

— Знаю, — кивает он, а я опускаю глаза и наполняюсь едким разочарованием, потому что, если честно, представляла нашу встречу другой. По крайней мере, в ней не должен был присутствовать третий — подозрительная бесстрастность, завладевшая Господином. Такое ощущение, что он зашел сюда по ошибке и даже не представляет, кто я такая. Перевожу взгляд в окно, в которое начинают стучаться первые капли дождя, и теряю всякое воодушевление, совершенно не зная, как вести себя с ним. Наверное, сейчас я выгляжу как побитая собачонка, рванувшая за лаской к хозяину, но получившая абсолютное "ничего". И его новый аромат, он не нравится мне, потому что прежний шел ему куда больше.

— Вы развязали Вацлаву руки, — с тихой грустью произношу я, отвлекаясь от стихии и радуясь, что барабаниющий дождь хоть как-то разбавляет наступившую тишину. Надеюсь услышать подробности его решения, но Рэми вновь удивляет, бросая короткое:

— Это всего лишь люди.

Люди, да, но не он ли всеми силами пытался доказать обратное — их непричастность к происходящему? Не он ли до последнего сдерживал Вацлава и пытался найти короля, а не

размениваться пешками? Поджимаю губы, обдумывая его слова, а потом медленно-медленно скольжу по нему взглядом: начиная от лежащей на подлокотнике руки и заканчивая идеально уложенными волосами. Кажется, ничто в нем не изменилось, но что-то ускользающе незнакомое притаилось в его внешности, манере держаться и в этом странно пристальном внимании, окутавшем меня. Знаю, что он следит за каждой моей эмоцией, и начинаю чувствовать себя не в своей тарелке, вновь поддаваясь шепоту интуиции.

— Вы сняли перстень, — чтобы хоть как-то облегчить скопившееся напряжение, киваю в сторону его руки, на безымянном пальце которой действительно отсутствует перстень. Странно, потому что за все время, что я знаю Рэми, он ни разу не снимал его. Мы одновременно переводим взгляды на руку, а потом так же синхронно друг на друга. И только в этот момент ко мне приходит осознание — осознание того, что это не мой Господин. Время замирает, так же, как и моя грудная клетка, потому что я забываю сделать вдох, распахнутыми от изумления глазами наблюдая за тем, как губы Рэми растягиваются в улыбку, и лицо приобретает демонические черты.

— А тебя не обманешь, — не успеваю даже вскрикнуть, как он стремительно склоняется ниже и зажимает рот холодной ладонью. Давит так сильно, что губы саднит от впившихся в них зубов, и на глазах выступают слезы. Я пытаюсь отнять его ладонь, царапая ее ногтями, и умудряюсь ударить его по лицу, прежде чем он хватает меня за волосы и дергает резко назад, вынуждая замереть от острой боли. — Теперь я понимаю, что нашел в тебе Дамиан помимо привлекательной внешности. Приятно познакомиться, Джиллиан. Можешь называть меня Виктором.

Мычу от бессилия и зажмуриваю глаза, чтобы не видеть смерть, пришедшую и за мной. Господин был прав — она идет по его стопам и ему не стоило приходить сюда в тот вечер.

— Сейчас ты откроешь глаза и перестанешь сопротивляться. Ты поняла меня?

Покорно киваю и, как только получаю свободу от его хватки, отползаю назад. Как можно дальше, так, чтобы он не достал меня, потому что мне страшно, страшно встретиться с призраком, сгоревшем в огне. Ведь этого не может быть, он мертв, его не существует, а фигура передо мной лишь плод моего богатого воображения.

— Я знаю, я видела, как вы горели в огне.

— Какая осведомленность. И как ты могла видеть то, что произошло сотни лет назад? — Виктор неторопливо встает с кресла и, заведя руки за спину, начинает обходить меня, до сих пор сидящую на полу, вокруг. Стараюсь не терять его из поля зрения, поворачивая голову в его сторону и тихо плача. Меня по-настоящему трясет, и я искренне не понимаю, зачем он тянет, но все же молю Господа еще о нескольких минутах жизни. Оказывается, перед смертью всего отчаяннее хочется жить. — Дай угадаю. Дамиан. Он дал тебе своей крови. Значит, маленькая девочка действительно является его слабостью, — Виктор иронично улыбается, будто только что открыл чужой секрет, и продолжает ходить по кругу, все больше нагнетая обстановку. — Именно поэтому я здесь. Признаться, Дамиану почти удалось обмануть меня, я даже решил, что упустил возможность воспользоваться твоими услугами. Но его последний визит... он доказал гипотезу Адель.

— Адель? — при упоминании знакомого имени в груди стягивается тугий узел, и я нахожу в себе смелость прервать его, чтобы задать вопрос: — При чем здесь она?

— Всегда восхищался коварством женщин, особенно обманутых женщин. Она проделала грандиозную работу и до последнего не оставляла надежды найти мое тело. Сила ее веры удивляет. А вы, Джиллиан? Что стало с вашей верой? Или, став рабами вампиров, вы

разучились верить? Отвечай, когда я тебя спрашиваю, — в его тоне слышится явная угроза, и я нервно сглатываю, комкая в руках край футболки. Пальцы превращаются в иней, и слезы стынут на щеках, пока Виктор смотрит на меня пронизывающе строгим взглядом, на удивление терпеливо ожидая ответа.

— Я... я не знаю, — унизительно шепчу, боясь его реакции, и старательно подбираю слова, чтобы не спровоцировать его. — Мы умеем верить, правда.

— Что-то незаметно. Этот мир удивляет меня, никогда не думал, что Бог будет так непопулярен. В мое время во имя Бога шли на смерть, забирали жизни, орошали землю кровью и уничтожали цивилизации. Как много я пропустил, — Виктор цокает языком, замирая на месте и вглядываясь в стену перед собой, а потом резко отмирает и вновь начинает кружить, словно играя со мной и наслаждаясь страхом, лишившим меня дара речи. И если Рэми присуща плавность и грация в движениях, то каждый шаг Виктора пронизан напряжением и натянутостью, будто в любую секунду он готов сделать прыжок. Но ему нечего бояться, ведь я не представляю для него никакой опасности. — Вот только он не оценил того, что мы делали ради него. Он отвернулся от нас — своих верных слуг, своих детей. Он проклял нас, отдав на растерзание тьмы, превратившей нас в то, чем мы являемся. И только тьма дала нам то, чего мы жаждали больше всего: кровь, власть, силу. Разве Дамиан не рассказывал тебе об этом? Не говорил, что смерть привела нас к жизни? — Виктор останавливается, кидая на меня вопросительный взгляд, и, замечая мое изумление, продолжает: — Видимо, для таких грешников как мы, в раю места не было. В аду тоже. Мы остались где-то посередине, ни живые, ни мертвые, отравленные вечностью. Впрочем, я был не против, как и Дамиан. Мы пользовались тем, чем наградила нас тьма: силой, скоростью, ловкостью, мы подчиняли мир не только посредством крови, но и внушения. Удивительно, правда? Как легко было сломить людей, вовремя воспользовавшись моментом. Ты думаешь, что Колонии созданы вампирами для контроля над вами, но на самом деле вы сами загнали себя за бетонные стены. Попрытались как муравьи, столкнувшись с чумой и таким образом решив остановить ее. На самом деле вы ничуть ни меньшие грешники, ведь, думая о собственном благополучии, вы спокойно закрывали глаза на тех, кто был обречен умереть. И пока вы прозябали за стенами, обособленно друг от друга, мы, вампиры, строили свой мир. Кстати, как тебе он?

Мотаю головой, переваривая информацию, и судорожно вдыхаю, с надеждой глядя в окно, потому что скоро наступит новый день, и за мной придет Юджин. Мы сядем в машину и уедем, уедем далеко отсюда. А ядовитые слова Виктора останутся здесь, покроются пылью и выцветут.

— Я думал, ты более разговорчива. Тебе не интересно, почему я пришел именно к тебе?

— Нет, — я не хочу, не хочу слышать, что Рэми привел за собой смерть, и что я следующая в длинном и бесконечном списке. — Но мне интересно, как вы смогли выжить.

— Думаю, ты имеешь право знать, ведь тебе уготована особая роль. Дамиан предал меня огню, обвинив в излишней жесткости и посчитав безумцем. Но разве принять свою природу — это безумие, Джил? Разве пользоваться своей силой и властью — это неправильно? Глупец, он думал, что даже являясь монстрами мы можем сохранить свои души, но он не понимал одного: мы созданы для того, чтобы забирать жизнь. Такова наша природа, природа хищников, — Виктор кладет ладонь на грудь, и его взгляд становится отрешенно задумчивым. Он будто возвращается в прошлое и начинает говорить скорее себе, чем мне. — Мы шли рука об руку долгое время, пока наша вера не раскололась надвое, пока

он не увидел во мне дьявола и не решил остановить. Он думал, что убив меня пламенем и захоронив в святом месте, навсегда избавится от неудобного брата. Он думал, что лишив меня плоти и почти уничтожив сердце, убьет во мне жажду крови. Но он не учел одного, Джиллиан, я и Дамиан — мы первородные вампиры, сыновья не дьявола, а Бога, и значит, можем быть убиты только одним оружием — тем, от которого умер его любимец, — Виктор в два шага доходит до кресла, на котором сидел недавно, и, взяв в руки какой-то сверток, начинает разворачивать его. Растерянно смотрю на его манипуляции и ничего не понимаю, потому что полученная информация не укладывается в голове, словно это другая вселенная и я по ошибке оказалась в центре ее. Все его слова про Бога, Дьявола и тьму кажутся мне чистым бредом, а он настоящим умалишенным, каким-то образом избежавшим усыпления.

Все это бред-бред-бред.

Обхватываю голову руками и зажимаю глаза, отказываясь верить в действительность. Этого всего лишь сон, правда? Ведь в реальности не существует Виктора, он остался в прошлом, далеком прошлом. Он превратился в дым, в искры, в пепел, в воспоминание Господина, в которое я заглянула по чистой случайности.

— Посмотри на это, Джиллиан, — сильные пальцы обхватывают мой подбородок, и я открываю глаза, наталкиваясь на Виктора, вставшего передо мной на корточки. В его руке что-то напоминающее ромбовидный кинжал, и я резко дергаюсь, думая, что оружие предназначено для меня. Сейчас он воткнет его в мое сердце и навсегда избавит от страха, а заодно подарит свободу, о которой, к собственному стыду, я успела забыть. — Не бойся, это не для тебя, — Виктор прикасается подушечкой пальца к острию кинжала и смотрит на меня проникновенно требовательно, будто ожидая, что я пойму его, и ему не придется тратить время на объяснения.

Действительно, не придется, но я не хочу думать о том, что мои догадки могут быть верными.

Я не хочу стать орудием мести, ведь это и есть моя главная роль.

— Ты когда-нибудь слышала о копье Судьбы? Или вы настолько ущербны, что не знаете отчего умер ваш Бог? — Виктор иронично вскидывает бровями, но тут же принимает серьезный вид и прикасается концом копья к моей скуле. — Дамиан доверяет тебе, а значит, ты сможешь подобраться к нему максимально близко, намного ближе, чем я. Например, ты можешь оказаться в его постели. Убить Членов Совета не составило труда, они и подумать не могли, что их Господин может лишить их жизни, признайся, с Дамианом это не пройдет, — Виктор царапает щеку, продвигаясь вниз, а я постепенно пропитываюсь к нему отвращением, потому что передо мной стоит настоящий трус, решивший сделать все чужими руками.

— Вы трус, — теряя всякое благоразумие, шепчу я. — Потому что боитесь Господина. Боитесь оказаться слабее его.

— Скорее не трус, а реалист. Я слишком долго пребывал в забвении, чтобы так рисковать. И нет, я не обижаюсь на тебя, хотя за такие слова можно вырвать язык. Не забывай, с кем ты разговариваешь, девочка, — Виктор неожиданно обхватывает меня за шею и с легкостью поднимает на ноги, вынуждая меня вцепиться в его руку и попытаться разжать пальцы, перекрывшие кислород. Он близко, он оплетает меня своей тьмой, ненавистью к Рэми и желанием уничтожить все на своем пути. — Я просил его следовать за мной, принять свою природу и прислушаться к шепоту тьмы, но он выбрал иной путь, он обвинил меня в излишней жесткости и назвал безумцем, он поставил интересы человечества выше моих. Он

позволил вам жить.

— Потому что знает, что такое милосердие.

— Милосердие? Прислушайся, Джиллиан, — Виктор поднимает ладонь вверх, приказывая замолчать, и только через несколько томительных секунд продолжает: — Это ты называешь милосердием? — Наверняка имея в виду абсолютную тишину опустевших зданий, спрашивает он. — Впрочем, нужно отдать ему должное, он всеми силами пытается сохранить Колонии, на которые у меня нет времени. Мое терпение подходит к концу, и я хочу, чтобы Дамиан умер. Умер с мыслями о том, что его душа никогда не попадет в рай, как бы отчаянно он в это ни верил. Умер, зная, что его слабость стала его гибелью. Умер, зная, что его мир превратится в хаос. Думаю, оставшиеся Члены Совета будут со мной солидарны, особенно Вацлав, — подытоживает он, наконец выпрямляясь и оставляя меня на полу, у его ног. Не замечаю того момента, когда слезы заканчиваются, и жгучая безысходность оседает на плечи, потому что как бы я не хотела, я не смогу помочь Господину. Попросту не успею.

Рассвет близко.

— Я не стану убийцей. Вы не заставите меня сделать этого.

Виктор ухмыляется, чувствуя свое превосходство, и одним сильным рывком поднимает меня на ноги. Совершенно обессилев, почти висну в его руках, и безрезультатно пытаюсь отстраниться, когда он склоняется к моему лицу и, глядя прямо в глаза, шепчет:

— У тебя нет выбора, никогда не было. Разве ты не должна ненавидеть его? Он лишил тебя свободы, забрал сестру, мать, даже Элисон умерла потому, что мир, созданный Дамианом, несовершенен. Так что скажи спасибо, что я подарил тебе возможность отомстить за все смерти разом. Ты убьешь его, Джиллиан, вонзишь кинжал прямо в сердце.

— Боюсь, вы ошибаетесь в его привязанности ко мне, Господин не вернется, и вам придется ждать очень долго. Впрочем, вам не привыкать, — улыбаюсь, сквозь обреченность, наверняка подписывая себе приговор, и закрываю глаза, готовясь к самому худшему. Быть может, от злости он разорвет мое горло прямо сейчас. Быть может, это и есть лучший выход из ситуации, по крайней мере мне не придется убивать человека, ставшего для меня чем-то большим, чем просто Хозяин.

— Тогда нужно сделать так, чтобы он вернулся за тобой, — совершенно спокойным голосом произносит Виктор. Вглядываюсь в его глаза, различая там что-то неминуемо страшное, и судорожно соображаю, как он может заставить его вернуться. — Доверь это дело мне, Джиллиан, а сейчас слушай меня внимательно: его убийство станет главной целью твоей жалкой и никчемной жизни. Хочешь ты того или нет, но тебе придется это сделать, — тонкие нити внушения оплетают разум, и я затихаю, замороженная плавным голосом и приторной лаской, когда он начинает гладить меня по волосам. Он продолжает шептать даже тогда, когда я закрываю глаза и полностью расслабляюсь, доверившись его сильным объятиям. Он забивает сознание вкрадчивыми речами, а потом исчезает, оставляя после себя аромат проклятых пряностей и полную пустоту.

Я просыпаюсь утром, уже не помня о нашей встрече, но с четкой целью убить Господина, который обязательно вернется, потому что того, кому он меня доверил, не станет.

Я почти ненавижу осень — она вспыхивает яркими красками, бьет буйством цвета, а потом заменяется на мрачную серость и убивает все живое, превращаясь в безжизненную картину. От нее веет холодом и сыростью, она ввергает в уныние и возрождает пессимистичные мысли, она приносит разочарование и перемены, которых я ужасно боюсь, но, как не стараюсь, не могу избежать. Они настигают меня внезапно: смертью Юджина и новым домом, в который привез меня Леви на следующий же день после убийства, ужасного бесчеловечного убийства, до сих пор вызывающего недоумение. Ведь буквально накануне Юджин заходил в мою комнату, разговаривал со мной и сидел рядом-рядом, так, что я чувствовала его аромат. Он был живым, уставшим и близким. Сейчас же он превратился в воспоминание — случайная жертва безжалостного убийцы.

И мне искренне жаль его, несмотря на то, кем он был и чем занимался, так же, как жаль Хозяина, потерявшего быть может единственного друга. Если честно, за эту неделю я ни разу не видела Рэми и не слышала о нем, потому что присматривающий за мной Леви настолько же немногословен насколько и безэмоционален. Прекрасно помню его непроницаемое лицо, когда он, внезапно нарушив мое одиночество, появился в комнате и сухо сообщил, что мы уезжаем. Больше ни слова, ни объяснений, пронизательный взгляд и резкие движения, будто бы произошло что-то из ряда вон выходящее. Лишь по столпотворению полицейских в холле я поняла, что действительно произошло — страшное, отвратительно уродливое и скрытое от моих глаз пропитавшимися кровью простынями.

Юджин был распят.

Посередине пустоты, в проклятой тишине, оставшейся после зачистки. Вот так просто, будто бы он не обладал силой, скоростью и ловкостью вампира, будто бы он и не был лучшим другом самого Дамиана Рэми, будто бы он и не дышал двенадцать часов назад. Жизнь слишком непредсказуема, чтобы верить в стабильность, строить планы, надеяться на будущее, может поэтому я с каким-то тихим послушанием, шокированная и растерянная, следовала за Леви, совершенно не зная, куда он меня везет, и откуда взялся острый кинжал, спрятанный в моей сумке. Но даже не это самое страшное, а то, что этот кинжал предназначен для Господина, ни для кого другого. Это будто въелось в меня, проникло глубоко в сознание и пустило корни, так, что теперь я не могу думать ни о чем другом, кроме как о смерти Рэми. Мне даже кажется, что я слышу чей-то шепот — он напоминает о смерти Элисон, Айрин, мамы, он рассказывает о свободе, которую я потеряла, он говорит о несовершенстве мира, проглотившем миллионы таких, как я. Он живет отдельно от меня, но тем не менее является частью меня, неотъемлемой и родной, одновременно пугающей и вызывающей непреодолимое желание последовать за ним. Просто взять кинжал и, усыпив бдительность Хозяина, избавиться от настырных слов, выкинуть их из головы и вновь стать прежней Джиллиан Холл — не убийцей, не палачом, а тихой девочкой из Изоляции.

Господи, мне так страшно, потому что мысли об убийстве чуждые мне. Это не я, я не могу, не хочу никого убивать.

— Не хочу... — тихо шепчу, встряхивая головой и, наконец, отвлекаясь от собственных терзаний. Непонимающе смотрю перед собой, пока не осознаю, где нахожусь — в том самом доме, куда привез меня Леви неделю назад. Он небольшой и уютный, с маленькой светлой кухней, отделенной от гостиной вытянутой столешницей; полированной лестницей, ведущей

наверх, и чередой комнат, расположенных по обе стороны коридора. В одной из них я нашла свой кров, в одной из них я предаюсь омерзительным мыслям и со слезами на глазах продумываю план убийства, в одной из них я с замирающим сердцем жду приезда Хозяина, но тут же молю его не приходить, потому что я не смогу удержаться — этот шепот сильнее меня.

— Что не хочешь? — Вздрагиваю, слыша голос Леви, вынырнувшего будто из ниоткуда, и молча наблюдаю за тем, как он неторопливо пересекает комнату и подходит ближе, испытующе вглядываясь в мое лицо. Становится откровенно неудобно, словно он сейчас сканирует мою душу и может с легкостью увидеть то, на что ему смотреть нельзя.

— Не хочу оставаться здесь, — отвечаю первое, что приходит на ум, и опускаю глаза, думая о том, что Леви будто следит за мной. А ведь и правда, все это время, что мы находимся под одной крышей, он всегда оказывается рядом, и стоит мне обернуться, как я обязательно увижу его тень. — Ты следишь за мной? — спрашиваю как можно более равнодушным тоном, на самом деле не столько ожидая ответа, сколько желая разговорить его и хоть как-то отделаться от навязчивых мыслей.

Если честно, я хочу забыть о них.

Если честно, я предпочла бы умереть, чем замарать свои руки в крови.

Но я не могу иначе.

— Слежу.

— Почему?

— Потому что я не знаю, в кого ты превратилась за то время, что не была под моим присмотром, — он отвечает откровенно, нисколько не задумываясь о том, что может задеть меня, а я поджимаю губы, силясь не расплакаться, потому что я и сама не знаю, кем стала. Наступившую паузу наполняет шум непогоды и барабнящего по окнам дождя, и наш маленький дом гудит, когда сильные порывы ветра упираются в его стены и пытаются подчинить себе. Кажется, еще немного и он сложится как картонная коробка, а нас с Леви разбросает по разные стороны. По крайней мере, мне не пришлось бы терпеть тяжелого проницательного взгляда. — Знаешь, на самом деле мое место рядом с Хозяином, но мне приходится торчать здесь, пока где-то там, — Леви показывает пальцем на дверь, — ему угрожает опасность.

Ты не прав, Леви, потому что там, за дверью, ему ничто не угрожает.

Судорожно вдыхаю, переплетая пальцы и сжимая их сильно-сильно, чтобы душевная боль ушла и заменилась на физическую — пусть меня будет ломать, рвать на куски, перетирать в порошок, но неконтролируемое желание убить Господина исчезнет. Боже, просто пусть оно исчезнет. Разве я многого прошу?

— Он ведь приедет? Я должна увидеть его.

— Должна или хочешь? — подозрительным тоном спрашивает Леви, а я совершенно теряюсь, не зная, что ответить. Хочу, до ужаса просто, потому что по-настоящему соскучилась, несмотря на то, через что мне пришлось пройти на рабовладельческой площадке Юджина. Но ведь я справилась, а Рэми выгнал меня лишь потому, что хотел защитить, доверив тому, кого считал истинным другом. Во только Юджин... Юджин сам стал жертвой.

Молча смотрю на Леви, ожидающего ответа, и пожимаю плечами, больше не желая продолжать разговор. Наверное, было бы проще рассказать про странный шепот в моей голове, но я не могу сформулировать мысли, постоянно ускользающие и будто прячущиеся

от чужого внимания. Такое ощущение, что они предназначены только для меня, этаким коварный секрет, страшная тайна за семью печатями, которая откроется только тогда, когда сердце Господина умрет.

Я схожу с ума, видимо.

На улице усиливаются стоны ветра, а наш диалог с Леви заканчивается моей усталой улыбкой.

— Хочу, — медленно встаю со стула и также медленно, не произнося больше ни слова, покидаю гостиную, чтобы спрятаться в своей комнате и вновь предаться ожиданиям. День, второй, третий — мне нужно набраться терпения и Рэми обязательно придет. Как всегда идеально красивый, уверенно грациозный, он зайдет в мою комнату и медленно подойдет к кровати, на которой я лежу. Наверное, он проведет ладонью по моей щеке и, быть может, даже улыбнется, той тихой и едва заметной улыбкой, которую за время, проведенное с ним, я научилась различать. И, несмотря на то, кем он является, в нем несомненно есть что-то хорошее, уже привычное и родное, то, чего я отчаянно боюсь потерять.

Придется.

Эта ночь воистину ужасна: ураган, начавшийся еще вечером, вынуждает меня проснуться и со страхом вслушаться в завывание ветра, от которого дрожат рамы и где-то внизу слышится жуткий стук, похожий на хлопанье окна или дверей, распахнутых непогодой. Я могла бы встать с постели и посмотреть, что случилось, но холодный пронизывающий до костей страх сковывает тело, и я, не моргая, вглядываюсь в темноту и молю Бога, чтобы этот проклятый шум прекратился. И он действительно прекращается, заменяясь на какую-то жуткую тишину, пропитывающую каждый уголок дома и съедающую вой ветра, вдруг замолчавшего и прекратившего стучать в окна дождевыми каплями. Теплое одеяло, в которое я вцепляюсь пальцами, перестает греть, и меня бьет крупная дрожь, когда после надрывного затишья внизу раздаются вполне живые и настоящие звуки. Мне даже кажется, что я различаю шаги, неторопливые, тихие, постепенно приближающиеся к лестнице.

Ступенька за ступенькой, шаг за шагом, и мое бешено стучащее сердце, гулким эхом отдающее в висках. Голова шумит оттого, с какой силой оно начинает гонять кровь, и я в мгновение оттаиваю, чувствуя, как между лопаток стекает капелька пота. Время растягивается в бесконечность и будто зависает по мере того, как шаги приближаются к моей комнате и кто-то, столь же неторопливо и медленно, поворачивает ручку двери. Натягиваю одеяло на голову и уже из-под него наблюдаю, как в спальню заходит высокая фигура, в которой я узнаю Хозяина. Облегченно выдыхаю и, резко скидывая с себя одеяло, сажусь на кровати. Мне хочется кинуться на него и обнять, но что-то неприятно напряженное читается в его движениях, когда он включает ночник и, пока я привыкаю к приглушенному свету после абсолютной тьмы, опускается в кресло.

Его волосы сырые, как и одежда, и на лице сохранились капельки дождя, которые он смахивает, проводя по нему ладонью. Делаю глубокий вдох, наконец чувствуя знакомый аромат, и не произношу ни слова, просто потому, что не знаю с чего начать. Слишком неприступным он выглядит, чтобы я могла подойти и прикоснуться к нему.

— Сегодня на редкость отвратительная погода, — шепчет он, до сих пор не смотря на меня и вглядываясь куда-то в пустоту перед собой. — Последний раз такой сентябрь был шестьдесят три года назад. Отлично помню его, потому что в середине сентября вспыхнуло восстание в одной из колоний, — Рэми устраивается поудобнее, снимая промокший пиджак

и вытягивая ноги. Он заворачивает рукава рубашки до локтя и освобождается от галстука, тут же расстегивая пару пуговиц. От него веет усталостью и тихой грустью, наверняка по тому, кого уже не вернуть.

У Господина так мало друзей, а теперь еще меньше.

— Люди удивительные создания — вы так отчаянно верите в свободу, что готовы стать пешками в любой игре, — наконец, Господин переводит на меня проникновенный взгляд и смотрит пристально-пристально, будто изучая каждую мою черту. Его голос становится глуше и ниже, когда он, обхватив длинными пальцами подлокотники, продолжает: — Знаешь, почему ты здесь, Джилллиан?

Мотаю головой, прикусывая губу и с настороженностью вглядываясь в его глаза, а Рэми ухмыляется, выдерживая паузу и будто собираясь с мыслями.

— Я помню тебя в тот день. Маленькая и потерянная, ты обнимала себя за плечи, чтобы скрыть свою наготу, и смотрела на нас, находящихся за стеклом, не со страхом, нет, скорее с непониманием. Ты будто не могла поверить, что такое возможно, что в этом мире есть что-то страшное и жестокое; что есть люди, которые не видят в тебе человека, лишь удовольствие, которое ты можешь принести, неважно своим телом или же страданиями, через которые ты пройдешь. Могу поспорить, для тебя это было неожиданностью, правда? — даже несмотря на то, что ты уже видела в своей жизни. Моя маленькая наивная девочка, то, что я увидел в твоих глазах... заставило меня сделать выбор. Я не хотел, чтобы кто-то другой сломил тебя, не хотел, чтобы ты столкнулась с тем, с чем не могла бы справиться, потому что в твоих глазах плескалась отчаянная вера — вера в то, что даже несмотря на этот ужасный мир, в нем есть место для добра. Такое ощущение, что ты отвергала зло как само понятие. Какая ирония — ведь ты попала в руки чистого его проявления, — Рэми вновь ухмыляется, а я думаю о том, что он ошибается, потому что он не такой, потому что его сердце не покрылось толстой коркой жестокости и ему знакомо милосердие. Разве его поступки не доказательство этому? Одергиваю себя, вдруг вспоминая события своей жизни: Изоляция, смерть родных, Хелен и Аруша, сырой подвал, зачистка в корпусах Юджина — это итог решений Рэми, никого больше. Могу поспорить, он до сих пор не гнушится убивать и собственными руками линчует замешанных в восстании. Тогда почему я не испытываю к нему ненависти? И раз я ее не испытываю, то почему хочу убить? У меня даже пальцы немеют, когда голос в голове вновь начинает шептать, шептать о том, что смерть Хозяина есть цель моей никчемной и жалкой жизни. — Хочешь знать, что случилось с восставшими в той Колонии? — Вновь мотаю головой, не желая слушать его откровения, а Рэми как ни в чем не бывало продолжает: — Вернее с самой Колонией, потому что ее не стало. Я уничтожил всех, кто пошел против власти, оставив только детей. Яркий пример истории — Хелен, она была одним из них.

— Зачем вы рассказываете это?

— Потому что ты должна знать, кем я был. Когда-то давно я обвинил одного человека в излишней жестокости, но, если подумать, то я ничем от него не отличался.

— А сейчас? Какой вы сейчас? Ведь вы жалеете людей, я знаю. Я видела это.

— Скорее не жалость, а расчетливость. Ты веришь в то, во что хочешь верить, и видишь то, что я позволяю тебе видеть.

Неправда. Все его слова — ложь, и чтобы он не говорил, я не хочу открывать глаза. И пусть сейчас я выгляжу наивной дурой, но мне сложно разубедовать в его человечность. Осторожно поднимаюсь с кровати и под его пристальным взглядом подхожу к нему. На мне

лишь простые хлопковые трусики и короткая майка, но я не тороплюсь накинуть халат, потому что внимание Хозяина кажется мне естественным, настоящим, родным. Он подтягивает мешающее мне ноги и позволяет сесть к нему на колени, чтобы уже в следующую секунду, положив голову на его плечо, уткнуться в пахнущую приятным парфюмом шею.

Его объятия — самое надежное место на земле, и я обреченно улыбаюсь, потому что совсем скоро мне придется лишиться их. Горечь скапливается где-то в горле и дыхание перехватывает от подступивших слез, готовых разразиться истерикой. Я должна быть сильной, Господи.

— Вы можете обмануть мои глаза, но только не сердце, — шепчу, едва слышно, в то время как Рэми с приторной нежностью берет меня за запястье и, приблизив его к лицу, глубоко вдыхает. Его острые клыки вспарывают кожу, и я непроизвольно напрягаюсь, когда он вонзает их глубоко в мышцы, наверняка желая показать то, кем по-настоящему он является. Плевать, я уже смирилась с его природой. — Я хочу знать... вы говорили: Юджин знает, что со мной делать в случае вашей смерти. Что бы со мной стало? — При упоминании о Юджине Хозяин замирает, и кровь, текущая из раны, беспрепятственно капает вниз, на его грудь, пропитывая и без того влажную рубашку. Вижу, как напрягаются его скулы, и уже жалею, что подняла эту тему.

— Ты должна была стать свободной.

Замираю тоже, боясь развеять наваждение, и зажмуриваю глаза. Крепко-крепко. Потому что все это сон: Хозяин, я на его коленях и слова про свободу. Ведь этого не может быть, ведь обратного пути не бывает. И будто читая мои мысли, Господин продолжает:

— Ты не могла бы вернуться в Колонию, но у тебя бы был выбор, где обрести новый дом: здесь или в Венсене. Разве ты не этого хотела, *ma fille*?

Я чуть ли не плачу, в полной мере осознавая цену своей свободы, и выпрямляюсь, заглядывая в лицо Рэми: бледное, с едва заметной щетиной на подбородке и линии челюсти, с еще окровавленными губами, которые он не торопится облизнуть. Обвожу мужественные черты кончиками пальцев и впитываю в себя его образ, особенно заостряя внимание на его глазах, черных, поражающих своим демоническим блеском и глубиной, и сейчас мне кажется, что в них сосредоточен весь мир, который вскоре перестанет существовать. Он следит за мной, пока я пристально рассматриваю его, не шевелится даже тогда, когда я склоняюсь ближе и провожу языком по его губам, пробуя свою кровь на вкус.

У него губы холодные.

— Как вы говорили раньше: свобода относительное понятие, и я бы не стала свободной, потому что не только вы взяли меня в заложники, — имея в виду болезнь, отвечаю я. Становится невыносимо грустно, и воздух тяжелеет от витающей вокруг нас обреченности, безысходности и тоски. На самом деле мы оба ходим по грани, с каждым вдохом приближаясь к смерти.

Наша история до смешного короткая. Жалкий год, перевернувший жизни.

— Всегда есть шанс, *ma petite*, — Господин говорит это тихим голосом, так, что я едва слышу, а потом обхватывает ладонями мой затылок и ласкает линию роста волос на шее, даря некое успокоение и концентрируясь взглядом на моих губах.

— Значит, он есть и у вас?

— Конечно, я не собираюсь проигрывать. Я найду его, даже если для этого мне придется перерыть весь мир.

— Юджин... его мог убить Вацлав, потому что между ними произошла ссора и он угрожал ему. Я была свидетелем этого.

— Вряд ли. Вацлав предпочитает более радикальные методы и не будет кружить вокруг да около. Более того, тот, кто это делает, умело замечает следы, в его убийствах есть некая неторопливость, жестокость, рожденная из любви к смерти, он не просто убивает, он наслаждается каждой секундой власти над чьей-то жизнью. Он словно играет со мной, чувствуя себя равным мне. Ни один из Членов Совета не подходит под портрет подозреваемого, и это самое удивительное. В какой-то момент я даже подумал, что меня преследуют тени прошлого, но эта теория попросту безумна.

— В любом безумии есть доля правды.

— Мертвые не воскресают.

— Как вы стали вампиром? Разве вам не пришлось пройти через смерть, чтобы обрести вечность? — Его пальцы перестают ласкать меня, и Рэми внимательно смотрит в мои глаза, будто обдумывая слова и действительно находя в них здравую мысль.

— Это невозможно, моя маленькая, только не тогда, когда видел смерть собственными глазами, — знаю, кого он имеет в виду, и только собираюсь спросить про Виктора, как он отвлекает от разговора поцелуем, непривычно трепетным, нежным, мягким. Он будто успокаивает меня, обволакивая лаской, а потом возвращается к запястью, опять прокусывая ранки, практически переставшие кровоточить. Мне больно, и я пытаюсь отдернуть руку, но Рэми еще сильнее сжимает запястье, не позволяя отстраниться. Перестаю сопротивляться и, практически сонная, практически уставшая, возвращаюсь в прежнее положение — кладу голову на его плечо и доверчиво расслабляюсь. Он не переступит грань и не даст мне упасть, он знает, когда нужно остановиться.

Мне снится странный сон, в нем я и беспросветная тьма, опутавшая меня. Она не вызывает страха или волнения, и я чувствую себя в полной безопасности, пока босых ног не касается холодный воздух и странный ветер не начинает шуметь где-то в густоте мрака. Он набирает обороты, постепенно превращаясь в шепот, и что-то чужое и ядовитое подкрадывается все ближе и ближе, обдавая кожу обжигающим холодом. Я оборачиваюсь вокруг, желая найти выход, и протягиваю руки, с ужасом замечая кровь на них. Сначала только на кончиках пальцев, потом на ладонях, запястьях, она поднимается выше и, капая с рук, марает белоснежное платье, превращая его в заляпанное красным полотно. А шепот становится все громче, он оглушает, и я ясно различаю единственное слово "убей".

Убей, убей, убей...

— Убей, — выдыхаю, резко распахивая глаза и не сразу осознавая, где нахожусь: во сне или в реальности. Лишь полумрак возрождающегося утреннего света обрисовывает силуэты моей спальни, и я поворачиваю голову в сторону, надеясь увидеть Рэми и тут же наткнувшись на его профиль. Он лежит рядом со мной, в брюках и все в той же окровавленной рубашке, и стоит мне пошевелить пальцами, как я смогу прикоснуться к его руке, но я не двигаюсь, боясь потревожить его сон и упустить шанс. Шанс убить его, ведь пока я этого не сделаю, шепот не прекратится и не даст мне покоя. Я ненавижу его, всем сердцем, но ничего не могу поделать, четко следуя поставленной цели. Убить-убить-убить. Прокручиваю это в голове, внимательно разглядывая спящего Господина и прикусывая губы до крови. Во рту появляется привкус металла, и я открываю рот в немом крике, потому что отчаяние наступает внезапно, просто накатывает волной и заполняет сердце, разрывая его на части.

Я борюсь.

Борюсь с собой, вжимаясь затылком в подушку и зажмуривая глаза, словно это поможет мне избавиться от проклятого голоса, призывающего поторопиться. Господи, я не хочу, Рэми не заслуживает смерти, даже несмотря на то, что он сделал, и уж тем более не от моей руки. Могу ли я стать палачом, когда сердце обливается кровью от одной лишь мысли потерять его? Могу, оказывается, потому что я слабее шепота, потому что он берет надо мной контроль и вынуждает меня медленно-медленно запустить руку под матрац, где все это время был спрятан смертельный для Хозяина клинок.

Он ждал его.

Наверное, это просто, воспользоваться моментом и ввести его в сердце, но, как только холодный металл оказывается в руке, я словно каменею, поворачиваясь на бок и мечтая, чтобы Хозяин услышал мои крики — крики, что оседают на губах немим шепотом, призывая его открыть глаза и остановить меня. Ну же, черт побери, откройте глаза, прошу.

Но Господин не двигается, даже ресницы его не трепещут, и лишь глубокое спокойное дыхание указывает на то, что он вообще жив. Осторожно приподнимаюсь на локте и вглядываюсь в его умиротворенное красивое лицо. Он говорил, что его смерть принесет мне свободу, но сейчас, почти нависая над ним и чувствуя его близость каждой клеточкой тела, я отдала бы все на свете, чтобы он жил. Жил назло всем, и даже этому настырному шепоту. Его лицо расплывается перед глазами, когда я задерживаю дыхание, наполняя легкие воздухом, и, уже не сдерживая слез, встаю на колени.

Проснитесь, я умоляю.

Моя рука, перевязанная галстуком, болит, и я сжимаю рукоять кинжала двумя руками, чтобы сила удара смогла пробить грудную клетку Господина.

Проснитесь, я умоляю, потому что та, кому вы полностью доверяете, сдалась, хоть вы и верили в ее силу.

Поднимаю кинжал вверх, и вновь кричу: в никуда, не нарушая болезненной тишины, просто открывая губы и не произнося ни звука. Боль внутри меня концентрируется, густеет, а потом выливается в отчаянный рык, когда я, собравшись с силами, опускаю кинжал, который входит на удивление легко. Вселенная зависает, отражается в распахнутых от неожиданности глазах Рэми, в которых я успеваю заметить непонимание. То самое, что когда-то плескалось и в моих глазах тоже. Он, с кинжалом в груди, парализованный болью, не может поверить, что его наложница, его игрушка предала его и что это вообще случилось с нами.

Случилось, поэтому я кричу, громко, захлебываясь в рыданиях и протягивая к нему руки, потому что кто-то сильный и яростный обхватывает меня сзади и отбрасывает прочь, лишая возможности обнять Господина, разделить с ним боль и вымолить прощение. И пока я пытаюсь уцепиться за реальность, находясь в полуобморочном состоянии, шепот в голове затихает, проваливается в бездну, а потом и вовсе исчезает, оставляя после себя горький привкус победы — теперь я свободна, и он не властен надо мной.

Цена уплачена.

Реальность для меня перестает существовать, постепенно превращаясь во что-то гротескно болезненное, удушающее, наполненное холодом и вязкими запахами. Я с трудом понимаю, что происходит, полностью растворяясь в физических муках и душевных терзаниях, доставляющих не меньшую боль, чем изощренные пытки, которыми меня окутывают как только я попадаю в руки правосудия. Я обретаю свободу от шепота, но проваливаюсь в ловушку закона, угрызений совести и чувства вины, которые в совокупности превращают меня в ничто, пустую оболочку, расходный материал, приговоренный к смертной казни. Я жажду ее так же сильно, как и боюсь смерти, и, все чаще находясь в полубоморочном состоянии, тая от боли, вспоминаю Господина, убитого мною.

Он не позволил бы мне сломаться, не отдал бы на растерзание закона и уберег от жестокости, как делал не раз. Но это не тот случай. Потому что я убила его, убила, убила. Господи, разве я могла это сделать? Маленькая девочка из Изоляции, сумевшая сохранить свою душу даже в аду? Могла, и буду гореть в раскаянии до тех пор, пока мое сердце не остановится. Иногда, приходя в сознание и чувствуя невыносимую боль во всем теле, я стараюсь абстрагироваться от действительности и разговариваю с ним. Так, будто бы он жив, словно не было этого проклятого шепота, и мы все еще вдвоем. Мне даже кажется, я ощущаю прохладцу его губ, вижу его напряженно серьезное лицо, его проникновенно понимающий взгляд, читающий души, чувствую прикосновения его пальцев, очерчивающих мои саднящие от ран скулы. Он что-то шепчет, склоняясь к моему уху и лаская дыханием кожу, но я не могу уловить, его слова растворяются в густой тишине, пока отвратительный скрежет железной двери не вырывает меня из тумана.

Туман рассеивается, позволяя увидеть моих палачей, и при каждом их шаге меня все больше трясет, потому что их появление означает одно — боль, что они несут с собой. Их руки по локоть в крови, их бесстрастные лица — лица чудовищ, которые вырвались из моих кошмаров. Они подхватывают меня под руки и тащат за собой, чтобы сменить декорации: небольшая и мрачная камера, вдоль стен которой расположены столы с "инструментами" — так здесь называют пыточные принадлежности, многие из которых взяты из средневековья, стулом в центре и со свисающими цепями с потолка. Именно к ним меня приковывают, вновь раздирая в кровь едва успевшие затянуться тонкой пленкой запястья. Сквозь морок боли я едва различаю силуэты людей, обступивших меня. Их двое, и каждый из них играет свою роль: один причиняет боль, а второй задает вопросы, на которые я не знаю ответов, и вкальвает дозу адреналина, удерживающую меня на плаву. В такие моменты я мечтаю, чтобы мое сердце остановилось, потому что столько боли мне не унести.

— Даже не думай, — скрипучий голос раздражает слух, и я мотаю головой, когда хлесткие удары по щекам заставляют прийти в себя. Если честно, там, в темноте, было намного лучше. — Мы еще только начали, смотри, сколько всего интересного, — знаю, что сейчас мой палач улыбается, это слышно по вытянутым гласным, довольным ноткам, это виснет в воздухе тяжелым напряжением — я не хочу видеть то, что для меня приготовили. Я хочу уснуть, провалиться в надежный сон, где нет ни боли, ни раскаяния, ни воспоминаний. — Итак, девочка, меня интересует, откуда ты взяла оружие, и причастна ли ты к смерти Юджина Риверди? — С трудом концентрируюсь на словах, ощущая дикую усталость — оказывается, боль изматывает, особенно в таких дозах. Она стирает время,

пространство, путает сознание, и сейчас мне сложно собрать крупицы информации, чтобы понять, что вообще от меня хотят.

Господи, дай мне сил продержаться еще чуть-чуть, ведь этот мир, гнилой и жестокий, намного лучше пустоты, к которой я приближаюсь с каждым вдохом.

— Ну! — кричит палач, и я выгибаюсь, чувствуя жалящее прикосновение кнута, полоснувшего спину. С потрескавшихся губ слетает протяжный стон, и разъедающие кожу слезы скатываются по щекам, скапливаются на подбородке и капают на оголенную грудь, всю испещренную мелкими-мелкими порезами. Они, замаскированные иссиня-черными синяками, почти не видны, и не волнуют меня, на фоне других ран смотрясь настоящими пустяками. Все это ерунда, даже распухшая, побагровевшая нога, даже сломанные на руке пальцы, даже заплывшие от синяков глаза, которые я с трудом открываю и сквозь узкие щелки пытаюсь рассмотреть стоящего передо мной мужчину.

Он недопустимо красив и своими идеальными чертами будто насмехается над ущербностью этого места. Надо мной, изуродованной беспощадными пытками.

— Я не знаю, не помню. Не помню, я ничего не помню, — шепчу, словно в горячке, будто эти жалкие оправдания уберегут от агонии. Бесполезно, потому что один взмах рукой, и горячий удар вновь касается спины, чуть ли не отправляя меня в обморок. Только холодные пальцы, обхватившие подбородок, да настойчивый голос, повторяющий один и тот же вопрос: где я взяла оружие? — не дают отключиться.

Не знаю, я не знаю ответа на этот вопрос. И сейчас, мотая головой и пытаюсь освободиться от жесткой хватки, почти ломающей челюсть, я думаю о том, что лучше солгать, назвав имя Итана Нуаре, к примеру. Да хоть того же Тъери, Юджина или Санаи — девушки, когда-то жившей в соседней комнате. Какая разница, если они мертвы, по крайней мере Юджин точно.

— Откуда в тебе столько упрямства, малышка? Просто скажи, и все это, — он разводит руки в стороны и показывает взглядом на столы, — закончится. Тебя отпустят, и ты сможешь уйти отсюда.

Все ложь, обман, приторно сладкие обещания, от которых губы сводит — отсюда не выходят живыми, только не после такого преступления, ведь я замахнулась на самое святое в этом мире. При воспоминании о Господине внутри начинает жечь, и я громко всхлипываю, ясно представляя себе его лицо — в тот самый момент, когда он открыл глаза и понял... понял, что та, кому он доверил свой сон, предала его.

— Я предала его, — вновь всхлипываю, а терпение палача заканчивается. Его губы сжимаются в тонкую линию, и в глазах появляется хищный блеск, когда он поднимает руку и резко отпускает ее, подавая знак своему напарнику. Еще, еще и еще, пока дикая боль не разрывает меня на части, и я не проваливаюсь в густую тьму, из которой выныриваю только тогда, когда босых ног касается неприятно пронизывающий холод. От него стучат зубы, и все тело покрывается колючими мурашками. Мне даже кажется, что сама боль постепенно леденеет, наконец отступая и позволяя сделать глубокий вдох. Сердце отмирает, и я отчетливо чувствую как в вены врывается что-то горячее и живое, словно кто-то вдохнул в меня жизнь. Для чего только.

— Просыпайся, Джиллиан, — тихий голос проникает в сознание тягуче липкой патокой, и я встряхиваю головой, будто желая скинуть опутавшую разум иллюзию. Мне сложно поверить, что спустя столько времени, передо мной стоит что-то знакомое и родное. Родное потому, что когда-то давным давно, за пределами этой камеры, было частью моей

никчемной и жалкой жизни. — Приведите ее в чувство, — уже строже говорит Леви, и тут же обжигаяще ледяная вода вонзается в мое тело, в секунду возвращая в реальность. Я в ужасе распахиваю глаза и вытягиваюсь в тугую струну, не справившись с прошедшей по телу судорогой, превратившей мышцы в камень. — Выйдете все, — бросает он сухо и, дождавшись, когда охранники выйдут, переводит на меня тяжелый бездушный взгляд. Лучше бы в нем плескалась ненависть, которую я заслужила, потому что бесчувственность намного страшнее. — Не думал, что ты так долго продержишься, — Леви стоит прямо передо мной, смотря ровно в мои глаза и не спускаясь ниже — на измученное, уставшее от пыток тело, которое, отходя от холода, начинает дрожать. Лязг цепей слишком явственно режет по ушам, совершенно стирая наступившую после ухода палачей тишину, и я не выдерживаю напряжения, опуская голову и принимаясь разглядывать лужу подо мной. Она ярко-красная от воды и смешавшейся с ней крови.

Я тоже не ожидала, Леви.

— Видимо, они плохо стараются, — подытоживает он и наконец отступает, начиная двигаться вдоль столов и рассматривать лежащие на них предметы. Некоторые из них он берет в руки, подносит ближе к лицу и задумчиво кладет обратно. А мне каждый его шаг кажется настоящим испытанием, потому что я знаю, на что он способен ради своего Господина.

— Я не хотела, не хотела убивать его.

— Хватит, — обрывает меня Леви, резко разворачиваясь и даже вскидывая руку в останавливающем жесте. — Не передо мной ты должна оправдываться.

— Если бы у меня была возможность... я бы вымолила прощение у Господина, и не для того, чтобы избежать смерти, а для того, чтобы он знал: я не желала его смерти. Только не я, — пытаюсь встать на ноги, чтобы разгрузить затекшие и онемевшие уже руки, и совершенно забываю про сломанную ногу, которая тут же напоминает о себе острой болью. Она проходится по позвоночнику и замирает на губах протяжным стоном, она лишает меня последних сил, и я не нахожу ничего лучше, чем закрыть глаза и затихнуть. Кажется, от боли люди сходят с ума, интересно, я сойду тоже? И будто читая мои мысли, Леви произносит:

— Я бы мог заняться тобой, но, боюсь, ты не выдержишь и десяти минут. Сойдешь с ума от боли, а нам нужен чистый разум.

До меня не сразу доходят его слова, я словно проваливаюсь в вакуум и воспринимаю действительность в замедленной съемке. Она кружится вокруг меня и вызывает тошноту. Во рту скапливается слюна, и я часто-часто сглатываю, чтобы сдержать рвотные позывы и не опуститься в его глазах еще ниже. Наверное, мой вид и так вызывает отвращение: порванная и скатанная на талии майка, грязная, окровавленная; кровоподтеки и синяки; порезы; местами присохшая кровавая корочка, хоть как-то скрывающая раны.

— Нам? — спрашиваю я, едва шевеля губами и стараясь не упустить нить разговора.

— Да, нам, — Леви кивает, по-хищному осторожно подходя к двери и, пока я судорожно продумываю варианты развития событий, медленно открывает ее. Сначала я улыбаюсь, не веря собственным глазам, а потом смеюсь, смеюсь по-безумному громко, действительно напоминая умалишенную. Трещинки на губах лопаются от напряжения, и мне вновь больно, но я уже не могу остановиться, с каждой секундой все глубже увязая в диком смехе. От него даже грудная клетка сжимается, и сердце ускоряет ритм от нехватки кислорода.

Господин, вернувшийся с того света, чтобы забрать мою душу. Разве может быть что-то

больнее, чем знать, что он здесь ненадолго и скоро вернется на ту сторону? Без меня, конечно, потому что я не нужна ему больше.

— Оставь нас, Леви, — его голос ровен и тих, но тем не менее заставляет меня унять приступ истерии, только изредка глупые смешки портят почти идеальную картину. Передо мной призрак, всего лишь призрак — я должна помнить об этом. Тогда почему свежий древесный аромат перебивает запах собственного немытого тела и возрождает во мне слабую надежду, что Рэми мог выжить? Наперекор всему. — Ты вызываешь восхищение, Джиллиан. Почти, — дополняет он, точно так же, как и Леви минуту назад, подходя к столу. А я отчаянно цепляюсь за его образ, с каким-то ненормальным голодом вглядываясь в каждую черту: в идеально ровную осанку, расправленные плечи, черную ткань пиджака, обтянувшего подтянутый торс, гладко зачесанные назад волосы и даже запонки, сверкающие мрачным черным блеском, когда Хозяин берет одну из шуковин, напоминающую стальную грушу, и, поворачиваясь ко мне, показывает ее. Плевать, плевать на мертвое железо, потому что мой Господин жив. — Отличное орудие пытки, все же инквизиторы средневековья не были лишены фантазии, хоть и довольно-таки больной. Знаешь, для чего это? Хотя бы догадываешься? — Он пожимает одним плечом, как-то нелепо и нервно, словно ему противно говорить об этом, и показывает орудие в действии, поворачивая винт и раскрывая лопасти груши. — Ее вставляли в любое из отверстий в человеке и медленно, наслаждаясь реакцией жертвы, раскрывали. Особенно любопытно это применялось на женщинах. Я мог бы лично провести экскурс в историю, но не хочу обижать Вацлава, пожелавшего провести с тобой воспитательные работы. Уверен, ты будешь молить господу, чтобы твое сердце остановилось, потому что он приготовил для тебя нечто особенное. Ты так верна своей идее... — резко меняя тему, говорит Рэми, пока я стараюсь унять дрожь от одной лишь мысли о том, что со мной сделают, как только он уйдет. — Как ты думаешь? Люди, которым доверяешь, бьют больнее?

Это не вопрос — констатация факта, и он не ждет моего ответа, просто продолжает стоять в пол-оборота и смотреть на меня с неким холодным презрением, даже отвращением, будто ему неприятно видеть меня живой. Его лицо абсолютно непроницаемо, и я не могу прочесть ни одной эмоции, кроме тех, что плескаются в его взгляде.

— Простите меня, простите, простите, — всхлипываю, когда полностью справляюсь со смехом, но больше не могу произнести ни слова, потому что рыдания начинают душиТЬ. Обхватывают горло стальными тисками и душат-душат-душат, до ярких мушек перед глазами.

— Ты знаешь: я не прощаю предательства, — равнодушным тоном произносит Рэми и подходит ближе, позволяя увидеть свое бесстрастное лицо. — У меня мало времени, я просто хочу знать, кто. Кто передал тебе оружие.

— Я не знаю, правда, не знаю, как оно оказалось в моих руках, — беспомощно мотаю головой, забывая про боль, холод, безысходность, и просто плача. Я так хочу, чтобы он поверил мне и забрал отсюда, но от него веет безнадежной неприступностью. Он чужой теперь, а я не заслуживаю даже дышать с ним рядом.

— Сначала я думал, что мне встретился достойный противник. Его хитрость удивляла и, признаюсь, вызывала уважение. Его игра в прятки казалась настолько искусной, что я впервые засомневался в собственных силах. Но сейчас я понял, что он обыкновенный трус — сделать все руками глупой и слабой женщины, которая даже не знает, где находится сердце. Клинок прошел в нескольких дюймах от него, Джиллиан, — губы Рэми изгибаются в едва

заметной улыбке, а я благодарю Бога, что он уберег его от смерти. Улыбаюсь тоже, плача уже от счастья, неуместного, абсурдного счастья, потому что я не в том положении, чтобы радоваться.

Хозяин здесь не для того, чтобы спасти.

А чтобы применить внушение. Так ведь? То же самое произошло с Адель, прежде чем она навсегда исчезла.

— Вы могли применить внушение раньше, почему именно сейчас?

— Потому что я не мог лишиться себя удовольствия знать, что ты страдаешь, что каждая минута твоей жизни наполнена муками и агонией, что где-то там, лежа на холодном полу, в кромешной тьме, одинокая и никому не нужная, ты задыхаешься в страхе и молишь о смерти, которую заслужила, — слова Рэми — лед, они проникают под кожу, вмерзают в вены и вымораживают изнутри, превращая меня в застывшую статую.

— Вы не ошиблись, мой Господин, я страдала каждую минуту своей жизни, но не только от физической боли. Потому что я не хотела, слышите? — я не хотела убивать вас. Это не я. Я никогда бы не сделала этого. Поверьте мне.

— Что ты несешь? — Замечаю, как сжимаются его челюсти, как маска полнейшего безразличия дает трещину, заменяясь на что-то напоминающее раздражение. Словно своими словами я заставила его усомниться, хотя бы в моем состоянии. Быть может, он опоздал, и я уже сошла с ума.

— Я не хотела вас убивать, но должна была, потому что это и есть цель моей жалкой и никчемной жизни, — на последнем слове я срываюсь, обессиленно расслабляясь и позволяя боли завладеть сознанием. Перед глазами темнеет, и я не вижу, как Господин хмурится, сосредоточенно разглядывая мое изуродованное жестокостью лицо, как склоняет голову в бок, подходя ближе и не брезгуя мною, как с удивительной осторожностью запускает пальцы в спутанные, свалявшиеся в липкие пакли волосы, как заставляет меня поднять голову и утонуть в его тьме. Она убаюкивает меня, дарит облегчение и освобождает: от боли, страха, раскаяния, от всего того, что терзало меня все это время. Становится легко и просто, и я наслаждаюсь покоем ровно до тех пор, пока настойчивые вопросы не взрывают разум. Они выжигают его, превращают в пепел, и я не могу сдержать крик: душераздирающий, отчаянный, дикий.

Так кричат души перед самой смертью.

Это проходит так же внезапно, как начинается, и я, рвано дыша и до сих пор не понимая, что происходит, ошарашенно вглядываюсь в бледное лицо Рэми, отпустившего меня и сделавшего шаг назад. Мучительные секунды превращаются в вечность, а я думаю о том, что мне осталось совсем чуть-чуть, потому что люди не выживают после того, как их черепная коробка раскололась. Ведь она раскололась, да? И горячие ручейки теплой крови, стекающие по вискам и шее, результат этого. Склоняю голову, чтобы удостовериться в предположениях и ожидая увидеть кровь на плечах, но вместо этого различаю капли пота, скользящие вниз. Бог мой, какая же я дура, это всего лишь пот.

Вот только меня трясет от холода.

— Что со мной? — беспомощно шепчу я, кидая на Рэми полный растерянности взгляд, ведь я чувствовала, я уверена, что лишь мгновение назад мой мозг кипел в прямом смысле слова. Но он не отвечает, продолжая пристально смотреть на меня, будто ища подсказки, будто улавливая истину, скрытую в моем изможденном сознании. Даже боль отходит на второй план под его сканирующим взглядом.

— Это внушение, — в его тоне слышны ошеломленные нотки, но он тут же возвращает себе былую невозмутимость. — Завтра тебя ждет смертная казнь, — уже тверже говорит он, а я падаю, падаю глубоко в бездну, потому что это конец истории Джиллиан Холл. Вот и все, сейчас он уйдет, а я исчезну, как исчезали миллионы других до меня. Разве не этого я хотела?

— Прощайте, мой Господин, — обреченно произношу я, отчего-то не чувствуя ни обиды, ни жалости к себе, ни разочарования. Если честно, я ничего сейчас не чувствую. Мир не вечен, и моя жизнь... она изначально была неправильной, я должна была прожить ее по-другому.

Поздно.

С грустной улыбкой смотрю в спину Рэми, удаляющегося все дальше, и закрываю глаза, следуя его совету и моля Бога, чтобы мое сердце остановилось. Прямо сейчас, в эту самую секунду, когда пальцы Господина обхватывают ручку двери, и он готовится сделать шаг. Это так глупо, правда? Верить, что он будет помнить меня, даже когда пройдут года — ничто в его вечной и неизменной жизни.

Всего один шаг, закрытая дверь, пустота, которая вскоре наполнится моими криками. Но вместо этого его напряженная спина, сжавшие ручку двери пальцы, но так и не повернувшие ее. Я не замечаю того момента, когда он оказывается прямо передо мной, этот миг ускользает, не воспринимается моим разумом, поэтому я зажимаю глаза, не веря собственным ощущениям. Он рядом, близко-близко, он касается моей щеки холодными пальцами и ласкает испрещенную ссадинами шею, он с легкостью срывает цепи, так внезапно освобождая меня от плена, он зарывается в мои волосы ладонью и, склоняясь к губам, шепчет:

— Моя маленькая сильная девочка... Теперь я верю, что мертвецы воскресают. Ты просто оказалась в ненужное время и в ненужном месте. Все должно было быть иначе. Это не твоя вина, что ты стала *ma faiblesse* (моей слабостью).

Он дарит успокоение.

— А сейчас открой глаза. Я хочу видеть, как ты уходишь, хочу видеть как Джиллиан Холл умирает и обретает свободу.

Послушно открываю глаза, чувствуя едкую горечь, смешанную с благодарностью — он не отдаст меня Вацлаву, а убьет сам — и концентрируюсь на его глазах, черных, как сама ночь. Это почти не больно — умирать от его рук, потому что ему знакомо слово "милосердие". И пока он шепчет, в памяти всплывают картинки из прошлого: я, напуганная и потерянная, сижу на стуле, выслушивая речь Аруша; чужой дом в Венсене и погибающие мотыльки; смех Адель и ее прищуренные зеленые глаза; теплая улыбка Хелен и зеркала над головой в особняке Юджина; кровь, пропитавшая алые простыни; сильные руки Господина; аромат кофе; тетрадь с рисунками...

— Я дарю тебе шанс, — Рэми гладит меня по волосам, продолжая удерживать на весу, и целует в лоб невинным, отеческим поцелуем. Прохлада его губ остужает разгоряченную кожу, и я доверчиво прижимаюсь к нему, единственно в его объятиях чувствуя себя защищенной. — Шанс прожить ту жизнь, о которой ты мечтаешь. Помнишь? Ты будешь жить в маленькой, но уютной квартирке; ты выучишься в колледже, на учителя или преподавателя, к примеру, а в свободное от учебы время будешь подрабатывать в кафе. Ты познакомишься со стоящим парнем и родишь ему детей. Ты познаешь настоящую любовь, *ma petite*, и умрешь счастливой, оставив после себя приятные воспоминания. Ты проживешь

новую жизнь лучше, чем Джиллиан Холл, — он цитирует когда-то сказанные мною слова, все продолжая укачивать меня и насквозь пропитывая внушением. Моя грустная улыбка меняется на счастливо-блаженную, почти глупую, когда на языке чувствуется терпкий вкус тысячелетней крови, и я теряю себя, но только для того, чтобы обрести себя новую.

Спасибо...

Спустя четыре года...

Я едва успеваю зайти в кафе, поморщится от уже приевшегося звона колокольчика, и незаметно для миссис Аттал, которой, слава Богу, не оказывается в зале, прокрасться в подсобку. Сейчас ровно шесть вечера, и, приди я хоть на минуту позже, могла бы нарваться на ее недовольное бурчание. А так мне хватает тридцати секунд, чтобы сбросить с себя промокшую от сильного дождя куртку, поправить растрепавшиеся под капюшоном волосы, после стрижки всегда находящиеся в творческом беспорядке, может потому, что избавившись от тяжелых прядей и выбрав короткую, почти под мальчика стрижку, я лишила их всякого желания лежать спокойно. Несколько несложных манипуляций, и я превращаюсь в рядовую официантку, готовую принять вызов в виде рабочей смены до двенадцати. Потом меня ждет собственная двухкомнатная квартира, одиночество и мысли о том, что я будто бы нахожусь не на своем месте.

Словно этот мир не мой.

Словно вся моя жизнь — чей-то сценарий, которому я четко следую и боюсь оступиться.

Словно когда-то, давным давно, меня раскололи надвое и вторую мою половину спрятали как можно дальше или попросту убили. В принципе, такое состояние можно легко объяснить случившимися четыре года назад событиями: когда в страшной аварии я потеряла не только родителей, но еще и память, сохранившую в себе всю мою жизнь до ***-ти лет. ***-ть лет, черт побери, четверть жизненного пути, включающая в себя беззаботное детство и наверняка насыщенную юность — все это было стерто в одно мгновение, и я начала с нуля, нелепо стартанув в новый этап. Отчего-то мне верится, что я была счастлива, что родители, оставившие после себя счет в банке, любили меня до беспамятства и не хотели, чтобы я опускала руки.

Не опускаю, с отчаянным упрямством приближаясь к своей мечте — получить наконец диплом об образовании и разорвать всякие отношения с опостылевшим кафе.

— Слава Богу, ты не опоздала, — Латиф — моя лучшая подруга, с которой мы обычно стоим в смене, заходит в комнату и устало прислоняется к двери. Она выглядит несколько измотанной, но задорная улыбка, притаившаяся в пухлых губах, превращает ее в игривое солнышко. Не помню, чтобы она когда-нибудь жаловалась, плакала или была не в духе. Скорее на наш город обрушится огненный дождь, чем Латиф начнет ныть, хотя, учитывая ее довольно шаткое положение здесь и после смерти отца опеку над маленькой сестренкой, это вполне логично. — Впрочем, какая тебе разница, ведь скоро ты станешь частью семьи Аттал и возьмешь бразды правления в свои руки, — она заговорщически подмигивает мне, а я раздраженно фыркаю, кладя в карман фартука блокнот и ручку.

— С чего ты взяла?

— Потому что я видела, как Этьен смотрит на тебя. Поверь, я знаю толк в таких взглядах. А еще я видела вас вместе.

— Когда? Ох, черт, — закатываю глаза, прекрасно понимая, что она имеет в виду. На прошлой неделе он забрал меня с занятий, а потому великодушно доставил на работу. Чтобы отделаться от предстоящего разговора, показываю на часы и, дождавшись, когда она уйдет с дороги, выхожу в зал, встречающий меня запахами дешевого кофе, выпечки и моющих

средств.

— Просто скажи, он предлагал тебе заняться сексом? — Латиф, смеясь, шепчет мне на ухо, но тут же принимает серьезный вид, когда миссис Аггаль появляется в дверях своего рабочего кабинета и окидывает нас строгим взглядом. Даже через расстояние я чувствую ее недовольство, поэтому повожу плечом, избавляясь от настырной подруги, и принимаюсь за работу. Осталось немного, совсем чуть-чуть, несколько недель и свобода, которая ждет меня там, за этими стенами, увешанными безвкусными выцветшими картинами. Главное, набраться терпения, не перечить хозяйке и не опаздывать, что действительно с трудом удается — занятия в колледже заканчиваются около пяти, затем я бегу в библиотеку, заскакиваю домой и на всех парах мчусь на работу.

Ритм, в котором проходит моя жизнь, напоминает хаос, и я, если честно, порядком устала. Радует одно: времени на самокопание практически не остается, и вопросы, кем я была раньше, терзают только в минуты одиночества, когда я возвращаюсь домой, справляюсь с подготовкой к занятиям и ложусь в постель. Тьма обступает со всех сторон, и я, бесполезно пытаюсь уснуть, думаю о том, что прошлого для меня не существует, что в отличии от других, моя жизнь началась не с рождения, а с той самой секунды, когда я очнулась в больничной палате, лишь по сохранившимся документам узнав, что меня зовут Трейси Рид. Больше ничего, будто я упала с другой планеты.

Наверное, так оно и есть. Особенно легко в это поверить, когда все попытки узнать больше, заканчиваются провалом, потому что никто в этом проклятом городе, запечатанном в бетонные стены, не хочет заниматься пустяками в виде восстановления личности.

За бесконечной работой не замечаю, как смена переваливает за половину. Самый большой поток клиентов проходит до девяти — все это время мы без передышки обслуживаем посетителей, принимаем и разносим заказы, терпим грубость или же с благодарностью улыбаемся тем, кто оставляет чаевые. Впрочем, эти деньги все равно забираются, а любая попытка утаить левый доход приводит к куда большим потерям — удержанию части зарплаты, которая во много раз превышает возможный заработок чаевыми. Так что благодарная улыбка скорее реквизит фирмы, чем истинная радость. После девяти занудный колокольчик звенит реже, и мы успеваем привести зал в порядок: сделать влажную уборку, вымыть пол от весенней грязи и даже нарезать салфеток.

Также в затишье мы можем перекусить, и только я собираюсь это сделать, направляясь в сторону кухни, как проклятый колокольчик дает о себе знать, и Латиф тут же хватается меня за руку, привлекая внимание к своему вытянувшемуся то ли от удивления, то ли от восхищения лицу. Прослеживаю за ее взглядом и понимаю, в чем дело: зашедший только что мужчина, по-видимому, тоже упавший с другой планеты, либо попросту ошибшийся дверью. Такие, как он, не ходят в заведения подобные нашему. И пока секунды нашего замешательства парализуют тело, я успеваю рассмотреть его как следует: высокая и статная фигура; дорогой, просто до неприличия дорогой костюм благородного серого оттенка; темные, до плеч волосы, уложенные идеальнее идеального; привлекательное мужественное лицо; неспешные движения и ленивая грациозность. Но самое удивительное — его глаза, в тот момент, когда он переводит на нас свой взгляд. Они настолько черные и проникновенно цепкие, что я вспыхиваю от смущения, смешанного с каким-то инстинктивным страхом. Наверное, моя реакция связана с опасно демонической энергетикой, которая чувствуется интуитивно.

Становится не по себе, и я освобождаюсь от хватки Латиф, чтобы заняться хоть чем-то

и освободиться от этого пронизывающего взгляда.

— Бог мой, только посмотри, — шепчет она, даже не скрывая своего изумления. — Молю, пусть он сядет за мой столик, прошу-прошу-прошу, — Латиф складывает руки в молитвенном жесте и разочарованно выдыхает, когда мужчина, наконец перестав нас разглядывать, проходит именно в мою зону. — Черт, ну почему тебе все время везет?

— Ты можешь обслужить его, если хочешь. Мне не по себе от одного его взгляда, — едва слышно шепчу я, косясь в сторону посетителя, с королевской неторопливостью устраивающегося за столиком, лицом к нам. Он кладет одну руку на стол, начиная барабанить по нему пальцами, а вторую устраивает на бедре, наверняка ожидая, когда кто-нибудь из нас отойдет от шока и приступит наконец к работе.

— Я бы с удовольствием, но этот столик привязан к тебе, а ты знаешь, что будет, если эта карга узнает о подмене. Лучше передай ему мой номер телефона.

— Трейси, черт бы тебя побрал, так и будешь там стоять? — жесткий голос стоящего за стойкой Уилла, выполняющего обязанности бармена, придает смелости, и я, достав блокнот для записей и будто что-то ища в нем, подхожу к столику, ощущая как щеки заливают яркий румянец, а руки, держащие ручку и блокнот, начинают мелко дрожать.

— Добрый вечер, сэр, — даже голос меня подводит, и получается что-то унизительно жалкое, едва слышное. Прочищаю горло и уже более уверенно продолжаю: — Рады видеть вас в нашем кафе, — я смогла произнести приветствие, но до сих пор не могу посмотреть на него, действительно чувствуя себя не в своей тарелке. Наступившее молчание делает еще хуже, и я облизываю пересохшие губы, поправляя ворот словно сдавливающей грудь футболки. Нужно сделать глубокий вдох и успокоиться. Это всего лишь очередной клиент. — Выбрали что-нибудь? — спрашиваю, все продолжая смотреть вниз и прекрасно зная, что он даже меню не открывал.

— Двойной кофе, пожалуйста, простой, черный, — от его голоса мурашки по коже, и мне становится стыдно за свою реакцию, за то, что я никак не могу справиться с этой непонятной скованностью. Все же делаю глубокий вдох, наполняя легкие древесными нотками его парфюма, и поднимаю взгляд, встречаясь с его — изучающим. Он так пристально рассматривает меня, что я совершенно теряюсь, в смущении хлопая ресницами и все продолжая стоять на месте.

— Извините, — выдыхаю, наконец приходя в себя и разворачиваясь к стойке. Меня трясет, и, когда я беру налитую Уиллом чашку, металлическая ложечка дрожит заодно со мной, воспроизводя противный дребезжащий звук. Да что же это такое? Осторожно ставлю чашку на стол и стараюсь дышать ровно, чтобы, не дай бог, не выдать своего смутения, которое, впрочем, и так видно. — Ваше кофе, сэр, — облегченно выдыхаю, радуясь, что попытка закончена, и собираюсь уйти, как он останавливает меня одной лишь фразой:

— Спасибо, *ma petite*.

Ошарашенно замираю, поражаясь такой наглости, и упрямо сжимаю губы, напрочь забывая о только недавно сковывавшем меня стеснении.

— Я могу задать вам вопрос?

Его брови всего на мгновение взмывают вверх, на губах появляется едва заметная полуулыбка, и он кивает, откидываясь на спинку диванчика и ожидая моего вопроса. А он действительно хорош, хорош настолько, что кончики пальцев покалывает.

— Почему вы назвали меня "моей маленькой"? В будущем я учитель, учитель французского языка, — поясняю я, когда замечаю в его взгляде удивление. Он молчит,

наверняка не считая нужным ответить — его право. В конце концов, за годы работы здесь, меня называли и похуже. И дело даже не в том, что он так странно обратился ко мне, а в том, что это обращение пропитано какой-то подозрительно теплой нежностью, словно перед ним стоит не незнакомая девушка, а старинный друг, который был для него чем-то большим, чем просто прохожий.

— Простите, если обидел вас. Глупо получилось, — у него абсолютно невозмутимый вид, даже придраться не к чему, и я пожимаю плечами, искренне радуясь, что он заказал только кофе и через парочку минут уйдет отсюда. По крайней мере, я смогу успокоиться и продолжить работу, вот только сложно сосредоточиться, зная, что он где-то в зале и, вполне возможно, наблюдает за мной. Его навязчиво пристальное внимание будто преследует меня.

— Трейси, эй, Трес, он так смотрит на тебя, — подтверждая мои догадки, заговорщически шепчет Латиф и все-таки вынуждает меня взглянуть в его сторону. Наверное, заказанный им кофе уже давно остыл, а он даже не прикоснулся к нему, зря потратив деньги. Хотя его вряд ли волнует этот аспект, ведь судя по его костюму, он в них нужды не знает. — Словно хочет съесть вместо десерта. Я серьезно, поверь, я...

— ...Знаю толк в таких взглядах, — продолжаю за нее избитую фразу и передергиваю плечами, потому что от ее слов по спине проходит озноб. Не удивлюсь, если она окажется права, и наш таинственный посетитель какой-нибудь маньяк, выбирающий себе жертву, вернее, уже выбравший. — Наверное, стоит позвонить Этьену, не хочу возвращаться домой одна. Черт, — понимая, что выдала себя с головой, чертыхаюсь, а Латиф, конечно же, цепляется:

— Так значит, я права. Какой смысл скрываться?

— Не хочу, чтобы его мама смотрела на меня косо. Как только я получу диплом, сразу же уволюсь.

— Ты бы могла вообще не работать. Кажется, предки оставили тебе неплохой капитал.

— Который неумолимо заканчивается, помни, основные средства ушли на операцию и оплату учебы, — подытоживаю я, замечая в зале взметнувшуюся вверх руку. — Слава Богу, он уходит, — не могу скрыть радостную улыбку и, написав на листке стоимость заказа, нехотя подхожу к столику. Признаться, не обладай незнакомец такой гипнотической аурой, я бы была куда смелее, но, как только я оказываюсь в нескольких шагах от него, вновь теряю дар речи и превращаюсь в запуганную лань. — Будете расплачиваться наличными?

— Если можно, чеком.

У кого-то проблемы с наличными.

Киваю, молча наблюдая за тем, как он запускает руку во внутренний карман пиджака и достает чековую книжку с ручкой. Не могу ни обратить внимание на его пальцы, длинные, аристократически тонкие, с ухоженными ногтями и чистой кожей. На одном из них поблескивает изысканный перстень с черным прямоугольным камнем, наверняка дорогим, таким же, как и весь вид его обладателя. И пока я рассматриваю украшение, мужчина успевает написать сумму и поставить свою подпись. Он сгибает чек пополам и, протягивая мне, не отпускает, будто желая растянуть время. Кажется, даже мир останавливается, когда я, совершенно забывшись, заглядываю прямо в его глаза. Что-то далекое и неуловимое касается моего сердца, и я хмурюсь, ощущая нарастающее внутри волнение, этакий трепет, горячей лавой заполняющий душу. Лишь звонкий перелив колокольчика возвращают меня в действительность, и я забираю чек, на полном автомате кладя его в карман фартука и тут же разворачиваясь.

Нужно бежать, бежать как можно скорее, иначе я утону, сгину в его черных глазах и собьюсь с намеченного пути: колледж, семья, дети. Быстрым шагом достигаю стойки, прячась от изучающе пронзительного взгляда, и достаю чек, наконец разворачивая его и собираясь отдать Уиллу.

Вот только внутренности скручивает спазмом, и я будто ломаюсь, напоминая состоящую из деталей марионетку. Потому что эту подпись я ни с чем не спутаю.

— Трейси! Трейси! — сквозь плотный слой вакуума слышу встревоженный голос Латиф, она пытается остановить меня, когда я бросаюсь в подсобку и закрываю дверь, тут же подбегая к зеркалу. Дрожащими руками отгибаю ткань футболки, оголяя оставшийся после операции шрам, но не это сейчас интересует меня, и даже не мелкие шрамы по всему телу, наверняка оставшиеся после аварии, а выбитая на полукружии груди татуировка — отрывок прошлой жизни, который все это время не давал мне покоя и теперь ворвался в настоящее с приходом странного незнакомца. Это не может быть совпадением, но это может быть шансом — шансом узнать себя. — Трейси, открой дверь, что с тобой?

Слезы застилают глаза, и я сминаю чек, отбрасывая его в сторону и поправляя одежду. Дыхание срывается, и мне приходится зажмурить глаза, сосчитать до десяти и только потом рвануть к двери. Мне нужно успеть, успеть остановить его, пока он не ушел, мне нужно знать, кем я была четыре года назад.

— Где он? Где он, Латиф? — судорожно шепчу я, резко открывая дверь и почти впечатываюсь в нее. Скольжу по ее лицу безумным взглядом и хватаю за предплечья, с силой встряхивая. Ее лицо искажает болезненная гримаса, она пытается скинуть руки, но не может, сталкиваясь с моим решительным упрямством.

— Он ушел, только что, оставив вот это, — наконец, она, напуганная моим состоянием, отвечает и протягивает тетрадь, местами помятую, с истершейся зеленой обложкой. Но у меня нет времени смотреть ее, только не сейчас, когда он может исчезнуть, просто испариться, оставив после себя агонию неизвестности. Господи, я не прошу о многом, только бы он не успел далеко уйти. Прохладный сырой ветер остужает лицо, как только я выбегаю на улицу и смотрю по сторонам. Даже не знаю, куда бежать, и, следуя стойкому желанию докопаться до истины, бросаюсь направо. Добегаю до угла, но не вижу ни высокой фигуры, ни машины, на которой он мог бы приехать. Как такое возможно? Прошло всего несколько мгновений. Бегу назад, не чувствуя земли под ногами, но, по-видимому, опаздывая, потому что его нигде нет.

Нет.

И шанс узнать прошлое превратился в пепел.

Обреченно опускаю плечи, шумно дыша и обращая внимания на тетрадь в своих руках. Быть может, он за ней вернется? Быть может, это что-то важное для него... Открываю первую страницу и в свете фонарей, хмурясь, разглядываю портрет какой-то женщины, задумчиво грустной, теплой, нежной; молодой девушки с короткой, почти как у меня, стрижкой, ее образ кажется дерзким и вызывающим; маленького ребенка с милыми кудряшками и большими ясными глазами, в которых плескается сама душа. Слезы вновь подступают к горлу, потому что в ее чертах я нахожу что-то общее со мной, такое ощущение, что это и есть я, только в детстве. Растерянно переворачиваю следующую страницу и наталкиваюсь на портрет этого самого мужчины, затем на изображение красивой женщины, подозрительно сощурившей глаза, рисунки домов, пейзажи, и наконец, последнее, где изображена я, только с длинными волосами. Это явно работа другого автора, потому что она

выделяется из всех своим профессионализмом. Смотрю на себя другую: женственную, умиротворенную, покорно грустную, — с разъедающим непониманием и выпадаю из реальности, увязая в немислимых догадках, потому что это и есть мое прошлое, так ведь?

То, что спрятано глубоко в лабиринтах моей памяти, и то, что я обязана воссоздать.

И мне поможет написанный под моим портретом номер телефона и слова, превратившие хаос в четкую цель:

"Пришло время вспомнить, кому ты принадлежишь, Джиллиан Холл. Позвони мне.

Твой Дамиан Рэми.

Вызов принят.

Больше книг на сайте - Knigolub.net